

ВОЛК СЕВЕРА

ДУНКАН М. ГАМИЛЬТОН

Уже много поколений прошло с тех пор, как Северные земли видели героя, достойного этого звания. Многие заявляли об этом, но мало кто дожил до этого времени. Робкий, слабый и задиристый Вульфрик — самый маловероятный кандидат.

Случайная встреча с древним и таинственным предметом пробуждает в нем скрытый дар, и жизнь Вулфрика меняется. На фоне войны, трагедии и врага, чья ненависть к нему не знает границ, Вулфрику предстоит превратиться из маленького мальчика в Волка Севера. Это его история.

Волк Севера

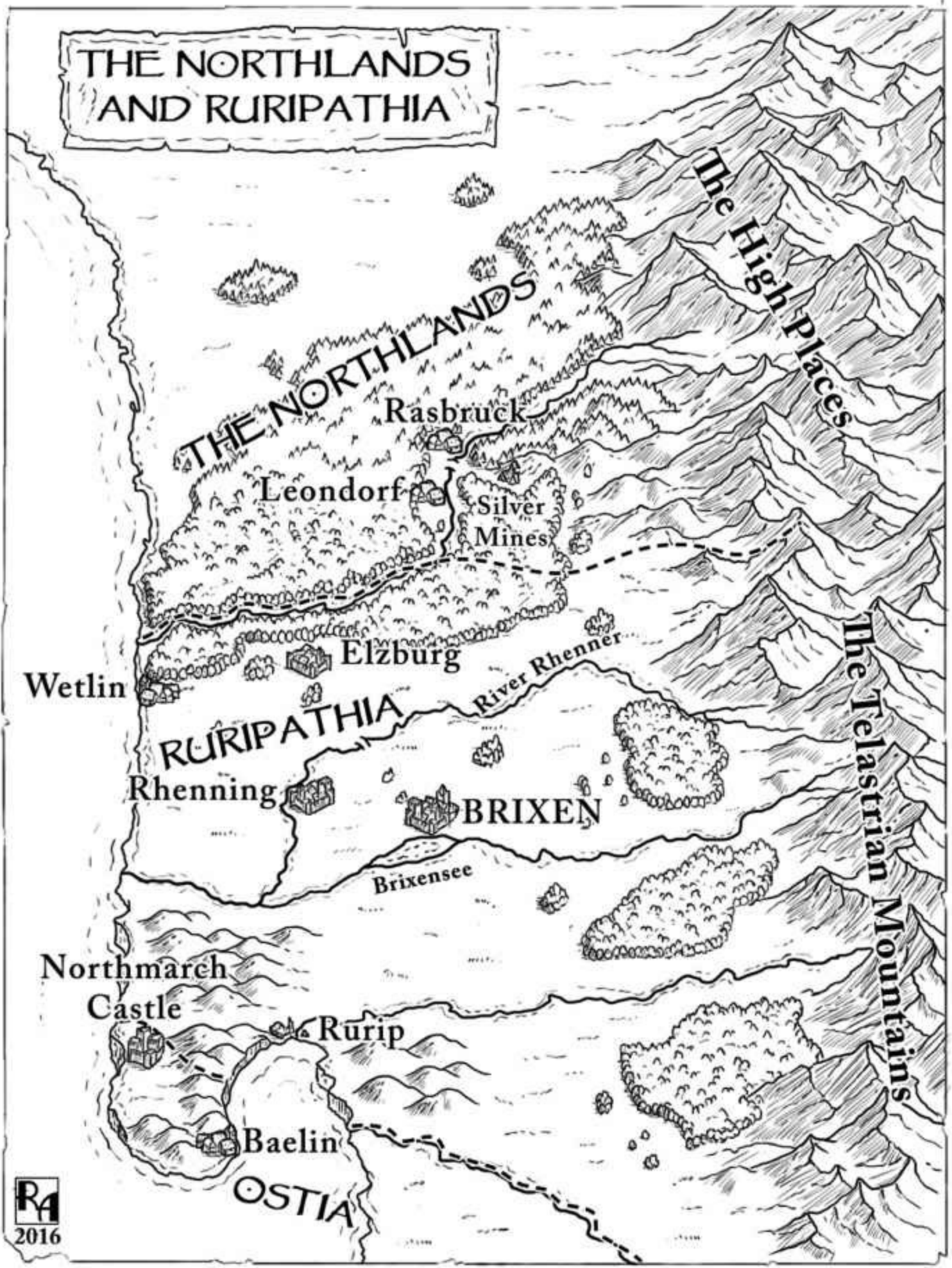
Волк Севера Книга 1

Дункан М. Гамильтон

Перевод: Колыжихин А. ака Kolyzh (апрель'2023)

-

THE NORTHLANDS AND RURIPTHIA

Толстые каменные стены и жаркий огонь не давали зимнему холоду и злобному ветру Нипара устоять на месте. Рассказчик приостановился, когда вошел в помещение трактира и глубоко вдохнул кислородный запах эля, переплетающийся с ароматом соснового дыма. Помещение обладало грубоватым, земляным шармом и гостеприимным уютом — две вещи, которые всегда искал Рассказчик. Он не знал, как долго пробудет здесь, поэтому тщательно выбирал место. Его друг наверняка успеет на встречу, но жители Нортленда никогда не были самыми внимательными хранителями времени.

Он сел на табурет у бара и почесал свою бороду, полностью седую, за исключением нескольких упрямых волосков, которые отказывались признать, что он уже не молод. Он помахал рукой бармену, занятому другими посетителями, и с удовольствием попробовал первый глоток прохладного горького эля. Однако это не могло заглушить дрожь возбуждения, которая билась в его груди. Это было чувство, которого он не испытывал уже очень, очень давно: предвкушение предстоящей схватки.

Прошло много лет с тех пор, как он отказался от меча ради истории, и ни разу не пожалел об этом. Только сейчас, когда случайная встреча перетащила события из далекого прошлого в настоящее, он заметил его отсутствие. Он снова возьмет в руки меч и будет сражаться со своим лучшим другом, прежде чем боги призовут его на покой. Эта мысль заставила его снова почувствовать себя человеком двадцати лет, седая борода или нет. Месть за его друга давно ждала своего часа, но с недавним открытием Рассказчика это ожидание почти подошло к концу.

Он позволил своим мыслям отвлечься на звуки потрескивающего огня, суету в трактире и голоса усталых мужчин, наслаждающихся заслуженной выпивкой. За такие места, как этот трактир, Рассказчик и полюбил Пограничье. Жизнь здесь была простой, вдали от придворных махинаций и постоянной борьбы за расположение сильных мира сего. Здесь не нужно было следить за своими словами или поддерживать светскую беседу. Мужчины говорили свое мнение и скорее ударят вас по лицу, чем воткнут нож в спину — освежающая перемена по сравнению с драматизмом благородных дворов. Именно поэтому он решил остановиться в деревенском трактире, а не в большом зале Графа на холме, где накануне вечером он рассказывал сказку. В трактире его никто не знал. Никто не стал бы просить его рассказать историю. Это был желанный отдых для его усталого голоса. А то, что эль был хорош, только способствовало его привязанности к этому месту.

"Я тебя знаю", — сказал голос.

Рассказчик закрыл глаза и помолился старым богам, чтобы голос был обращен к кому-то другому. Вот тебе и анонимность, подумал он.

Вы — Рассказчик. Я видел вас вчера вечером в зале Графа".

У вас есть преимущество передо мной, — сказал Рассказчик.

Меня зовут Конрадин. Лигмен и оружейный сержант графа Сифрида".

Надеюсь, вам понравился мой рассказ, — сказал Рассказчик.

Мне пришлось уйти, как раз когда вы начали, — сказал Конрадин, его лицо выражало разочарование. У меня были свои обязанности".

Жаль.

"Так и есть, милорд. Я с нетерпением ждал этого с тех пор, как услышал, что вы приедете ко двору графа Сифрида. Вы рассказали "Последний бой Дала Реннинга", не так ли? Об Ульфире Кровавом — избранном воине Йорундира — и его товарищах, сражающихся с южными дьяволами в Дарваросе".

"Значит, ты уже слышал об этом?" — спросил Рассказчик.

'Конечно', - сказал Конрадин. Я слышал все ваши истории, но никогда вы их не рассказывали".

То, что Конрадин использовал имя старого бога, поразило Рассказчика. Джорундир и старые боги были почти забыты в Рурипатии до того, как Рассказчик начал рассказывать свои истории. Теперь же все снова произносили это имя со знанием дела, впервые за почти тысячелетие. Рассказчику пришло в голову, что, возможно, его друг Вульфрик — Ульфир, как его называли все, кроме самых близких, — действительно был избран старым богом, и по очень простой причине. Слава Джорундира распространялась рука об руку со славой Вульфрика, и то, что когда-то было отодвинуто в тень, теперь снова оказалось на свету.

'Ты прав, — сказал Рассказчик. Я рассказал "Последний бой Дала Реннинга". Похоже она всем нравится". Он сказал это сдержанно, зная, что будет дальше, и надежды на спокойную трапезу угасли.

Я подумал, может быть, вы не откажетесь рассказать немного об этом здесь? сказал Конрадин. Я всегда хотел услышать ее из уст того, кто ее написал".

Рассказчик помрачнел и начал качать головой. Граф Сифрид заплатил мне сто крон за то, чтобы я рассказал эту историю...

Конрадин покраснел от смущения и разочарования. Он пожал плечами. 'Я всего лишь сержант...'

Это была самая большая слабость Рассказчика, желание развлекать и радовать, но это была и его сила, и именно поэтому он мог получить пятьсот крон за один ночной концерт, даже после трех десятилетий рассказывания одних и тех же историй. Ему нечем было заняться в ожидании, кроме как сидеть у огня, пить и дремать, а он еще не чувствовал себя достаточно старым, чтобы наслаждаться такими вещами. Единственное, что его беспокоило, это то, что времени может не хватить, а ничто так не разочаровывает, как наполовину рассказанная история.

Однако он работал над одной историей, которая объединит все предыдущие и даже больше в один великий эпос. Это будет его определяющая работа, и он счел нужным рассказать ее сейчас, пусть и незаконченную, ибо она была о человеке, которого он ждал. Вульфрик-Ульфир Кровавый, Волк Севера. Когда он придет, они вдвоем сотворят ее конец в крови, стали и пламени.

Я работал над чем-то новым, но это долгая история, — быстро сказал Рассказчик, приняв решение.

'Сейчас зима, ночь тоже длинная', - сказал Конрадин, его голос выражал надежду.

Справедливо. Пока мое горло остается влажным, я сомневаюсь, что у нас будут проблемы". В конце концов, он не мог выдать свою историю без раздумий, а рассказывание историй — работа, требующая жажды.

Конрадин улыбнулся, повернулся и поманил к себе людей, сидевших в пивной. Там, где раньше был только оружейный сержант, теперь собралось полдеревни. Рассказчик улыбнулся, польщенный тем, что его рассказ привлек внимание.

Если вы все готовы и у вас полные кружки, я начну. Мой новый рассказ называется

"Волк Севера"; это полная история легендарного воина, которого вы все знаете как Ульфира Кровавого, бича Белека, Драугара и Дракона, избранника Йорундира, с самого детства и до его последнего великого деяния. Вы услышите о его знаменитой группе воинов: Эндерлейне Великом Клинке, Вараде из Дарвароса и Яговере Скальде, а также о других, столь же храбрых, чьи имена были развеяны ветрами времени. Кое-что вы уже слышали, но ни одна живая душа не слышала всего этого, да еще в таком изложении".

Никто не шелохнулся. Все взгляды были устремлены на него. Рассказчику пришлось подавить улыбку, не желая отвлекаться от торжественности своего рассказа. Его кожу покалывало. Это был момент, который сделал все это стоящим; пьянящее предвкушение, надвигающаяся радость от хорошо рассказанной истории.

Эта история, как и многие другие, существует благодаря женщине и любви, которую испытывал к ней один человек...

Вульффрик с усилием вытащил меч из воды. Металл был холодным от пребывания в ледяной реке. Несмотря на то, что весна уже наступила, река спускалась с Высокогорья, где снег и лед никогда не таяли. Его пальцы онемели от прикосновения к холодной стали, и он изо всех сил старался не уронить ее. Лезвие было покрыто тонким слоем бурой ржавчины, которая на ощупь была зернистой, но он знал, что металл под ней все еще хороший. Кожа рукояти была цела — она недолго пробыла в воде. Он едва мог поднять его обеими руками, поэтому, таща его за собой, он попятился назад по берегу реки. Оказавшись на скользкой грязи у самой кромки воды, он остановился и позволил острию погрузиться в землю. Поддерживая меч одной рукой, он осторожно коснулся пальцем его острия. Оно все еще было острым.

Он еще несколько мгновений смотрел на меч, мысленно убеждаясь, что это действительно то, о чем он думает; он впервые держал в руках настоящий меч. Его никогда не подпускали к отцовскому мечу. Мечи стоили дорого, и он подумал, нельзя ли вернуть этот меч в первоначальное состояние и продать. Его мать сочла бы монету полезной, хотя отец презирал деньги. Его не интересовало ничего, что нельзя было завоевать умением и силой оружия. Деньги были уделом торговцев и хитрых купцов, которые проходили через деревню, приезжая из городов на юге, чтобы продать свои товары. Для воина это было ниже презрения, даже если иногда это было необходимо. Даже ржавый, меч притягивал Вульффрика. Воина редко можно было увидеть без меча. У лучших из них были имена и рассказы о великих делах. Вульффрик подумал, не может ли этот меч быть одним из таких. Может быть, мать разрешит ему оставить его у себя?

Он посмотрел в сторону от меча и пошел вдоль берега реки, чтобы увидеть, нет ли там еще чего-нибудь ценного. Река была неширокой; если очень постараться, можно было перебросить камень на другой берег. Вода была еще слишком холодной, чтобы переходить ее вброд, но ниже по течению был шаткий деревянный мост, по которому можно было перебраться, если он заметит что-то стоящее внимания.

Должно быть, там, выше по реке, была битва, подумал Вульффрик. Он не мог поверить, что кто-то мог быть настолько беспечен, чтобы потерять такое прекрасное оружие. Его теория подтвердилась, когда он увидел раздувшийся труп, зацепившийся за куст на другом берегу. Он плавно покачивался на воде, которая текла мимо него. Вульффрик почувствовал, как у него забурчало в животе, когда его сознание дорисовало детали, которые не мог разобрать глаз. Меч, вероятно, принадлежал тому человеку, кем бы он ни был. Вульффрика охватила паника. Что, если убитый воин превратился в драугра и захочет вернуть свой меч? Он уставился на тело, но не увидел никаких признаков фоксфайра. Жрец Этельман говорил, что драугр и фоксфайр всегда ходят вместе. Тем не менее, его желание сохранить меч сильно уменьшилось. Просто держа его в руках, он почувствовал тошноту в желудке.

'Что у тебя там, толстяк?'

Вульффрик испуганно вскочил. Сначала он подумал, что голос исходит от тела, но он раздался у него за спиной. Однако этот факт не уменьшил его страха, потому что он хорошо узнал голос и знал, что он означает. Родульф и трое его дружков, Рорик, Хелфрик и Вальмер, стояли в нескольких шагах от него. Все они были воинами-учениками и считали, что могут делать все, что им заблагорассудится. По большей части они были правы.

'Ну что? В чем дело, толстяк?' сказал Родульф, присев перед ним на корточки.

'Это меч', - сказал Вульфрик, его глаза едва доставали до подбородка Родульфа.

"Что такой жирный маленький засранец, вроде тебя, делает с мечом? Родульф пристально смотрел на Вульфрика, его глаза были как темные угли на фоне бледного, угловатого лица и песочных волос.

'Нашел его', - сказал Вульфрик.

Отдай его. Родульф протянул руку, стоя с уверенностью, что их четверо, а Вульфрик — один.

Вульфрик подумал о том, чтобы бросить им вызов. Его отец мог презирать деньги, но мать — нет, и отец был совершенно счастлив наслаждаться приятными вещами, которые она покупала на них, когда могла. Она могла бы продать меч за хорошую цену, на которую можно было бы купить прекрасные ткани и пряности с юга. Если бы он передал его, мать Родульфа сделала бы это, а его семья наслаждалась бы удачей Вульфрика. Он знал, что так или иначе вернется домой без меча, но что-то шевелилось внутри него. Оно не позволяло ему отдать его Родульфу.

'Отдай меч. Сейчас же!' сказал Родульф.

Вульфрик знал, чем обернется его неповиновение, но ничего не мог с собой поделаться. Он бросил меч обратно в реку с такой силой, на какую только были способны его хрупкие руки. Он был гораздо тяжелее камня, но он вложил в этот бросок больше, чем когда-либо прежде; все унции гнева, разочарования и бессилия, которые он чувствовал в этот момент. Он плюхнулся в воду — ледяную воду — почти точно посередине реки.

'Какой меч?' сказал Вульфрик, испытывая такое чувство удовлетворения, что побои, которые ему предстояло получить, почти оправдали себя.

Вульфрик! Вульфрик! Смотри, что я нашла!" Адальхаид подбежала к Вульфрику, который сидел у дерева на поляне рядом с деревней, и опустилась рядом с ним. Его лицо болело, как и многие части тела. Он понял, что его темные светлые волосы слиплись от крови после предыдущей встречи с Родульфом у реки, и попытался убрать их, пока она не заметила. Эта попытка только привлекла ее внимание. Она нахмурилась и осторожно коснулась его лица кончиками пальцев. Оно было опухшим и горячим. От отека кожа натянулась, и он понял, что, должно быть, выглядит отвратительно, но ее прикосновение, казалось, немного успокоило его.

Ты в порядке?

Вульфрик кивнул. "Выглядит хуже, чем есть". На самом деле он понятия не имел, как это выглядит, и это была агония.

Ты уверен? Она одарила его страдальческой улыбкой.

Он снова кивнул.

Она протянула голубой цветок, который резко контрастировал с ее медными волосами. Для Вульфрика он ничего не значил, но Адальхаид, похоже, считала его чем-то особенным, и

он был рад, что хоть что-то отвлечет его от ран.

Это первый в году, — сказала она. Она внимательно изучала его, ее зеленые глаза сузились. Это значит, что весна действительно наступила".

Он не обращал внимания на ее слова — боль слишком мешала ему сосредоточиться, но ему нравилось слушать ее голос, когда она была чем-то взволнована. Он наблюдал за тем, как солнце сверкает на ее медных волосах, а ее нос задирается, когда она изучает цветок, и позволял своим заботам улетучиться. Находясь в ее обществе, он забывал обо всем остальном: о том, как болело его лицо, когда он забывал не улыбаться, как синяки, покрывавшие его тело, пронизывали его толчками боли каждый раз, когда он ударялся об один из них. Она была его убежищем, его счастьем, и так было всегда, сколько он себя помнил.

На полянах и пастбищах вокруг деревни уже не осталось снега. Бурая трава снова начала приобретать зеленый оттенок после того, как всю зиму была покрыта снегом, и солнце высушило землю в том месте, где они сидели. Сидя с Адалхаид на этом сухом участке травы под теплыми солнечными лучами, он действительно мог поверить, что всех его проблем не существует. Он почти забыл о стыде за возвращение домой без меча, о надежде, что мать не заметит порезов и синяков, что она не расскажет отцу, что его избili другие мальчишки. И снова.

Единственным утешением для него было то, что они тоже не получили меча. Может, они и были храбрыми, когда противостояли ему, четверо из них, пока он был один, но ни один не был достаточно храбр, чтобы войти в ледяную воду и достать меч. Пока Вульфрик лежал на берегу реки, залечивая недавно полученные раны, он наблюдал, как они спорили между собой, кто из них достанет меч. Родульф пытался уговорить остальных, хотя они знали, что он возьмет его, сказав всем, что нашел его, что вытащил из ледяной воды.

Родульф обвинял их в трусости, слабости и множестве других имен, которые могли бы опозорить любого воина или любого, кто хотел бы им стать, когда они отказывались выполнить его приказ. Однако никогда не возникало сомнений в том, что именно он решится войти в воду.

Вульфрик вытеснил воспоминания и стыд из своих мыслей. Счастье того момента с Адалхаидом было омрачено знанием, что в конце концов им придется вернуться в деревню, где были другие мальчишки, но он мог не позволить им испортить это, что он и сделал.

'Кто такой Вульфрик?' — спросил кто-то из собравшихся.

'Он знаменитый воин?' — спросил другой.

'Заткнись!' сказал Конрадин. 'Не перебивай'.

'Все в порядке.' Рассказчик поднял руку, чтобы успокоить Конрадина. Вульфрик — это мальчик, который вырос в человека, которого вы все знаете как Ульфира. Однако большинство из вас впервые слышат, чтобы его так называли".

'Это не может быть правдой', - сказал кто-то. Никто не может победить Ульфира в поединке".

Рассказчик улыбнулся. 'И он родился в полный рост с мечом в руке и писающий огнем',

- сказал он, его богатый, звучный голос возвысился до бурных раскатов.

Все засмеялись. За то короткое время, что прошло с тех пор, как Рассказчик начал рассказывать свою историю, группа увеличилась. Судя по виду, он решил, что здесь собралась почти вся деревня, все, кроме тех, кто улегся в свои постели.

Не забывайте, что тогда он еще не был Ульфиром, он был просто Вулфриком, молодым парнем, пытавшимся найти свой путь в этом мире. Эта история начинается в самом начале и заканчивается в самом конце. Если начало истории не является дерзким, это не значит, что оно таким и останется...".

Наконец настал час, когда Вулфрик и Адалхайд больше не могли оставаться в своем маленьком уголке солнечного света. Солнце было низко в небе, и тепло, которое оно давало раньше, исчезло. Они оба дрожали, пока шли обратно к своим домам. Их деревня, Леондорф, представляла собой скопление деревянных и каменных строений с соломенными крышами, окруженных земляной насыпью и деревянным частоколом. Воины, охранявшие ворота, все узнали Вулфрика и заметили его синяки и порезы. Проходить под их взглядами было унижительно.

Вульффрик боялся возвращаться домой, зная, что мать будет суетиться вокруг него, как из заботы о его ранах, так и из желания поднять ему настроение. Он ценил это, но ему не нравилось внимание.

Внимание матери — это одно. Разочарование со стороны отца — совсем другое. Вольфрам Сильная Рука. Он был бичом всего, чего боялись обычные люди. Он отбрасывал тень, которая затмевала все вокруг. Ожидания, которые он возлагал на Вульффрика, были больше, чем он когда-либо мог надеяться оправдать. Оно было огромным.

Вулфрик поднялся по деревянным ступеням к своему дому и заколебался, прежде чем открыть дверь. Бросив последний взгляд через плечо, он увидел Адалхайд, наблюдавшую за ним из дверей своего дома, расположенного несколькими домами выше по грязной дорожке. Он видел, как она улыбнулась ему и помахала рукой. Он улыбнулся в ответ; ему захотелось, чтобы он мог остаться с ней у дерева навсегда. Он шагнул внутрь.

На руке у него был порез от удара Родульфа палкой. За день она сильно чесалась, а теперь была горячей на ощупь и гораздо более болезненной, чем тогда, когда это случилось. Было множество других синяков и болячек, и он знал, насколько опухло его лицо. Он потирал его, пока шел по дому, надеясь добраться до своей маленькой комнаты до того, как мать посмотрит на него как следует.

"Ужин почти готов. Где ты был?" — спросила его мать, не отрываясь от своего занятия.

Я был на поляне. Адалхайд сказала, чтобы я передал тебе это". Он протянул синий цветок, который сорвала Адалхайд.

Его мать посмотрела на него и взяла его, ее глаза расширились, когда она увидела его лицо и разрыв на рукаве.

Что случилось?" — спросила она.

"Я упал".

Она взяла его за подбородок и повернула его лицо к свету, рассматривая его со смесью гнева и беспокойства. Сколько раз ты упал?" — спросила она. "Это опять были те мальчики, не так ли?"

Он ненавидел лгать своей матери. Еще больше он ненавидел разочаровывать ее. Как только она узнает, его отец узнает, и его позор будет полным. Это было больнее, чем все удары, нанесенные мальчиками. Он кивнул.

Закончив осматривать его лицо, она задрала рукав и скорчила гримасу, глядя на рану на его предплечье. В этот момент дверь открылась, и в дом вошел его отец.

Вольфрам, сходи за священником, — сказала она.

Отец вытащил меч из ножен и повесил его за перекрестье на деревянные крючки на стене. Убедившись, что он надежно закреплен, он начал снимать пояс с мечом. "Зачем?" —

сказал он.

У Вульфрика порез. Я думаю, это плохо".

Вольфрам вздохнул. "Что случилось на этот раз?

Его мать покачала головой.

'Я приведу Вульфрика к нему утром, Френа'. Вольфрам прошел к своему креслу у камина, не удосужившись осмотреть раны Вульфрика.

'Ты сейчас же позовешь священника. У Вульфи к утру может начаться лихорадка, если все пойдет плохо. Ты — первый воин деревни. Священник приходит к нам. Мы к нему не ходим".

Вульфрик сморщился. Он ненавидел, когда мать называла его "Вульфи".

'Ты не дашь мне покоя, пока я не приведу его, не так ли?' сказал Вольфрам.

'И ужина не будет', - сказала Френа.

Вольфрам застонал и поднялся на ноги. Он был похож на гору с длинными волосами, такими светлыми, что они казались почти белыми. Несмотря на отсутствие бороды, он никогда не был чисто выбрит, и темная щетина сильно контрастировала с его волосами. Он возвышался над Вульфриком, и на его теле не было ни капли жира, в то время как на теле Вульфрика не было ни капли мышц. Он не мог быть более непохожим на своего отца, и он знал, что это было постоянным источником разочарования. Некоторые даже шептались, что Вульфрик не его сын, что кто-то другой пробрался в постель его матери без ведома отца.

Вульфрик знал об этих пересудах, потому что однажды увидел, как его отец избивает до потери сознания человека возле Большого зала в центре деревни. Когда он спросил кого-нибудь, за что, ему ответили, что тот человек сказал, что никто не говорит плохо о Вольфраме, не убедившись сам, почему его называют "Сильной рукой". Именно поэтому он был первым воином деревни; самым храбрым, самым искусным, самым страшным. Оскорблять его было поступком человека, которого больше не заботила жизнь.

Старые кости Ричля болели, когда он сидел на ветке большого дерева с видом на деревню Леондорф, завернувшись в сырой, потрепанный плащ, чтобы хоть немного согреться. Все, что у него было, отсырело. В лесу невозможно было сохранить что-либо сухим. Даже его седые волосы прилипли к коже. Однако ему не нужно было особо беспокоиться о своей внешности, поскольку он был невидим для воинов, которые несли вахту — этот трюк он обнаружил, когда столкнулся со стаей голодных волков много лет назад, в то время, когда он понятия не имел, где и кто он такой.

Его память состояла из размытых образов. Чтобы прояснить ситуацию, требовалась огромная концентрация или какой-то вид, звук или запах. Как и в случае с волками, когда он впервые увидел священника, он пережил один из таких моментов. Когда он увидел его впервые за много лет.

Он наблюдал за священником, когда тот шел через площадь перед его кирхой. Он пытался сопоставить старое лицо с изображением молодого человека по имени Этельман, которое хранилось в его памяти. Инстинкт подсказывал ему, что это одно и то же, но голос в его голове призывал к осторожности. Слишком велик был приз, чтобы ошибиться.

С тех пор как вернулись воспоминания, его сны преследовал один конкретный образ. Образ камня. Камень. Не больше его кулака, покрытый странными знаками, он обещал все тому, кто им владеет. Мог ли он быть у этого потрепанного, ничем не примечательного священника, пробирающегося через деревню? Как он мог жить так скромно, если это так? Надеяться на это было слишком сложно, поэтому Ричль продолжал наблюдать, инстинкт подсказывал ему, что он находится в нужном месте, а разум требовал осторожности.

Жрец Этельман был странным на вид человеком. У него было узкое, скуластое лицо с ушами, которые казались слишком большими для его лысой головы. Единственными волосами на ней были две темные кустистые брови, которые оживленно двигались каждый раз, когда он менял выражение лица.

Опять упал?" — спросил он, закатывая рукав Вульфрика, пока Френа наблюдала за ним. Вульфрик кивнул головой, одновременно пытаясь придумать какие-нибудь интересные вопросы для священника. Этельман знал все, и Вульфрику нравилось, когда у него была возможность пораскинуть мозгами. Но был один вопрос, на который он хотел бы знать ответ, но сколько бы он ни спрашивал, Этельман улыбался и качал головой.

'Этот мальчик, Родульф', - сказал Этельман. Полагаю, споткнувшись о него, ты упал?

Вульфрик ничего не ответил, стыдясь того, что еще один человек знает, как легко Родульф мог его победить.

Ты прав, — сказал Этельман Френе. 'Все идет плохо. К утру мальчик будет в лихорадке. У тебя хороший глаз на такие вещи'.

Лицо его матери покраснелось от гордости. Священник всегда умел заставить людей чувствовать себя спокойно.

Он провел рукой по порезу на руке Вульфрика и сделал паузу. "Сегодня у тебя нет ко мне вопросов?" — сказал он.

Только один, — сказал Вульфрик.

"Дай угадаю..."

Вульфрик почувствовал, как его рука похолодела. Рука священника лежала над раной, не касаясь ее, но Вульфрик чувствовал покалывание кожи под ней.

'Как ты это делаешь?' спросил Вульфрик.

Сначала Этельман не ответил. Он уставился на руку Вульфрика, держа руку неподвижно над раной. Казалось, что его мысли были совсем в другом месте. Через мгновение он глубоко вздохнул, и на мгновение на его лице появилось выражение крайней усталости, но оно быстро прошло.

"Это, мой юный друг, должны знать боги, а ты должен быть благодарен за это".

Это был более серьезный ответ, чем он обычно давал. Вульфрик посмотрел на рану. Если раньше она была красной и воспаленной, то теперь выглядела так, словно ей было несколько дней; краснота сошла до мягкого розового цвета, а порез полностью закрылся.

Теперь все чисто, — сказал Этельман, снова обращаясь к матери Вульфрика. И уже заживает". Он снова повернулся к Вульфрику. 'Тебе нужно быть осторожнее'.

Вольфрам презрительно хмыкнул со своего места у огня. 'Ему нужна не забота'.

Эти слова резанули Вульффрика больнее, чем палка.

'Что я могу с этим поделаться, Френа?' сказал Вольфрам.

Стены в их доме были тонкими, и, хотя звук был приглушен, Вульффрик мог разобрать большую часть того, что говорили его родители из его кровати. Они думали, что он спит, но оставшиеся раны болели при каждом движении, и он по опыту знал, что вряд ли сможет долго спать этой ночью. Вместо этого ему придется мучиться от разговора родителей, а также от ран, которые нанесли Родульф и его друзья.

Ты можешь поговорить с отцом мальчика, — сказала Френа.

Отец мальчика — купец. Я не собираюсь с ним разговаривать. Он торгует бесполезными безделушками, а его сын может побить моего. Снова и снова. Позор будет слишком велик. В любом случае, он — ученик воина, а Вульффрик — нет. Тут мало что можно сделать".

Его сын на два года старше, — сказала Френа.

'Это не должно иметь значения. Их кровь слаба. Наша — сильная. Вульффрику придется научиться заботиться о себе самому. Плохо, что он до сих пор не приступил к обучению. Ему четырнадцать, ради Джорундира. Он уже два года должен был проходить обучение. Я бы заставил его пройти отбор в прошлом году, если бы думал, что смогу справиться с позором, когда его отвергнут. Я бы предпочел, чтобы его били каждый день, чем терпеть унижение от того, что приходится умолять этого человека, чтобы его сын перестал бить моего. Это позорит тебя, меня и весь мой род до самого его начала, когда боги еще ходили по этой земле. И мальчика тоже; лучше быть побежденным в битве, чем умолять врага оставить тебя в покое".

'Говорят, что Родульф когда-нибудь станет Первым Воином'.

'Задница моя! Единственный, кто так говорит, это его отец и, возможно, один или два его лизоблюда. Он может заплатить за обучение Родульфа воину, но не может заплатить за то, чтобы он им стал. Парень должен пройти испытания, как и все остальные. Если он сможет, то заслужит это. Но я сомневаюсь в этом; никто из этой семьи никогда не был воином. Даже если он станет, он никогда не возглавит эту деревню, помани мое слово. Первый Воин ведет за собой вдохновением, а не запугиванием и устрашением".

'Но он не заступится за своего сына? Когда-нибудь Вульфи избыют так сильно, что он останется калекой на всю жизнь. Что ты тогда сделаешь?'

'Хватит. Я иду спать".

Вульффрик почувствовал боль в груди, не связанную с избиением, и попытался сделать то же самое.

Рассказчик сделал паузу, чтобы выпить. Он воспользовался коротким перерывом, чтобы внимательно осмотреть свою аудиторию. Их реакция была именно такой, какую он искал. Широкие глаза, открытые рты. Они были заморожены.

Он сделал глубокий вдох и уже собирался продолжить, когда тишину нарушил голос из толпы.

"Откуда ты знаешь, что они сказали?" — спросил мальчик, слишком маленький, чтобы подняться со своей кровати в этот час. 'Тебя там не было'.

Рассказчик увидел, как лицо Конрадина исказилось от раздражения. Рассказчика это не беспокоило. Иногда было полезно дать истории отдышаться, сделать паузу, чтобы слушатели могли переварить услышанное и обдумать предстоящее.

'Вы правы, — сказал он. Меня там не было, но я сделал делом своей жизни выяснение всех деталей и фактов о тех историях, которые я рассказываю. То, что я не могу узнать наверняка, обычно можно домыслить. Не забывайте, что история — это всего лишь история...".

Почему бы тебе не взять Вульфрика с собой? сказала Френа.

Вольфрам неловко пошевелился. 'Я предпочитаю охотиться один'.

Все остальные мальчики ходят на охоту со своими отцами. Может быть, это то, что ему нужно".

Вольфрам хмыкнул. Я не люблю, когда кто-то меня тормозит. В деревне достаточно мало воинов, которых я мог бы взять с собой".

'Но ни один из них не твой сын'.

Вольфрам посмотрел на Френу и понял, что у него нет выбора в этом вопросе. Хорошо, но если его загрызет кабан, это будет на твоей совести. Не зря я не брал его с собой раньше; это может быть опасно".

'Так же как и получать побои каждый день'.

Вольфрам знал, что он не успокоится, пока не согласится. 'Собери его вещи. Я отведу его".

Вольфрам повел их прочь от соломенных крыш и дымящихся труб деревни к Высоким Горам. Их скалистые, покрытые снегом вершины доминировали над восточным горизонтом и становились все больше, пока они ехали. Вульфрик все чаще ерзал на своем седле. Он проводил в седле не так много времени, как другие мальчики, и уже через пару часов внутренняя поверхность его бедер начинала натирать. Мужчины Северных земель, особенно

те, в ком текла кровь воинов, были рождены для седла и должны были чувствовать себя в нем так же комфортно, как и вне его, но Вульфрик делал то, что от него ожидали, и не более того.

Это не означало, что Вульфрик был плохим наездником, просто его тело было не настолько закалено к длительному пребыванию верхом, как следовало бы. Тем не менее, он не мог жаловаться. Он подслушал разговор отца с матерью и знал, с какой неохотой тот брал Вульфрика с собой. Этого следовало ожидать, но, по крайней мере, у него будет возможность доказать, что отец не прав. Как он это сделает, было совершенно другим вопросом.

Видишь вон ту вершину, — сказал Вольфрам, указывая на ту, которая выделялась на фоне остальных.

Вульфрик кивнул.

Справа — долина, где стоит скала Джорундира. Туда ты отправишься, чтобы стать воином".

Вульфрик смотрел на вершину, на которую указывал отец, пока они ехали. Она казалась такой далекой. Ты ездил туда?

Да. Я и другие юноши, которые должны были стать воинами. Снег там никогда не тает. Я никогда не забуду этот холод". Он усмехнулся при воспоминании.

'Путешествие трудное?'

Очень, — сказал его отец. Двенадцать из нас отправились в путь. Вернулись только восемь. Джорундир не разрешает вступать в ряды воинов тем, кто слишком слаб духом или телом. Те, кто недостаточно силен, чтобы совершить паломничество, подведут своих товарищей на поле боя. На Скале сидит Джорундир со своим волком Ульфиром, они выносят приговор павшим воинам и решают, достойны ли они присоединиться к его воинству, чтобы охотиться на белеков и сражаться с драугарами".

'Он там?' сказал Вульфрик.

Вольфрам улыбнулся. Да, но не для глаз живых. Но не обманывайся. Он наблюдает. Он всегда наблюдает. Убеждается, что знает, кто храбрый и достойный".

Дальше они шли молча, и Вульфрик остался размышлять над словами отца. Он уставился на вершину и почувствовал, как дрожь пробежала по его коже. Она стояла там, возвышаясь над горизонтом, величественная и грозная.

Был уже почти полдень, когда Вольфрам велел ему сойти с коня. Они уже некоторое время пробирались по лесным тропам, оставив далеко позади расчищенные поляны и пастбища, и, похоже, отец заметил что-то примечательное.

Вольфрам опустился на колени у потревоженного участка листвы и осторожно провел по нему рукой. Смотри сюда, — сказал он. Это следы кабана. Здесь был глухарь. Пять или шесть, я бы сказал. Один большой. Не так давно".

Вульфрик посмотрел через плечо отца, но не смог понять, о чем тот говорит. Да, земля была потревожена, но как кто-то мог извлечь из нее больше информации, чем это, он не понимал. Словно прочитав его мысли, Вольфрам продолжил.

'Ты видишь здесь эту метку?'

Вульфрик кивнул.

'Что это?' сказал Вольфрам.

'Отпечаток копыта', - сказал Вульфрик. Это было предположение. Для него это выглядело как пятно в грязи.

Хорошо. Он большой и глубокий, значит, животное, которое его сделало, крупное и тяжелое. Видишь, почва в отпечатке темная, а края четкие?

Вулфрик кивнул.

"А потревоженные листья влажные?"

Вулфрик снова кивнул.

"Это значит, что следы свежие. Почва на отпечатке не успела высохнуть. Не успела высохнуть и нижняя сторона листьев, которые были перевернуты. Понимаешь?"

"Думаю, да", — сказал Вулфрик, так как сцена перед ним действительно начала обретать смысл.

Теперь садись на лошадь и давай посмотрим, сможем ли мы их найти".

Ноги Вулфрика затекли и протестовали, когда он взгромоздил свое тело обратно в седло. Отец снова повел его вперед, подгоняя лошадь более медленным шагом, чем они ехали до этого.

К седлу Вулфрика было пристегнуто оружие. Отец положил его туда, и Вулфрик не был уверен, было ли это оружие запасным, или отец хотел, чтобы он им воспользовался. Он никогда раньше не держал в руках ни одного из них: длинное копьё с двумя рукоятками, расходящимися сразу за головкой, и оружие, похожее на меч странной формы и необычайно длинное.

'Следуй за мной', - сказал Вольфрам шепотом. Но не подходи, когда я нападу на зверей. Ты должен делать то, что я скажу и когда я скажу. Понял?"

Вулфрик кивнул, чувствуя, как его охватывает нервозность.

Они медленно двинулись дальше, их лошади осторожно ставили каждое копыто, словно понимая, что охота началась. Даже их дыхание стало тише. Они не переставали удивлять Вулфрика. Торговцы с темной кожей с далекого юга приезжали в его деревню, чтобы купить их, настолько они славились своей доблестью. Каждый воин в деревне получал по одному лучшему из общинных запасов, когда возвращался из паломничества. У таких мужчин, как его отец, их было много, некоторые из них были наградой, взятой в бою.

Иностранные торговцы называли их дистриерами Нортлендера. Для Вулфрика они были просто боевыми конями. Большие, агрессивные и энергичные. В молодости он всегда боялся их, да и сейчас боится. Та, на которую он сел, пока что относилась к нему достаточно хорошо, но он знал, что ему нужно навязать зверю свою волю, иначе он начнет его игнорировать. Это была пугающая перспектива: лошадь была такой огромной, а он — таким маленьким.

Вольфрам оглянулся через плечо с выражением, которое говорило больше, чем любые слова. Его глаза расширились от возбуждения, и Вулфрик понял, что он нашел их добычу. Его отец достал копьё и пустил коня в галоп. Конь Вулфрика не нуждался в подобном подбадривании. К тому времени, как он занес ногу, чтобы подстегнуть ее, она уже начала преследование. Они продирались сквозь подлесок и уворачивались от деревьев, несясь галопом. Он был благодарен лошади за то, что она не нуждалась в руководстве, так как едва успевала реагировать на каждое приближающееся препятствие.

Теперь исчезло всякое подобие скрытности, лошади продирались сквозь кустарник с грохотом копыт, шелестом листьев и треском веток. Бедро Вулфрика горели, когда он изо всех сил вцепился в седло. С ним или без него, его конь завершит погоню.

Его отец ударил копьём вниз. Казалось, что он пронзает куст, но тут раздался громкий визг. Вулфрик сумел остановить своего коня и ждал, пока отец прикажет ему ехать вперед.

Вольфрам подстегнул коня, привстав в стременах, и надавил на копье всем своим весом, а также силой коня.

'Длинный меч! Доставай! крикнул Вольфрам, перекрывая визг и треск в кустах перед ним.

Уши Вульфрика заложило от яростного шума, и он почувствовал, как колотится его сердце, когда он пытался выполнить приказ отца. Он вытащил из ножен странное на вид оружие, руки его так дрожали, что он боялся выронить его. Рукоять и эфес были как у сабли, но лезвие — если его можно было так назвать — было длинным и прямым. В поперечном сечении оно было квадратным, и большая часть его была не заточена. Только последняя часть, длиной примерно с предплечье Вульфрика, расширялась в обоюдоострое лезвие с наконечником в виде копья. Это была громоздкая штука, и Вульфрику пришлось сосредоточиться, чтобы держать ее под контролем.

'Вперед! Быстрее! крикнул Вольфрам.

Конь Вульфрика двинулся вперед, желая принять участие в сражении. Копье его отца вонзилось в плечо самого крупного кабана, которого Вульфрик когда-либо видел. Он изо всех сил старался удержать его на месте своим копьем. Несмотря на это, он был далеко не побежден. Его глаза были красными от ярости, а изо рта шла пена. Он визжал и рычал, и Вульфрику было трудно оторвать взгляд от больших зазубренных клыков, выходящих из его пасти.

'Заканчивай! Быстрее!' — сказал его отец. 'Проткни ему горло и дальше, насколько сможешь дотянуться'.

Вульфрик глубоко вздохнул. Он никогда раньше ничего не убивал и знал, что это тот самый момент, который сделает или сломает его в глазах отца. Он изо всех сил старался держать длинный меч ровно и чувствовал, как колотится его сердце. Он смотрел на разъяренного кабана, который пытался устоять на ногах под тяжестью копья Вольфрама. Вульфрик бросился вперед с мечом, в то время как он так крепко держался за седло ногами, что они горели.

В этот момент он услышал сильный шорох в кустах позади себя и свирепый рычащий крик. Конь Вульфрика повернулся в ответ на новую опасность, выведя Вульфрика из равновесия. Из кустов вышел кабан, почти такой же огромный, как тот, с которым боролся его отец. Конь Вульфрика ударил его ногой. Вульфрик выронил меч и схватился за первое, что попало под руку, — охотничье копьё, прикрепленное к седлу. Лошадь снова лягнула, и Вульфрик полетел по воздуху.

Он видел, как его отец изо всех сил пытается удержать лошадь под контролем, одновременно продолжая удерживать первого кабана на месте своим копьем. Сцена словно разыгрывалась в замедленной съемке, если не считать земли, которая устремила к Вульфрику гораздо быстрее, чем ему хотелось бы.

Его падение было не таким тяжелым, как могло бы быть; он приземлился на куст, который принял на себя всю тяжесть его веса, но он был ошеломлен и избит. Вытряхнув звезды из головы, он понял, что все еще держится за копьё, которое вместе с ним было сброшено с лошади. Его отец крутился в седле, пытаясь занять позицию, чтобы убить огромного кабана, которого он поймал в ловушку. Пока он этого не сделает, он не сможет помочь Вульфрику. Отпустить первого кабана сейчас означало для них обоих жестокую и мучительную смерть. Он полагал, что у его отца всегда может быть больше сыновей. Вульфрик знал, что если он хочет пережить следующие несколько мгновений, то это зависит

только от него.

Его конь набрасывался на второго кабана, но безуспешно. Хотя кабан был огромным, он был меньше его лошади и более проворным. Он уворачивался и нырял с дороги, визжа и фыркая от ярости. Заметив Вульфрика, он на мгновение остановился. Вульфрик был более привлекательным противником, чем разъяренный боевой конь.

'Беги, мальчик! Лезь на дерево!

В голосе отца звучала паника. Вульфрик не думал, что когда-либо слышал его голос таким. Кабан топнул копытом по земле и с громким фырканием бросился в атаку. Вульфрик уперся ногами в куст и опустил копьё, не сводя глаз с длинных клыков кабана. Казалось, что они могут пронзить его насквозь.

Все еще лежа на спине, он упер приклад копьё в плечо и наклонился вперед, когда кабан оказался в пределах досягаемости. От удара приклад вырвался с огромным, болезненным толчком, а древко, вырвавшись из рук, сильно ударило его в челюсть. Раздался пронзительный визг, и Вульфрик, у которого второй раз за несколько минут помутилось рассудок, испугался, что это могло исходить от него самого.

Он боролся с путаницей в голове и водоворотом шума и движения вокруг него. Он схватил копьё и навалился на него всем весом своего тела. Сердце Вульфрика билось в груди так сильно, что казалось, оно вот-вот прорвется. Он задыхался, пытаясь удержать копьё. Кабан метался в ярости. Нажатия на копьё становились все менее сильными, пока не превратились в судороги. Справа от Вульфрика раздался еще один громкий визг. Он поднял голову и увидел, что его отец приканчивает первого кабана.

Мгновение спустя отец стоял над ним.

"Ты в порядке, мальчик?"

Думаю, да. У меня болит плечо".

Никогда не стоит опираться на себя; всегда опирайся на землю и дави на нее ногой, если можешь. Если не можешь, подойдет любая другая твердая опора. Сомневаюсь, что ты забудешь этот урок". Он усмехнулся и потянулся к кабану, насаженному на копьё Вульфрика. Он макнул пальцы в кровь, затем повернулся к Вульфрику и размазал кровь по его лицу. Вульфрик был застигнут врасплох и вздрогнул.

Вольфрам улыбнулся. 'Теперь ты кровный охотник. Это прекрасное убийство. Молодец. Твоя мать будет довольна".

Вулфрик чувствовал, как тяжесть убитого им кабана, перекинутого через седло позади него, сравнялась с той, что была на лошади его отца. Это было самое большое удовлетворение, которое он когда-либо испытывал.

Он все еще был поражен тем, что ему удалось его убить. Это был всего лишь кабан, и он понимал, что от него, как от воина, ожидают, что он без колебаний убьет человека, но насколько сложнее это может быть? Может быть, у него есть все необходимое для того, чтобы стать воином? Эта мысль зажгла в нем слабый огонек надежды, но все еще казалось, что в это слишком трудно поверить.

С отличным убийством на счету каждого из них, они могли вернуться домой тем же вечером, а не ночевать в лесу, как планировали изначально. При хорошем темпе они вернулись бы вскоре после наступления темноты, и он был бы новоиспеченным охотником. Ему не терпелось рассказать об этом Адалхаид.

Они шли по просеке, когда его отец протянул руку и остановился. Он смотрел на линию деревьев справа от них, и Вулфрик проследил за его взглядом. Свет падал, и было трудно что-либо разобрать. Он подошел к отцу.

Что?" — прошептал он.

'Нет никакого звука'.

Именно так и подумал Вулфрик, не видя причин для беспокойства отца.

Насекомые затихли. Это значит, что там движется что-то большое".

'Люди?'

Возможно. Запах свежееубитой туши может привлечь не только людей. Держись как можно тише. Давай двигаться. Держи глаза и уши открытыми".

Вулфрик почувствовал, как его отец расслабился, когда они достигли линии деревьев и вернулись под покров леса. Как только они скрылись в нем, он повернул направо, и они пошли вдоль края поляны, все еще скрытые деревьями, направляясь к источнику беспокойства Вольфрама. Вульффрику пришло в голову, что им лучше было бы уйти подальше от него, но воины так себя не вели.

Его отец остановился и снова протянул руку, чтобы Вульффрик остановился. Было почти совсем темно, и Вульффрик мог различить слабое мерцание света на стволах некоторых деревьев. Вольфрам соскользнул с коня и жестом приказал Вульффрику сделать то же самое.

Они поползли к источнику света, двигаясь между кустами и деревьями в надежде остаться незамеченными. Вульффрик заметил источник на небольшом расстоянии и присел за кустом рядом с отцом. Вокруг костра собрались четверо мужчин, они тихо переговаривались, их голоса были едва слышны за треском огня.

"Кто они? прошептал Вулфрик.

'Во всяком случае, не из Леондорфа'.

'Расбрукеры?'

Вольфрам кивнул. 'Тише. Не дай им услышать нас'.

Вульффрику было интереснее наблюдать за отцом, чем за людьми, сидящими у костра. В тот день он сделал шаг в правильном направлении, убив кабана, хотя внутри у него все сжалось от ужаса. Либо он хорошо постарался это скрыть, либо его отец решил этого не замечать. У него не было желания разрушать все, что он сделал, совершив ошибку или глупость.

Смотри, слушай и будь осторожен, подумал он. Он мог многому научиться на этом опыте, и он не собирался упускать эту возможность. Его отец присел на одно колено и был совершенно неподвижен, наблюдая за костром сквозь просвет в листьях кустарника, за которым они прятались. Он едва моргал, и Вульффрик видел, как свет костра отражается в его глазах.

Вульффрик никогда прежде не был так близко к Расбрукерам и уж тем более никогда не видел их. Название соседней деревни было ругательным словом для всего плохого; считалось, что любой человек с сомнительными моральными качествами имеет расбрукское происхождение, независимо от того, откуда он родом, и быть названным расбрукером, или чтобы твое поведение уподобляло расбрукскому, было одним из самых сильных оскорблений, доступных человеку из Леондорфа.

На вид они ничем не отличались от людей из Леондорфа. Он понимал, что глупо так думать, но, тем не менее, его удивило то, что они выглядели так обыкновенно. Он наполовину ожидал уродства, безумного, маниакального поведения; чего-то, чего угодно, что выдало бы в них его естественного врага. Он был разочарован. Труднее было ненавидеть того, кто выглядел так же, как человек, живший в соседнем доме.

"Я видел достаточно, пошли", — прошептал Вольфрам.

Когда Вульффрик двинулся назад, он задел куст. Не так сильно, чтобы вызвать шум, но достаточно, чтобы потревожить то, что спало внутри. Из куста с шуршанием, писком и хлопаньем выпорхнула куропатка, и Вульффрик в ужасе смотрел на нее. Вокруг костра сразу же возникла ответная реакция. Вульффрик застыл на месте. Неужели они сочтут этот шум не более чем птицей, спугнутой ночным животным?

Не похоже, чтобы его отец хотел рискнуть. Беги", — прошептал он, положив направляющую руку на спину Вульффрика, и сам начал делать это.

'Эй!'

окликнули сзади. Их заметили. Теперь не было никакой надежды уйти незамеченными. Вульффрик знал, что сдерживает отца, так как давление его руки, побуждающей Вульффрика идти вперед, было постоянным. Он бежал так быстро, как только мог, но, как и во всем остальном, в беге он всегда отставал от других мальчиков своего возраста.

Он слышал, как люди от костра продирались сквозь подлесок позади них, когда они с отцом бежали за своими лошадьми. Вульффрику пришла в голову мысль, что у одного из их преследователей может быть лук и что в любую секунду стрела может вонзиться ему в спину. От этой мысли у него по позвоночнику пробежала дрожь, но они добрались до лошадей без потерь, где Вольфрам схватил Вульффрика под мышки и бросил его на своего коня.

"Скачи домой. Не оглядывайся и ни перед чем не останавливайся", — сказал Вольфрам, ловко взбираясь в седло.

Вульффрик кивнул, разворачивая своего коня. Затем они поехали, и звуки, издаваемые

пешими Расбруккерами, растворились в лесной ночи.

Всю дорогу домой они ехали верхом. К тому времени, когда лес уступил место дальним пастбищам Леондорфа, спина и бедра болели так, как он и не думал. Только тогда отец сбавил скорость до рыси и дал возможность почти измученным лошадям перевести дух.

Он посмотрел на Вулфрика с улыбкой на лице. "Ничто так не возбуждает аппетит, как небольшое волнение, а?"

Его лицо было оживленным. Вульффрик едва скрывал ужас, который он испытывал. Он попытался повторить веселье отца, но даже притворство требовало больше энергии, чем него оставалось.

Вульффрик сидел в классной комнате и ерзал на своем жестком деревянном сиденье, его спина все еще болела от часов, проведенных в седле накануне. Было уже слишком поздно, чтобы позвать Адальхаид, когда он вернулся домой, и он с нетерпением ждал окончания занятий, чтобы рассказать ей о своем приключении.

Он заметил, что жрец Этельман смотрит на него, отвлекаясь на его корчи. Этельман руководил небольшой школой при деревенской кирхе, обучая основам чтения и счета городских девочек и детей торговцев и купцов. Ни один ребенок воина, кроме Вулфрика, не посещал школу. Навыки, полученные там, не считались необходимыми для охоты, охоты или защиты деревни. Сначала он ходил туда, потому что Адальхаид проводила там каждое утро, а потом, когда все его сверстники начали обучение воинов, потому что ему больше нечем было заняться. Он был не самым внимательным из учеников и обычно проводил занятия в мечтах о великих приключениях. В этот день ему предстояло пережить настоящее приключение.

Вулфрик. Вулфрик!

Второй оклик оторвал его от фантазий и мечтаний о войне, и он поднял голову, чтобы увидеть Этельмана, стоящего у его маленькой парты.

Будь добр, сходи в заднюю комнату и принеси свежую бутылку чернил.

Вульффрик кивнул и поднялся со своего места, а Этельман продолжил урок. Он всегда просил Вульффрика выполнять мелкие поручения, что было признанием его недостаточного участия в занятиях. Однако Вулфрик был рад помочь, поэтому делал это без колебаний.

Задняя комната была личным кабинетом Этельмана. Там он спал, хранил свои личные вещи, готовил зелья и припарки. Чернила для своих занятий Этельман делал сам из порошков и жидкостей, которые хранил в маленьких стеклянных бутылочках, что вызвало у Вулфрика восхищение. Он быстро заметил свежеприготовленную бутылочку, взял ее и повернулся, чтобы уйти. При этом его взгляд задержался на странном предмете, которого он

раньше не видел. Он лежал на маленьком столике рядом со скромной кроватью Этельмана. Он подошел ближе, чтобы рассмотреть его получше: он был слишком очарователен, чтобы его игнорировать. В комнате было тускло, но предмет, не похожий на большую картофелину, блестел, словно сделанный из металла. Поверхность была шероховатой, и только когда он приблизился к нему, то понял, что она покрыта тонко вытравленными символами.

Это была уродливая вещь, и Вулфрик не мог понять, почему она так его заинтриговала. Он еще мгновение смотрел на него, прежде чем поддаться искушению. Он протянул руку. Кончики пальцев неприятно покалывало, когда они касались холодного металла. Его сердце забилось быстрее, и он быстро отдернул руку. На мгновение показалось, что от предмета исходит бледно-голубое свечение, и Вулфрик запаниковал, думая, что запустил то, что он натворил. Свечение исчезло так же быстро, как и появилось. Он глубоко вздохнул с облегчением, но почувствовал головокружение, и его желудок скрутило так, как это часто случалось перед рвотой. Он сделал еще один глубокий вдох, чтобы успокоиться, и вышел из комнаты, надеясь, что не задержался слишком долго, чтобы не вызвать вопросов.

Он молча протянул Этельману флакон с чернилами и сел за свой стол, стараясь проглотить чувство тошноты и не обращать внимания на присоединившуюся к нему головную боль.

Этельман положил на свой стол стопку страниц из грубой бумаги, исписанных упражнениями, которые ему предстояло исправить до утра. Работа Вульфрика лежала на самом верху, и ее легко было заметить, поскольку она представляла собой не более чем ряд пятен и клякс. Он смотрел на него со смесью грусти и разочарования. Вульфрик был смышленным мальчиком с добрым сердцем, но он не проявлял никакого интереса к учебе, и, похоже, вряд ли это изменится. Большую часть времени он проводил в мечтах о том, как станет воином, о героических делах, в которых он примет участие, но реальность этого казалась столь же маловероятной. Больше всего Этельман надеялся, что Вульфрик сможет обрести отцовскую смекалку и начать свой путь воина. Казалось, для него не существует ничего другого. Ученым ему точно не стать, а жизнь нельзя прожить, сидя под деревом, глядя на облака и мечтая.

Этельман пробормотал под нос короткую молитву о том, чтобы Вулфрик нашел свой путь и приложил к нему все силы, сел на койку и стянул сапоги. Он остановился на полпути и заметил Камень, лежащий на прикроватной тумбочке. Этельман нахмурился. Он забыл вынуть его из шкатулки. Он был стар и уже давно заметил, что способности, которые он так долго считал само собой разумеющимися, начинают его подводить. Небрежно было оставлять Камень без присмотра; глупо было вообще доставать его из шкатулки. Его стареющий разум слабел; перед искушением, которое он представлял, становилось все труднее устоять. Давно пора было от него избавиться.

Он накрыл Камень тканью, чтобы не прикасаться к нему, затем вернул его в коробку, которую закрыл и запер. Шкатулка стояла под столом, как напоминание о том, что Этельман слишком долго игнорировал ее.

‘Что это было?’ — сказал женский голос.

‘Заткнись!’ сказал Конрадин с такой силой, что люди вокруг него отпрянули назад.

Рассказчик жестом показал Конрадину, чтобы тот расслабился. ‘Хотите, чтобы я сразу перешел к концу истории?’ — обратился он к молодой женщине.

Она энергично покачала головой.

Он был доволен, что блеф сработал. Его история еще не имела конца. В свое время вы узнаете все, что я знаю о Камне, но вам придется набраться терпения”.

Молодая женщина улыбнулась.

Рассказчик сделал еще один глоток эля и продолжил.

Вульффрик был погружен в свои мысли и шел к зданию школы, чтобы встретиться с Адалхайд, когда кто-то толкнул его, повалив на грязную землю. Он успел перекатиться на спину, прежде чем Родульф набросился на него и ударил кулаком в живот.

'Будешь сегодня сопротивляться, толстяк?' сказал Родульф, нанося очередной удар.

Вульффрик не успел ответить, как Родульф ударил его снова.

'Я так не думаю, жирный ублюдок. Мой отец говорит, что ты, должно быть, действительно сын уборщика. Не может быть, чтобы ты был сыном Сильной Руки'.

Его дружки рассмеялись, как всегда. Эти насмешки ранили Вулфрика не меньше, чем все удары, но он не сопротивлялся. Он решил, что если будет просто лежать, то все закончится быстрее, и он сможет продолжить свой день. Однако он твердо решил, что на этот раз плакать не будет.

Голос Адалхайд зарычал, и шквал ударов прекратился. Вульффрик повернул голову и прищурился сквозь опухшие глаза в ту сторону, откуда доносился голос. Колени Родульфа по-прежнему прижимали его руки к земле. Она стояла там, ее лицо было искажено болью и страданиями. Вулфрик сразу же понял, что причиной этого было его избивание. Это пристыдило его больше, чем его неспособность дать отпор. Это также заставило его почувствовать что-то еще, чего он никогда не чувствовал раньше. Гнев.

Он снова услышал голос Адалхайд.

'Почему бы тебе не отвалить, мешающая сука!' сказал Родульф. Возможно, когда я закончу с твоим дружкой, я приду и покажу тебе, что такое настоящий мужчина'.

Все остальные засмеялись. Они были уже в том возрасте, когда старшие мальчики начинают замечать девочек как нечто большее. Все они обратили внимание на Адалхайд, ее длинные волосы цвета раскаленной меди и высокую, стройную фигуру. Ее зеленые глаза были умными и озорными. Вульффрик заботился о ней больше всего на свете. Она была его другом, его единственным другом, но он понял, что даже он стал смотреть на нее по-другому. Когда он теперь мечтал о героических поступках, все они совершались ради нее. Он почувствовал, как учащенно забилося его сердце при словах Родульфа. Когда Родульф оглянулся на него, чтобы закончить начатое, Вулфрик пристально смотрел прямо на него.

'На что ты смотришь, толстяк?' сказал Родульф.

'Ты не должен говорить это ей', - сказал Вулфрик. Его голос был все еще слабым.

'Что это было, толстяк? Что ты сказал?' Он ударил Вулфрика кулаком в живот.

Вулфрик задохнулся и не смог ответить.

'Что? У кота язык отнялся?' сказал Родульф.

Другие мальчики, стоявшие позади него, снова засмеялись.

'Значит, это не мешает мне сделать женщину из твоей маленькой шлюшки?'

Остальные засмеялись еще сильнее, и Вулфрик увидел хищную, похотливую усмешку на лице Родульфа.

Вулфрик ударил его. Он ударил Родульфа прямо в лицо и замер на мгновение. Он был потрясен почти так же, как и Родульф, тем, что он сделал. Он не помнил, как решил это сделать. Это просто произошло. Все замолчали, а глаза Родульфа расширились от удивления. Вульффрик больше не боялся. В этот момент он понял, что в тот день он несколько не боялся, а просто принимал то, что должно было произойти. Скорее лень сопротивляться, чем страх.

Теперь он мог думать только о том, что сказал Родульф. Он чувствовал только ярость.

Он снова ударил Родульфа. Выражение лица Родульфа изменилось на гневное. И все же Вульффрик мог думать только об одном: о том, что Родульф сказал, что сделает с Адальхайд.

Он ударил еще раз, и еще. Выражение лица Родульфа сменилось на шоковое, а затем на что-то другое. Страх. Потом Вульффрик стоял на коленях над Родульфом, который лежал на земле, на спине, отчаянно пытаясь закрыть лицо. Казалось, что Вульффрик наблюдает за всем этим со стороны, как будто его тело делало все само по себе. Он продолжал бить и бить, пока его гнев не утих, руки горели, а легкие требовали воздуха. Он посмотрел вниз и ужаснулся тому, что увидел. Лицо Родульфа больше не имело никакого выражения, оно представляло собой сплошное месиво. Остальные мальчики молчали и не двигались с места. Вульффрик посмотрел на свои руки, которые были в крови, и растерялся от того, что он сделал. Он повернулся к Адальхайд, которая, как и мальчики, молча смотрела на него широко раскрытыми глазами. Она еще мгновение смотрела на него, а потом повернулась и убежала.

Вульффрик оглянулся на Родульфа, который застонал и зашевелился. Прибыли взрослые и, увидев стонущее, окровавленное тело Родульфа, потребовали рассказать, что произошло. За Этельманом послали, а Вульффрика засыпали шквалом вопросов. Он чувствовал себя таким усталым и позволял их голосам овладевать его головой. Никто, казалось, не верил, что это его рук дело. Они задавали один и тот же вопрос снова и снова, а также другим мальчикам, но ответ всегда был один и тот же. Это был Вульффрик. Это сделал Вульффрик.

Прибыл Этельман, за ним вскоре последовал Донато, отец Родульфа. Это был худой человек с песочными волосами, как у его сына, и острыми, хитрыми, как у крысы, глазами. Священник заявил, что, скорее всего, Родульф лишится глаза. Донато пришел в ярость и бросился на Вульффрика. У одного из жителей деревни хватило ума остановить его.

Вольфрам прибыл одним из последних. Появление Сильной Руки заставило толпу замолчать. Жители деревни боялись его, как и Вульффрик. Теперь страх вернулся. Он боялся того, что произойдет, что сделает его отец, когда узнает, какую беду он устроил. Но в глубине души он больше боялся того, что подумает Адальхайд. Взгляд, которым она на него посмотрела, заставил его бояться сильнее, чем когда-либо. Он хотел пойти за ней, но знал, что должен остаться и узнать о последствиях своего поступка.

'Что здесь произошло?' сказал Вольфрам.

Вульффрик ничего не ответил, робко ожидая знаменитого гнева своего отца.

'Была драка', - сказал кто-то. Один из парней сильно ранен".

Вольфрам посмотрел на Вульффрика, на его лице появилось растерянное выражение. "По-моему, он в порядке".

'Не Вульффрик. Другой. Родульф.'

Этельман повернулся с места, где он стоял на коленях рядом с лежащим Родульфом, и кивнул. Вольфрам посмотрел вниз на окровавленное лицо Родульфа. Вульффрик ждал его реакции, гнева и наказания, которое непременно последует. По лицу его отца невозможно было ничего понять.

Донато вырвался из рук человека, который его удерживал. 'Посмотри, что он сделал! Посмотри, что он сделал с моим мальчиком! Что ты собираешься с этим делать?'

'Он ученик воина, не так ли?'

'Да,' сказал Донато, колеблясь.

Если он не может защитить себя от мальчика, который на два года младше его, я не

очень надеюсь, что он закончит свое обучение". Вольфрам повернулся к Этельману. 'Он выживет?'

Да, но я думаю, что он потеряет глаз".

Вольфрам кивнул. 'Тогда у него нет шансов стать воином. Он получил важный урок — не провоцировать своих старейшин. Это сослужит ему хорошую службу в будущем, если он запомнит его. А что касается того, что он затеял драку с моим сыном? Мальчишки будут мальчишками. Я не держу на вас зла за это".

'Это не то, что я имел в виду. Ты знаешь, что это не то, что я имел в виду. Ты, ты...

Вольфрам ударил Донато сзади по лицу с громким треском, который вызвал вздох собравшихся жителей деревни, и отправил его на землю рядом с сыном.

Возможно, тебе нужно выучить тот же урок, который только что получил твой сын, но я обещаю, что тебе это не понравится". Голос Вольфрама упал до рычания, и Вульффрик увидел ярость в его глазах.

Толпа замолчала, и в воздухе повисло напряжение: собравшиеся напряженно ждали, что скажет Донато в ответ. Его неуважение уже приблизило его к тому, что Вольфрам мог убить его и не отвечать за это перед советом в Большом зале. Донато знал это, знал, что перегнул палку, но был слишком разъярен, чтобы отступить так быстро, как следовало. Все в толпе видели это, и все ждали, предвкушая, что вот-вот станут свидетелями убийства.

Донато стиснул зубы. 'Мне жаль. Я прослежу, чтобы в будущем мальчик следил за своими манерами".

'Проследите за этим', - сказал Вольфрам. А ты пока подумай о себе".

Он повернулся и улыбнулся Вульффрику, а затем положил руку на плечо Вульффрика и повел его домой.

Адальхайд сидела у дерева в одиночестве, обдумывая то, что только что увидела. Казалось, от заботливого, внимательного мальчика, который был ее другом, не осталось и следа — только дикий зверь. Она думала, что Вульффрик убьет Родульфа, и никогда не верила, что он способен на такое. Это отличало его от всех остальных. Теперь она не знала. Как будто в этот момент у нее отняли человека, которого, как она думала, она знала лучше всех, и заменили кем-то совершенно другим.

Она встала и начала идти домой, чувствуя, как над ней нависает темное облако, что неизбежное наконец произошло.

Он сидел у дерева, где они с Адалхайд так часто сидели, вечером через несколько дней после инцидента с Родульфом. Она не разговаривала с ним с тех пор, как он поссорился с Родульфом, и этот факт постоянно занимал его мысли. Он почти не видел ее, и ее отсутствие

оставляло у него внутри постоянное ощущение пустоты, которое он не мог объяснить. Обычно он наслаждался теплым солнечным светом, но в этот день он ничего ему не дал.

Она сидела рядом с ним, не издавая ни звука, на том месте, которое она так часто занимала в прошлом. Она отломил кусочек от булочки, которую ела, и протянула ему. Они ели в тишине несколько минут, прежде чем он заговорил.

Мне очень жаль, — сказал он.

'За что?' В ее голосе прозвучала резкость, но по выражению ее лица было ясно, что она этого не хотела. 'Прости за что?' — повторила она, теперь ее голос был мягче.

'За то, что я сделал, и за то, что расстроил тебя', - сказал Вулфрик.

Она улыбнулась. Ничего страшного. Я просто удивилась. Я не ожидала увидеть тебя таким. Мне не следовало этого делать. Все мальчики такие, я полагаю. Я просто не думала, что ты такой".

Вулфрик почувствовал, как разочарование опустилось в его желудок, словно свинцовый груз. Я не такой, просто то, что он сказал, я имею в виду...

Она протянула руку и положила свою на его руку. Все в порядке, не о чем сожалеть", — сказала она. Я должна сожалеть о том, как я себя вела. Отчасти я рада, что ты это сделал. Другие теперь оставят тебя в покое. Все будет намного лучше для тебя. Даже мои родители говорили об этом. Мы все вырастем. Жизнь меняется". Она смотрела на свои ноги и казалась грустной.

Вулфрику не нравилось, когда она грустила. Это наполняло его непреодолимым желанием сделать ее снова счастливой. Однако он понятия не имел, как это сделать.

Она протянула руку с чем-то в ней. 'Я сделала это для тебя, чтобы попросить прощения'.

Он осторожно взял его и пожалел, что у него нет ничего, что он мог бы ей подарить. Это была маленькая серебряная монетка, которая была истерта до гладкости. На одной стороне она выгравировала свои инициалы, а на другой — его, витиеватым шрифтом, на который, должно быть, ушли часы тщательной работы. Она также проделала небольшое отверстие рядом с краем и продела в него кожаный шнурок. Отбросив смущение от того, что у него нет ничего для нее, он тут же повязал его себе на шею.

Мне это нравится, — сказал он. Мне жаль, что у меня ничего нет для тебя".

Ничего страшного, — сказала она, улыбаясь. Мне достаточно видеть, как ты его носишь".

Вульфрик тихо стоял среди других мальчиков, которые нервно шутили и смеялись, ожидая на поляне, греясь в лучах утреннего осеннего солнца. Хотя все они готовились и предвкушали этот день столько, сколько себя помнили, никто из них не знал, чего именно ожидать. Для Вульфрика долгое время казалось несбыточной мечтой стоять здесь, чтобы наконец начать свое обучение. Его присутствие было просрочено на два года, и другого шанса у него уже не будет, поэтому он молчал, не вступая в склочный балаган.

За месяцы, прошедшие с тех пор, как он победил Родульфа, Вульфрик не думал ни о чем другом, кроме как о том, чтобы начать обучение. Несколько дней, прошедших после этого инцидента, посеяли в его сознании мысль о том, что быть избранным вполне возможно. Его жизнь существенно изменилась. Больше не было ни нападений, ни ехидных комментариев. Между кабаном и Родульфом он перестал считать себя слабым, неумелым, неспособным. Что-то изменилось в его сознании. Сомнения ушли, и на смену им пришла вера. То, что его оставили в покое, дало ему время сосредоточиться и тренироваться, и именно этим он заполнил свое лето. Бег, поднятие тяжестей — все, что он видел у воинов и учеников. Он изо всех сил старался сохранить это в тайне. Часть его все еще боялась неудачи, и если бы это случилось, он не хотел, чтобы кто-то знал, как тяжело он работал.

День праздника Джорундира был днем, который знаменовал собой это событие для всех юношей. Для одних это был день начала обучения воину, для других — день окончания обучения и последнего испытания.

Те, кто считал себя готовым начать обучение, собирались на поляне неподалеку от деревни. В центре поляны возвышался один камень, который, по преданию, был поставлен здесь Джорундиром, когда он еще ходил по миру людей. Он вел войну против драугаров, и ему нужны были храбрые люди, чтобы пополнить свои ряды. Он поставил камни возле деревень по всей земле, где воины могли собраться и заявить о своем желании сражаться на его стороне.

Драугар теперь был не более чем легендой, а Джорундир уже давно отправился в свой зал на Высоких Горах, но камни остались, как и те, кто стремился стать учениками Джорундира. Воины деревни совещались и решали, кому из мальчиков будет позволено остаться на поляне и начать обучение. То, что составляло процесс отбора, было секретом, известным только тем, кто уже был избран. Именно это, а также страх быть отвергнутым, скручивало внутренности каждого юноши. Если его не принимали на обучение, это был позор, который преследовал бы его до конца жизни.

В то утро там собралась еще одна группа: те, кто закончил обучение и собирался отправиться в паломничество к Скале Джорундира, уединенному месту в глубине Высокогорья. Они нервничали еще больше, чем Вульфрик и другие подающие надежды. Они выглядели одинокими, и им не хватало той самоуверенности, которую они выработали за годы обучения. Все они знали, что для некоторых из них сдержанные взгляды назад, которые они бросали, уходя из деревни, станут последним взглядом на дом, который они когда-либо видели. Паломничество было обрядом посвящения, который должен был пройти каждый воин. Все они шли охотно, даже зная, что некоторые из них умрут.

Те, кто был еще в середине обучения и не был готов к путешествию, тоже были в

полном восторге — они возвращались после короткого перерыва на сбор урожая и собирались в ухмыляющуюся и хихикающую группу, пока Вулфрик и его товарищи по надежде ждали, не сочтут ли их достойными присоединиться к ним.

Вулфрик устоял на камень в центре поляны. Надпись на нем была настолько древней, что даже Этельман не мог с уверенностью ее расшифровать. Только воины должны были подходить к этому камню, и простое нахождение рядом с ним заставляло осознать реальность шага, который он собирался сделать. Поляна была отгорожена от деревни деревьями и подлеском, что создавало ощущение тайного места. Даже священным.

Один из воинов, Элдрик, друг отца Вулфрика и человек, который всегда был дружелюбным во многих случаях, когда он обедал в их доме, подошел к собравшейся группе. Его аккуратная черная борода была украшена шрамами, которые носили большинство воинов деревни. В руках он держал большой меч, отличавшийся от обычной сабли, которую предпочитали воины. Жители Нортленда сражались верхом, когда это позволяла ситуация, и предпочитали одноручную саблю с одним изогнутым острием. Этот меч выглядел старым, древним, с длинными прямыми краями, сходящимися к закругленному кончику. Гарда была короткой и толстой, на ней были выгравированы, как показалось Вулфрику, те же символы, что и на камне.

Элдрик с благоговением положил меч на землю перед собравшимися мальчиками. Он стоял и смотрел на него мгновение, прежде чем вернуть свой взгляд к мальчикам.

Кто думает, что может поднять меч? Меч, которого коснулась рука самого Джорундира?

Этельман стоял позади Элдрика, чуть в стороне от стоящего камня. Все утро его лицо было торжественным, но когда Элдрик задал свой вопрос, Вулфрику показалось, что он увидел, как рот Этельмана слегка искривился в понимающей улыбке.

Хейн шагнул вперед. Он был высок и широкоплеч, с короткими каштановыми вьющимися волосами, что скорее соответствовало его происхождению из крестьянской семьи, чем из семьи воинов. Вулфрик задумался, не отрастить ли ему волосы, если его выберут в ученики, — странная мысль, заставившая его понять, что он ищет хоть что-нибудь, что отвлекло бы его от переживаний.

Хотя Хейн был одного возраста с Вулфриком, его не выбрали для начала обучения до этого момента. Он был крупнее других и сильнее, но его отцу требовалась помощь старшего сына для работы на ферме. Тем летом он купил раба, что дало Хейну возможность стать воином. Вулфрику он нравился. Даже когда издевательства достигали наихудшего предела, Хейн никогда не вмешивался. Вулфрик задавался вопросом, не заставляет ли его большой возраст чувствовать, что ему нужно что-то доказывать. Вулфрик знал, что в его случае это было именно так. Стоило ли ему пытаться доказать свою правоту?

Хейн. Смелое заявление. Пожалуйста, — сказал Элдрик, жестом указывая на меч, — подними его".

Все мальчики пристально смотрели на Хейна, но ни у кого не хватило смелости сказать слова поддержки. Увидев улыбку Этельмана, Вулфрик с большим интересом стал наблюдать за ним. Когда Хейн подошел к клинку, Этельман устоял на него, и Вулфрик увидел, как его челюсть сжалась, а лицо напряглось. Хейн наклонился и положил руку на рукоять. На мгновение он замешкался, прежде чем отдернуть руку. Его тело дернулось, но меч не сдвинулся с места. Он попытался еще раз, и еще, и в последний раз с таким усилием, что потерял хватку и упал назад.

Один из других мальчиков засмеялся, и Элдрик перевел взгляд на него.

'Не хочешь попробовать?' — сказал он.

Мальчик нервно оглянулся вокруг себя и на Хейна, который все еще сидел на морозной траве, разминая плечо. Мальчик покачал головой.

Когда ты сможешь поднять меч, ты будешь готов отправиться в путь к Высоким Вершинам. Не раньше. Джорундир приглашает тех, кого хочет испытать на Высоких Землях, позволяя им поднять меч. Восемь молодых воинов подняли меч сегодня утром и начали свое паломничество. Не все из них вернутся". Он сделал паузу, давая своим словам впитаться.

Жизнь, которую ты выбрал для себя, сопряжена с опасностью, — сказал Элдрик. Провалиться — значит умереть. Быть воином — это не привилегия. Это ответственность. Ты несешь жизнь тем, кого защищаешь, и смерть тем, кто хочет им навредить. Вы должны быть готовы отдать свои жизни, чтобы выполнить эту обязанность. Паломничество доказывает вашу готовность, но мы несем ответственность за то, чтобы вы были готовы к этому путешествию, когда придет ваше время".

Он прошел вперед к месту, где выстроились мальчики. Он медленно пошел вдоль шеренги, оглядывая каждого из них с ног до головы. Он остановился перед одним, сыном кузнеца. Каждый год один или два мальчика, которые, как и Хейн, не принадлежали к семьям воинов, выдвигали свои кандидатуры; выбирали немногих.

Попробуй в следующем году", — сказал Элдрик. У тебя будет больше шансов, когда ты станешь выше и тяжелее. Нет ничего постыдного в том, что придется ждать еще год".

Мальчик кузнеца побледнел от разочарования, но кивнул и сделал то, что ему сказали, вероятно, утешаясь надеждой, что в следующем году все будет по-другому. Вульффрик почувствовал нервный трепет, гадая, что будет делать Элдрик, когда доберется до него. Его сердце заколотилось, когда Элдрик подошел ближе. Вульффрик хорошо знал его, считал его почти дядей, но сейчас он казался совершенно незнакомым. Он остановился перед Вульффриком и посмотрел на него так, словно никогда прежде не видел его. Вульффрик затаил дыхание, но изо всех сил старался выдержать взгляд Элдрика. Элдрик пошел дальше, не произнося ни слова и не показывая ничего своим выражением лица.

Вульффрик сделал глубокий вдох и постарался не выпустить его с громким вздохом облегчения. Сброс напряжения был головокружительным, и, зная, что он миновал первое препятствие, его любопытство переключилось на то, как справятся остальные. За всеми этими волнениями и неуверенностью Вульффрик не обратил особого внимания на то, кто еще готов выступить. Когда он заметил Родульфа, стоявшего дальше всех, это стало для него неожиданностью. Он тренировался уже два года, хотя это был его первый день после их с Вульффриком поединка. Конечно же, они не могли заставить его снова выставить себя вперед?

Раны Родульфа, похоже, зажили хорошо, за исключением глаза, который он потерял. Он носил тонко сделанную кожаную повязку на том, что осталось под ней. Вульффрик не чувствовал угрызений совести за нанесенные им увечья, скорее наоборот. Он чувствовал, как гнев разгорается в нем каждый раз, когда он видел Родульфа, что случалось довольно редко после их поединка. По какой-то причине Родульфа редко видели вне дома с тех пор, как он потерял глаз. И никакие увечья не могли уладить отношения между ними, как считал Вульффрик.

Вульффрик наблюдал, как Элдрик дошел до места Родульфа в очереди и остановился. Он не стал смотреть на него оценивающим взглядом, а просто покачал головой, как только тот остановился.

'Тебе здесь не место', - сказал Элдрик. Больше нет. Тебе уже говорили об этом. Тебе не

следовало приходиться сегодня. Потерять глаз из-за другого воина — это почетный знак. А чтобы подмастерье был избит обычным мальчишкой, который еще даже не подал заявку на обучение? Уходи и не возвращайся".

Родульф раскрыл рот, словно от удивления, но, видимо, он ожидал услышать то, что сейчас услышал. Все говорили, что с одним глазом ему никогда не стать воином. Он закрыл рот, не произнеся ни слова, и его передернуло от гнева. Он повернулся и посмотрел прямо на Вульфрика, прежде чем ринуться в деревню.

Еще трое были отправлены домой, двое — с надеждой вернуться на следующий год, а один — с разрушенной мечтой стать воином. Когда каждый был тщательно проверен, а все, кто был уличен в недостатках, отправлены домой, Этельман произнес.

Все вы теперь ученики Джорундира. Он ожидает, что каждый день вы будете стараться изо всех сил. Тот, кто этого не сделает, будет отправлен домой. Поздравляю.

Облегчение Вульфрика от того, что его выбрали, было недолгим. Настоящее испытание начнется на следующий день, когда начнется их обучение.

Этельман растянулся на раскладушке в своей маленькой личной камерке в задней части деревенской кирхи. Мальчик, Вульфрик, хорошо учился, и Этельман без колебаний сказал, что он готов вступить на путь воина; ученика Джорундира, как их называли те, кто принадлежал к его ордену, Серые Жрецы.

Этельман прибыл в Леондорф накануне рождения Вольфрама, наблюдал за его взрослением и теперь делал то же самое для Вульфрика. Привести в мир два поколения одной семьи — вот что заставляло Этельмана чувствовать себя привилегированным. Он убедил себя, что вполне допустимо остаться, чтобы увидеть, как Вульфрик совершит свое паломничество и станет мужчиной. Затем, пообещав себе, он пойдет дальше и займется Камнем, чего бы это ни стоило.

Это было самое долгое время, которое он когда-либо проводил в одном месте; дольше, чем дом его детства, Эрмитаж — монастырь, где он обучался, или любое из мест, куда его привело призвание за эти годы. Это также означало, что уже давно пора было подумать об отъезде. Обычно через эту местность проходил другой священник, и если действующий священник считал, что он пробыл здесь достаточно долго, они менялись местами. Жрецы должны были быть верны богам и всем людям, над которыми они председательствовали; никогда — ни одному племени или деревне. Это делало жизнь одинокой, но мало привязанной, и в этом тоже была своя привлекательность.

Его взгляд упал на старый деревянный ящик под прикроватной тумбочкой, и чувство удовлетворения, которое наполняло его мгновение назад, исчезло, сменившись беспокойством, страхом, чувством вины. Он всегда знал, что с тем, что лежит в этой шкатулке, рано или поздно придется разбираться. Одни называли его Камнем Богов, другие — Камнем Источника. У него не было четкого представления, что с ним делать, с этой глыбой странной формы, испещренной символами, которые даже он не мог прочитать.

Много лет назад настоятель Эрмитажа, где проходили обучение все Серые жрецы, отправил их на поиски Камня в рамках их посвящения. Он сказал, что они являются источником огромной силы и могут быть безопасны только в руках ответственных хранителей — священников, к которым принадлежал Этельман.

Была только одна проблема с задачей, которую поставил перед ними ректор. Уже несколько поколений никто не видел камня Источника. Этельман всегда считал это хорошим примером глупости подозрений. Знания, которые были настолько важны и хранились в такой тайне, теперь были забыты. Однако это мало успокаивало его совесть. Незнание не оправдывало того, что он десятилетиями пролежал в коробке под прикроватной тумбочкой.

Единственным спасением было то, что ни он, ни кто-либо другой не знал, как пользоваться Камнем. Временами ему до сих пор трудно было поверить, что он его нашел. Обряд посвящения Серых жрецов назывался "Поиск". Чтобы пройти посвящение, каждый молодой священник проводил год и один день, прочесывая землю в поисках Камней. Когда-то, как говорили, Камней было много, реликвии древних времен, артефакты богов. Никто толком не знал. За многие века не было найдено ни одного камня, и не было ни одного молодого священника, который бы не роптал на тщетность своей задачи. Этельман считал это не более чем традицией. Демонстрация преданности своему вероучению и способ

подготовить их к странствующей жизни, которую они будут вести. Потом он нашел один камень, он и еще один молодой жрец.

Если они найдут Камень, боги дадут им руководство, сказал настоятель. Этельман молился каждую ночь в течение многих лет, но боги так и не сочли нужным сказать ему, что делать. Его мало утешало то, что он никогда не пытался узнать его секреты или подчинить его силу своей воле. Он знал, что должен был что-то сделать, но дело было в том, что он понятия не имел, с чего начать. Он терпеливо ждал, надеясь, что боги подскажут ему. И дождался. Иногда они испытывали человека, чтобы понять его истинную ценность. Возможно, Камень был его испытанием?

Этельман понимал, что был суров к себе. От одного человека можно ожидать многого. То, что он так долго хранил Камень в тайне, уже само по себе было чем-то особенным. Он знал, что ему предстоит сделать, когда он покинет Леондорф. Он узнает, как его уничтожить, и сделает это, ибо в одном он был уверен: ему не место в мире людей. Это будет его последний поиск, то, что определит его. Эта идея показалась ему странно привлекательной.

Он продолжал смотреть на него, и одно его присутствие словно давило ему на грудь. Казалось, он все чаще занимает его мысли. Неужели боги наконец-то подсказали ему, что пора действовать?

В тот День Джорундира Вульфрик вернулся домой лишь далеко за полночь. Праздник прошел как в тумане: еда, питье, хлопанье в ладоши. Воины, которые пугали его с тех пор, как он узнал, что значит бояться, подошли и пожали ему руку, улыбаясь, — это дезориентировало, но Вульфрик никогда не чувствовал себя таким счастливым. Он добился того, что удается не каждому, и добился этого в одиночку. Он знал, что еще будет много возможностей все испортить, но он преодолел первое большое препятствие, и вид с вершины был упоительным.

Он устал, и у него болели ноги от долгого стояния, когда он поднялся по двум деревянным ступенькам на крыльцо своего дома. Какой-то звук в темноте напугал его.

Еще не время, мальчик, — сказал голос его отца. Иди сюда. Я хочу тебе кое-что показать".

Вульфрик больше всего на свете хотел спать, но отцу нельзя было отказать. И уж точно не в день Джорундира. Что, если было еще одно испытание, о котором он не знал? Вульфрик последовал за ним обратно в деревню. Празднество все еще продолжалось, и обычно тихий деревенский вечер был наполнен звуками веселья, которое могло принести только большое количество алкоголя.

Они шли молча, обходя празднования, пока не добрались до загона за деревенской конюшней. Вольфрам издал пронзительный свист сквозь зубы. Раздалось фыркание, а затем послышался звук большого зверя, идущего к ним. Из темноты вынырнула огромная черная лошадь. Он направился прямо к Вольфраму и прижался к его руке.

Его зовут Грейфелл, — сказал Вольфрам.

Вульфрик нахмурился. Он не серый. Он понял, что звучит неблагодарно, и пожалел об

этом, как только слова покинули его рот.

Вольфрам рассмеялся. 'Нет, не серый. Не поэтому он зовется Грейфелл. Одна из лошадей Джорундира, его лучшая, носила имя Грейфелл. Этот парень был бы достойным скакуном для бога, если бы он когда-нибудь решил вернуться в царство людей. За свою жизнь я вырастил много лошадей, но он — лучший".

Вульфрик протянул руку, чтобы погладить морду Грейфелла, но тот огрызнулся, как только его рука оказалась в пределах досягаемости. Вольфрам снова рассмеялся.

Он гордый, высокомерный и злобный, и он не потерпит тебя ни на мгновение, пока ты не докажешь ему, что достоин".

Вульфрик кивнул.

Я дал ему свободу, когда он был молод; позволил ему бродить по пастбищам, но он всегда возвращался", — сказал Вольфрам. Наши линии переплетены, и он знает это так же хорошо, как и я. Мой дед сражался верхом на лошади своего прадеда, и эта связь уходит корнями еще дальше. Прародитель Грейфелла умер подо мной, но только после того, как уберег меня от беды. Грейфелла почти не нужно было ломать, когда пришло время. Казалось, он знал, для чего предназначен. Я знал, что в нем есть что-то особенное с момента его рождения, что кровь его рода течет верно и по-прежнему сильна. Точно так же, как, как ты показал сегодня, сильна наша".

Заботься о нем, заслужи его доверие и уважение, и он будет с тобой до последнего вздоха. Это лучшая лошадь, на которую я когда-либо смотрел. Для меня было счастьем воспитывать и тренировать его. Теперь он твой".

Адальхаид сидела на крыльце дома Вульфрика еще долго после того, как воздух стал достаточно прохладным, чтобы чувствовать себя неуютно. Она прижимала к груди небольшую, завернутую в ткань посылочку, но понимала, что оставаться дольше бессмысленно. Это был подарок, чтобы поздравить Вульфрика с тем, что он стал учеником. Она понимала, что он может вернуться домой только после рассвета, и чувствовала себя глупо, что просидела здесь столько времени. Она ни за что не стала бы ждать его так долго.

Когда она встала и направилась к дому, то поняла, что теперь, когда он начал свое обучение, у него будет много дел. Она задумалась, сколько времени останется для нее.

Наблюдать за весельем других было тяжело для Ритшля. По большей части его самоизоляция в лесу не доставляла ему хлопот, но наблюдение за тем, как они наслаждаются собой и обществом друг друга, разъедало само его существо. В его голове проносились образы жизни, которую у него отняли. Две маленькие девочки и жена, которая нежно обнимала его, когда он просыпался посреди ночи от ужасов, которые не мог объяснить. Отнятые кровавым потоком, между каждым из которых был всего один день. Но это было не

все. Было нечто большее. Время до смерти жены, о котором даже сейчас он помнил лишь отрывки.

До их смерти это время было совершенно пустым, как будто его жизнь началась, когда он проснулся на берегу реки в полный рост одним холодным днем. Он плутал по лесу, казалось, несколько недель, прежде чем нашел деревню, которая приняла его и дала ему кров. Со временем он обрел жену и дочерей.

После их смерти ужасы, преследовавшие его во сне, стали более отчетливыми. Воспоминания о падении, о холодной, яростной воде, о панике. Воспоминания о камне, могущественном и древнем предмете. Воспоминания о человеке. Священнике, за которым он сейчас наблюдал.

Прошли годы странствий из деревни в деревню, пока он нашел лицо, которое соответствовало тому образу в его сознании, и теперь он был уверен, что нашел. Когда он наблюдал за священником в сером одеянии, что-то показалось ему странно знакомым. И тут его осенило. Он сам был священником. Священник Ритшль. Эта мысль заставила его рассмеяться. Странное дело, как работает разум, и давно забытые вещи могут вернуться в память такими же свежими, как в день их создания.

Жрец Этельман забрал камень у Ритшля, в этом он был уверен. Теперь настало время вернуть его обратно. Он даст ему все, что он хотел, и даже больше. Он будет принадлежать ему, и он не позволит ничему встать на его пути.

Отец Вулфрика показал ему, как обращаться с мечом, с тех пор как он решил стать воином; как правильно держать меч, как выполнять основные удары и парирования. Однако ему предстояло проделать большую работу, чтобы догнать своих сверстников.

К тому времени, когда Вулфрик пришел на первый день тренировок, на поляне уже было несколько человек, причем задолго до назначенного часа. Среди них были Элдрик и Анжест, два самых известных воина деревни. Анжест наводил на Вулфрика ужас с тех пор, как он впервые увидел его в детстве. Его присутствие только усугубляло нервозность Вулфрика; оно заставляло его сомневаться, действительно ли он хочет быть здесь. Его кровать казалась гораздо лучшим вариантом.

Анжеста также называли Бичом белеков за то, что за годы своей жизни он убил не менее полдюжины свирепых зверей. В деревне шутили, что он убил так много больших, клыкастых, похожих на кошек существ, что никто уже не считал их. Однако за свое геройское звание он заплатил высокую цену, что и стало причиной страха Вулфрика. Он был покрыт ужасными шрамами, каждый белек выцарапывал на его лице память о себе. Вульффрик был не одинок в своем страхе: младшие дети в деревне разбежались и убежали при виде его приближения. Теперь, казалось, самый страшный человек в Леондорфе должен был стать его наставником.

К назначенному часу все ученики были в сборе. Было еще рано, и все выглядели уставшими. Вульффрик, конечно, чувствовал себя таковым, так как не выспался за предыдущую ночь. Это было не самое лучшее начало занятий, но с этим ничего нельзя было поделать.

Анжест подошел к новичкам, его взгляд остановился на Вульффрике и Хейне.

'Кто-нибудь из вас умеет пользоваться мечом?' сказал Анжест.

Его голос был резким и хриплым, что, несомненно, было следствием шрама на шее. Вульффрик старался не смотреть на него, но трудно было не задаться вопросом, как ему удалось выжить после ранения, которое вызвало этот шрам.

И Вульффрик, и Хейн с готовностью кивнули. Вульффрик не чувствовал себя настолько уверенным в своих утверждениях, как показалось Хейну. Мечи все еще казались ему неповоротливыми гирями, а не ловкими и изящными штуками, какими они казались в руках опытного воина.

Анжест посмотрел на Элдрика и улыбнулся — выражение его лица стало еще более отвратительным, чем раньше. 'Ну, сегодня это тебе не очень пригодится. Мы начнем с квотерстафов'.

Вулфрик застонал, но сделал это очень тихо, чтобы его услышали. Он никогда раньше даже не держал в руках квотерстаф. Все остальные поспешили взять оружие из кучи. Вульффрик, стоявший в конце группы, взял все, что осталось. Когда он огляделся, оказалось, что Хелфрик был единственным учеником, оставшимся без пары.

Хелфрик был не намного крупнее Вулфрика, несмотря на то, что старше его на два года, но он был силен. Его коричневая борода уже начала отрастать, отчего он казался Вулфрику еще старше, а сам он держался уверенно, как человек, которому ничуть не угрожает соперник. Годы мучений, которым он и другие дружки Родульфа подвергали Вулфрика, заставили его внутренности скрутиться. Он был порочен, но всегда был последовательным.

Возможно, без того, чтобы кто-то указывал ему, что делать, он не был бы таким проблемным.

Хелфрик откинул с лица вьющиеся каштановые волосы и улыбнулся Вульффрику, когда они встали друг напротив друга.

Ну, толстяк, — сказал Хелфрик. Похоже, ты пропустил несколько приемов пищи за последние пару месяцев".

Вулфрик ничего не ответил. Если бы он продолжал говорить, когда был отдан приказ начинать, Вулфрик смог бы его опередить.

Не знаю, как тебя взяли на тренировку, но после того, как я несколько раз поколочу тебя, я уверен, что тебя отправят домой к матушке".

'Ты выглядел больше, когда стоял позади Родульфа', - сказал Вульффрик.

Хелфрик оглянулся через плечо на Элдрика и Анжеста. Вулфрик проследил за его взглядом. За его глазами мелькнула яркая вспышка, и он попятился назад. В его ушах зазвучал тупой звук удара квотерстафом Хелфрика по его виску. Мгновение спустя к нему присоединилось слово "начинай".

Он едва контролировал свои мысли, когда Хелфрик снова набросился на него. Он гадал, видели ли Элдрик или Анжест, что сделал Хелфрик, но он знал, что Хелфрик не был бы настолько глуп, чтобы его заметили. Однако времени на раздумья не было. Было ясно, что Хелфрик хотел, чтобы унижение Вульффрика было быстрым.

Вульффрик изо всех сил старался не упустить удары, наносимые ему с обоих концов квотерстафа. Даже если бы его голова не кружилась, он бы не справился; у Хелфрика было гораздо больше практики в обращении с квотерстафом, чем у Вульффрика. Он ударил Вулфрика по бедру низким ударом, а затем по плечу высоким. Это вывело Вулфрика из равновесия, и Хелфрик смог ловко подмять его ноги под себя. Не успел он понять, что произошло, как оказался сидящим на спине.

Подняв голову, он увидел, что Хелфрик стоит над ним. С осторожностью, граничащей с деликатностью, он ударил Вульффрика прикладом своего квотерстафа по лицу, угодив ему в переносицу с болезненным хрустом. Вульффрик изо всех сил старался подавить крик боли, и когда он сморгнул слезы с глаз, то увидел вторую фигуру, стоящую над ним: Анжеста.

'Все в порядке, — сказал воин со шрамом. Ты не был самым красивым, так что это не имеет большого значения. Лучше сходи к Серому Жрецу и вправь его".

Вульффрик слышал, как Хелфрик хихикал, поднимаясь на ноги. Он чувствовал, что его стыд усиливается, а бессилие одолевает. Если не считать отсутствия Родульфа, все было как в старые добрые времена. Так больше продолжаться не могло. Если он надеялся сохранить свое ученичество.

Родульф наблюдал за тренировками подмастерьев, но получил лишь легкое удовлетворение от того, как Хелфрик сделал Вульффрику выволочку. Он только жалел, что не смог сделать это сам. Ему было тошно смотреть на них, он знал, что должен быть там, доказывая, как доказывал каждый день в течение двух лет обучения, что заслуживает своего

места. Он был не хуже любого из них, даже с одним глазом.

Унижение от того, что его отвергли в День Джорундира, горело в нем, но не омрачало осознания того, что его мечте стать воином пришел конец. Поначалу его отец был в ярости. Это был его великий план — получить доступ в Большой зал через своего сына, воина. Однако Родульфа мало волновало его разочарование, только то, что это означало для него самого.

Ему стало интересно, как будет выглядеть Вульфрик с одним глазом. В нем кипела ненависть, но отец категорически запретил ему мстить. Теперь, когда он больше не был подмастерьем, их положение стало шатким. Они снова стали простой купеческой семьей, и любой воин был бы в праве убить одного из них за нанесенное оскорбление. Если Родульфа поймут за мстью, это будет означать смерть для него и, скорее всего, для его отца.

Отец говорил, что им слишком многое предстоит потерять, но ведь он еще не потерял глаз и мечту всей жизни. Временами от ненависти к Вульфрику у Родульфа кружилась голова, но это не означало, что он был дураком. В словах его отца был смысл. Не было смысла бросать свою жизнь ради того, чтобы разрушить жизнь Вульфрика. Однажды представится возможность отомстить. Когда это произойдет, он станет богатым и влиятельным. Неприкасаемым, и его месть будет абсолютной. А до тех пор он должен быть терпелив.

Первые дни тренировок были настолько утомительными, что Вульфрик почти забыл о Грейфелле. Он вставал до рассвета, заставлял себя есть, тренировался, ел еще и еще, а потом валился в постель. Это был лишь вопрос времени, когда их тренировки перейдут на лошадей, и к тому времени ему нужно было наладить как можно более прочные отношения с Грейфеллом. Последнее, что ему было нужно, — это сражаться со своей лошадью, а также со своими товарищами по учебе. Несмотря на усталость, он заставил себя выйти за дверь, а не сразу лечь спать, и направился к конюшням.

Отец оставил Грейфелла в загоне, чтобы облегчить ему работу. Если жеребца выпустить на пастбище, то до его возвращения могли пройти недели. Грейфелл стоял гордо, но в одиночестве. Все остальные лошади в загоне собрались на противоположной стороне.

Грейфелл с интересом наблюдал за приближением Вульфрика. Обычно остальные лошади подходили к забору в надежде получить яблоко или горсть овса. В этот день все они держались в стороне, словно слишком боялись Грейфелла, чтобы перспектива получить угощение стоила того, чтобы тревожиться. Это заставило Вульфрика усомниться в собственной беззаботности. Он расспрашивал, как лучше обращаться с таким животным, как Грейфелл, начиная с конюхов и заканчивая лучшими наездниками в деревне. Советы были одни и те же: когда имеешь дело с энергичным зверем, не проявляй страха.

Вульфрик уже сбился с шага. Видел ли это Грейфелл? Он отбросил сомнения в сторону и целеустремленно зашагал вперед. Он планировал провести некоторое время, выгуливая Грейфелла по загону, чтобы они привыкли друг к другу. Для этого Вульфрику нужно было надеть на него уздечку. В принципе, это было простое дело, которое он уже делал много раз. На деле же все оказалось гораздо сложнее. Грейфелл был огромным конем, самым крупным из всех, с которыми Вульфрику когда-либо приходилось иметь дело. Его шерсть была черной,

но когда на нее падало солнце, она покрывалась серым блеском. Это был великолепный, внушающий ужас зверь.

Вулфрик решил попробовать надеть уздечку с другой стороны забора, она обеспечивала достаточную защиту, чтобы укрепить его уверенность. Он разложил различные куски кожи и куски металла так, что все, что ему нужно было сделать, это надеть уздечку на морду Грейфелла, а затем закрепить ее.

Грейфелл, я Вулфрик, и мы теперь братья". Это казалось смешным, но он не мог придумать ничего другого. Учитывая будущее, которое они, скорее всего, разделят, это не казалось таким уж надуманным.

Грейфелл никак не отреагировал. Вулфрик потянулся за уздечкой, и Грейфелл злобно огрызнулся. Вулфрик вовремя отдернул руки, едва избежав неприятного укуса. Вот тебе и чувство долга и традиций, подумал Вулфрик.

Покажи ему кнут, — крикнул конюх. Он уже дважды пытался убить меня сегодня. Нужно привить ему хорошие манеры".

Вулфрик знал, что ни один уважающий себя воин никогда не показывает своему коню кнут. Конюх ходил по загону с длинным кнутом. Он протянул его Вулфрику.

"Это обычно работает? спросил Вулфрик, уже отбросив всякую возможность его использования.

'Дает им понять, кто здесь хозяин'.

Кнут был уродливой, злобной штукой; длинная, тонкая полоса бычьей шкуры. Мысль о том, чтобы использовать его на живом существе, вызывала у Вулфрика тошноту. Вулфрик снова потянулся к уздечке, зная, что конюх смотрит на него. Он уставился на Грейфелла со всей властью, на которую только был способен. Губы коня дернулись, словно он готовился укусить, но Вулфрик не отводил взгляда, а его руки двигались вперед. Его сердце бешено забилося, когда он почувствовал, как кожа уздечки коснулась морды Грейфелла. Огромный конь слегка дернулся, но не сдвинулся с места. Вулфрик натянул уздечку, чтобы просунуть ее через уши Грейфелла. Он задержал дыхание, застегивая пряжку, но Грейфелл позволил ему. Казалось, он понял, о чем говорил Вулфрик, и вел себя так, чтобы насолить конюху.

Когда уздечка была застегнута, а в рот Грейфелла вставлено удило, Вулфрик погладил его по морде. Сердце Вулфрика все еще колотилось, и он ожидал, что Грейфелл в любой момент огрызнется, но долгожданного укуса так и не последовало. Они сделали первый шаг на их совместном пути, но впереди было еще много других. Вулфрик сомневался, что Грейфелл подчинится любому из них без сопротивления.

Ожидание и наблюдение доводили Ритшля почти до безумия. Как бы он ни был уверен, что жрец Этельман был тем человеком, которого он помнил, он не мог быть уверен, что Камень все еще у него. Тот факт, что он вел такую скромную жизнь, заставлял Ритшеля беспокоиться о том, что он потерял его или что кто-то более достойный уже забрал его у него. Так или иначе, он должен был знать наверняка.

Его способность растворяться на заднем плане была малоэффективной. Насколько он

мог судить, она работала только впереди. Любой человек позади него или сбоку все равно мог его увидеть. В многолюдной деревне было бы почти невозможно остаться незамеченным. Даже ночью на страже стояли воины, не говоря уже о собаках, цыплятах, гусях и свиньях, и любой из них мог поднять такой шум, что жители деревни узнали бы о его присутствии. Риск был велик, но он знал, что должен пойти на него. Он должен был знать наверняка.

Он дождался ночи и стал наблюдать за палисадом, ожидая удобного случая. Когда такая возможность представилась, он забрался на низкое место и перемахнул через него. Он упал на другую сторону, и ветер вырвался из его старой груди. Он старался дышать как можно тише, надеясь, что не насторожил стражников.

Удовлетворенный тем, что его не обнаружили, он двинулся дальше в деревню, переходя из тени в тень. Кирха находилась почти в самом центре, окруженная открытым пространством. Он не мог представить себе худшего места для нее — по крайней мере, для его целей.

Он услышал голоса и увидел свет фонаря. Он бросился в темную тень и вжался в нее так глубоко, как только мог, пока звук и свет не исчезли. Затем, встав на четвереньки, он пополз вперед.

Он не успел далеко уйти, как понял, что его тело слишком старо для такой работы. Суставы кричали в знак протеста, и если бы возникла необходимость бежать, он был бы не в состоянии. Все рухнет, и Камень никогда не будет принадлежать ему. И все же он должен был знать. Он должен был получить его. Он пошел дальше, приседая и прикрываясь невысокой стеной, пока не достиг места, где не было ничего, кроме открытого пространства. Там он остановился, не желая идти дальше.

Присутствие Камня дало о себе знать. Ощущение было таким же твердым, как теплые, любящие объятия. Он чувствовал, как энергия богов кружится вокруг него, окружая кирху, словно невидимый водоворот. Он закрыл глаза и улыбнулся от радости, которую она ему принесла. Она хотела его так же сильно, как и он ее. Камень был там, всего в нескольких шагах от него. Он все еще был у жреца. Должно быть, этот дурак не мог понять, как им пользоваться.

В голове всплыло лицо Этельмана, так ясно, словно он стоял прямо перед ним. Стоял на мосту и наблюдал. Смотрел, как Ритшь падает, падает и падает, а потом погружается в ледяную воду. Все это имело смысл. Этельман хотел заполучить его себе и пытался убить. Должно быть, он столкнул Ритшю с моста. Ритшь подумывал о том, чтобы оказать ему ответную услугу, но понял, что радость от того, что Этельман остался жив — зная, что Камень был отнят у него, что он не был достаточно достоин, чтобы воспользоваться его силой, — была куда более приятной.

От того, что Камень был так близко, его кожа покрылась мурашками. Ему хотелось броситься вперед и взять его, но даже в темноте ночи он никак не мог добраться до кирхи незамеченным. Риск того, что его старое тело предаст его, был слишком велик, и он не мог оплошать, не сейчас, когда он был так близко. Он заметил движение справа от себя и присмотрелся. На ветке висела серая мантия, высыхая на легком ветерке. Он протянул руку и взял его в руки, в его голове зародился новый план.

Родульф увидел, что Хелфрик идет через площадь пружинистым шагом. Должно быть, это здорово — все еще находиться на пути к тому, чтобы стать воином, подумал он. Он не разговаривал с Хелфриком с того дня, когда его отстранили от отбора. Да и ни с кем из его друзей, если подумать. Он был настолько поглощен тем, что ему делать со своей жизнью теперь, когда он не собирается становиться воином, что не замечал их отсутствия. Он трусцой побежал через площадь к Хелфрику.

Хелфрик! Родульф широко улыбнулся, когда догнал своего друга. 'Как проходят тренировки?'

'Хорошо', - ответил Хелфрик. Времени ни на что другое не остается, даже на сон".

Хотел бы я быть там с тобой, — сказал Родульф. Может быть, в следующем году они передумают. Позволят мне вернуться".

Хелфрик кивнул. 'Может быть, в следующем году', - сказал он, но в его голосе не было энтузиазма. На днях я набил задницу этому маленькому засранцу Вульффрику, — сказал Хелфрик, уже смеясь. Для пущей убедительности я вправил ему нос своим квотерстафом и отправил его с визгом в кирху, чтобы его собрали обратно".

Родульф улыбнулся. Не думаю, что он долго продержится. Все знают, что он не справится". Родульф увидел, как бледные глаза Хелфрика переместились на его повязку. Неужели он действительно думал, что это не более чем удача? Мог ли он думать, что Вульффрику удастся сделать это во второй раз?

'Возможно, ты прав', - сказал Хелфрик. Еще несколько побоев, подобных тому, что я ему нанес, и Элдрик отправит его на тот свет".

"Надо делать ставки на то, сколько он продержится", — сказал Родульф, смеясь. Я подумал, что мы могли бы взять Рорика и Вальмера и отправиться на охоту в один из дней следующей недели".

Хелфрик поморщился. 'Я не думаю, что это хорошая идея. Ты ведь понимаешь, не так ли? Никаких обид?'

"Никаких обид", — сказал Родульф, когда Хелфрик продолжил свой путь. Он все прекрасно понимал. У него не было шансов стать воином, и теперь его не хотели видеть рядом с ним. Его мысли снова обратились к Вульффрику, наполняясь яростью.

Этельман гордился тем, что умел находить радость в самых простых вещах. Прикосновение солнца в летний день, красота облака, проплывающего по небу, нежная форма ветра, несущего его. Даже когда зима проявляла первые признаки своего прихода, красота была налицо. Он часто стоял на вершине ступеней, ведущих к кирхе, и наблюдал за деревней и ее жителями.

Он увидел, как Адалхаид остановилась возле маленькой собаки, лежавшей на краю площади. Он видел, как она хромала по деревне день или два — бродячая или выброшенная хозяином из-за травмы, Этельман не знал. Так или иначе, жизнь у нее будет короткой.

Северные земли были суровым местом, особенно зимой, и жестоким ко всему, что не могло само за себя постоять.

У девушки было доброе сердце, но, как он опасался, слишком доброе для Севера. У нее, несомненно, был ум, который там пропадет зря, и ему было грустно думать, что ее жизнь может свестись лишь к домашнему хозяйству. Он подумывал о том, чтобы предложить ей священство. У нее была страсть к учебе, а Эрмитаж был единственным местом в Северных землях, где была библиотека. Однако это была не идеальная жизнь, и он опасался, что она ей не понравится. Быть женой кожевника или кузнеца было бы лучше? Надо будет еще подумать над этим.

Она встала и отошла от собаки. Этельман отступил в дверной проем кирхи, не желая, чтобы она знала, что он наблюдал за ней. Собака встала и побежала за ней, ничуть не хромя, яростно виляя хвостом. Этельман поднял свои большие кустистые брови, его рот широко раскрылся, а затем изогнулся в не менее широкую улыбку.

Что ты делаешь? спросила Адалхаид.

Вулфрик поднял глаза от кучи опилок и щепок. 'Я делаю себе учебное оружие'.

Разве они не дают его тебе?

'Дают. Просто мне нужно потратить немного больше времени'.

'Я удивлюсь, если ты сможешь его найти', - сказала она. Ты, кажется, тратишь каждую свободную минуту на тренировки. Я даже не видела тебя последние несколько дней'.

В ее голосе прозвучала обида, и Вулфрик понял, что она права. Он был так занят, что это даже не пришло ему в голову. Он поднял глаза от куска дерева, который стал походить на меч, чтобы извиниться, и заметил маленькую мохнатую серую мордочку, выглядывающую из-под ее юбки.

'Ты знаешь, что у тебя в юбке прячется собака', - сказал он.

Конечно, — ответила Адалхаид, как будто это была самая обычная вещь в мире.

Есть ли для этого причина?

'Нет. Он ходит за мной по пятам весь день. Я собираюсь спросить отца, могу ли я оставить его у себя'.

'Ты знаешь, что он станет намного больше, не так ли. Это щенок охотничьей гончей'.

'Я не против,' сказал Адалхаид. Я все равно не могу заставить его перестать следовать за мной'.

Как его зовут?

'Я не подумала об этом', - сказала она. На мгновение она сморщила нос, задумавшись. 'Спот'.

'Он гладкошерстный...' сказал Вулфрик.

А у тебя есть черная лошадь по имени Грейфелл.

Вулфрик пожал плечами.

'Это мило, и ему идет'. Она потянулась вниз и почесала Спота за ушами, что ему, похоже, понравилось. Я собираюсь взять его на прогулку. Я подумала, не хочешь ли ты

пойти со мной?

Вулфрик посмотрел на свое наполовину готовое оружие и подумал об укромном местечке за деревьями, где он мог бы заниматься втайне. Он знал, что ему следует делать, и знал, что он предпочел бы делать.

'Подожди минутку', - сказал он. Я возьму свой плащ". Его новый режим мог подождать еще один день.

В течение некоторого времени спрос на северные товары на юге превышал возможности Леондорфа и, что более важно, Донато. Немногие деревни северян торговали на юг, особенно те, что находились к северу от Леондорфа, например, Расбрук. Они и понятия не имели, сколько стоят их товары на юге. Донато знал это слишком хорошо. Ему оставалось только одно — заполучить в свои руки как можно больше.

Расбрук был единственной деревней на многие мили вокруг, которая могла соперничать с Леондорфом по размерам, а значит, и по производству. Он мог потратить месяцы, путешествуя по маленьким деревням, заключая сделки, чтобы получить то, что ему нужно, или сделать все одним махом. Риск был велик — Расбрук и Леондорф были традиционными врагами, хотя между двумя деревнями некоторое время существовало состояние мира. Тем не менее, прибыль всегда была наибольшей там, где риск был наибольшим, и Донато не хотел, чтобы его южные контакты искали поставщиков в другом месте.

Так как мечта Родульфа стать воином уже не сбылась, ему нужно было освоить семейный бизнес, и поездка в Расбрук стала прекрасной возможностью. Однако главным стимулом была финансовая выгода. Теперь у них не было будущего в Северных землях. Родульф не даст Донато доступа в Большой зал, а Донато не останется в Леондорфе, пока он и его семья будут вынуждены кланяться воинам.

У него уже было много денег, но этого было недостаточно, чтобы быть значимым человеком на юге. Комфортное существование — это не то, чего он так долго и упорно добивался. Он хотел большего. Он хотел влияния и власти. И то и другое можно было получить на юге, если он был достаточно богат. Единственное, что имело значение, — это монеты, и Северные земли были идеальным местом, чтобы их заработать. Когда у него будет достаточно денег, он бросит свою семью и переедет на юг, где они станут торговыми принцами, а воины Нортленда смогут валяться в грязи в своих мехах и грубых одеждах до возвращения богов.

Никогда нельзя было терять времени на новые возможности. Если бы человек остановился в своих размышлениях, он был бы превзойден в достижении цели. Он быстро сделал все приготовления и планировал выехать до рассвета следующего утра — до того, как кого-нибудь из его соперников захватит та же идея.

На следующее утро Родульф был угрюм и молчалив. Донато добился от него лишь нескольких ворчаний в знак согласия, когда они оседлали лошадей и выехали из деревни. Северные земли были во власти зимы, и Донато ожидал, что пройдет всего несколько дней, прежде чем снежные заносы сделают дороги практически непроходимыми. Они тепло укутались, и их дыхание наполняло воздух вокруг затянутым туманом. Для него это имело мало значения. Его волновало лишь то, сколько золота он сможет положить в карман. На юге, казалось, был бесконечный аппетит на меха, янтарь, драгоценные металлы и

самоцветы. Одна деревня могла произвести лишь столько. Если бы Донато смог заполнить в свои руки Расбрук, он был бы очень счастливым человеком.

Когда они ехали из деревни, единственными звуками были стук копыт по грязной дороге и редкое фыркание лошадей. Донато отвлекся на мысли о том, что может означать эта новая возможность.

На юге все будет лучше. Погода, еда, культура. Все. Если бы к деньгам к северу от границы относились с таким же уважением, все было бы по-другому. Земля и богатство были тем, чего больше всего жаждали правители юга, а в Северных землях было много и того, и другого. Густые леса и свирепые воины, воспитанные для сражений в них, всегда удерживали южан на их стороне границы, однако они не позволяли упустить столько возможностей. Донато собирался использовать их по полной программе. К тому времени, когда кто-нибудь поймет истинную ценность, он сделает состояние в несколько раз больше и будет считаться одним из самых могущественных людей юга.

Мои колени и бедра становятся слишком старыми для таких прогулок, — сказал Белгар. Скоро ты будешь совершать эти прогулки самостоятельно".

'Твои дни борьбы с белеками, конечно, давно позади', - сказал Этельман.

'Ха! Борьба белеков. Ты хоть одного зверя видел?

Видел, — сказал Этельман. Как ты и сам знаешь.

Белгар замолчал. 'Конечно. Я забыл'. Они шли молча в течение минуты. "Как я мог забыть о чем-то подобном?

Это случается с лучшими из нас", — сказал Этельман, стараясь как можно более пренебрежительно отнестись к ошибке.

Этельман и Белгар время от времени прогуливались вместе по утрам. Этельман всегда с нетерпением ждал этого. Они были двумя самыми старыми людьми в деревне, причем он — с довольно значительным отрывом. Учитывая, что Белгар в свое время был знаменитым воином и первым воином деревни на протяжении двух десятилетий, его возраст был куда более внушительным, чем возраст Этельмана, даже если он был меньше на несколько десятилетий. Несмотря на седые волосы и сильно осунувшееся лицо, в голубых глазах Белгара все еще светилась бодрость человека в возрасте. То, что он до сих пор жив, свидетельствовало о его высоком мастерстве владения оружием.

Этельман знал, что его собственное долголетие во многом обусловлено связью с энергией, исходящей от богов, — той самой силой, которая позволяла ему, помимо прочего, скреплять кости и держать старый меч прижатым к земле каждый День Джорундира. В былые времена, когда царила Империя, а ее маги путешествовали по миру, пытаясь узнать ее секреты, эту энергию называли "Источник" за южной границей. Когда Империи давно не стало, а магия была объявлена вне закона, о ней почти забыли в великих городах, таких как Бриксен или Остенхайм. Там, где властвовали старые боги, магия все еще жила. У энергии были и другие, более древние имена, но большинство из них были давно забыты или написаны необычным древним шрифтом, который никто не мог прочесть. Именно из тех времен пришел Камень, запертый в его комнате, из тех времен, когда магистры ходили

рядом с богами и были ограничены только своим воображением.

Этельману нравилось думать, что его собственное мастерство жреца и целителя в какой-то мере способствовало сохранению жизненной силы Белгара, но он знал, что долго это продолжаться не может, и мысль о потере друга стольких лет причиняла ему боль. Это было проклятие священства, и одна из многих причин, по которым им рекомендовали двигаться дальше, прежде чем они слишком привяжутся к одному месту или одному народу.

Этельман наслаждался разговорами во время прогулок, с удовольствием слушая, как Белгар рассказывает истории своей молодости: о битвах, женщинах, озорстве. Этельман присутствовал при некоторых из этих историй, но ему все равно было приятно слушать их снова, наслаждаясь тем, как слабеющая память старика окрашивает события, которые для Этельмана оставались ясными, как хрусталь. Это почти заставило священника пожалеть, что он не родился для меча, а не для седины.

Голос Белгара был единственным звуком, нарушавшим тишину утреннего воздуха, пока они не приблизились к концу пастбища и опушке леса. Этельман протянул руку, чтобы остановить Белгара, и указал в направлении нового звука. Они обогнули куст деревьев и увидели Вульфрика, который бил по стволу дерева.

Похоже, он намерен убить это дерево", — сказал Этельман.

'Все, что может ударить в ответ, кажется, слишком сложно для него', - сказал Белгар.

'О? Сломанный нос не был просто так?'

Белгар покачал головой. 'Он пришел к этому слишком поздно. Другие его возраста намного опережают его. Если к следующему лету он все еще будет тренироваться, я буду поражен. Для Вольфрама это будет разочарованием, но так иногда бывает. Не все созданы для такой жизни".

'Похоже, он очень хочет', - сказал Этельман. Я не вижу, чтобы кто-то из других здесь работал в дополнительное время.

Рубить шишки на дереве — это научит его рубить пиломатериалы, а не быть воином. Он зря тратит свои усилия".

'Возможно, небольшое руководство помогло бы'. Этельман оставил это замечание висеть в воздухе.

Белгару потребовалось мгновение, чтобы уловить не слишком тонкий намек. В раздумье он дернул за косичку своих длинных белых волос.

'Ты хочешь сказать, что я должен ему помочь?' Его старое обрюзгшее лицо исказилось в недоверии.

'Разве вы не думаете, что все те дополнительные усилия, которые он прилагает, заслуживают некоторого признания? Вознаграждения, даже?'

'Да ладно. Мы готовим воинов, а не молокососов. Награды не заслуживают, их получают. Их берут. В любом случае, это ответственность его отца".

'Его отец — Первый Воин', - сказал Этельман. Я не помню, чтобы у тебя было много времени на что-то, когда это было твоей обязанностью".

'Не только у него нет времени', - сказал Белгар. У меня его и так мало осталось, чтобы тратить его на него".

'Я вижу в парне потенциал. Я признаю, что он появился поздно, но он есть. Было бы жаль, если бы он пропал зря".

'У меня от тебя голова болит, к моим болям в колене и бедре, священник', - сказал Белгар. Ты должен их снимать, а не усиливать. Я возвращаюсь. Увидимся позже".

Этельман остался на месте и смотрел, как Белгар идет обратно к деревне. Угрюмость Белгара забавляла его. Этельман знал, что семя уже посеяно, хотя пройдет день или два, прежде чем эта идея начнет грызть Белгара до такой степени, что он начнет действовать. С кривой улыбкой он обернулся и посмотрел на Вульфрика, который продолжал рубить дерево, не обращая внимания на своих слушателей. Этельман был уверен, что если мальчик будет приходить каждое утро, то максимум через несколько дней он получит неожиданные частные уроки.

Вульфрик шел к своему тайному месту тренировок, пока еще было темно. Он с трудом поднялся с постели, его усталое тело болело при каждом движении. Он заставлял себя идти дальше, зная, что ему крайне необходимы дополнительные тренировки. Он дошел до дерева, которое служило ему партнером для спарринга. Он выломал всю траву у его основания, а его постоянные атаки содрали кору, обнажив бледную древесину под ней. Он поморщился, отпустив свой тренировочный меч, намереваясь начать день с квотерстафом. Волдыри на его руках были открыты и кровоточили. За то время, что прошло с момента сбора вещей перед выходом из дома, дерево прилипло к его руке. Еще день-два, и он не сможет даже держать оружие, не говоря уже о том, чтобы им пользоваться. По дороге на тренировку ему придется заглянуть в кирху, чтобы взять у Этельмана мазь.

Он пытался убедить себя, что все это — воспитание характера; что одно из испытаний воина — переносить трудности и все время требовать от себя самого лучшего. Он неуверенно ударил по дереву своим квотерстафом. Его руки болели, а мышцы были медленными и тяжелыми. В лучшем случае это была полусерьезная попытка, в худшем — слабая, если быть строгим к себе.

'Тренируйся умнее, а не усерднее, парень!'

Вульфрик подпрыгнул при звуке голоса, и ему потребовалось мгновение, чтобы узнать его. Из-за деревьев вышел Белгар. При виде Белгара Вульфрик почувствовал себя неполноценным. В пятнадцать лет он убил белека, сражался и победил в более чем сотне личных боев и многократно заслужил свое прозвище "Белгар Смелый". Большую часть своей жизни он был первым воином, прежде чем передал эту мантию отцу Вульфрика. Теперь, в возрасте, до которого мало кто из воинов мог дотянуть, он проводил большую часть времени, возглавляя деревенский совет. Вульфрик пару раз слышал, как его называли Белгаром Старым, но никогда — когда он был в пределах слышимости. Он был человеком, на которого все хотели произвести впечатление.

Покажи-ка мне руки, парень, — сказал Белгар.

Вульфрик положил квотерстаф и осторожно отделил ладони от липкого дерева. Белгар был не из тех, кому можно отказать, поэтому Вульфрик протянул ему руки.

Ты, проклятый маленький идиот, — сказал Белгар. Они похожи на рубленое мясо. Чего ты ожидаешь добиться с такими руками?

'Я не знаю', - сказал Вульфрик.

Я думал, что ты должен быть умным, мальчик. Я подумал, не пригодится ли тебе это обучение, но, похоже, лучше было бы потратить время на то, чтобы биться головой о дерево".

'Я должен хотя бы попытаться,' сказал Вульфрик. Если меня выкинут из обучения, это будет не потому, что я недостаточно старался". В его голосе звучал гнев.

Белгар с минуту изучал его, почесывая свою короткую белую бороду. 'Сходи к священнику и разберись с этим. А потом иди домой".

Сердце Вульфрика упало.

Ешь, спи, лечи руки. Приходи на тренировку через три дня. Встретимся здесь утром. Я покажу тебе, что тренироваться умнее не значит тренироваться усерднее".

Я не хотел, чтобы кто-то знал, что я занимаюсь дополнительно", — сказал Вулфрик.

Нет. Я и не думал, что тебе это понравится. Я не скажу, если ты этого не сделаешь. Если расскажешь, ко мне будут стучаться все подмастерья в деревне. А теперь иди и делай, что тебе говорят. Вернись сюда через три дня. И скажи Этельману, что если к тому времени он не починит твои руки, я захочу знать причину".

Вулфрик направился прямо к кирхе, как велел ему Белгар. Он не любил пропускать тренировки, но когда Белгар говорил тебе что-то сделать, ты это делал. Вулфрик надеялся только, что Элдрик узнает об этом, так как оправдания и объяснения никогда не были хорошо приняты на тренировочной поляне.

К тому времени, как Вулфрик добрался до кирхи, прибыл первый ученик — самый прилежный, Адальхаид, а Спот отставал всего на несколько шагов.

Ты рано встал, — весело сказала она. Взволнован перспективой еще одного дня выбивания шишек друг из друга?

Что-то вроде этого, — сказал Вулфрик. Спот обошел их кругом, затем направился к рукам Вулфрика, которые он пытался обнюхать и облизать. Вулфрик защитно отдернул их.

Что случилось?" — сказала она, протягивая руку и беря одну из его рук. 'Что ты с ними делал?' — добавила она, увидев повреждения.

Вулфрик пожал плечами. 'Тренировки были тяжелыми'.

Без рук будет намного труднее. Так и будет, если ты будешь продолжать в том же духе. Тебе лучше сразу же обратиться к Этельману".

'Вот почему я здесь', - сказал Вулфрик.

Адалхаид нахмурилась. 'Ты хочешь сказать, что не для того, чтобы увидеть меня?' Она дала ему немного поразмыслить, затем улыбнулась и игриво ударила его по руке. 'Да ладно. У него есть время посмотреть на них до начала занятий".

Он пошел с ней внутрь, где Этельман готовился к занятиям.

'Вулфрик,' сказал он. Планируешь вернуться к ученым занятиям?

'Он повредил руки', - сказала Адальхаид, прежде чем Вулфрик успел ответить.

Она заботилась о нем, как всегда, но он больше не нуждался в заботе. Он подумал, как заставить ее понять это, а затем задался вопросом, почему это так важно.

Давай посмотрим, — сказал Этельман. Он поморщился, увидев руки Вулфрика. Это довольно неприятно, но нет ничего, что мы не могли бы исправить".

Этельман протянул одну из ладоней Вулфрика и поднял к ней другую руку, затем сделал паузу.

'Нет,' сказал Этельман. Давай попробуем что-то другое. Адальхаид, дай мне свою руку".

Она сделала это, но на ее лице появилось озадаченное выражение, отражающее выражение лица Вулфрика. Этельман поднял ее и положил на раненую ладонь Вулфрика.

'Итак, зачем ты привела ко мне Вулфрика?'

Потому что я хотела, чтобы ты исцелил его руки.

'Исцелить его руки. Именно. Думай об этом желании. Сконцентрируйся на нем".

Вулфрик увидел, как она нахмурила брови, как это всегда бывало, когда она полностью

посвящала свой ум чему-то. Он усталился на свою руку, но ничего не происходило. Бровь Адальхаид нахмурилась еще больше, а затем она издала вздох.

'Я не могу этого сделать, — сказала она со вздохом. 'Я не знаю, как'. Она повернулась и пошла прочь в разочаровании.

Вулфрик ничего не сказал. Он был ошеломлен тем, что в тот момент, когда она нахмурилась, почувствовал холодок на своей руке, точно такой же, как и тогда, когда Этельман исцелил его. Он был не таким сильным, но он и не предполагал этого. Этельман посмотрел на него со знающим выражением лица, которое часто бывало у него, и которое говорило о том, что он понимает об окружающем мире гораздо больше, чем кто-либо другой. Прежде чем Вулфрик успел что-то сказать, холод вернулся, но с гораздо большей силой, так как Этельман применил свою собственную силу исцеления.

Родульф был удивлен, когда на следующий день после отправления они прибыли в Расбрук. На вид он не слишком отличался от Леондорфа. Как и в Леондорфе, большинство зданий было построено из дерева и соломы, а несколько больших — из тесаного камня и облицованы шифером. Деревня была сосредоточена вокруг мощеной площади, к которой вело несколько грунтовых дорог, и все это было окружено земляной насыпью и деревянным частоколом. Совсем как в Леондорфе. Люди работали, дети играли, собаки лаяли. Это было далеко не то злобное логово дикарей, которое он ожидал увидеть. Ему можно было бы простить, если бы он подумал, что вернулся домой. Возможно, план его отца торговать с ними был не такой уж безумной идеей.

Через несколько мгновений после приближения к деревне к ним подошли вооруженные люди. Родульф и его отец не имели при себе никакого оружия и не носили ничего из того, что могло бы заставить принять их за воинов.

Кто вы такие и что вам нужно?" — спросил один из мужчин.

Мы друзья Расбрука, — сказал Донато. Мы здесь, чтобы обсудить торговлю с вашей деревней".

'Из Леондорфа?'

'Да', - сказал Донато.

Мужчина внимательно посмотрел на Родульфа и Донато. На рыночной площади есть трактир. Подождите там, и я попрошу кого-нибудь встретиться с вами".

Донато кивнул головой. 'Я обязан вам'.

Они продолжили путь в деревню, а затем направились к зданию, которое, несомненно, было трактиром. Они привязали своих лошадей к столбу снаружи и вошли внутрь.

Все в Расбруке разочаровывало Родульфа. Столько лет он считал его пятном на лице мира, но ничего из того, что он видел до сих пор, ничем не отличалось от того, что он ожидал увидеть дома. Расбрукеры, похоже, мало чем отличались от леондорфцев.

Было раннее утро, и в трактире было тихо. Родульф был рад выйти на холод, ведь предыдущую ночь он почти не спал в их лагере. Они сели за стол, и Донато огляделся. Родульф старался, чтобы тепло проникало в его озябшие конечности.

'Что ты думаешь об этом месте?' сказал Донато тихим тоном.

'Кажется, оно мало чем отличается от Леондорфа. Надеюсь, оно стоит того, чтобы совершить путешествие в такой холод'.

Через несколько недель здесь будет намного холоднее, — сказал Донато. Тогда мы будем греться мыслью о дополнительной торговле'.

"Если только Расбрукеры позволят нам уйти отсюда живыми".

'О, они позволяют нам уйти', - сказал Донато. Торговля полезна для всех. Фокус в том, чтобы убедиться, что это лучше для тебя. Смотри, слушай, учись. Вот почему я взял тебя с собой".

Трактирщик с любопытством наблюдал за ними из-за стойки, но ничего не сказал и не дал понять, что подойдет узнать, не нужно ли им чего-нибудь. Миска горячего бульона была бы очень кстати, но Родульф подозревал, что ее не предложат. Возможно, их даже попытаются отравить. Как бы ни было все похоже в Расбруке, он не мог забыть, что они были врагами на протяжении многих поколений, и, несмотря на нынешний мир, пока они оставались в опасности. Чем скорее их дело будет завершено, и они отправятся домой, тем лучше.

Они не заставили себя долго ждать, когда в трактир вошли двое мужчин и огляделись вокруг. Их взгляд остановился на Родульфе и его отце.

'Вы Леондорферы?'

Донато кивнул Родульфу и улыбнулся. Да. С кем мы говорим?

'Я Эммерам, а это Тьетмар. Мы люди Первого Воина. Мне сказали, что вы здесь, чтобы обсудить торговлю'. Оба мужчины сидели за столом, который занимали Родульф и его отец.

Да, — сказал Донато. Я Донато, а это мой сын Родульф".

Мужчины кивнули Родульфу, а затем вернули свое внимание к его отцу.

'У нас есть полномочия вести переговоры от имени деревни', - сказал Эммерам. Нам интересно узнать, что у вас на уме".

Я хотел бы торговать с вами. Меха, янтарем, металлами и драгоценными камнями", — сказал Донато. Меня также интересует шерстяная ткань, если она высокого качества".

'А что вы предлагаете взамен?' сказал Эммерам.

Золото, — сказал Донато. Я заплачу справедливую цену за все, что соответствует моим стандартам".

Оба Расбрукера рассмеялись, оставив Родульфа гадать, что же тут смешного.

Когда их смех утих, Эммерам заговорил. 'Золото? Первый Воин вырвет мне язык за то, что я трачу время на подобное предложение. Скот или лошади".

Донато кивнул. 'Понадобится много янтаря и ткани, чтобы заплатить за корову'.

У нас много и того, и другого; меха, металл и драгоценные камни тоже. Все, что только можно пожелать. И качество лучше, чем в Леондорфе", — сказал Эммерам.

Донато откинулся в кресле и улыбнулся. Если качество будет таким, как ты говоришь, и у тебя их будет достаточно, я могу заплатить тебе скотом".

Эммерам посмотрел на Тьетмара, который кивнул.

Тьетмар отведет вас в наши склады. Мне нужно поговорить с Первым воином, и я присоединюсь к вам после, чтобы обсудить цену". Он встал и протянул руку Донато, который пожал ее.

Тьетмар провел их через деревенскую площадь по грязной дороге, которая вывела их на окраину поселения. Донато отстал, чтобы идти рядом с Родульфом, вне пределов слышимости Тьетмара.

Два важных урока, — сказал Донато. Никогда не позволяй им знать, кому ты продаешь, и никогда не позволяй им думать, что они могут пойти напрямую и перебить тебя. Ты должен сделать так, чтобы с тобой было легче иметь дело, чем с кем-либо другим".

Родульф кивнул. 'Как ты собираешься достать скот? Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из воинов продаст тебе несколько голов?'

'Мы можем побеспокоиться об этом позже,' сказал Донато. Сначала нам нужно посмотреть, что могут предложить нам добрые люди из Расбрука".

Тьетмар остановился возле нескольких складов, построенных из грубых деревянных досок. Он открыл дверь одного из них и жестом пригласил Родульфа и его отца войти внутрь. Родульф почувствовал, как у него сжался живот. Что, если Расбрукеры хотели заманить их внутрь, чтобы убить? У них было достаточно времени, чтобы все спланировать. Донато ободряюще улыбнулся Родульфу и без колебаний вошел в дом. Родульф колебался, но чувствовал, что у него нет другого выхода, кроме как последовать за отцом.

В кладовой было темно. Родульф огляделся в поисках любого признака опасности, но ничего не увидел. Это мало развеяло его опасения: благодаря мраку и громоздкой массе хранящихся здесь вещей, нескольким воинам было бы легко спрятаться незамеченными до выбранного ими момента. Тьетмар вошел следом за ними, но оставил дверь открытой. Он взял с крюка у двери лампу и принялся ее зажигать. Только тогда Родульф расслабился.

Меха, тюки ткани и бочки с янтарем", — сказал Тьетмар. Есть еще одна кладовая, заполненная подобным образом. Руду мы храним внизу, у кузницы. Есть и немного руды Годстила. Эммерам принесет образцы драгоценных камней. Они все грубой огранки". Фитиль лампы вспыхнул, и хранилище наполнилось тусклым оранжевым светом.

Донато присвистнул сквозь зубы. 'Еще один такой же склад, говоришь?'

'Такой же полный', - сказал Тьетмар.

Родульф огляделся. Громоздкие формы в темноте оказались штабелями меховых шкурок, тюками прядильного полотна и несколькими бочками. Даже Родульф знал о торговле достаточно, чтобы понять, сколько за все это можно получить на юге.

Донато прошел дальше и подошел к одной из куч ткани. Он осмотрел материал, растирая его между большим и указательным пальцами.

'Грубое прядение?' — спросил он.

'Нет. Это высший сорт', - сказал Тьетмар.

Донато принялся и перешел к стопке шкурок. 'Ваши трапперы выглядят немного тяжеловато для своих ножей'.

Наши трапперы знают свое дело. В этих шкурках нет ничего плохого".

'Я и не говорил, что это так', - сказал Донато. Просто они не совсем того качества, на которое я рассчитывал. Я, конечно, могу их продать. Возможно, не так дорого, как мне хотелось бы".

Ты можешь говорить о них все, что тебе нравится, — сказал Тьетмар, — но мы знаем, что имеем, и твои слова не изменят цену".

В дверях появился Эммерам с небольшим деревянным сундучком под мышкой. Я принес образец драгоценных камней", — сказал он.

Они все вернулись на улицу. Эммерам открыл сундук и предложил его Донато для осмотра.

Он наугад выбрал из сундука грубый камень и поднес его к свету. Он прищурился на мгновение, затем взял второй, третий и подверг их такому же тщательному исследованию.

"Отлично", — сказал он. "Вот это очень хорошо. Я смогу получить за них отличную цену".

Родульф был удивлен реакцией своего отца не меньше, чем оба Расбруккера. Когда их удивление улеглось, Родульф увидел слишком явные признаки жадности. О чем думал его отец? Не мог же он быть таким большим дураком?

Если ты сможешь предоставить мне полную опись того, что ты хочешь продать, — сказал Донато, — мы сможем начать обсуждать цену".

"Это не займет много времени", — сказал Эммерам, все еще явно довольный реакцией Донато на драгоценные камни.

Отлично. Мы с сыном подождем в трактире, если вы не против".

Мы позовем вас, когда у нас будет полный список, — сказал Эммерам. Это займет не больше часа или около того".

Донато улыбнулся и кивнул, после чего жестом велел Родульфу сопровождать его обратно в трактир.

Почему ты показал им, как тебе понравились драгоценные камни? спросил Родульф, как только убедился, что его никто не услышит.

'Твой второй урок за день', - сказал Донато. Теперь они думают, что я либо честный, либо дурак. В любом случае, они рассчитывают получить лучшую сделку и легче провести переговоры. Мне не трудно заплатить за драгоценные камни справедливую цену или переплатить, потому что я планирую купить только горсть или две. Часть стоимости всей сделки. Я использую это, чтобы отвлечь их на ткани и меха, которые мне действительно нужны. Я возьму все, что у них есть, и по цене, которую я выберу. А сейчас мне нужна миска горячего бульона".

Родульф кивнул в знак согласия, решив, что опасность отравления уже миновала.

Ритшль стоял на ступеньках, ведущих в маленькую кирху в Расбруке, и с интересом наблюдал за новоприбывшими. Он узнал их обоих из Леондорфа, и ему показалось странным, что они пришли в Расбрук, к своему традиционному врагу. Расбрук был его домом совсем недолго. Как только он вспомнил, что был священником, к нему вернулись некоторые знания, связанные с этим. Пытаясь пробраться в Леондорф, он понял, что шансов заполучить Камень и сбежать с ним нет. Холодная, сырая лесная хижина, в которой он устроил себе жилище, стала еще одним стимулом для поиска альтернативного пути, поэтому он отправился в Расбрук и объявил о себе в кирхе. Предыдущий священник был очень рад

уйти, а Ритшль с таким же удовольствием заменил его.

Он наслаждался жизнью в Расбруке, наслаждался общением с другими людьми и комфортом, который это приносило. Приличная еда, одежда, которую ему стирали местные женщины, теплая, сухая постель. С момента прибытия его внешность изменилась. Женщины настояли на том, чтобы подстричь его седые, редящие волосы, и он отрастил короткую бороду, чтобы заполнить впалые щеки и лучше соответствовать образу благожелательного священника. Хорошие условия жизни даже уменьшили боль в его костях, и он стал стоять прямее. Однако это не уменьшило его стремления к Камню. Его пребывание здесь было частью его стратегии по его получению. Наблюдая за Леондорфом, он узнал, что за долгие годы они много раз воевали с Расбруком. Он надеялся, что не потребуется много усилий, чтобы вдохновить их на новую войну. Это могло бы отвлечь его, чтобы проникнуть в кирк Леондорфа, забрать Камень и исчезнуть. То, что следствием его плана станут смерть и разрушения, не имело большого значения. Главное — Камень. Все будет хорошо, когда он получит его. Прибытие этих двух леондорфцев могло стать для него поводом для начала войны и прекрасной возможностью забрать Камень у Этельмана.

Что бы Этельман ни сделал с руками Вулфрика, они оставались похожими на два куска старой кожи. Он был уверен, что мог бы целый день носить с собой раскаленный уголь и не заметить этого. Почему ему не пришло в голову обратиться к Этельману, прежде чем превратить свои руки в куски окровавленного мяса, Вулфрику было непонятно, но, по крайней мере, в итоге все обошлось.

Наступило утро назначенной встречи с Белгаром, и Вулфрик почувствовал нервный гул в своем нутре. Он понятия не имел, чего ожидать от Белгара, зная о нем лишь его репутацию. Трудно было поверить, что Белгар совершил все эти вещи. Еще труднее было поверить, что он выжил, чтобы рассказывать об этом.

За несколько дней отдыха его здоровье было свежим и готовым к работе. Ему не нравилось, что он пропустил тренировку, но идти против указаний Белгара было нельзя, и, как он понял, возможно, это к лучшему.

Когда Вулфрик подошел, старик уже был на месте, опираясь на квотерстаф. Его поза демонстрировала непринужденность человека, настолько привыкшего к предмету, что он почти стал его частью, что выглядело странно для такого старого человека.

'Готов начать?' сказал Белгар.

Вульффрик кивнул, отбросив свой учебный меч в пользу квотерстафа.

'Руки?' сказал Белгар.

Вульффрик поднял одну из своих ладоней.

Белгар почесал свою белую бороду и улыбнулся. 'Этот священник может творить чудеса. А теперь нападай на меня'.

Вульффрик сделал то, что ему приказали, хотя и нерешительно. Он не хотел быть ответственным за то, что старик окажется на погребальном костре. Он все еще обдумывал эту мысль, когда приземлился на спину, быстро сообразив, как он там оказался. Белгар стоял над ним, держа свой квотерстаф в расслабленном, удобном захвате.

Я почти в пять раз старше тебя. Если я могу двигаться быстрее тебя, то у тебя очень серьезные проблемы'.

'Я буду стараться', - сказал Вулфрик.

'Тебе лучше, иначе ты будешь каждое утро принимать побои от старика'.

Белгар двигался с легкой плавностью человека, настолько отточенного в своем деле, что его возраст, казалось, ничуть не мешал. Однако Вульффрик знал, что так и должно быть, и понимал, что в расцвете сил Белгар был практически непобедим.

Смотри, что я делаю, мальчик, — сказал Белгар. Копируй мои движения. Умнее, а не сильнее. Именно так мы достигаем желаемого'.

Вульффрик кивнул, решив не отставать от человека, достаточно старого, чтобы быть его дедом.

Голос Адальхаид выбил его из колеи, когда он бодро шагал к дому. Он остановился и повернулся на звук ее голоса.

'Как ты? Как твои руки?' — спросила она.

'Я в порядке', - ответил Вулфрик. 'Устал. Всегда устаю. Мои руки зажили. Лучше, чем были раньше'. Он поднял одну из них и вымученно улыбнулся. 'Как ты?'

'Все так же', - сказала она. Я тебя не видела... Как тренировки?

Вулфрик чувствовал себя неловко из-за того, что не проводил с Адальхаид времени с того дня, как Этельман исцелил его руки. Это было странно, и его удивило, что прошло уже несколько дней с тех пор, как он в последний раз говорил с ней. До этого день-два были редкостью и ощущались как потеря конечности, но теперь он всегда был так занят.

'Это тяжело', - сказал Вулфрик. Кажется, я только и делаю, что тренируюсь, ем и сплю. Потом снова тренироваться".

Не похоже, что ты достаточно ешь", — сказала Адальхаид. Она игриво ткнула пальцем в его живот. Ты исхудал. Твоей матери придется переделывать всю твою одежду".

Как идут занятия?" — спросил он.

'Хорошо', - сказала она. Ты скучаешь. Этельман еще не нашел никого на твое место. Или свои бутылочки с чернилами". Она улыбнулась.

Вулфрик почувствовал, что его лицо покраснело. Флаконы с чернилами... Он хотел бы, чтобы она увидела, как он тренируется с Белгаром. Бывали моменты, когда старик действительно хвалил его.

"Над чем ты работаешь?" — спросил он.

'В основном над числами. Он привез с юга несколько книг и заставляет нас читать их вслух". Она сморщила нос. "Они не очень интересные".

Вулфрик почувствовал себя очень обделенным. Всего несколько месяцев назад он знал каждую деталь ее жизни. Обычно он присутствовал при всем этом, а теперь все происходило без него, и его охватило странное чувство потери.

Вулфрик хотел что-то сказать, но понятия не имел, что именно. Он так устал, что едва мог упорядочить свои мысли. Мне нужно попасть домой. Мне нужно поесть и скоро вернуться на поляну".

Улыбка исчезла с ее лица, и он почувствовал себя прогнившим, уходя. Он пытался понять, почему ему было так трудно говорить с ней. Возможно, это было потому, что он так устал. Он чувствовал себя виноватым и глупым одновременно.

Он думал, что ничто не сможет усугубить его замешательство, но стоило ему пройти еще несколько шагов, как оказалось, что он ошибается. Навстречу ему шла высокая светловолосая девушка с чертами лица, словно вырезанными из алебаstra. В редких случаях, когда она смотрела на него раньше, это было с таким же выражением, с каким она смотрела на свою туфлю после того, как наступила в конский навоз. Ее звали Свана, она была дочерью Второго воина и девушкой, которой он был обещан с самого рождения.

Он наблюдал за ней краем глаза, пока шел. Трудно было не залюбоваться ее красотой. Заметив ее взгляд в свою сторону, он ускорил шаг. Он продолжал наблюдать за ней так скрытно, как только мог. Ее взгляд задержался на нем дольше, чем обычно, и она улыбнулась ему. Он чуть не упал от удивления.

Во время первых встреч с Грейфеллом Вулфрик только и делал, что надевал уздечку на голову лошади. После этого он сидел на ограде загона рядом с лошадьёю столько, сколько мог. Иногда он разговаривал с Грейфеллом, а иногда поглаживал его по морде. Каждый раз он приносил с собой яблоко, и первые дюжину или около того раз съедал все сам. Сегодня у него на уме было нечто большее. Он отрезал кусочек и протянул его Грейфеллу. Он сознавал, что приглашает опасность, но понимал, что это следующий необходимый шаг. До этого момента он каждый раз сидел в пределах досягаемости зубов Грейфелла и вел себя бесстрастно; у лошади было достаточно возможностей укусить Вулфрика, если бы он решил это сделать. Уверенность Вулфрика в том, что их отношения достигли равновесия, мало способствовала ослаблению его напряжения, когда он взял в руки кусок яблока.

Он притворился, что не смотрит, но напряг глаза, чтобы увидеть реакцию Грейфелла. Тот уставился на ломтик, но не сделал ни одного движения — проявление его обычной надменности. Однако по тому, как трепетали его ноздри, Вулфрик понял, что Грейфелл заинтересовался. В конце концов, с большой неохотой, Грейфелл разлепил губы и осторожно взял кусочек яблока из рук Вулфрика. Съев угощение, он провел мордой по боку головы Вулфрика.

Родульф сидел на стене и наблюдал за строительством нового склада своего отца. Его должны были построить за зиму, и он должен был быть готов к первой перевозке товаров из Расбрука после таяния снегов. Отец так и не сказал ему, где они собираются взять скот, чтобы заплатить за все это, и ему становилось плохо при каждой мысли об этом. Он ожидал, что отец продаст все до последней шкурки, тюка ткани и куска янтаря в течение нескольких дней после их получения, но Родульф был уверен, что все деньги мира не убедят воина продать ни одного зверя из его драгоценного стада. Родульф сомневался, что никакие уговоры не успокоят Расбрукеров, и никакое количество мелкого южного скота, который можно было получить за монету, не уладит дело. Он задался вопросом, был ли раньше хоть один человек ответственен за развязывание войны. Ему пришло в голову, что сейчас их было двое.

После обеда все деревенские девушки собирались в месте, откуда открывался прекрасный вид на поляну, где тренировались подмастерья, но при этом они оставались практически незамеченными. Туда всегда ходили старшие девочки, но в последние

несколько месяцев туда стали ходить подруги Адалхаид, а значит, и она тоже.

Это казалось ей глупым занятием, и она могла придумать гораздо более полезные способы провести время, но ей не хотелось быть не в своей тарелке. Впрочем, это было не самое худшее — сидеть на солнце. Таких дней будет не так уж много, прежде чем Леондорф покроется толстым слоем снега.

У всех были свои любимчики, но для большинства девушек брак с воином был маловероятен. Некоторым посчастливилось попасться на глаза тому, кто не был уже обещан в династическом браке, и эта мысль вызвала у Адалхаид внезапный приступ зависти, который застал ее врасплох. Ей всегда было неприятно осознавать, что однажды она потеряет свою самую близкую подругу Свану, надменную блондинку, которая расхаживала по деревне со своей маленькой группой последователей, как королева со своими фрейлинами. Браки по расчету казались Адалхаид нелепыми. Однако в этом было что-то большее, чувство, которое она никак не могла уловить.

"Кто это?" — спросила одна из девушек.

"Который?" — спросила другая.

Новый. Я не думаю, что видела его раньше".

"Этот? Это Вульфрик", — сказала другая, смеясь.

'Оххх', - прозвучало в ответ.

Адалхаид вскочила на ноги и напряглась, чтобы разглядеть их сзади. Он с кем-то сражался — Колбейн, подумала она, судя по копне лохматых рыжих волос. Она и раньше замечала, как сильно подстригся Вульфрик, но теперь, когда девушки указали на другие изменения, она заметила и их, и почувствовала, что сердце ее забилося быстрее. Его челюсть стала более четкой, и на ней виднелись следы ранних попыток отрастить бороду. Его руки были покрыты мускулами и блестели от пота на зимнем солнце. Ее реакция тоже была оххх.

Лучше сделать так, чтобы это выглядело хорошо", — сказал Колбейн, кивнув в сторону места, откуда за ними подглядывали девушки.

"Что? Зачем?" — сказал Вульфрик, воспользовавшись возможностью перевести дух. Он продолжал кружить вокруг Колбейна, опасаясь, что это была уловка, чтобы застать его врасплох.

'Видишь кого-нибудь, кого ты узнаешь?' сказал Колбейн.

Вульфрик оглянулся через плечо и посмотрел на холм. Он увидел, что там собралась группа девушек, которых скрывал подлесок. Среди них стояла Адальхаид. Их взгляды встретились, и даже с такого расстояния он увидел, что ее лицо стало ярко-красным. Вульфрик выпрямился и изо всех сил втянул в себя то, что осталось от его нутра, и она исчезла из виду, словно нырнула под землю. Он улыбнулся и был вознагражден жестким ударом учебного меча Колбейна по руке. Однако улыбка не исчезла с его лица.

Весна постепенно ослабила хватку зимы на деревню Леондорф, и там, где в течение нескольких месяцев не было ничего, кроме белого, снова появились коричневые и зеленые цвета. Как только зимние снега растаяли достаточно для безопасного передвижения, Донато начал поиски скота. Расбрукеры не заставят себя долго ждать, и Донато нужна была каждая минута, чтобы получить то, что ему требовалось.

Он стоял и смотрел на стадо скота, принадлежавшее воинам деревни под названием Белиндорф, что в двух днях пути к западу от Леондорфа. Пастухи интересовали его не меньше, чем скот, и он быстро заметил, что их недостаточно, чтобы контролировать стадо такого размера, если кто-то пытается их угнать.

Кто вы?

Донато изо всех сил старался не подпрыгнуть от неожиданного голоса. 'Красивые звери', - сказал он.

'Это прекрасные звери', - сказал ранее не замеченный пастух. 'Кто вы?'

Уррих даль Сонбург, — сказал Донато, протягивая руку для пожатия.

Пастух не ответил взаимностью. 'Южанин?' — спросил он.

'Рюрипатский', - сказал Донато, его акцент и одежда были приспособлены для этого обмана. Я хочу купить немного скота. Эти звери — лучшие из тех, что я видел. Они продаются?

Милорд не заинтересован в продаже, — сказал пастух. Ни один здравомыслящий человек в этом не заинтересован".

Это было именно то, чего ожидал Донато, не то чтобы он был заинтересован в оплате. Жаль это слышать, — сказал он.

"Вряд ли вам повезет", — сказал пастух. Лучше всего отправиться на юг. Эта модная одежда не выглядит достаточно теплой для здешних мест".

Донато не нужно было повторять дважды. Он видел все, что ему нужно было увидеть.

Прогресс в отношениях с Грейфеллом казался утомительно медленным, но Вулфрик знал, что строит отношения на всю жизнь. Он провел зимние месяцы, работая над этим, и изо всех сил старался быть терпеливым. После нескольких недель прогулок Грейфелла по паaddockу и деления с ним яблок Вулфрик понял, что достиг того момента, когда он больше не может откладывать попытки оседлать его. Это была пугающая перспектива, и, как бы хорошо ни развивались их отношения, Вулфрик знал, что оседлать и посадить его на лошадь — это шаг на более высокий уровень, который Грейфеллу может быть совсем не по душе.

Отец Вулфрика говорил, что Грейфелл был приучен к седлу, но Нортлендских жеребцов приходилось заново приучать к седлу каждому отдельному всаднику. У жеребцов, похоже, было свое собственное представление о социальном статусе, и в этом они были более разборчивы, чем даже самый знатный человек. Грейфелл мог любить Вулфрика — и мог наслаждаться яблоками, которые приносил ему Вулфрик, — но это не означало, что он

снизойдет до того, чтобы позволить Вулфрику сесть ему на спину.

Вульфрик начал, как обычно, с того, что надел уздечку Грейфелла и сел на ограду загона, поедая и делясь яблоками. Он захватил с собой седло и оставил его рядом с собой на заборе, чтобы Грейфелл мог его видеть. Он, несомненно, знал, что это такое, и Вульфрик полагал, что знает, что оно означает. Он срезал ножом ломтик за ломтиком, гораздо тоньше, чем обычно, чтобы яблоко дольше пролежало, откладывая на как можно более долгий срок то, что, как был уверен Вульфрик, повлечет за собой множество тяжелых падений на грязную землю.

Когда яблоко было очищено от сердцевины — любимой части Грейфелла, — медлить больше было нельзя. Вульфрик перемахнул ногами через забор и спустился в загон. Грейфелл остался на месте; обычно он перемещался в центр загона в ожидании прогулки, но сегодня, как он знал, было что-то другое.

Вульфрик изо всех сил старался не показывать страха и сосредоточился на том, что ему нужно сделать, чтобы оседлать Грейфелла. Он взял толстую шерстяную попону и накинул ее на спину Грейфелла. Лошадь недоверчиво смотрела на него, но не делала никаких попыток сдвинуться с места или ускакать. Вульфрик снова взялся за седло, ни на секунду не отрывая взгляда от Грейфелла. Повернуться спиной к лошади означало бы навлечь на себя беду. Он медленно поднял седло с забора. Грейфелл дернул головой и топнул одной из ног, но остался неподвижен, когда Вульфрик подошел к нему.

Вульфрик затаил дыхание, пытаясь поднять седло на спину Грейфелла. Он ожидал, что Грейфелл бросится наутек и для пущей убедительности нанесет удар ногой. Вульфрик видел его реакцию, когда другая лошадь подходила к нему слишком близко в паддоке, и не хотел оказаться в роли принимающей стороны. Он опустил седло на спину Грейфелла, убедившись, что она расположена ровно и по центру. По-прежнему никакого ответа. Вульфрик позволил своему дыханию вырваться между зубами. Пока все хорошо, но самое трудное было еще впереди.

Он ослабил подпругу и установил стремя, после чего вернулся на другую сторону, а Грейфелл все это время внимательно наблюдал за ним. Он застегнул подпругу и дважды проверил ее, прежде чем установить второе стремя.

Вульфрик подумал о том, чтобы попытаться сесть на лошадь прямо там и тогда, но внезапное потрясение могло вывести Грейфелла за пределы его терпения. Вульфрик подошел к его голове и погладил морду, жалея, что не захватил с собой второе яблоко. Он пытался прочесть что-нибудь, хоть что-нибудь, по глазам Грейфелла, но что бы ни происходило в его голове, для Вулфрика это было загадкой.

Задерживаться больше не было смысла. Вульфрик подошел к Грейфеллу и крепко ухватился за седло. Он поднял ногу и вставил ее в стремя, постепенно увеличивая нагрузку на нее. Он почувствовал, как его задняя нога начала подниматься от земли, когда Грейфелл сдвинулся с места. Заднюю ногу Вулфрика выбросило из-под ног, и только крепкая хватка, которой он держался за седло, не дала ему упасть назад.

Он сильно потянул за перекладину седла и перекинул ногу. Он медленно сел прямо и задумался, как долго ему ждать, чтобы Грейфелл свыкся с этой мыслью, прежде чем побуждать его идти вперед. Решение было принято за него.

Грейфелл брыкался, лягался и пустился в галоп по загону. Только осторожность Вулфрика спасла его. Костяшки его пальцев побелели на попоне с того самого момента, как он положил на нее руки. Отчаянно цепляясь, он изо всех сил сжимал бедра, пытаясь

удержать ноги в стремях.

Остальные лошади разбежались, чтобы не мешать Грейфеллу, громко выражая свой протест. Суматоха привлекла внимание конюхов, которые вышли из здания конюшни посмотреть, что происходит. Несколько человек выкрикивали советы, но Вульфрик был слишком занят, чтобы обращать на них внимание. Ему казалось, что его мозг выбивается из черепа, так как Грейфелл бешено бился и метался. И все же Вульфрик держался. В присутствии зрителей нужно было думать и о своей гордости. Если бы его сбросили, он превратился бы в посмешище.

Он чувствовал, как его ладони покрываются капельками пота. Каждый толчок ослаблял хватку Вульфрика, и с каждым толчком его рука проскальзывала все дальше. Грейфелл кричал от ярости, не проявляя никаких признаков усталости. Крики все еще доносились со стороны конюхов, и краем глаза он заметил, что к ним присоединились другие прохожие.

Грейфелл извивался и брыкался. Правая нога Вульфрика выскользнула из стремя, и его отбросило влево. Каким-то образом его вторая нога осталась на месте, и благодаря ей и хватке за поножи он смог удержаться в седле. Он слышал реакцию собравшихся зрителей, но старался не отвлекаться. Его руки начали гореть, а кисти онемели. Устанет ли когда-нибудь лошадь?

Мысль о том, чтобы отпустить лошадь и броситься наутек, становилась все более привлекательной. Если это будет выглядеть намеренно, то, возможно, он даже сможет сохранить лицо.

Грейфелл остановился так же резко, как и начал. Не было никаких признаков того, что он устал — скорее, ему просто наскучило его поведение, и он решил его прекратить. Вульфрик вставил свободную ногу в стремя и устроился в седле поудобнее.

Он сидел, считая каждый вздох, ожидая, что Грейфелл сделает что-нибудь, что угодно, но тот оставался неподвижным, втягивая воздух большими глотками и поглядывая на людей, собравшихся у ограды. Ждал ли он, что Вульфрик что-то сделает? Вульфрик неуверенно поднял ноги, чтобы подстегнуть Грейфелла, но напомнил себе, что любой намек на нерешительность может привести к беде. Он подстегнул коня так властно, как только мог. По команде Грейфелл перешел на рысь.

Вульфрик повернул его, когда они достигли ограды, а затем пустил в галоп. Грейфелл мгновенно отреагировал, и Вульфрик широко улыбнулся, когда они ускорились. Зрители все еще были там, все еще смотрели, и Вульфрик подозревал, что они были разочарованы тем, что его не выбросили из седла. Ему пришлось заставить себя не рассмеяться вслух, когда Грейфелл огрызался на всех, кто оказывался в пределах досягаемости, когда они проезжали мимо.

Адалхаид села и поставила на стол прямоугольную деревянную шкатулку. Не говоря ни слова, она открыла ее, чтобы показать коллекцию полированных дисков из черного дерева и кости и две игральные кости.

'Что это?' спросил Вулфрик, когда она начала расставлять диски по узорчатой внутренней поверхности шкатулки.

Это игра, — сказал Адалхайд. Этельман купил ее у южного торговца и дал мне. Он сказал, что она там очень популярна. Я подумал, что будет интересно поиграть".

Хорошо", — сказал Вулфрик, подозрительно разглядывая фигуры. Он чувствовал, как Спот опускается на ноги под столом, и удивлялся, почему собака всегда предпочитает сидеть именно там. Когда он был маленьким, это не доставляло особых неудобств, но он быстро рос, и его вес прижимал ноги Вулфрика к полу. Он вернулся к доске и подумал о том, что есть много вещей, которые показались бы ему более забавными, чем перемещение полированных фигур по деревянной доске. 'Как ты играешь?'

'Наверное, будет проще всего, если я буду показывать тебе по ходу игры. По сути, ты должен переместить все свои фигуры в конец доски. Ты бросаешь кости, и каждый ход ты можешь передвигать их на столько-то мест. Если ты попадешь на одну из фигур противника, то эта фигура возвращается в начало. Понятно?'

Вулфрик кивнул.

Они начали, и поначалу фигуры Адалхаид, казалось, двигались к своей цели со стремительной скоростью. По мере того как правила становились ему понятнее, его фигуры начали догонять, пока даже ему самому не стало ясно, что они движутся к патовому положению, которое решит тот, кто удачнее бросит кости.

Он бросил четверку, передвинул последнюю фигуру и понял, что затаил дыхание, когда Адалхаид сделала свой бросок. Шесть. Он не ожидал, что выиграет, но его инстинкт соперничества был хорошо отточен всеми тренировками, и он не мог не почувствовать разочарования.

Может, сыграем еще раз?" — сказал он.

Адалхаид улыбнулся. 'В любое время. Я не думала, что тебе это понравится".

Он собрал несколько фигур, и Вулфрик протянул их ей. Его рука коснулась ее руки. Он почувствовал ее тепло и мягкость ее кожи. Он понял, что она странно смотрит на него, а их руки все еще соприкасаются. Он хотел взять ее как следует, но пока он пытался набраться смелости, чтобы что-то сказать, что-то сделать, Спот издал громовой пук.

В последнее время ты проводишь с ней много времени", — сказала Френа.

Вулфрик поднял взгляд от своей тарелки. Это замечание было совершенно неожиданным и вырванным из контекста. Однако не было никаких сомнений, что она имела в виду именно Адалхаид. Он подозревал, что его мать уже давно искала способ поднять этот

вопрос, но, не увидев возможности, решила форсировать события.

Да. Я вижу ее почти каждый день, — сказал Вулфрик. Его отца не было дома, поэтому за обеденным столом сидели только они вдвоем.

'Ты думаешь, это разумно?'

Вулфрик нахмурился. 'Почему бы и нет?'

Вы уже не дети, — сказала Френа. Люди начнут говорить".

'О чем?'

'Ты знаешь, что однажды ты женишься на Сван. Это было решено еще в младенчестве. Как ты думаешь, что она чувствует, видя тебя все время с Адалхаид?'

'Мне все равно. Она надменна и ни разу в жизни не сказала мне ни одного дружеского слова".

"Как бы то ни было, она станет твоей женой, и тебе будет гораздо легче жить, если ты начнешь с ней общаться. Пройдет немного времени, и ты будешь официально обручен с ней".

Вулфрик ничего не ответил. Неуютную тишину нарушало лишь потрескивание огня. Вулфрику потребовалось мгновение, чтобы проглотить свой растущий гнев. Ты хочешь сказать, что я не должен больше видеться с Адалхаид?

Конечно, нет. Вы двое были неразлучны с самого детства. Я просто думаю, что вам следует меньше видеться друг с другом. Проводи больше времени со своими новыми друзьями". Френа улыбнулась так, как всегда улыбалась, когда думала, что выиграла спор с его отцом.

От этой улыбки Вулфрику стало еще труднее подавить свой гнев. То, что она посчитала хорошей идеей пренебречь единственным человеком, который был верен ему всю жизнь, и отдать предпочтение людям, которые всего несколько месяцев назад даже не плевали на него, было выше его понимания.

'Я буду встречаться с теми, кто мне нравится, когда захочу и сколько захочу', - сказал Вулфрик.

Будь осторожен, — сказала Френа. Теперь ее голос был тверже. Ошибки, которые ты совершишь сейчас, возможно, придется переживать всю оставшуюся жизнь".

Сначала Донато не говорил, зачем они совершают внезапную поездку на юг, в Эльцбург. Родульф предположил, что это для того, чтобы посмотреть, как он ведет переговоры о продаже всех вещей, которые они хранили на новом складе, но как только они тронулись в путь, отец сообщил, что нашел решение проблемы со скотом, и они едут, чтобы обсудить условия. Больше он ничего не уточнил, и большая часть пути прошла в молчании. Родульфа расстраивало то, что его кормили информацией по частям, но он был рад поездке в город. Он никогда там не был, и ему не терпелось увидеть своими глазами все то, что он о нем слышал. Говорили, что там есть все, что только может пожелать человек, источник для любого удовольствия и выход для любого порока.

Однако не все было идиллически. Родульф понимал, что для того, чтобы наслаждаться

жизнью, нужны деньги, и чем больше, тем лучше. Он слышал рассказы о людях, попрошайничающих на улицах, одетых в грязные лохмотья. Приехав из Леондорфа, где никто ни в чем не нуждался, он был поражен тем, что человек может стать настолько презираемым и не замечаемым. Там никто никогда не голодал и не оставался без крова. Тот факт, что кто-то может пасть так низко, приводил его в ужас. Он задавался вопросом, что они сделали, чтобы оказаться там, было ли это несчастьем или справедливой наградой за какие-то проступки?

Путешествие было не из приятных. Все еще была весна, было холодно, но дороги уже начали оттаивать и местами представляли собой сплошное месиво. Он предпочел бы провести это время у камина, а не в седле, но добраться до города было достаточной наградой, чтобы это того стоило. Его глаза расширились от благоговения, когда взору предстали великие стены из красного кирпича с медно-зелеными и шиферно-серыми крышами башен. Даже на расстоянии он мог видеть постоянный поток машин, входящих и выходящих из главных ворот; купцы и их товары направлялись в самые разные иностранные, экзотические места и прибывали из них. От этого мир казался таким огромным. Родульф до сих пор помнил, как впервые выехал за пределы пастбищ Леондорфа. Это казалось таким далеким расстоянием от дома. Тогда он еще не знал, как далеко он может зайти. Он и сейчас не знал, но, по крайней мере, теперь он не был погружен в глубокое неведение.

Его отец хорошо знал город, посещая его бесчисленное количество раз на протяжении многих лет. Его купцы были его главными контактами на юге, и именно в этом городе он вел большую часть своих дел. Он подвел Родульфа к городским воротам, где они поставили лошадей и дальше пошли пешком. Даже за воротами встречались лоточники, попрошайки и мальчишки, предлагавшие понести багаж. Донато отогнал их всех и направился к постоялому двору, где всегда останавливался. Когда они поняли, что он знает, куда идет, и не является наивным мужланом, впервые посетившим Эльцбург, они потеряли к нему интерес. Родульф изо всех сил старался соответствовать безразличию отца и не таращиться на все вокруг широко раскрытыми глазами.

Трактир был огромным зданием, по сравнению с которым их новый склад в Леондорфе казался маленькой хижинкой. Как и все остальные здания на улице, он был покрыт белой штукатуркой и увенчан оранжевой черепицей. Внутри было просторно, светло и оживленно. Люди всех форм и цветов кожи входили и выходили, а другие отдыхали на удобных стульях в общей зоне вокруг большого, потрескивающего камина. Его отец поболтал с секретаршей, после чего мальчик провел их в комнату на три этажа выше. Это была самая высокая комната в жизни Родульфа — даже выше, чем самое высокое дерево, на которое он забирался. Он попытался выглянуть в окно, но с этой точки обзора он не мог разглядеть улицу внизу. У него заколотилось сердце при мысли о том, что случится, если он упадет на нее.

Мальчик проводил их до комнаты, и Донато дал ему пенни. Когда дверь закрылась, и они остались только вдвоем, Донато заговорил.

Я связался с группой риверов. Возможно, они смогут помочь нам с нашей проблемой".

Большую часть жизни война составляло преследование или охота на риверов. Скот, волы и лошади из Нортленда пользовались большим спросом на юге, и бродячие банды воров делали все возможное, чтобы поживиться стадами. Отец потемнел лицом при этом замечании, и Родульф решил не говорить больше ничего.

Я обнаружил несколько небольших деревень, в которых мало воинов. Их стада уже

созрели для ошпыливания. Они перегоняют скот, я предоставляю карты и информацию, и мы делим добычу".

Думаешь, они согласятся?

'Это сделает их богатыми,' сказал Донато. Предложи удовлетворить жадность человека, и он будет плясать для тебя, как марионетка".

'Это звучит как большой риск,' сказал Родульф.

Удача не складывается, если играть безопасно". Донато сделал паузу, затем перевел взгляд на Родульфа. 'Чего бы это ни стоило. Понимаешь?

Родульф кивнул, но не был убежден. 'Что помешает им забрать партию и предать нас?'

'Ничего, кроме обещания назвать имена и местоположение других деревень, которые являются такими же легкими целями. Я могу так же легко натравить на них воинов, и я позабочусь о том, чтобы они знали об этом. Все южане знают, как коварны Северные земли. Они боятся этого места, даже если не признаются в этом, и это нам на руку".

Один из деловых партнеров Донато, преуспевающий мужчина в шелках и мехах по имени Хеннинг, встретил их в гостинице. Он провел их через множество улиц к таверне в менее благополучной, по мнению Родульфа, части города. В одном из переулков он увидел мужчину, которого избивали трое других. Несмотря на то, что мимо проходило множество людей, никто не остановился, чтобы помочь несчастному. Родульф, конечно, не остановился; чужое несчастье его не касалось.

Хеннинг заговорил, остановившись перед дверью таверны. Я представляюсь, а потом уйду. Я не хочу знать, что вы задумали. Чем меньше тех, кто знает, тем лучше для вас".

'Звучит разумно,' сказал Донато. Я ценю вашу помощь в этом деле".

Только помни об этом, когда будешь везти все эти меха в город".

Таверна казалась вместительным отбросов общества. Здесь были шлюхи — унылые, грязные, измазанные румянами и краской, и мужчины, выглядевшие так, будто не меняли одежду десятилетия и не снимали ее для омовения. Были среди них и те, кто с хищным выражением в глазах, чьи взгляды мгновенно остановились на Родульфе, его отце и их деловом партнере. Казалось, что это то место, куда приходят после того, как ты провалился сквозь землю, или где тебе дают последний толчок. Люди здесь были паразитами; они были ниже его презрения. Родульф не мог дождаться, когда сможет уйти.

Хеннинг подвел их к кабинке в конце зала, где сидела разношерстная группа мужчин с почти пустыми кружками. Слово "ривер" звучало для Родульфа лихо и опасно — в детстве "берегись риверов" часто было последним призывом его матери перед тем, как он отправлялся гулять с друзьями. Он всегда знал, что они больше интересуются кражей скота, чем похищениями. Он никогда раньше не видел ни одного из них, и мужчины в этой будке показались ему совсем не такими, как он себе представлял.

Вот человек, о котором я вам рассказывал, капитан Морлин, — сказал Хеннинг. Берджес Донато, капитан Морлин.

Донато и Морлин кивнули друг другу. Родульф никогда раньше не слышал термина "берджес" и задался вопросом, что он означает. Сейчас было не время спрашивать. Морлин

непринужденно сидел в центре группы, его черные волосы были собраны в хвост, а на челюсти пробивалась темная щетина. Он выглядел как человек, который зарабатывает на жизнь воровством и убийствами, но в его внешности не было ничего броского. Остальные были столь же пестрой компанией, а одного из них, с длинными волосами и бородой, которые Родульф не видел в городе до сих пор, он принял за жителя Нортленда.

"Я оставлю вас, господа, заниматься своими делами", — сказал Хеннинг. Проходя мимо, он коротко кивнул Родульфу, похоже, ему так же хотелось покинуть таверну, как и Родульфу.

Джентльмены, садитесь, пожалуйста, — сказал Морлин. У меня есть основания полагать, что у вас есть работа для нас".

Родульф и Донато сели. Родульф обвел неловким взглядом таверну, но никто не обратил на них внимания. Было что-то захватывающее в подпольном характере того, что они делали, и в общении с опасными людьми.

"Мне нужна помощь в приобретении скота", — сказал Донато.

У нас есть опыт в этом деле, — сказал Морлин. Барт раньше был пастухом. Ведь так, Барт?

Самый крупный из риверов, тот, которого Родульф принял за жителя Нортленда, кивнул. Родульф задумался, какое несчастье привело его в это жалкое место в компании этих жалких людей.

'Сколько скота тебе нужно?' спросил Морлин.

'Сначала дюжина, а потом — постоянный поток', - сказал Донато.

'Постоянная работа, парни', - сказал Морлин. 'У меня не было постоянной работы с тех пор, как я занялся тростником в Пограничье. Сколько вы заплатите?

'Моя плата такова,' сказал Донато. Я знаю несколько деревень в Северных землях, где стада находятся под легкой защитой. Я также знаю лучшие тропы, по которым вы сможете перегнать скот на юг. Моя информация обеспечит вам безопасный проход через Северные земли к скоту, созревшему для сбора. Мы разделим добычу между нами, поровну. Когда ты возьмешь как можно больше из одного региона, я дам тебе сведения о следующем".

Морлин молчал.

Ты не хуже меня знаешь, сколько стоит чистокровная корова из Нортленда на южных рынках, — сказал Донато. По крайней мере, знали бы, если бы знали этот бизнес так хорошо, как вы утверждаете. Имейте в виду, вы не единственные продавцы-мечники в городе".

Родульф заметил, как глаза Морлина переметнулись на бывшего пастуха Барта, который убежденно кивнул.

'Я заинтересован', - сказал Морлин. Но нам придется работать по очереди. Если ваша информация окажется не такой хорошей, как вы говорите, мы оставим все, что возьмем, и отправимся на юг так быстро, как только сможем их отвезти. Я не хочу оказаться на копье какого-нибудь проклятого дикаря, без обид".

'Не обижайтесь,' сказал Донато. Информация хорошая. Мы оба можем извлечь из этого большую выгоду".

'Коеймо', - сказал Родульф.

Все повернулись, чтобы посмотреть на него.

'Как вы поступите с клеймами на скоте?' сказал Родульф.

'Не беспокойся об этом, парень', - сказал Морлин. Мы все предусмотрели".

'Я беспокоюсь об этом, — сказал Родульф, — и не называй меня парнем'.

Морлин улыбнулся и поднял руку в знак извинения. Он кивнул одному из других риверов. Арбо готовился стать одним из ваших серых жрецов. Но не потянул. Предпочел жизнь бродячего бобра жизни бродячего священника. Не так ли, Арбо?

"Если бы я знал, что мне придется терпеть тебя, я был бы более терпелив со жрецами", — сказал Арбо.

Морлин рассмеялся. Арбо оставался здесь достаточно долго, чтобы научиться целительству. Достаточно, чтобы залечить следы клеймения. Скот будет чист, как свисток. По крайней мере, что касается клеймения". Он снова засмеялся.

Когда Вулфрик пришел на тренировку, на поляне лежала куча квотерстафов. Это было его самое нелюбимое оружие — он предпочитал меч, — но ворчать было не на что, поэтому он взял один и огляделся в поисках партнера. Он уставился на Хелфрика. Вульффрик избегал его всю зиму, но теперь выхода не было.

'Побеждает тот, кто первым сделает три удара', - крикнул Элдрик. Покажите мне немного духа; я сегодня в настроении отправлять людей домой. Кто хочет быть плотником или кожевником?

Никто не ответил. Вулфрик не был уверен, что кто-то поверил в угрозу, но он точно не хотел рисковать. Не хотел рисковать и Хелфрик. Еще до того, как прозвучала команда, он атаковал. Видя эту тактику раньше, Вулфрик был готов к ней. Хелфрик набросился на него, держа посох обеими руками у основания, как меч. Вульффрик отпрыгнул в сторону и заблокировал последующий удар. Хелфрику казалось, что он одерживает верх, и уверенная улыбка все еще была на его лице.

Вулфрик продолжал блокировать. Атаки Хелфрика были непрерывными, не оставляя ему времени на то, чтобы подготовить контрудар. Как бы ни росла его уверенность, Хелфрик все еще оставался призраком в глубине его сознания. Наконец, Вулфрик увидел отверстие и атаковал. Месяцы упорных тренировок избавили тело Вулфрика от лишнего, сделав его более быстрым и ловким. Хелфрик был застигнут врасплох. Вульффрик отбил его посох в сторону, а затем нанес быстрый удар в живот.

Паузы между ударами не было, и Вулфрик не собирался давать Хелфрику возможность оправиться. Удар оставил Хелфрика еще более открытым, что позволило Вулфрику нанести более сильный удар, который Хелфрик будет ощущать еще несколько дней. С чувством праведного негодования он завершил свои три удара ударом в лицо Хелфрика, который прошел с хрустом и брызгами крови.

Хелфрик выронил свой квотерстаф и упал на спину, поднеся обе руки к носу. Вулфрик отступил назад, чтобы осмотреть свою работу. Он был поражен и восхищен в равной степени тем, как быстро и гладко он все сделал.

Появился Элдрик и бросил на Вулфрика любопытный взгляд. Он наклонился вперед и взял подбородок Хелфрика в руку, внимательно изучая его лицо. 'Хочешь домой? Хочешь к матери?'

Хелфрик решительно покачал головой, но Вулфрик видел, как дрожит его нижняя челюсть.

Сходи к священнику, — сказал Элдрик. Подумай о том, как тебя избili. В следующий раз, возможно, дело не ограничится тремя ударами".

Хелфрик сделал, как ему было сказано, поднялся на ноги и хромой трусцой направился обратно в деревню.

Элдрик встал и огляделся. На поляне царил тишина — все остановились, чтобы посмотреть. Остальные, возвращайтесь к делу, — крикнул он.

Хозяин таверны каждый день после обучения готовил огромный котел тушеного мяса, и ученики могли наполнять свои миски сколько угодно раз. Вульфрик еще не видел, чтобы котел с тушеным мясом опустел, сколько бы они ни набивали свои голодные животы. Каждый день Вульфрик проводил там первый час после тренировки, ел и шутил с остальными. Он понял, что время, проведенное с ними за едой, не менее важно, чем часы совместных тренировок. Как сказал Элдрик, однажды они будут вместе сражаться, и товарищество было не менее важно, чем уважение. Этот час пришелся на то время дня, когда занятия Адалхайд заканчивались, что давало ему повод прогуляться с ней до дома, чего он ждал даже больше, чем миски горячего рагу.

Он вытер остатки рагу с густеющей щетины вокруг рта, которой все больше гордился. До настоящей бороды было еще далеко, но это было приятное развитие по сравнению с гладкой, мягкой кожей в детстве.

Куда это ты собрался?" — спросил Хейн, когда Вульфрик встал.

Теперь они были почти одного роста, Вульфрик за зиму подрос, что доставляло такое же удовольствие, как и его начинающая расти борода.

'Дела, которые нужно сделать', - сказал Вульфрик.

'Он пошел к своей девушке', - сказал Фарлоф с озорной ухмылкой на лице. Вульфрик быстро понял, что Фарлоф мало что говорит всерьез. Невысокий, коренастый рыжеволосый с лихвой компенсировал сравнительный недостаток размеров своим ртом, но Вульфрик предпочел бы, чтобы его остроумие было направлено куда-нибудь еще.

Руал снова ударил его по плечу. 'Заткнись, Фарлоф'.

'Что?' сказал Фарлоф, подняв руки и изображая пострадавшую сторону. 'Просто говорю, он проводит с ней много времени... И она довольно привлекательна...' Он соблазнительно поднял свои темно-красные брови.

Он должен жениться на сестре Аншеля Сван", — прошептал Роал, достаточно громко, чтобы все услышали.

'Правда? Когда?' сказал Фарлоф, ухмылка на его лице стала еще шире. 'Я люблю хорошие свадьбы'.

'Заткнись!' Этот призыв исходил от всех присутствующих, кроме Аншеля.

Вульфрик посмотрел в его сторону, но тот не встретил его взгляда. Аншель был лучшим из них: быстрее, сильнее, искуснее. У него были такие же светлые волосы, как у сестры, но если ее черты лица были тонкими и нежными, то его — сильными и угловатыми. Если он решил расценить дружбу Вульфрика как неуважение к сестре, он был более чем способен избить Вульфрика так, что тот не смог бы остановиться. Вульфрик ушел, злясь на Фарлофа, но зная, что тот лишь пролил свет на то, что было правдой. Это была неловкая ситуация, из которой Вульфрик был очень рад поскорее выбраться.

Вульфрик молчал, пока они с Адалхайд шли вдоль линии деревьев, отделявшей деревню от пастбищ, а Спот бежал впереди них. Адалхайд рассказывала о своем дне, и звук ее голоса облегчал его заботы, но не рассеивал их полностью. Его будущий брак со Сван

всегда таился на заднем плане, но так и остался там. Теперь, казалось, она всплывала все чаще и чаще. Ему было интересно, какую жизнь они будут вести вместе. Будут ли они когда-нибудь гулять по вечерам, разговаривать и смеяться, как он с Адальхайд, или это будет жизнь в молчании, скрывающем ледяное презрение?

Сван и ее семья жили на другом конце деревни, поэтому он редко видел ее меньше, чем на достаточном расстоянии, которое он с удовольствием поддерживал. В его голове мелькнула мысль о том, почему Адальхайд никогда не фигурировала в списке его потенциальных будущих партнеров, но ответ был настолько прост, что едва ли стоило его рассматривать. Ее отец был копыеносцем, а не воином. Копейщик был помощником воина в бою, помогал ему с оружием и снаряжением, а когда его призывали, тоже сражался. Это было лучше, чем быть торговцем или ремесленником, но жениться на дочери копейщика было невысказано для сына Первого воина. Похоже, чужие ожидания часто усложняли жизнь.

Ты сегодня очень тихий, — сказала Адальхайд, отрывая его от размышлений.

'Устал', - ответил он, оправдываясь. 'Всегда так устаю'.

Мы можем вернуться, если хочешь, — сказала она, останавливаясь.

Он посмотрел на нее, и его сердце сжалось от мысли, что он не увидит ее снова до следующего дня. 'Нет,' сказал он. Можно пройти немного подальше.

Капитан Морлин спустил курок своего небольшого арбалета и улыбнулся, услышав приятный звон тетивы. Это было оружие охотников и убийц, и к югу от границы оно было запрещено. В Северных землях это было идеальное оружие, и не существовало закона, запрещающего его использовать; одно из немногих, что ему нравилось в Северных землях. Легкий, удобный в ношении и при этом достаточно мощный, чтобы точно поразить цель на расстоянии сотни шагов, маленький арбалет был даром богов для людей, зарабатывающих на жизнь в тени.

В тот вечер целью был пастух. Он стоял возле дерева, а теперь лежал в груди у его подножия. Если болт не убил его, то яд на его кончике — точно. Морлин повернулся и улыбнулся Барту: темная фигура лежала в подлеске рядом с ним. Он поразил последнюю дюжину целей, выполнив давнее пари между ними. Доля Барта от выручки этой ночи достанется Морлину. Барт недовольно хмыкнул в знак признательности, отчего улыбка Морлина стала еще шире. Доля Барта пойдет на ящик лучшего остийского вина, кiset дарваросианского табака, настоящего на семени мечты, и по меньшей мере дюжину лучших шлюх; этого хватит, чтобы улыбка не сходила с его лица месяц или больше. А может быть, всего лишь на одну исключительную ночь.

Их первая работа на купца-нортландца прошла отлично. Он был верен своему слову, что давало Морлину надежду на будущее их совместного предприятия. Кроме одного пастуха, за стадом никто не присматривал, насколько мог судить Морлин. Это была заштатная деревушка, довольно далеко от границы, и, похоже, они не думали, что им стоит опасаться риверов. У жителей Нортленда такие вещи были в порядке вещей. Не было чести в том, чтобы украсть скот соседа. Очевидно, сначала нужно было убить его. Только тогда похищение его скота достойно песен и эпических сказаний. Дикари, все до одного, подумал

Морлин.

Дикари или нет, но если нортландец сможет указать им местонахождение еще нескольких таких мест, он был прав, говоря, что все они очень разбогатеют. Морлин кивнул Барту. Он был единственным, кто знал скот. Он будет отдавать приказы, пока они не соберут стадо и не отправятся на юг. Затем наступит очередь Арбо снять с них клейма, а потом разделить добычу с Нортлендером в условленном месте встречи. В целом, это было очень удачное начало их деловых отношений.

За несколько месяцев, проведенных Ритшлем в Расбруке, он постепенно стал частью общины. Это было преимуществом традиции, согласно которой священники переезжали из деревни в деревню в течение своей жизни; благодаря этому люди быстрее принимали и доверяли новому лицу. Он был еще далек от того, чтобы оказывать необходимое влияние, но все, что он делал каждый день, делало его все более незаменимым. Придет время, когда его слово будет выполняться беспрекословно.

Он стоял на ступенях своего маленького кирха, как делал это каждое утро, наблюдая, как оживает деревня, и приветствуя всех, кто проходил мимо его дверей. Даже спустя столько времени после того, как он оставил свое призвание, он мог видеть привлекательность в той жизни, которой он прикрывался. При других обстоятельствах, думал он, она могла бы ему даже понравиться. Ощущение того, что он ценен для другого человека, было заманчивым, но оно вызывало болезненно ясные воспоминания. Воспоминания, от которых его тошнило. Семья. Жизнь, которая у него была. Это была хорошая жизнь, которая заставила его не обращать внимания на то, как много он забыл. Его жена. Его две девочки. У него отняли так много. При мысли об их безжизненных телах, лежащих рядом друг с другом, ему хотелось упасть и зарыдать.

Болезнь забрала их так быстро. Не прошло и дня, как заболел первый человек в их деревне, а его жена и дети уже лежали на смертном одре. Если бы Камень был в его распоряжении, он смог бы их спасти. Он знал это. Он не позволит, чтобы у него снова что-то отняли, и не позволит Этельману забрать то, что принадлежит ему по праву. С Камнем у него больше ничего нельзя было отнять.

Адальхаид сидела на стене, ожидая в их обычном месте встречи, но была не одна. Вульфрик прищурился, чтобы разглядеть, с кем она разговаривает. Его звали Сигерт, он был невысоким, прилежным мальчиком с русыми волосами, который ходил на занятия к Этельману. Его отец был кожевником, и в учебе он уступал только Адальхаид, поэтому они с Вульфриком никогда не общались, кроме тех случаев, когда Вульфрик передавал им ручки и бумаги. Они болтали и смеялись. Сигерт игриво тронул ее за плечо, и Вульфрик почувствовал вспышку гнева, которую не мог объяснить. Он почувствовал, что надеется, что Спот вскочит

и набросится на него. Он ускорил шаг и с наслаждением прервал их.

Извини, я опоздал, — сказал Вулфрик. Спот тепло поприветствовал его, и Вулфрик заиграл. Привет, Сигерт. Спасибо, что составил компанию Адалхайд, пока она ждала. Не стоит больше задерживаться".

На мгновение воцарилась неловкая тишина, пока Сигерт соображал, что Вулфрик имеет в виду. Он улыбнулся Адалхайд, затем кивнул и ушел. Вулфрик был воином-учеником, а Сигерт — сыном кожевника. Он должен был догадаться, что медлить нельзя.

'Что это было?' спросила Адалхайд. 'Он что-то сделал тебе?'

'Что ты имеешь в виду? Конечно, нет. Просто я теперь ученик, и он должен проявлять больше уважения".

'Правда? Ты был очень резок с ним без всякой причины", — сказала Адалхайд.

Я не хотел этого", — сказал Вулфрик, отступая назад так быстро, как только мог.

В последнее время я заметила в тебе перемены, — сказала она. Она встала со стены и собрала те немногие вещи, которые были при ней. Я не уверена, что мне это нравится. Спот!

Она ушла, не сказав больше ни слова, Спот следовал за ней по пятам.

Окончание весенней посевной всегда отмечалось праздником, последним перед Днем Джорундира во время сбора урожая. Ученики устраивали показательные выступления на лошадях, которые становились предметом разговоров в деревне за несколько дней до праздника. Предполагалось, что это всего лишь развлечение, но оно всегда становилось соревновательным, поскольку каждый ученик старался показать себя лучшим. Вулфрик не был исключением. Он верил, что может победить.

Состязание давало Вулфрику возможность показать всем в деревне, чего он добился, как меньше чем за год превратился из робкого мальчика в начинающего воина. Это дало ему возможность показать Адалхайд, что он мужчина и может сам о себе позаботиться, что им можно восхищаться, а не жалеть.

На одном из пастбищ в землю были вбиты столбы, к каждому из которых было прикреплено кольцо. По всему пастбищу были разбросаны высокие стога сена, чтобы всадники не могли скакать между столбами по прямой. Скорость, ускорение, маневренность и умение всадника управлять своим животным — все это проверялось в ходе скачек по выгону, когда участники собирали копьями как можно больше колец. Победителем становился всадник с наибольшим количеством колец.

В преддверии этого состязания ученики почти не говорили о нем — что было удивительно, учитывая, что все остальные только о нем и говорили, — но Вулфрик знал, что оно занимает все их мысли. Они все хотели победить. Часть жизни воина заключалась в обретении славы благодаря храбрым поступкам, и это был первый шанс для каждого из них. Все они мечтали о славе, которую принесет победа, не больше Вулфрика, но одними мечтами этого не добиться.

Всадники выстроились вдоль одной стороны пастбища, лошади фыркали, снаряжение гремело, дыхание создавало в воздухе маленькие облачка, но ни один из учеников не проронил ни слова. Было еще рано, и утренний туман висел над травой, почти скрывая зрителей, выстроившихся вдоль другой стороны. Напряжение вокруг всадников было таким же ощутимым, как и туман — каждый стремился произвести впечатление.

Отец Вулфрика наблюдал за происходящим, но это был не единственный человек, о котором он думал. Если уж на то пошло, отец был на втором плане. Адальхаид тоже была там, и именно о ее присутствии Вулфрик думал больше всего. Они не разговаривали с тех пор, как она рассердилась на него. Он хотел, чтобы она увидела, как многого он достиг. Он не мог объяснить, почему эта потребность так велика, но только ее мнение имело значение.

Грейфелл стучал копытом и бросал агрессивные взгляды на других лошадей. Вульффрик восхищался его целеустремленностью, но нервное возбуждение в его собственном желудке было трудно игнорировать. Накануне вечером он чувствовал себя примерно так же, как Грейфелл сейчас: уверенно и с нетерпением ждал начала работы. Теперь же он мог только гадать, не стошнит ли его. Все жители деревни наблюдали за происходящим, даже его мать, которая обычно сторонилась таких вещей.

Кучи сена и столбы с кольцами то появлялись, то исчезали из виду среди тумана. Чтобы ученики были начеку, не на всех столбах было кольцо. В то утро они были расставлены в произвольном порядке, так что никто не мог заранее спланировать свой маршрут. Искать их предстояло в сумасшедшей спешке.

Правила были скупы на физические контакты. Бои были запрещены, поскольку испытание было рассчитано на скорость, ловкость и умение владеть лошастью, а не на драку, но столкнуть кого-то с дороги было вполне допустимо. В этом у Вулфрика было преимущество. За последний год он сильно вырос, но Грейфелл был огромен, и другие лошади по-прежнему боялись его.

Вальдегрим председательствовал на соревнованиях. Это был угрюмый человек, всегда одетый с ног до головы в черное, но он был признан лучшим наездником в деревне, и к нему прислушивались во всех подобных вопросах. Он осматривал каждого всадника, проверяя его снаряжение на предмет того, что противоречит духу состязания. Не редки были случаи применения грязных трюков, так как в пылу состязания часто трудно было понять, кто нарушил правила. Таково было стремление к победе.

Когда Вальдегрим убедился, что никто нигде не спрятал шипы, он отошел в сторону и поднял правую руку. Вулфрик почувствовал, как учащенно забилось его сердце. Несмотря на холодный утренний воздух, он вспотел. Он окинул взглядом строй собравшихся всадников. Все лошади заволновались, почувствовав приближение момента. Они фыркали и ржали, выдавая эмоции, которые каждый из их наездников старался скрыть. Аншель был в трех шагах от него и, вероятно, представлял наибольшую угрозу для Вулфрика. Он смотрел прямо перед собой, его угловатые черты ничего не выдавали. Казалось, он был высечен из льда. Может, он просто лучше Вульффрика умел скрывать свои нервы?

Он заметил, что Хелфрик бросил на него косой взгляд. Он был более слабым наездником, чем Вулфрик, и если бы он попытался сделать что-то исподтишка, Вулфрик был намерен заставить его пожалеть об этом. Он так увлекся своими мыслями, что Вулфрик чуть

не пропустил, как Вальдегрим опустил руку.

Если реакция Вульфрика запоздала на долю секунды, то реакция Грейфелла — нет. И лошадь, и всадник сорвались с места. Вульфрик, вернув свой разум в нужное русло, сосредоточился на ближайшем кольце. Уголки его глаз показывали, что он отрывается от остальных, но скорость — это еще не все, а с большим стогом сена у столба быстро остановиться было не менее важно.

Вульфрик направил наконечник копья в пустой центр кольца и вытянулся вперед. Услышав, как оно зазвенело по деревянному древку копья, Вульфрик смог успокоить смятение в своем нутре. Чтобы освободить кольцо от крепления к столбу, нужно было сильно дернуть, и на мгновение Вульфрик почувствовал, как копье дернулось в его руке, когда он пронесся мимо него на скорости. Он устоял, почувствовал, что кольцо поддается, и вздохнул с облегчением. Он погнал Грейфелла влево и задел один из стогов сена, подняв в воздух тучу сена. Он резко повернул вправо. Грейфелл задыхался от напряжения, но реагировал отлично.

Обогнув стог сена, Вульфрик увидел, как из тумана выныривают остальные. Он заметил следующую цель и подстегнул Грейфелла к ней. Хейн бросился на него со всех сил, но Вульфрик подоспел первым, снял его со столба и надел на копье второе кольцо. Он кивнул Хейну, лицо которого выражало разочарование, но кольцо было честно выиграно. Вульфрик развернул Грейфелла и направился к следующему кольцу, которое он выбрал, когда ехал к предыдущему, и которое вело его поближе к месту скопления зрителей. Набравшись уверенности, он планировал устроить для них шоу.

Он изо всех сил старался не отвлекаться от кольца, но его взгляд метался по собранию, и он заметил Адалхайд. Рядом с ней, не обращая внимания на поединок, стоял Сигерт. Отвлечься на мгновение было достаточно, чтобы Роал громом пронесся по дороге Вульфрика, направляясь к тому же кольцу и далеко впереди. Вульфрик подгонял Грейфелла, но разрыв между ними был слишком велик.

Роал был начеку — он наклонился вперед из седла и вытянул копье. Наконечник ударил по краю кольца, подбросив его в воздух. Роал с досадой потряс копьем и пришпорил коня, чтобы вернуться за ним. Вульфрик наблюдал за полетом кольца в воздухе, пока оно не упало на мягкий дерн. Он бросил еще один взгляд в сторону Адалхайд. Она смотрела на него, но глаза Сигерта все еще были прикованы к ней.

Он накрутил кожаные поводья на ладонь и сжал их так крепко, как только мог. Бросив последний взгляд на Адалхайд и поймав ее глаза, он погнал Грейфелла в сторону упавшего кольца. Грейфелл на полном скаку промчался вдоль края толпы, когда он выпрыгнул из седла. Крепко ухватившись ногами, он скользнул вбок, пока не оказался перпендикулярно боку Грейфелла. Он услышал, как толпа вздохнула, и не смог удержаться от улыбки. Потеря концентрации едва не стоила ему жизни: он скользнул дальше, чем намеревался, и его голова почти коснулась земли. Он сильно сжал ноги и остановил падение, его бедра закрипели, а суставы вывернулись от усилия.

Он уже дважды пытался проделать этот маневр верхом на Грейфелле, и в обоих случаях все заканчивалось тем, что он оказывался на спине. На этот раз он сделал это без колебаний, здравый смысл заменился желанием сделать так, чтобы Адалхайд не оставила Сигерту ни единой мысли ни в этот день, ни в любой другой. Каждый мускул в его теле напрягся до предела, когда он боролся за то, чтобы остаться частью Грейфелла.

Кольцо лежало на земле. Он поднял его в воздух наконечником копья, а затем пронзил

его копьём под бурные аплодисменты. Он бы улыбнулся, если бы не необходимость вернуться в седло. Каждый толчок лошади грозил сбросить его. Соскользнуть вниз было проще простого; у него еще не было возможности попробовать подняться обратно.

Он тянул всеми фибрами своего тела, натянутые поводья обхватили его руку, перекрывая кровообращение в пальцах. Его хватка грозила ослабнуть, но если он упадет на землю, его дисквалифицируют, и вся его тяжелая работа окажется напрасной. Последним усилием он натянул поводья и изо всех сил надавил на стремя. Он снова вскочил в седло; это было далеко не изящно и, конечно, не было стильным завершением его бравады, но это было гораздо лучше, чем альтернатива.

Его выходка стоила ему драгоценного времени, и Вульфрик задумался, стоило ли тратить усилия ради одного-единственного кольца. Он огляделся по сторонам в надежде увидеть поблизости еще одно. Он решил, что четвертого будет достаточно для победы. Он заметил одно и, не теряя ни мгновения, бросился за ним.

Когда он проходил мимо стога сена, Хелфрик выскочил с другой стороны и помчался к тому же кольцу так быстро, как только мог. Грейфелл не нуждался в подбадривании; как только он увидел Хелфрика, он удвоил усилия. Вульфрик низко присел, привстал в стременах, стараясь двигаться в такт с Грейфеллом. Его копыта гулко стучали по земле, и Вульфрик слышал его сбивчивое дыхание, но он не подавал признаков слабости. Медленно, но верно они притягивали Хелфрика к себе, пока наконец не оказались рядом друг с другом.

Хелфрик в ужасе огляделся. Он подхлестывал коня, что было для Вульфрика проклятием, но, несмотря на все усилия, Грейфелл поравнялся с ним без всякого поощрения. Хелфрик снова оглянулся, чтобы проверить, не отрывается ли он. Когда он понял, что разницы нет, он свернул и столкнулся плечом к плечу с Вульфриком и Грейфеллом. Застигнутый врасплох, Грейфелл споткнулся, но со следующим шагом оправился и, оттолкнувшись, снова поравнялся с ними. Хелфрик повторил тактику, но они были готовы к этому, и он безрезультатно отскочил от них.

Не желая оставлять такое поведение без ответа, Вульфрик погнался Грейфелла влево, налетев на Хелфрика и его лошадь. Они уже играли в эту игру пешком, и Вульфрик подумал, что у Хелфрика было бы больше здравого смысла. Хелфрик отлетел в сторону после столкновения, но, к сожалению, остался в седле.

Кольцо было все ближе. Вульфрик оглянулся и увидел, что Хелфрик смотрит на него, его лицо выражало злобу. Вульфрик заметил три кольца на его копьё. Он проследил за движением копья и понял, что оно движется к нему быстрее, чем следовало бы. Осознание пришло слишком поздно. Яркий свет вспыхнул за глазами Вульфрика, когда копьё ударило его в висок. Он сумел удержаться в седле, но его голова была разбита ударом.

'Хелфрик Бертольдсон! Дисквалифицирован! громовой голос Вальдегрима разнесся по пастбищу.

Это послужило ему на пользу, и Вульфрик не стал больше думать о нем, сосредоточившись на кольце. Аншель выскочил из-за стога сена и ударил его. С немалой досадой Вульфрик увидел, что он присоединился к четверем, которые уже были на нем. Он огляделся, но больше ничего не увидел. Догнать его не было никакой возможности.

Аншель замедлил галоп и развернул коня, держа копьё наготове. Вульфрик остановил Грейфелла, и оба они тяжело дышали. Ему было интересно, чувствует ли Грейфелл его разочарование. Все остальные ехали рысью, у большинства на копьях было по два-три кольца, но ни у кого не было больше, кроме Аншеля. Он был единственным, кто улыбался.

Все остальные, включая Вулфрика, изо всех сил старались скрыть свои чувства. Он посмотрел в сторону Адальхайд, которая играла волосами, болтая с Сигертом, и даже не взглянул в сторону Вулфрика. Это было горькое лекарство. В его ушах эхом звучали слова Белгара: "Умнее, а не труднее". Этот день был очень тяжелым, но, похоже, он не был очень умным.

Когда Вулфрик отпустил Грейфелла на ночь, он почувствовал, что конь разочарован результатом дня не меньше, чем он сам. Он брел домой, неоднозначно оценивая то, как прошел день. Решения, которые он принял, были неудачными, и он позволил втянуть себя в то, что мешало ему. В тот день это означало поражение. На поле боя это могло означать смерть.

'Это было мое кольцо'.

Источник голоса был позади него, но ему не нужно было видеть его, чтобы понять, что он исходит от Хелфрика. Вульффрик остановился, но не повернулся.

'Оно принадлежало тому, кто мог его достать. Аншелю, как выяснилось', — сказал Вулфрик.

Я бы взял его, если бы ты не встал у меня на пути".

'Ну, я встал, и я не в настроении обсуждать это с тобой, так что забудь об этом'.

Рорик и Вальмер вышли перед ним.

Вульффрик кивнул. 'Так вот оно как. Ты знаешь, что не в состоянии сделать это сам, поэтому нанимаешь помощников. Сейчас не хватает только Родульфа. Он, должно быть, чувствует себя очень обделенным"'.
Вулфрик повернулся и сделал шаг назад, чтобы все трое оказались по одну сторону от него. С защищенной спиной у него был шанс, пусть и небольшой.

Может, я и не выиграю, но одному из вас предстоит плохой вечер", — сказал Вулфрик с такой бравадой, на какую только был способен.

"Думаю, не одного из вас ждет плохой вечер", — сказал Хейн, выходя из тени соседнего здания. Он подошел, отодвинул Уолмера со своего пути и остановился рядом с Вулфриком. Он повернулся лицом к остальным, сложив руки.

Взять их, — сказал Хелфрик. Никто не двинулся с места.

'Берешь на себя работу Родульфа?' сказал Вульффрик. Ты, похоже, не так хорош в этом, как он".

Сейчас, — сказал Хелфрик. "Взять их!"

Никто не двигался. В конце концов, это сделал Рорик.

Он отступил назад и встал лицом к лицу с Хелфриком. 'Возьми их сам', - сказал он. Я же говорил тебе, что это плохая идея. Я иду домой". Он повернулся и ушел.

'Два на два', - сказал Хейн. 'Не думаю, что у тебя есть шансы. Да и раньше тоже.'

'Ну?' сказал Вулфрик. 'Ты собираешься нас достать?'

Лицо Хелфрика выражало яростное бессилие. Уолмер неуверенно смотрел на него.

'Это Родульф тебя подговорил?' сказал Вулфрик.

Хелфрик усмехнулся. 'Я бы ничего не сделал для купеческого сына'.

'Значит, ты сам придумал план, как победить брата-ученика?' сказал Хейн.

Хелфрик молчал.

'Я тоже иду домой', - сказал Вальмер, отступая назад, прежде чем повернуться и исчезнуть в ночи.

'Наверное, тебе тоже пора домой', - сказал Вулфрик. Мы оба знаем, чем это закончилось в последний раз, когда мы были вдвоем".

Хелфрик еще мгновение смотрел на него, прежде чем уйти. Вульффрик смотрел, как он уходит, затем повернулся к Хейну.

Спасибо. В одиночку я бы не справился".

Не стоит благодарности, — сказал Хейн. Мы теперь братья".

Было бы хорошо, если бы Хелфрик тоже это понял.

Он поймет. Просто у одних на это уходит больше времени, чем у других".

Вульфрик направлялся к поляне, на ходу поедая булочку. Он шел так быстро, как только мог, с полным ртом еды и еще не подавившись при этом, так как опаздывал. Последняя беседа с Белгаром состоялась в то утро, и она затянулась дольше обычного, поскольку он воспользовался возможностью задать старому воину все вопросы, какие только мог придумать.

Сван шла через площадь с несколькими своими друзьями. Вульфрик заметил ее и поспешил смахнуть крошки со своей шерстяной туники.

Доброе утро, Вулфрик, — сказала Сван. Она улыбнулась, когда они проходили мимо.

Вульфрик остановился от удивления и вдохнул кусок хлеба. Девушки засмеялись, глядя, как он хрипит и лопочет, пытаясь восстановить дыхание. Она никогда не разговаривала с ним раньше. Он оглянулся, она бросила взгляд через плечо и снова улыбнулась, когда они пошли прочь. Вулфрик поднял бровь, делая первый беспрепятственный вдох. Что привело к такой перемене в обращении? Это вызвало у него чувство ноющего беспокойства в сердце.

Вульфрик уже несколько дней не мог перестать думать о своей короткой встрече со Сван, гадая, означает ли это, что скоро начнутся их официальные ухаживания, и испытывая тошноту при этой мысли, стараясь при этом скрыть свои переживания от Адалхаид. Однако время на раздумья у него не было, так как началась подготовка к первой экспедиции учеников

Накануне было дано указание прибыть на тренировку с готовыми лошадьми, припасами и снаряжением для двухдневного похода — первого, которым они будут руководить сами. Когда Вулфрик прибыл, несколько учеников уже были там, и поляна наполнилась возбужденной болтовней и смехом. Элдрик, Вальдегрим и Анжест собрались у стоячего камня, болтая с более непринужденным видом, чем ожидал Вулфрик. Похоже, они тоже с нетерпением ждали того, что стояло на повестке дня.

'Вы все можете положить свое снаряжение и расслабиться', - сказал Элдрик, когда все собрались. На этот раз мы будем действовать немного по-другому. Обычно мы проводим пару дней, бродя по лесу и разглядывая отпечатки в грязи, и ничего особенного не происходит, поэтому Анжест и Вальдегрим собираются ответить своему истинному призванию и поиграть в риверов в течение следующих двух дней".

Он повернулся к двум воинам, которые выглядели так, словно им очень нравилась предстоящая задача. Вперед, ребята. Не облегчайте им задачу".

Они оба рассмеялись и сели на коней. Анжест одарил всех улыбкой, от которой по позвоночнику Вулфрика пробежал холодок. Фарлоф сказал, что отец рассказывал ему, что Анжест съедает сердца убитых им людей. С Фарлофом невозможно было понять, серьезно он говорит или нет, но, глядя на Анжеста, Вулфрик вполне мог в это поверить. Он мог представить себе, как Анжест решит больше ничего не есть.

Пара галопом поскакала прочь на юг. Элдрик некоторое время смотрел им вслед, а

затем повернулся к Вульффрику и другим ученикам.

'Вы можете немного отдохнуть', - сказал Элдрик. Даю им два часа. Им сказали, чтобы они не сопротивлялись, если их поймают". Он посмотрел в ту сторону, куда они ушли, и пожал плечами. "Но с этими двумя никогда нельзя сказать наверняка".

Только сейчас Вульффрик заметил, что у Элдрика нет с собой ни лошади, ни снаряжения.

Я буду в пивной, если кому-нибудь понадобится. Я буду очень впечатлен, если кто-нибудь их поймает. Если ты не вернешься через два дня, я могу пойти тебя искать". Он начал идти обратно в деревню. 'А может, и нет.'

'Кто главный?' спросил Аншел.

'Обычно хорошим выбором является тот, кто задает вопрос первым, — сказал Элдрик, — но вы должны решить это сами. Увидимся через два дня. Постарайтесь не умереть".

'Будут ли они держаться вместе или разделятся?' спросил Аншел.

'Твои догадки так же хороши, как и мои', - крикнул Элдрик в ответ. 'Хватит вопросов, меня ждет кружка эля'.

'Кружка эля?' — спросил Хейн. Я только что позавтракал.

'Его делают из зерна, глупец', - сказал Фарлоф.

Хейн хрюкнул, а остальные засмеялись.

Нам нужно организовать, — сказал Аншель, заглушая шутки. Нам нужно использовать эти два часа с пользой".

Послышался ропот согласия.

'Мы должны разделить на две части', - сказал Аншель. Даже если Анжест и Вальдегрим останутся вместе, мы сможем преодолеть вдвое большее расстояние, а нас более чем достаточно. Нет необходимости всем двенадцати держаться вместе. Я возьму одну группу. Вульффрик, ты возьмешь другую".

Вульффрику понадобилось мгновение, чтобы понять, что Аншель произнес его имя.

Вульффрик, ты берешь Хейна, Колбейна, Беруна, Роала и Хелфрика. Остальные пойдут со мной".

Вульффрик хотел было застонать при упоминании последнего имени, но все еще был настолько ошеломлен тем, что Аншель назначил его, что промолчал.

'Подожди,' сказал Хелфрик. Почему он главный?

Аншел окинул его одним из своих ледяных взглядов. 'Потому что я так сказал. Проблемы с этим?'

Хелфрик бросил на Вульффрика неприязненный взгляд, но покачал головой. Вульффрик почувствовал нервное возбуждение, и не только из-за возложенной на него ответственности, но и из-за перспективы управлять Хелфриком.

'Я возьму свой участок к востоку от южной дороги. Ты возьмешь свой на запад", — сказал Аншель.

Вульффрик начал было кивать, но приостановился. 'А не пойти ли нам на север?'

Хелфрик хихикнул, а Аншель нахмурился.

'На север?' сказал Аншель. Почему мы должны идти на север?

Потому что мы видели, как они шли на юг", — сказал Вульффрик.

Аншель улыбнулся, впервые за все время, что Вульффрик видел его таким. 'Ты прав. Хотя это может быть двойной блеф".

Вульффрик пожал плечами. 'Неизвестно, но они не собираются облегчать нам задачу'. Он

надеялся, что его голос звучал увереннее, чем он сам себя чувствовал.

Идите на север шесть часов. Если не найдете их следов, переходите реку на восточный берег и возвращайтесь на юг. Мы проедем на юг столько же и повернем на восток, если следов не будет. Если повезет, мы настигнем их до того, как встретимся в центре".

'Звучит неплохо,' сказал Вулфрик.

'Проверьте свой комплект и будьте готовы двинуться в путь, как только мы получим известие', - сказал Аншел. Мы не дадим им ни секунды больше, чем нужно".

Родульф выскользнул из деревни, пока все внимание было приковано к ученикам, готовящимся к своему первому выезду. Дети смотрели на них, как на героев, а молодые женщины деревни собрались, чтобы проводить их, многие предлагали знаки удачи своему любимому ученику. По тому, как они себя вели, можно было подумать, что они собираются на войну. Конечно, для них это была своего рода вежа, и их отъезд выглядел почти так же, как когда воины уходили — всегда событие для деревни, — но все же это было не более чем игра мальчиков в мужчин.

Родульф почувствовал укол ревности. Его первая поездка, тренировочная или нет, была тем, чего он с нетерпением ждал столько, сколько себя помнил. Теперь он оставил эти мечты в прошлом и знал, что его будущее может предложить гораздо больше, чем он потерял. Посещение Эльцбурга показало ему, как много еще существует в мире. Он хотел стать человеком этого мира, а не каким-то невежественным воином, который живет и умирает в нескольких шагах от места своего рождения. В тот день у него было важное задание. Он нес кожаную папку с несколькими фолиантами карт — карт, которые должны были направить хищников в деревни, разведанные им и его отцом и считавшиеся подходящими для захвата.

Риверы ждали его в точке встречи, расположенной на некотором расстоянии к северу. Их отношения оказались плодотворными — их прибыль уже была огромной. Если так пойдет и дальше, а причин для этого не было, Родульф и его отец накопят такое богатство, что смогут перебраться на юг и стать князьями-торговцами. Вулфрик и остальные смогут носиться по округе, выбивая друг из друга шишки, пока мир не замерзнет и боги не вернуться, — все, что его волновало.

Пора ехать", — крикнул Аншель.

Лошади были оседланы, и все сели. Они сидели уже несколько минут, с нетерпением считая мгновения до приказа. Сердце Вулфрика учащенно забилось, когда они двинулись в путь двумя длинными шеренгами, он и Аншель во главе. Их путь лежал через деревню до площади, где они должны были разделить и разойтись по своим направлениям.

Как и ожидал Вулфрик, на деревенской площади собралось много народу. Отъезд

воинов всегда собирал толпу, и, хотя они были всего лишь учениками, это мало чем отличалось. Несколько девушек вышли вперед и предложили ученикам символы любви и удачи — ленты или маленькие амулеты, которые они сделали сами.

Вульфрик оглядел толпу в поисках Адальхаид. Скорее всего, она уже была на занятиях, но он не терял надежды. Он заметил ее, стоящую на другой стороне площади, и его лицо мгновенно расплылось в улыбке. Ему так хотелось подойти к ней, но он не мог покинуть строй.

Вульфрик.

Вульфрик посмотрел вниз и увидел Сван, идущую к его лошади. Она держала в руках кусок белой ленты.

'Удачи на соревнованиях', - сказала она.

Вульфрик потянулся, чтобы взять ее, но посмотрел туда, где стояла Адальхаид. Она наблюдала за ним. Он увидел, как она подняла бровь, повернулась и ушла. Было ощущение, что она вырвала часть его тела, когда уходила.

Рука Сван коснулась руки Вульфрика, когда он брал ленту.

Спасибо, Сван, — сказал он. Отказаться было бы непростительно, но он так хотел, чтобы это было от Адальхаид.

Она улыбнулась. Видеть в один день улыбку и ее, и Аншеля было тревожно, словно слияние двух великих и редких событий. При мысли об Аншеле Вульфрика охватило беспокойство. Он оглянулся, но Аншель ничего не сказал, пока они не дошли до места, где должны были разойтись в разные стороны.

'Удачной охоты', - сказал он.

'Взаимно', - ответил Вульфрик, стараясь говорить как можно взрослее и серьезнее. Он бросил последний взгляд на площадь в поисках Адальхаид, но ее нигде не было видно. Несмотря на то, что он много лет мечтал отправиться в поход, у него было тяжелое сердце, когда он вел свою маленькую группу воинов-учеников на север из деревни в пустыню.

Первый час они ехали в молчании, растянувшись веером, чтобы охватить как можно больше местности. В голове Вулфрика проносились мысли обо всем, что, по его мнению, он должен был делать как предводитель отряда. Он пытался представить, как бы повел себя его отец. Он вспоминал тот день, когда они вместе ходили на охоту, и пытался вспомнить хоть что-нибудь, что могло бы пригодиться. Как он ни старался, у него ничего не получалось. Задумчивое молчание меньше способно было выставить его дураком, чем попытка сказать и сделать больше, чем нужно, поэтому он держал рот на замке, насколько это было возможно. Все они знали, что ищут, и Вулфрик решил, что лучше оставить их наедине.

Как и остальные, он осматривал лес в поисках любых признаков проезжающих всадников. Назвать Анжеста и Вальдегрима знатоками лесных дел было преуменьшением. Лишь немногие настоящие риверы могли бы бросить им такой вызов, и Вульффрику пришло в голову, что это, пожалуй, не самое справедливое испытание.

Вульффрик оглядел обе стороны: с одной — Хейн, с другой — Хелфрик. Пока что Хелфрик молчал, и это радовало. Вулфрик ожидал от него гораздо больших неприятностей, но знал, что то, что он молчал так долго, не означает, что ситуация продлится долго.

Они продолжали путь в течение нескольких часов. Под пологом леса было трудно следить за временем, а из-за монотонности их задачи каждый миг казался равным десяти.

Пора поворачивать, — сказал Хелфрик.

Все остановились на месте и посмотрели на Вулфрика.

По моим расчетам, еще пара часов", — сказал Вулфрик. Он не знал точно, сколько времени они шли, но это точно не было шесть часов, о которых он договорился с Аншелем.

'Здесь ничего нет', - сказал Хелфрик. 'Мы зря тратим время'.

Я скажу, когда мы будем терять время. Мы продолжим путь, как договорились, и повернем назад, когда я решу".

'Ты совершаешь ошибку', - сказал Хелфрик.

'Тогда это моя ошибка', - сказал Вулфрик. Он пристально посмотрел на Хелфрика и держал его взгляд, пока тот не отвернулся. 'Давайте двигаться дальше. Смотрите в оба".

Все откликнулись на его приказ, хотя Хелфрик демонстративно подождал мгновение, прежде чем двинуться дальше. Вульффрик смотрел на него, пока он не сделал этого. Если остальные признают его лидером, он не мог позволить Хелфрику бросить ему вызов.

Вернувшись к поиску любого потревоженного листа, сломанной ветки или потертости на земле, он задумался о том, что Хелфрик, возможно, прав. Было бы неловко, если бы он повел их в неверном направлении.

'Это пустая трата времени', - крикнул Хелфрик. Никто не проходил этим путем уже несколько недель. Давайте повернем на юг, пока у нас еще есть шанс найти их раньше других".

'Это не соревнование,' сказал Вулфрик. Это было на прошлой неделе.

Лицо Хелфрика потемнело. 'Все — соревнование'.

'Мы работаем вместе. Мы придерживаемся плана, который мы согласовали с Аншелем".

'План, который ты согласовал с Аншелем.'

'Я не слышал, чтобы кто-то жаловался,' сказал Вулфрик. 'Меньше всего ты.'

'Я возвращаюсь,' сказал Хелфрик. Кто со мной?" Он огляделся и снова крикнул это, во

второй раз громче.

Сердце Вулфрика бешено колотилось. Он хотел оглянуться, чтобы посмотреть, не реагирует ли кто-нибудь, но не сводил глаз с Хелфрика. Не было слышно ни звука движения, и Вулфрик мог видеть, как на лице Хелфрика нарастает разочарование.

'План есть план, — сказал Хейн. 'Мы должны довести его до конца'.

Остальные хранили молчание, некоторые смотрели в противоположном направлении, чтобы не вступать в разговор.

Хорошо. Я вернусь один".

'Нет, не вернешься', - сказал Вулфрик. Мы продолжим путь, как и планировали.

Ты можешь быть сыном Сильной Руки, но никто не сделал тебя первым воином. Или первым учеником. Я сам приму решение. Ты будешь выглядеть чертовым дураком, когда мы найдем их на юге".

'Я рискну', - сказал Вулфрик.

Хелфрик повернул коня и с криком помчался галопом, слишком быстро для леса. Вулфрик не огорчился, увидев его отъезд, — он даже почувствовал облегчение, — но у них не хватало одного человека, а это означало, что они не смогут обыскать такую большую территорию.

'Давайте двигаться дальше', - крикнул Вулфрик. Я хочу проехать как можно больше, пока не пришло время возвращаться". Он посмотрел прямо перед собой и поскакал вперед, довольный тем, что остальные последовали его примеру.

Хелфрик хлестнул своего коня поводьями, подгоняя его быстрее. Острые ощущения от быстрой езды по лесу начали ослаблять ярость, которую он испытывал из-за того, что Вулфрик вскользь пренебрег его мнением. Он перепрыгнул через поваленный ствол дерева и обогнул другое, как только приземлился. Он громко рассмеялся и почувствовал, как напряжение спало с его тела. Если он приложит усилия, то сможет присоединиться к отряду Аншеля еще до наступления ночи.

Было ошибкой не высказаться, когда создавались группы, но он ожидал, что они встанут на его сторону, когда стало ясно, что Вулфрик ведет их по дурацкому пути. Он не знал, когда Вулфрик стал таким популярным, но он мало что мог с этим поделать. Возможно, пришло время смириться с тем, как обстоят дела, и идти дальше. В конце концов, Вулфрик был сыном Первого Воина; следовало ожидать, что он достигнет известности, достойной или нет. Если продолжение противостояния будет вредить его перспективам, Хелфрик решил, что лучше остановиться.

Его лошадь пронзительно завопила, споткнулась, и Хелфрик оказался в воздухе.

Звук был безошибочно похож на лошадиный. Родульф остановился, чтобы

прислушаться, но больше ничего не было слышно. Учитывая, что он только что встретился с людьми, которым они с отцом заплатили за кражу скота, оставаться незамеченным было очень важно. К этому времени ученики должны были быть гораздо дальше на севере, и он не ожидал встретить там кого-то.

Любопытство взяло верх, он соскользнул с лошади и привязал ее к дереву, а затем направился к тому месту, где услышал звук. Он крался вперед, стараясь не попадаться на глаза. Вполне возможно, что в этом районе действуют не только те риверы, на которых он работает. Обычно ему было на это наплевать — его семья не имела права держать стада, — но если в округе будет больше риверов на свободе, это может создать для него проблемы.

Он дошел до того места, где, по его мнению, кричала лошадь, но там не было никаких следов. Зато было несколько сломанных веток и потревоженная земля. Судя по всему, только одна лошадь. Он услышал стон и застыл на месте.

Он продвигался вперед с особой осторожностью, пока не заметил Хелфрика, сидящего у ствола дерева. Хелфрик выглядел неважно. Его кожа была серой и покрыта капельками пота, а вьющиеся каштановые волосы прилипли к коже от смеси пота и крови. Родульф мог слышать его хриплое дыхание с того места, где он стоял. Он прочистил горло и шагнул вперед.

'Родульф?' сказал Хелфрик. Слава богам. Я упал с лошади. Я сильно ранен. Вызови помощь".

Родульф уставился на него. Если бы он поторопился, то мог бы вызвать священника в течение часа.

Я думал, ты больше не хочешь со мной разговаривать, — сказал Родульф. В конце концов, я всего лишь купеческий сын. Ты уверен, что я способен привести помощь?

'Я ранен. Вызови помощь". Хелфрик попытался выкрикнуть слова, но они получились не более чем вздохи.

Родульф сел на трухлявое бревно. Падение с лошади — глупый поступок, особенно для такого храброго воина, как ты".

Хватит играть, — сказал Хелфрик. Я сильно ранен. Приведи священника".

'Насколько сильно?' сказал Родульф. Он встал и подошел к Хелфрику. Обе его ноги были сломаны. Зазубренный осколок кости пробил штанину. Хелфрик обвязал бедро над раной полоской ткани, но его бледность свидетельствовала о том, что он потерял много крови. Каждое мгновение было жизненно важным для его спасения, но Родульф не чувствовал спешки. 'Ты прав. Ты сильно ранен. Но я уверен, что Этельман ничего не сможет исправить".

Хелфрик улыбнулся и расслабился. 'Спасибо, Родульф.'

'За что? Я не говорил, что пойду за ним. С чего бы мне помогать тебе после того, как ты со мной обошелся? Ты даже не здоровался со мной с тех пор, как..." Он показал жестом на свою повязку.

Я умру, если ты мне не поможешь.

Родульф кивнул. 'Да. Да, обязательно. Не забудь передать от меня привет Джорундиру".

Хелфрик попытался что-то сказать, но Родульф проигнорировал его. Он повернулся и начал идти обратно к тому месту, где оставил своего коня. Он прошел всего несколько шагов, когда его осенила мысль. "Неужели Джорундир принимает идиотов, которые умирают, падая с лошадей?"

Рот Хелфрика шевелился, но из него не вылетало ни звука.

'Нет, наверное, нет', - сказал Родульф. Не повезло. Он вернулся к своему коню.

Когда он уже собирался отдать команду свернуть на юг, Вулфрик заметил клубы дыма, поднимавшиеся там, где лес был пореже. Он подал знак Хейну, который уже увидел его. Сигнал был передан вдоль линии всадников, и все они остановились. Вулфрик никогда раньше не был в этой части леса и не знал, что там может быть. Он сошел с коня и привязал Грейфелла к дереву. Хейн сделал то же самое со своей лошадыо, и все вместе они двинулись в сторону дыма.

Лес уступил место поляне, в центре которой стоял небольшой охотничий домик. Из покрытой мхом каменной трубы шел дым — внутри кто-то был. Кто?

Вулфрик посмотрел на Хейна, который пожал плечами. Надеяться на то, что они нашли Анжеста и Вальдегрима, не стоило. Существовал вполне реальный шанс, что они нашли опасность. Вулфрик выхватил меч, его действия повторил Хейн. Остальные собрались позади них и приготовили свое оружие.

Вулфрик поднял камень и бросил его в дверь. Он присел, приготовившись к тому, что последует дальше. Дверь с визгом распахнулась. Вышел Анжест с кружкой бульона в руке. Он оглядел собравшихся учеников и выдал одну из своих ухмылок, от которых сводило желудок.

'Ну, разве вы не умники?' — сказал он. Где остальные?

'Другая группа ушла на юг', - сказал Вулфрик.

Можете убрать свои мечи. Мы пойдем тихо", — сказал Анжест. 'Вальдегрим, у нас тревога'.

Вальдегрим вышел наружу и осмотрел место происшествия. 'Что ж, похоже, наш отдых закончился. Тогда нам пора в путь'.

Их возвращение в деревню в тот вечер стало неожиданностью для всех, не более чем для Элдрика, который наслаждался редким выходным днем. Он вышел из своего дома и обвиняюще посмотрел на Анжеста, который пожал плечами. Щеки Вулфрика начали болеть, и он понял, что это оттого, что последние часы он провел с постоянной улыбкой на лице.

Когда они ехали к конюшням, Вулфрик заметил ленту, заправленную в рукав. Он совсем забыл о ней, но подумал, не принесла ли она ему удачу. Она также напомнила ему о Сван и ее резком изменении отношения к нему. Ему было лестно, что она подарила ему ленту, но когда он крутил ее в пальцах, внутри у него возникло ощущение пустоты, которое вытеснило всю радость от успеха этого дня.

Всадник был отправлен за остальными, но у подмастерьев из отряда Вулфрика было время для заслуженного отдыха. Ему было интересно, как отреагирует Хелфрик, когда узнает, что Вулфрик все время был прав, и если бы он подождал еще час, то смог бы

разделить их успех. Он вышел из конюшни, прижимая седло к груди, предвкушая возможность отдохнуть.

Проехав всего несколько шагов, он увидел Адалхаид. Его первоначальной реакцией было броситься к ней и рассказать о своем дне, но он остановил себя на полшага. Прежняя непринужденность, с которой они всегда разговаривали, казалась ему утраченной. Это чувство росло уже некоторое время, но впервые он ощутил, что оно стоит между ними, как огромное препятствие. Он понял, что боится заговорить с ней, как будто не знает, что сказать. Он уже собирался продолжить путь, не разговаривая с ней, когда она повернулась и заметила его.

Вы рано вернулись, — сказала она. Ее улыбка выглядела принужденной.

Нам повезло, — сказал Вулфрик. Похоже, у меня будет выходной для разнообразия".

Судя по тому, что я слышала, это была не удача. Ты не попался на их уловку и не отправился на юг вместе с остальными".

'Это был не такой уж большой риск. Остальные пошли на юг, так что один из нас должен был их поймать. Мне повезло.

'Возможно, это была лента Сван, которая помогла тебе'.

Вульффрик неловко передернулся и хотел спрятаться под седло. 'Ты видела это.' Он знал, что она видела.

Адалхаид кивнул. Приятно видеть, что ты становишься лучше. Это должно облегчить тебе жизнь".

Я не думал об этом. Это все в новинку. Я не уверен, как долго это продлится".

Надеюсь, все сложится к лучшему. Мне нужно идти. Она начала уходить.

'Подожди,' сказал Вулфрик. Он сделал глубокий вдох, но это мало помогло замедлить водоворот в его голове и груди. 'Я бы хотел, чтобы это было твоей. Лента, то есть".

Адалхаид покраснела, открыла рот, чтобы что-то сказать, но снова закрыла его. Мне пора идти, — сказала она наконец. У меня дела".

Она ушла прежде, чем Вулфрик успел придумать, что сказать, чтобы остановить ее, и он почувствовал, что с радостью отказался бы от роли воина, лишь бы она была рядом еще хоть минуту.

Вульфрик открыл глаза и огляделся вокруг с той растерянностью, которая всегда сопутствует пробуждению от глубокого сна. Было еще рано, и им дали выходной в качестве награды за быстрый успех на рейде. Он не сразу обратил внимание на суматоху снаружи и стук в дверь. Аншель и остальные должны были вернуться этим утром, но Вульфрик не понимал, почему это могло вызвать такой переполох, если только у них не было собственной встречи. Вульфрик вскочил с кровати и натянул одежду.

'Сильная рука! Вульфрик! Крик сопровождался дюжиной ударов в дверь.

Вульфрик первым добрался до двери. Это был Элдрик.

'Когда ты в последний раз видел Хелфрика?' сказал Элдрик.

Вчера. Думаю, в полдень. Он повернул примерно за час до того, как мы нашли Анжеста и Вальдегрима. Он сказал, что собирается присоединиться к остальным".

'Они вернулись. Они его не видели. Нам придется отправиться на поиски. Собирайся и встречаемся у конюшни. Возьми с собой отца. Все выезжают".

Элдрик не преувеличивал, когда говорил, что все уже выехали. К тому времени, как Вульфрик и его отец добрались до конюшни, все воины и ученики были там, готовя своих лошадей. Шесть недавно вернувшихся учеников присоединились к толпе, несомненно, сожалея о том, что до хорошего сна в нормальной постели еще далеко, чем они думали. Хелфрик не будет пользоваться у них популярностью, когда объявится. Вульфрик недоумевал, что с ним случилось, и сомневался в собственном поведении. Мог ли он быть более строгим с Хелфриком накануне?

Аншель подошел, как только увидел Вульфрика.

'Что, черт возьми, случилось?' — сказал он.

Хелфрик решил, что мы совершили ошибку, отправившись на север, и решил вернуться и присоединиться к вашей группе". Вульфрик чуть было не добавил: "Он меня не послушал", но решил не делать этого.

Он так и не добрался до нас, — сказал Аншель.

Он мог быть где угодно. Когда мы вернулись, его не было видно, но, наверное, мы не искали".

Я отведу группу к охотничьему домику, и мы пойдем обратно", — сказал Элдрик, прервав разговор Вульфрика. Вульфрик, ты пойдешь со мной. Если он двигался быстро, чтобы вернуться к группе Аншеля, то он оставил явный след. Остальные разбегутся, чтобы прочесать окрестности".

'Я иду с тобой.' Это был Бертольд, отец Хелфрика.

Вульфрик беспокоился, что его обвинят, но Бертольд выглядел скорее обеспокоенным, чем каким-либо другим.

Мы уезжаем, как только вы все будете готовы", — сказал Вольфрам. Теперь, когда отец Вульфрика был рядом, все подчинялись ему.

Вульффрик не мог не заметить, с какой легкостью Вольфрам руководил всеми и как все беспрекословно выполняли его приказы. Если бы он имел хоть малую толику влияния своего отца, возможно, всего этого можно было бы избежать. Вульффрик надеялся, что Хелфрик благополучно вернется. Он не мог отделаться от ощущения, что если случится что-то плохое, то пальцем будут показывать на него.

Вульффрик чувствовал себя обязанным найти следы, которые приведут их к Хелфрику. Его глаза горели от постоянного изучения земли перед ним. Когда он выполнял ту же задачу накануне, то стремился произвести впечатление, но теперь его охватило чувство паники. Вождь несет ответственность за своих людей, а Вульффрик позволил Хелфрику отобрать у него этот контроль. Лес был суровым местом, полным неприятных вещей. Падение с лошади — это одно, но даже поздней весной нельзя было сбрасывать со счетов присутствие белека, и это еще не считая медведей и волков. В этом лесу вывих лодыжки мог оказаться смертельным.

Вольфрам был единственным, кто заметил глубокие отпечатки копыт на лесной подстилке — признак всадника,двигающегося на скорости. Они шли по следам молча, пока не остановились в нескольких шагах от поваленного ствола дерева. Следы продолжались и на другой стороне, но были не такими глубокими. Лошадь сбросила свою ношу. В нескольких шагах дальше они нашли Хелфрика.

Вульффрик и раньше видел мертвых, но никогда ничего подобного Хелфрику. Казалось, он полз от того места, где упал, чтобы прислониться к дереву. Вокруг его тела не было никаких следов борьбы. Вульффрик надеялся, что это означает, что он был уже мертв, когда волки добрались до него. Он невольно взглянул на Бертольда, который не проронил ни звука. Его лицо было бледным, но челюсть твердо сжата. Воины не показывали боли. Смерть была частью их жизни; они принимали ее, когда выбирали этот путь.

Что я скажу его матери? сказал Бертольд, нарушая молчание. Она захочет его увидеть, но я не могу ей этого позволить, не в таком состоянии". Последние слова он произнес с трудом.

Вульффрик посмотрел на отца, но его лицо ничего не выдавало. Он много раз видел насильственную смерть, но для Вульффрика это был новый опыт. Находясь так близко от нее, многие непонятные вещи становились очевидными. Когда смерть приходит так легко, нет смысла жить в соответствии с чужими ожиданиями.

С телом Хелфрика обращались со всем достоинством, которое полагается павшему воину. Элдрик поехал вперед, чтобы сообщить остальным, что поиски окончены, а Вульффрик и остальные вернулись с трупом. Бертольд ехал впереди с сыном, привязанным к спине его

коня. Вульффрик и его отец дали ему дорогу. Вульффрику было трудно смотреть куда-либо, кроме как на лежащего на лошади Бертольда.

'Это не твоя вина, ты знаешь', - сказал Вольфрам.

Разве не так? Я не смог заставить его выполнить мой приказ".

Не твоя вина. Большинство парней, начинающих ученичество, однажды видят себя первым воином. Воины не рождаются для того, чтобы следовать приказам, и они никогда по-настоящему не смиряются с этим. Они сражаются за людей, которых уважают и которым доверяют, а это две вещи, которые нужно заслужить годами, а не одним утром. Хейн сказал мне, что Аншел назначил тебя лидером партии. Это значит, что ты на пути к тому, чтобы заслужить эти вещи, но некоторым потребуется больше времени, чем другим. Хелфрик сделал свой выбор, и он привел его к тому, что его везли домой на спине лошади. Так иногда бывает".

Увидев Хелфрика, Вульффрик понял, как быстротечна жизнь. Всю обратную дорогу после поисков тела он испытывал непреодолимое чувство нетерпения. Одна вещь выделялась на фоне других. Он избегал столкновения с тем, что было причиной расставания между ним и Адалхайд; он позволил себе продолжать пребывать в состоянии трусливой растерянности, вместо того чтобы обратиться к этому напрямую. Увидев Хелфрика в таком состоянии, он понял, в чем проблема. Если бы Хелфрику удалось заручиться поддержкой остальных в предыдущий день, Вульффрик вполне мог бы остаться в лесу один. Возможно, именно его полусъеденный труп они нашли бы прислоненным к дереву. Но путаницы больше не будет. Он знал, в чем причина, и знал, чего хочет.

Как только они добрались до конюшни, Вульффрик сразу же спрыгнул с коня и направился к дому Адалхайд. Он постучал в дверь и сделал шаг назад, чтобы подождать. Его сердце колотилось в груди. Адалхайд открыл дверь.

Я не знаю, что между нами произошло, но если это моя вина, то прости меня", — промолвил он. Я скучаю по тебе. Ты всегда была самым важным в моей жизни, и я хочу, чтобы так было и впредь".

Я тоже скучаю по тебе", — сказала она с грустной улыбкой. Но это ничего не изменит, Вульффрик".

'Это и не нужно. Через несколько лет я стану воином, и ни один живой человек не сможет указывать мне, что я могу делать, а что нет. Мой выбор будет моим собственным, и моим выбором всегда будешь ты".

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но ее прервал крик.

Вульффрик! Иди сюда и помоги убрать этих лошадей! Голос Элдрика разнесся через полдеревни, заставив их обоих переглянуться и рассмеяться.

'Еще не воин', - сказал Адалхайд, улыбаясь.

Нет, — сказал Вульффрик с улыбкой. 'Еще нет. Я лучше пойду".

Адалхайд смотрела, как он уходит, на ее лице все еще играла улыбка, но улыбка была неуверенной. Всегда будут требования, которые он не сможет игнорировать, и просьбы, от которых он не сможет отказаться. Она знала, что чувствует то же самое, что и он; когда она

видела, как Сван его обхаживает, ей хотелось блевать. Когда он был всего лишь добродушным мальчиком, Сван даже не стала бы плевать на него. Но теперь?

Она закрыла дверь и вернулась в свою маленькую комнату, чувствуя, что ее вот-вот разорвет на части: голова тянула ее в одну сторону, сердце — в другую. Она не могла забыть о том, что ее отец был копьеносцем, а Вульфрик — первым воином. Все в деревне были против того, чтобы они были вместе, и она задавалась вопросом, как они смогут преодолеть это препятствие. Она подумала, как сложится ее собственная жизнь, вечно диктуемая обязанностями Вульфрика.

Не успела она сесть, как в дверь снова постучали. Она поспешила открыть дверь, ожидая увидеть стоящего там Вульфрика, но это был не он. Это был Этельман. Она испытала одновременно разочарование и облегчение.

Добрый вечер, Этельман. Я позову отца", — сказала она.

Я пришел поговорить с тобой. По крайней мере, сначала. Могу я войти?

Конечно, — сказал Адалхаид.

Я хочу поговорить с тобой об этом вдали от посторонних глаз, — сказал Этельман. В последние недели мне пришлось признать, что ты превзошла мои возможности в обучении".

Адалхаид подняла брови, не понимая, к чему он клонит.

Ты умная девушка. Самая умная из всех, с кем я сталкивался, и я считаю, что будет позором, если твое образование прекратится из-за моих недостатков как учителя".

Она начала качать головой, но он поднял руку, чтобы остановить ее. Целительство и служение — мои обязанности, и я считаю себя искусным в обоих. Я никогда не собирался быть учителем. Сегодня вечером у меня к тебе вопрос: хочешь ли ты продолжить свое образование?

Адалхаид на мгновение задумалась, но ответ она знала. Ей нравилось учиться, и она не хотела останавливаться. 'Да. Я бы очень хотела'.

'Хорошо', - сказал Этельман. Пожалуй, тебе пора привести своих родителей".

Адалхаид привела мать и отца, чувствуя, как растет ее волнение. Должно быть, боги наблюдали за ней, раз Этельман принес ей это в момент ее величайшей неуверенности. Ее родители нервничали, принимая Этельмана в своем доме, и Адалхаид понимала, почему он хотел сначала поговорить с ней наедине.

Они оба начали суетиться, стараясь сделать все возможное, чтобы удовлетворить все требования гостеприимства. После того как Этельман успокоил их, он перешел к делу. Адалхаид все больше нервничала из-за того, что он мог предложить.

Обычно, встретив молодого человека с таким интеллектом, — сказал Этельман, — я бы предложил отправить его в Эрмитаж для обучения на священника".

От одного упоминания об этом Адалхаид почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

Этельман увидел ее реакцию и улыбнулся. Однако жизнь священника — это одиночество, и, зная Адалхаид, я понимаю, что она будет проклипать мое имя каждый день своей жизни, если мы отправим ее туда. Однако в Северных землях у девушки мало других возможностей. С другой стороны, на юге..." Он на мгновение повис в воздухе, прежде чем продолжить. 'Я связался с некоторыми друзьями на юге, в Эльцбурге, чтобы изучить варианты'.

У меня есть брат в Эльцбурге, — сказал отец Адалхаида. Он там капитан стражи".

"Я слышал", — сказал Этельман. Там есть несколько школ, в частности, одна, которая,

по моему мнению, идеально подходит для Адалхайд. Если она будет там хорошо учиться, откроются и другие возможности. Например, высшее образование в университете. Она может стать врачом или учителем, или, в общем, кем угодно. У нее много способностей, и она будет преуспевать во всем, что выберет".

Адалхайд слышала об университетах, великих центрах обучения в городах юга, но ей никогда не приходило в голову, что она может учиться в одном из них. Мысль об этом приводила ее в восторг и ужас.

'Сколько это будет стоить?' спросил отец Адалхайд.

Если ваш брат согласится взять ее к себе, то практически ничего. Она более чем способна заработать стипендию, и я могу позаботиться о том, чтобы это произошло".

Как долго меня не будет? спросила Адалхайд.

Семестр длится с начала осени до конца весны. Ты сможешь приезжать домой на лето".

Она кивнула, ее мысли вихрем кружились вокруг новых возможностей. Часть ее отчаянно хотела уехать. Часть ее чувствовала себя плохо при мысли о разлуке с Вулфриком. Однако это была глупая мысль, которая должна была принести ей только боль и разбитое сердце, как бы отчаянно она ни хотела игнорировать этот факт. Она знала, что его слова и чувства были искренними, а намерения добрыми, но реальность жизни редко следует за добрыми намерениями. Его жизнь будет доминировать над ее жизнью, пока в ней не останется места для ее собственных мечтаний. А что если бы им не дали пожениться? Где бы она тогда была? Суждено ли ей стать старой оборванной девой, занимающейся травами и снадобьями, которые не помогают, как Берта, живущей в лачуге, полной кошек, на окраине деревни? У нее должна была быть своя жизнь. Ее собственное будущее. От этой мысли у нее голова шла кругом от ужаса. Ей казалось, что принятое решение разорвет ее на части.

Я хочу поехать", — сказала она. 'Когда?'

До конца семестра осталось еще дюжина или около того недель, — сказал Этельман. Я не вижу причин ждать".

Рассказчик сделал паузу. Свечи в трактире догорели до маленьких утолщений, окруженных восковыми лужицами. Трактирщик так увлекся рассказом, что не потрудился их поменять, хотя это дало рассказчику возможность понять, как долго он говорил. Его голос был настолько привычен, что почти не выдавал напряжения или усталости. Он бросил тоскливый взгляд на дверь, разочарованный тем, что Вулфрик все еще не пришел. Казалось маловероятным, что он придет этой ночью.

Рассказчик оглядел толпу, ища в ней признаки усталости или скуки, но их не было.

Возможно, я сделаю здесь паузу... — сказал Рассказчик.

Раздался всеобщий возглас.

'...чтобы дать трактирщику и его персоналу немного прийти в себя. Я начну снова через десять минут".

Вопли стихли, и люди бросились к двери. Рассказчик сомневался, что больше половины из них найдут место в уборной до того, как он начнет снова, и только самые быстрые и безжалостные успеют опорожнить свои мочевые пузыри. Они толкались, пытаясь выбраться

наружу, и, как ни забавно это выглядело для Рассказчика, он надеялся, что это не приведет к травмам. За эти годы он не раз становился зачинщиком беспорядков, и новизна уже давным-давно исчерпала себя.

Он сделал паузу, чтобы собраться с мыслями и подготовить следующую часть своего рассказа.

Деревня — так назывался Вельдорф — была небольшой. Рассказчик по пути отметил, что здесь проживает не более сотни человек. Когда он продолжил рассказ, в пивной, похоже, было по крайней мере столько же. Похоже, не все пришли сюда отдохнуть; многие собрали всех своих знакомых. Это было лестно, но он также чувствовал себя немного виноватым, задаваясь вопросом, не вытащили ли их из теплой постели, чтобы послушать его рассказ. Он надеялся, что неудобства того стоили.

Конрадин снова оказался впереди группы, на его лице сияла восторженная улыбка. Трактирщик поставил перед Рассказчиком кружку свежего эля. Заполненная таверна, потрескивающий огонь и кружка холодного эля. Чего еще желать мужчине в его годы? Может быть, хороший товарищ и тяжелый бой, но и то, и другое скоро будет. Он поднес кружку к губам и сделал длинный глоток. Его горло стало влажным, и он прочистил его.

Я долго думал над следующей частью и решил продолжить нашу историю спустя три года. В ней нет ничего примечательного, что мы обойдем стороной, просто постепенное продвижение мальчика к границам мужественности. Мы возвращаемся в Северные земли на небольшую лесную поляну, к костру холодным, темным вечером, и к человеку, с которым мы были знакомы совсем недолго...".

Капитан Морлин в последний раз просмотрел надпись на клочке бумаги, прежде чем вдавить в него кончик своей табачной самокрутки. Она быстро загорелась, обдав его руки и лицо приятным, хотя и кратковременным, теплом. Зима все ближе подступала к Северным землям, и будь он проклят, если его застанут к северу от границы, когда пойдут снега. Теплый постоянный двор с хорошей кухней и чистыми постелями — вот где нужно быть, когда это случится, и у него было более чем достаточно монет, чтобы дожить свои дни в таком духе. Деревня, которую хотел найти Нортлендер, находилась далеко на севере — дальше, чем ему хотелось бы в лучшие времена, и больше, чем он был готов терпеть в это время года.

В течение трех лет его соглашение с нортландским купцом было выгоднее, чем он мог предположить. Когда-то ткачество было для него пропитанием и источником постоянного стыда для матери, которая с удовольствием рассказывала всем, что ее сын — баннерет. Теперь она говорила только о его братьях — один был ростовщиком, другой торговал рабами, — но все изменится. Он был состоятельным человеком, и тяготы жизни на тропе не были ни привлекательны, ни необходимы. Еще один промысел, а потом — жизнь в праздной роскоши.

С начала их предприятия он хорошо изучил Северные земли. Он знал, где находятся самые большие группы воинов, и знал маршруты их патрулирования. Он также знал о вишне, созревшей для сбора. Он присматривался к ней уже год, но не трогал, боясь испортить сделку. Теперь ему не было нужды в сделке с Нортлендером, и не было причин не пойти своим путем. Возможно, это будет сложнее, чем другие, но они очень хорошо разбирались в

своем деле, и он был уверен, что они справятся. Одна большая работа, чтобы превзойти их всех и уйти на покой. Эта мысль согревала его больше, чем маленький костер.

У Расбрука было одно из самых больших стад скота, которые он когда-либо видел. Их было так много, что они даже не могли уследить за всеми. Ему стало интересно, почему Донато еще не отправил их туда. Возможно, он решил, что это слишком сложно для них. Если так, то он был дураком, и это ему дорого обойдется. Он получит ту долю, на которую рассчитывал в другой деревне, и не больше. Остальное будет принадлежать им. Морлин рассчитывал, что сможет отогнать по меньшей мере несколько сотен животных и оказаться на полпути к месту встречи прежде, чем кто-нибудь заметит их отсутствие. Не будет ли жадностью попытаться сделать больше, подумал он? Это была его последняя работа; он хотел уйти с треском.

"Как всегда, отличная работа", — сказал Донато, наблюдая, как скот перегоняют в их тайный загон в глубине леса. Вы, должно быть, вычистили их дочиста".

"Мы получили все", — сказал Морлин. Не было необходимости говорить ему правду. Он понятия не имел, сколько скота было в деревне, куда они должны были прийти, поэтому прикинул, сколько нужно отдать, — лишь малую часть того, что они действительно взяли. Он был вне себя от радости при мысли о том, сколько он заработает, когда перегонит остальных к югу от границы.

Это приятный сюрприз, — сказал Донато.

"Это был наш последний тираж в этом году". Это был его последний пробег, но не было необходимости говорить об этом Донато.

Я понимаю. Я свяжусь с тобой весной. Здесь более чем достаточно зверей, чтобы прокормить меня до этого времени".

Морлин задумался, зачем они ему все понадобились. Должно быть, у него было одно из самых больших стад в Северных землях. Дикари любили своих животных больше, чем монету, так что он должен был быть готов к тому, чтобы сделать себя королем. Он был рад этому. Морлин не собирался больше никогда приближаться к северу от границы.

Вольфрам Сильная Рука сидел на лошади и смотрел на следы на земле внизу, пытаясь сдержать волнение, которое он испытывал от того, что нашел их. В течение трех лет он слышал разговоры о группе бродяг, которые уводили скот по своему усмотрению и исчезали в лесу, чтобы о них не было слышно до тех пор, пока они не нанесут новый удар. Казалось, они знали Северные земли лучше, чем обычные бродяги, и никто не мог даже мельком увидеть их. Он ожидал, что когда-нибудь они нанесут визит в Леондорф, и его удивило, что они так и не нанесли его. Пока они были на свободе, они представляли собой угрозу, и Вольфрам был начеку каждый раз, когда отправлялся в путь. Однако они были призраками,

и чем дольше они оставались незамеченными, тем больше Вольфрам хотел их увидеть.

Он изучил следы, чтобы убедиться в том, что они ему говорят, хотя они были настолько очевидны, что трудно было поверить, что их сделали призрачные риверы. Никогда прежде они не были так небрежны. Следы были свежими, не более пары часов назад. Они были близко. Он махнул рукой остальным воинам и пришпорил коня. К ночи у них будет кровь, а наутро они будут рассказывать истории.

Вольфрам был в восторге, когда ехал обратно в Леондорф с двумя головами, свисающими с его седла. У Анжеста и Элдрика висело по одной, а остальные гнали в деревню такое большое стадо скота, какого он никогда не видел. Головы будут развешаны на столбах — послание всем, кто задумает угнать стада Леондорфа. Так поступали с отступниками. Ни на одном из животных не было клейма, поэтому не было и речи о том, чтобы вернуть их хозяевам и взять себе только часть в качестве вознаграждения за их возвращение. Это означало, что его доля удвоит его стадо. Не могло быть никаких сомнений в том, что они обнаружили и убили печально известных риверов.

Он заметил купца Донато, когда тот проезжал через деревню, гордо выставя головы, чтобы все могли узнать об их победе. Глаза торговца остановились на головах, его лицо выражало ужас. Это заставило Вольфрама улыбнуться. У купцов такие слабые желудки.

Ритшль наблюдал, как Тьетмар, главный пастух Первого воина, пересчитывал скот, когда они проходили мимо, как он делал каждый раз, когда приходила плата от Леондорфера. Для Расбрука это было самое желанное время. Всего несколько дней назад их стада были сведены к нулю, и настроение было упадническим. Торговля смягчила их отношение к Леондорфу, что очень расстраивало Ритшля. Это могло означать, что его время здесь было потрачено впустую, и ему придется придумывать новый план. Сделка сделала деревню богатой, но все это было уничтожено за один поход, и недавняя выплата не поможет смягчить удар. Он размышлял, как можно использовать вызванное этим недовольство.

'Остановите их!' крикнул Тьетмар.

Ритшль повернул было обратно к своей кирхе, но остановился, охваченный любопытством. Пастухи остановили медленно движущееся стадо скота, и Тьетмар прошел вперед, чтобы посмотреть поближе.

За два сезона до этого, вскоре после прибытия Ричля в Расбрук, на одного из телят Тьетмара напали волки. Пастух был достаточно близко, чтобы отогнать их, прежде чем они смогли его убить, но теленку оторвали ухо и нанесли ряд других травм. Ритшль хорошо помнил, как он помогал лечить некоторые из более серьезных ран, радуясь возможности попрактиковаться в забытых навыках на том, что не могло пожаловаться. Того теленка —

теперь уже взрослую корову — забрали риверы. Теперь он стоял перед ним среди другого скота, доставленного Донато Леондорфером.

Ритшль спустился к скоту и наблюдал, как Тьетмар проверяет животное на наличие клейма.

"Готов поклясться, что я его узнал", — сказал Ритшль, надеясь, но не веря, что Леондорфер может быть настолько глуп.

"Я тоже", — сказал Тьетмар. Но клейма нет. Плоть, где оно должно быть, нетронута, как в день рождения коровы".

Он провел пальцами по боку коровы и внимательно посмотрел, когда к нему присоединился Ритшль. Повреждение уха было таким же, как и некоторые шрамы на теле. Ритшль провел рукой по месту, где звери были заклеены, и появилось клеймо Расбрука. Он сделал это еще раз, и клеймо снова исчезло.

Простой трюк, — сказал Ритшль, — но правда всегда выходит наружу. Я подозреваю, что вы нашли своих риверов". Клеймо действительно было там, все еще глубоко в плоти, скрытое лишь поверхностным заживлением. Он едва мог поверить в свою удачу.

Тьетмар нахмурился. Отведите их в загон и держите там, пока я не скажу обратное", — сказал он. Первый Воин должен это увидеть".

Леондорфы никогда не были нашими друзьями", — сказал Тьетмар. А теперь, похоже, они и нас считают дураками. Неужели они думают, что небольшая магия, стирающая клейма, обманет нас?

Гандак, первый воин Расбрука, задумчиво погладил свою густую черную бороду. Это был его способ дать другим высказаться, прежде чем принять решение.

Ни один голос из деревенского совета не прозвучал против. У Ритшля возникло искушение поддержать его, но он знал, что должен быть осторожен в своих словах. В конце концов, он должен был быть священником. Он не должен был подстрекать Расбрук к войне; он должен был позволить им самим прийти к этому выбору. Однако это был слишком заманчивый шанс, чтобы упустить его. Это была возможность, которой он так долго ждал. Это было похоже на дар богов. Его удивляло, что леондорфцы могли быть настолько глупы, чтобы украсть скот только для того, чтобы потом попытаться продать его обратно, но, похоже, именно это они и сделали.

С его помощью Расбрук мог стереть Леондорф с лица мира, оставив его наедине с руинами и взяв Камень из пепла кирхи Этельмана. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, позволяя жителям деревни кипеть от ярости. Если все пойдет по плану, ему останется лишь время от времени слегка подталкивать их в нужном направлении.

Он наблюдал, как воины обсуждали кражу, а пастухи давали показания, что узнали многих из скота. Их возмущение вероломством сквозило в каждом слове. Казалось, что задача Ритшля практически решена. Между теми, кто жаждал крови, и теми, кто хотел более умеренного подхода, начал образовываться раскол. Настало время для одного из тех мягких

толчков.

'Не мое дело влиять на этот совет, но с тех пор, как я приступил к своим обязанностям здесь, я стал заботиться о жителях Расбрука. Я не хочу, чтобы вами воспользовались и чтобы вы пострадали. Репутация имеет большое значение, и когда об этом событии станет известно, другие деревни и племена будут интересоваться, как отреагировал Расбрук. Они будут следить за тем, как она защищает то, что принадлежит ей'.

"А что если это был всего лишь один купец?" — сказал один из членов деревенского совета. "Мы все знаем, какие бывают купцы". Раздался хор одобрения. 'Война может быть ошибкой'.

'Вы действительно думаете, что один купец может сделать что-то подобное?' — сказал один воин. 'Украсть наш скот? Очистить их от наших клейм? Это была случайность, что Тьетмар смог узнать одного из своих животных, и удача, что у нас есть священник, который подтвердил его подозрения. Теперь и все остальные обнаружили, что некоторые из их животных принадлежат им'.

'Что скажешь, жрец?' спросил Гандак. 'Твой голос всегда звучит умеренно'.

Ритшль внутренне улыбнулся тому, что его осторожные советы на протяжении многих лет смогли так хорошо расположить его к себе. Его терпение окупилось.

'Сколько еще доказательств тебе нужно, Первый Воин?' сказал Ритшль. Если мы позволим им избежать наказания в этот раз, они сделают это снова. Все ваши соседи будут смотреть на Расбрук как на неухоженный рыночный прилавок, забирая то, что они выбирают, когда они выбирают. Через несколько месяцев мы останемся ни с чем". Он старательно использовал такие слова, как "мы", "наш" и "нас" при каждой возможности. Я не могу оправдывать насилие, но я также не могу стоять в стороне и позволить людям, которых я полюбил, лишиться всего, что им принадлежит".

Он прав, — сказал другой воин. Они — подонки, и мы позволили им вольничать с нами. Прошло слишком много времени с тех пор, как мы в последний раз указали им их место".

'Я согласен', - сказал другой. Мы не можем оставить это без ответа. Все наши соседи сочтут нас слабыми и будут позволять себе еще большие вольности. Священник прав. Мы останемся ни с чем. Мы должны подготовить ответ. Благословят ли нас боги, жрец?

'Я не могу представить, чтобы они отказались от своего благодеяния перед лицом такого ущерба'. Ритшль не дал себе улыбнуться. Священнику не пристало улыбаться в такой момент.

Час-два до того, как проснутся все остальные, были самым любимым временем Вулфрика. Эти драгоценные минуты принадлежали только ему, и никто не требовал от него ничего другого. Он проводил их, как в детстве: тихо наблюдая, размышляя, фантазируя. Единственное отличие заключалось в том, что Адальхаид не была рядом с ним. Он понимал, что каждое утро, глядя на соломенные крыши и туманный воздух, он молился о ее возвращении, но этого еще не произошло. Три долгих года. Казалось, что это целая жизнь.

Однако в то утро произошло прибытие. Седовласый мужчина прошел через деревню. Те немногие, кто уже вышел на улицу и начинал свой день, не обратили на него никакого

внимания — они были либо полусонные, либо слишком поглощены своими делами. Однако Вулфрик обратил на них внимание, поскольку он делал многое из того, что, казалось, не замечали другие. Даже после трех лет обучения, роста и взросления старые привычки умирали с трудом. Только один тип людей одевался так же, как новоприбывшие, что означало перемены. Это означало перемены, которых, как знал Вулфрик, он не хотел. Жизнь серого жреца была скоротечной, и было очень мало таких, как Этельман, кто закрепился на одном месте с хоть каким-то подобием постоянства.

Деревенский священник играл важную роль в подготовке юношей к паломничеству к Скале Джорундира, и Вулфрик утешался мыслью, что Этельман будет помогать ему в этом. Вульффрику предстояло еще два года обучения, по крайней мере, до того, как ему разрешат отправиться в путь, а может быть, и три. Присутствие Этельмана всегда успокаивало; он мог скрепить любую сломанную кость и залечить любой порез. Каким будет новый священник? Перемены не всегда были к худшему — Вульффрик знал это не понаслышке, — но он не хотел, чтобы Этельман уходил.

Позже вечером в дверь постучали. Обычно отвечать должен был Вулфрик, но отец жестом велел ему оставаться на месте и ответил сам. Вулфрик сидел у огня, пытаясь впитать немного его тепла в свои больные, уставшие мышцы. Он разминал мышцу в плече, испытывая дискомфорт и раздражение. Это всегда была одна и та же мышца, которая болела после особенно тяжелого тренировочного дня: его рука с мечом была нагружена больше, чем любая другая часть тела.

Он прекратил свои занятия и поднял голову в ожидании. Каждый раз, когда раздавался стук в дверь, Вульффрик надеялся, что это Адальхайд. С годами эта надежда становилась все меньше, но она оставалась. Она уехала учиться на юг, пообещав вернуться через несколько недель, когда закончится семестр. За три года она так и не вернулась. Он время от времени общался с ее матерью, поэтому знал, что она здорова и живет хорошо. Ее отсутствие ощущалось как дыра в его сердце. Она не писала, а его умение обращаться с письмами слишком постыдно, чтобы пытаться наладить контакт. Он подумывал попросить Этельмана написать что-нибудь для него, но ему было неловко открывать свои мысли и чувства даже тому, кому он доверял так сильно, как священнику. Впрочем, он не обижался на нее. Как он мог винить ее за то, что она погналась за своей мечтой? Разве он сам не поступил точно так же? В любом случае, скоро он будет обручен со Сван, нравится ему это или нет. За прошедшие годы они сидели вместе на нескольких пирах, но это всегда было как-то натянуто и формально, словно оба выполняли какую-то роль, а не пытались лучше узнать человека, на котором им предстояло жениться. Однако она должна была стать его будущим — выбор, который Адальхайд, казалось, сделала легко.

Однако Вульффрик все еще испытывал чувство разочарования, когда Этельман переступил порог. Вольфрам провел его внутрь и жестом предложил ему сесть.

"Я слышал, что ты, возможно, недолго пробудешь с нами", — сказал Вольфрам.

Нет, к сожалению, нет, — ответил Этельман, садясь. Он кивнул Вульффрику. 'Мне пора двигаться дальше. Другие обязанности давили на мой разум все сильнее в течение нескольких лет. Я не могу с чистой совестью откладывать их надолго. Мы, жрецы, не должны слишком привязываться к какому-то одному месту. Мы служим всем людям богов, а не только некоторым из них'.

'Тебя будет не хватать. Ты никак не можешь остаться?'

'Нет', - сказал Этельман, покачивая головой. 'Возможно, когда-нибудь я смогу пройти этим путем'.

Вулфрик почувствовал, как заныло его сердце.

'Мы дадим тебе все необходимое для твоего путешествия', - сказал Вольфрам. 'Это самое малое, что мы можем сделать. Скажи, что тебе нужно, и все будет твоим. Эта деревня — такой же твой дом, как и мой'.

Это очень любезно с твоей стороны, но я пришел не за этим. Есть кое-что, что я должен тебе сказать. Предупреждение".

Вольфрам пересел на край своего кресла, и Вульффрик увидел, что он напряжен.

Новый священник проезжал через Расбрук по пути сюда. Они собирали воинов и готовились к битве".

'Против кого?' сказал Вольфрам.

Этельман ничего не сказал.

'Они могут попытаться', - сказал Вольфрам, опускаясь обратно в кресло и усаживаясь поудобнее. Мы отправим их домой с окровавленным носом, как мы всегда делаем. Возможно, это просто позирование, как у диких птиц в брачный сезон".

'Это не просто так. К ним присоединяются воины из других деревень. Они говорят с краже скота, которая происходила последние несколько лет. Они говорят, что за всем этим стоит Леондорф. Все остальные деревни пострадали от этого и поддерживают Расбрук".

Вольфрам нахмурился. Я поймал этих риверов несколько недель назад. Их головы все еще лежат на столбах вдоль дороги".

'Вину за это возлагают на Леондорф'.

Любой, у кого есть хоть капля мозгов, поймет, что мы не имеем никакого отношения к этому рейдерству. Они должны благодарить нас за то, что мы положили этому конец. Мы и не должны были. Наши стада никто не трогал..." Глаза Вольфрама расширились. 'Что хорошего принесет им нападение? Они займут клочок земли, который мы заберем обратно в следующем году, когда их лишние воины уйдут".

Этельман помрачнел. 'Дonato продал им немного скота. Продав им обратно немного скота, я должен сказать. Который был украден у них за несколько дней до этого".

Вены на висках Вольфрама запульсировали. Он сделал глубокий вдох, прежде чем продолжить. "Он стоял за кражей?"

'У меня нет причин так считать', - сказал Этельман. Вполне вероятно, что он купил часть скота у риверов, надеясь быстро нажиться. Ты знаешь, каков он".

Вольфрам кивнул. 'Спасибо, что сообщил мне об этом'. Он встал и проводил Этельмана.

Мать Вульфрика появилась на пороге задней комнаты, когда Этельман ушел. Почему бы не передать его? Никто не прольет по нему ни слезинки".

'Сомневаюсь, что это принесет какую-то пользу', - сказал Вольфрам. Как сказал Этельман, нет никаких доказательств того, что он имеет отношение к хищениям, только то, что он купил часть украденного скота. Они просто используют это как предлог. Им нужна наша территория, и они считают, что достаточно сильны, чтобы захватить ее. Даже если это не так, Донато родился и вырос в Леондорфе, и моя обязанность как Первого Воина — защищать всех в Леондорфе, включая его".

Вольфрам сразу же ушел, оставив Вульфрика с матерью. Ему было досадно, что его считают слишком юным и необученным, чтобы участвовать в защите деревни. Воины выезжали из Леондорфа в полном боевом снаряжении уже несколько раз с тех пор, как Вульфрик начал свое обучение — Расбрук был не единственным их врагом, и с каждым разом ему становилось все труднее оставаться в стороне.

Вульфрик слышал, как отец называл имена других членов совета, пока шел в Большой зал. Он всегда так делал, и все знали, что это означает приближение беды.

Всегда говорили, что возвращение домой — это то, чем нужно наслаждаться, но Родульффу было трудно воспринимать свое возвращение таким образом. С каждой поездкой возвращаться домой становилось все труднее. После чудес Остенхайма, Бриксена и Воорна

на дальнем берегу Великого моря, или Среднего моря, как называли его южане, возвращение домой казалось наказанием. Поначалу, когда его отослали из Леондорфа, он чувствовал себя неудачником, словно бежал, поджав хвост. Единственное, что облегчало боль, — это то, что он уже попробовал, что может предложить юг, и ему хотелось испытать больше.

Дом, однако, был тем местом, откуда пришло все их богатство. У них не было ни великих виноградников, ни стекольных заводов, ни верфей, чтобы заработать свои монеты, но они владели тем, чем были богаты Северные земли и чего жаждали южане. Отец отправил его на юг, чтобы он узнал, как там ведется бизнес, познакомился с их культурой, привычками и, как часто бывает, пороками.

На юге у него почти не было времени думать о доме. Там всегда была какая-то работа, и купцы, у которых он был подмастерьем, усердно трудились над ним. В те немногие свободные минуты у него было слишком много развлечений и удовольствий, чтобы не думать о Северных землях и их хамоватых жителях. Юг всегда будет занимать особое место в его сердце, но Леондорф станет оплотом его богатства. Когда деревня наконец появилась в поле зрения, он увидел, что мало что изменилось. Это было невероятно разочаровывающе.

На следующее утро Вульфрик наблюдал, как разведчики выехали в путь. Совет решил усилить наблюдение за северными дорогами и тропами, чтобы лучше понять, с чем они столкнулись. Вульфрик надеялся, что они пошлют в разведку кого-нибудь из учеников, как это иногда случалось, но угроза была сочтена слишком большой, чтобы подвергать молодых людей риску.

Вульфрик сидел в кресле на крыльце своего дома вместе с Хейном и несколькими другими учениками. Они сидели в напряженном молчании, каждый из них старался казаться более спокойным, чем другой, подражая спокойным, отстраненным взглядам воинов во время кризиса, но никому из них это не удавалось так убедительно. Когда все воины готовились к битве, им дали выходной. В такие моменты, когда ему было тревожно и неуверенно, он остро ощущал отсутствие Адалхаид. Она была для него источником утешения и всегда им была.

Вульфрик вскочил на ноги, когда первый из разведчиков вернулся в деревню. Остальные тоже встали. Они вздохнули в унисон, увидев, как Вольфрам покачал головой после короткого разговора с разведчиком и вернулся в большой зал, и возобновили бдение. Эта сцена повторилась в течение дня, разведчики возвращались до глубокой ночи, но ни один из них не сообщил о вражеских воинах. После того как все вернулись, все старожилы деревни направились в Большой зал.

Вульфрик подождал, пока все войдут в зал, и поспешил занять место позади него, где стена была достаточно тонкой. Прижав ухо к стене, он узнал голос отца.

Если мы не можем найти их ни на одной из дорог или троп, значит, они все еще в Расбруке".

Разведчики прошли только половину расстояния. Если мы никого не заметили, это не значит, что они не идут к нам".

Вульфрик не узнал этот голос, скорее всего, это был один из старших воинов на совете.

'Верно', - сказал Вольфрам. Принятие любого решения сейчас — это риск, но мы должны это сделать. Они готовятся напасть на нас. Этельман доверяет полученной им информации, а я доверяю Этельману. Мы все доверяем. Если мы нападём сейчас, а они все еще собираются в Расбруке, мы сможем застать их врасплох и рассеять. Если они уже на пути сюда, они все еще будут слишком далеко, чтобы ожидать нападения. Если мы будем двигаться быстро, мы сможем застать их врасплох. В любом случае, я думаю, мы должны атаковать. Сейчас же".

Несколько мгновений слышалось бормотание и более приглушенное обсуждение. Вульфрик напряг слух, но не смог разобрать ничего, что указывало бы на мнение совета.

'Тогда голосуем.'

Вульфрик узнал голос Белгара.

'Все согласны с Первым Воином?' сказал Белгар.

Раздался громкий хор согласия. Леондорф отправляется на войну.

Члены совета вышли из Большого зала, и Белгар сделал объявление. Мир с Расбруком продлился гораздо дольше, чем можно было предположить. Хотя никто не удивился, это означало, что воины отправятся на битву и что некоторые из них не вернутся. Умереть с честью для любимого человека было гораздо лучше, чем вернуться домой трусом.

Доспехи требовали ремонта в последнюю минуту, клинки — последней заточки, а стрелы — повторной обточки. Несмотря на поздний час, все ремесленники поспешили в свои мастерские, чтобы подготовиться к нетерпеливым воинам, которые будут стучаться в их двери.

В то время как ремесленники и их семьи готовились к спешке, семьи воинов, как правило, становились сдержанными, тихо возвращаясь в свои дома, чтобы помочь воинам подготовиться к отъезду. Мать Вульфрика ничем не отличалась от них. Он видел, как Френа слегка опустила голову, когда объявили новость, а затем повернулась и пошла обратно в дом. Каждый раз она переживала одно и то же, и Вульфрик знал, что утешить ее невозможно. Она собирала дорожные пайки для Вольфрама, пока он готовил свою лошадь и проверял снаряжение. Вульфрик постарается не мешать, как он всегда делал. К этому добавилось разочарование от того, что он не едет с ним.

Он наблюдал, как отец все готовит, любопытствуя, как он готовится к войне, пока все не было собрано и оставалось только ждать. В эти часы, когда все было готово, Вольфрам всегда предпочитал оставаться один, пытаясь задремать в своем кресле у огня.

Вульфрик знал, что не сможет заснуть, и отчасти боялся, что если заснет, то пропустит их отъезд. Он взял плащ из медвежьей шкуры, чтобы укрыться от ночной прохлады, и снова отправился бродить по деревне в поисках, чем бы отвлечься.

Даже в столь поздний час в деревне не стихала активность. Воздух был наполнен звоном кузнечного молота. Вульфрику некуда было особенно идти, и он прогуливался, высматривая знакомых в надежде на минутку-другую праздной болтовни, но все, кто еще оставался на улице, были заняты.

Хотя перед уходом воинов в деревне всегда было напряженно, это было худшее из всего,

что знал Вулфрик. Тот факт, что у Расбруккеров было много дополнительных воинов из окрестных деревень, беспокоил всех. Обычно не составляло труда определить, сколько человек они приведут с собой на битву. Теперь же это было совершенно неизвестно. Никто не мог даже предположить, сколько у них воинов и какого они качества. Любой мог надеть доспехи, прикрепить к поясу меч и сказать, что он воин, но, как хорошо знал Вулфрик, чтобы заслужить это звание, требовались годы тренировок.

Сван гуляла с друзьями на другой стороне площади. Увидев его, она улыбнулась, но не подошла к нему. С тех пор как Адальхайд уехала, все считали, что будущее Вульфрика и Сван не вызывает сомнений. Их помолвка должна была состояться в какой-то момент до его паломничества, а свадьба — вскоре после его возвращения. Это казалось неизбежным.

Предположения несли в себе определенные требования приличия, за которые Вулфрик был благодарен. Оно требовало, чтобы они не проводили время вместе без соответствующего сопровождения, что вполне устраивало Вульфрика. В формальном ухаживании были некоторые преимущества — он мог избегать ее большую часть времени, не вызывая обиды. Недостатком было то, что, казалось, это только усиливало ее интерес. Временами ему казалось, что она смотрит на него так, как мясник смотрит на откармливаемую для убоя свинью.

Вольфрам шагал по деревне, его самообладание было столь же велико, как и чувство нетерпения. Времени на что-то другое, кроме решения кризиса, почти не оставалось. Это не означало, что Вольфрам намеревался спустить Донато с крючка. Так или иначе, он создал эту угрозу. Невозможно было доказать, что он знал о краже скота или приложил к ней руку, но он должен был знать лучше. Зачем ему иметь дело с отбросами Расбруккера?

Он остановился возле дома Донато и на мгновение задумался, подходящее ли это время, чтобы затронуть эту тему. Перспектива того, что другой возможности у него может и не быть, решила за него. Донато открыл дверь и не смог скрыть своего изумления, увидев стоящего там Первого воина.

Вольфрам схватил его за шиворот и вытащил с трудом и хлопаньем на крыльцо. Он наклонился к лицу Донато и прорычал.

Не думай, что я не знаю, что ты сделал", — сказал Вольфрам.

'Я... я понятия не имею, о чем ты говоришь', - сказал Донато.

Конечно, ты знаешь, червяк. Когда я вернусь, мы во всем разберемся, и ты за это ответишь. Запомни мои слова".

"Я, я...", — пролепетал Донато, но его прервал жестокий удар Вольфрама сзади, который повалил его на деревянный пол.

Вольфрам оглянулся на дверной проем. Одноглазый сын Донато стоял там и смотрел. Вольфрам плюнул и бросился прочь.

Воины Леондорфа собирались перед Большим залом, когда небо начинало светлеть, сидя на своих боевых конях. Они всегда выезжали в полной боевой выкладке, в великолепных доспехах из трех четвертей пластин, закрывавших их с головы до колен, с оружием наготове, хотя до начала сражения могло пройти два дня или больше. В густых лесах никогда нельзя было быть уверенным в расположении противника, поэтому с момента выхода из безопасного деревенского палисада приходилось соблюдать осторожность. Вульфрик чувствовал, как колотится его сердце, когда он наблюдал за ними: восторг от перспективы стать одним из них сменялся разочарованием от того, что он еще не стал таковым.

Их доспехи всегда восхищали его. Сотни часов уходило на создание доспехов каждого воина; десятки тонких пластин, подогнанных под тело владельца, которые плавно надвигались друг на друга, чтобы не стеснять движений. Они варьировались от искусно украшенных до строгих. Доспехи его отца были хорошо изношены, хорошо использовались и хорошо поддерживались, но его доспех был одним из самых простых. Его шлем был единственной уступкой, на которую он пошел ради украшения. Он был округлой формы и полностью закрывал голову, с двумя овальными прорезями для глаз и несколькими небольшими отверстиями вокруг рта, чтобы можно было дышать. На лицевой пластине были выгравированы нос, рот и стилизованная борода. Рот был рычащим и свирепым; этот шлем наводил ужас на Вульфрика, когда он был ребенком.

Более известные воины, прославившиеся в боях, имели такие же украшенные шлемы. У Ангеста был шлем, сделанный по образцу вороньего белека, который, как говорят, был ужасающе точным подобием, хотя Вульфрик никогда не видел живого белека. Другие выбирали существ как реальных, так и легендарных, а кузнецы деревни создавали для них стилизованные шлемы, призванные опознать владельца и провозгласить его доблесть в бою.

Прозвучали последние слова прощания, всадники потянулись вниз, чтобы обнять своих любимых, а затем они отправились в путь. Площадь была единственной частью деревни, вымощенной булыжником, и множество лошадей издавали сильный грохот, пока не достигли края и не выехали на земляную дорогу. Все стояли в тишине и смотрели, как они уезжают, никто не уходил, пока не осталось никаких следов. Никому не нравилось видеть, как члены их семьи уходят на битву, но знание того, что есть храбрые мужчины, готовые сражаться, чтобы защитить деревню, вызывало чувство гордости. Их ждала великая победа, и скоро о них будут рассказывать великие истории о героизме.

Вулфрик проснулся от женского плача. С тех пор как воины ускакали, прошло два дня, так что вполне возможно, что они вернулись, и, судя по звуку, с потерями. Он поднялся с постели, натянул одежду и подошел к окну, щурясь от солнечного света после темноты спальни. Одинокий всадник медленно рысил по деревенской площади, словно не был уверен, где находится. Он представлял собой ужасающее зрелище. Его волосы были всклокочены и заляпаны кровью, доспехи грязные, а кожа испещрена ранами и засохшей кровью. Вулфрик не мог его узнать.

Он вышел наружу, чтобы посмотреть поближе. Вопль, казалось, разбудил всю деревню; люди выходили из своих домов, чтобы посмотреть, что происходит. Вульффрик протер глаза от сна и прищурился, разглядывая окровавленное месиво человека, вернувшегося в деревню.

Это был Гондомар, один из молодых воинов, отправившихся в паломничество к скале Джорундира в тот же день, когда Вулфрик начал свое обучение. Это была его первая настоящая битва. Он выглядел совсем не так, как в тот день, когда отправился в путь с другими воинами. Судя по полученным ранам, он вряд ли когда-нибудь станет похож на того любимца деревенских девушек, каким был раньше. Вопреки протестам Этельмана, его поспешили ввести в Большой зал те немногие члены совета, которые были слишком стары, чтобы идти в бой.

Вульффрик был так потрясен появлением Гондомара, что на мгновение забыл о своем отце. Вольфрам вывел из деревни почти сто человек, а вернулся только Гондомар. Что же случилось с его отцом? Что случилось с остальными?

Вульффрик направился было к месту в глубине Большого зала, но остановился. Он не хотел слышать, о чем говорят внутри. Он подождал, пока Белгар выйдет, откладывая то, что боялся услышать, как можно дольше.

На дороге в Расбрук произошла битва, — сказал Белгар.

Наступила полная тишина, так как все больше и больше людей прибывало на площадь, чтобы услышать новости.

Наши воины попали в засаду, устроенную гораздо более многочисленным войском. Гондомар сказал мне, что есть и другие выжившие, и они будут медленно возвращаться за ним". Он не может сказать, кто и сколько их. Однако потери были большие, так что вам всем следует приготовиться. Я расскажу вам все, что узнаю от него. Среди тех, кто вернется, будут раненые, некоторые тяжело. Им потребуется помощь, как только они придут". Передав новости, Белгар вернулся в дом.

На площадь вернулся звук — какофония ропота, обеспокоенного, испуганного, обнадеживающего. Вульффрик стоял в оцепенении. Белгар не сказал о поражении, но тон его голоса сделал это за него. Как могли быть побеждены такие несокрушимые мужчины, как его отец, Анжест, Элдрик и другие?

Он увидел в толпе свою мать, ее лицо было белым, как свежесвыпавший снег. Вулфрик взял ее за руку и повел к дому, где им предстояло ждать новых известий.

Оставшиеся в живых прибыли ближе к полудню, они выглядели такими изможденными и избитыми, что Гондомар по сравнению с ними выглядел свежим и отдохнувшим. Их было всего дюжина, все раненые, большинство по двое на лошади. Вулфрик прибежал на площадь, когда услышал об их прибытии. Он увидел, что Анжест и Элдрик делят лошадь, оба скорчились в седле и выглядели так, словно им нужна была поддержка друг друга, чтобы удержаться на ногах. Он осмотрел другие окровавленные и опухшие лица в поисках лица своего отца. Его среди них не было.

У него закружилась голова, когда он попытался осмыслить увиденное. Его отец был таким сильным, неукротимым человеком. Как он мог пасть в бою? Это было невозможно. Когда он стоял и переводил взгляд с одного лица на другое, не в силах поверить, что Вольфрама там нет, он увидел Белгара, который стоял на ступенях Большого зала и в замешательстве озирался по сторонам. Он заметил Вульфрика и подошел к нему.

'Я знаю, что сейчас не самое легкое время, парень, но нам нужно выйти и вернуть остальных домой. Мне нужна твоя помощь. Собери других учеников. Мы должны отправиться как можно скорее'.

'Больше никто не придет?' сказал Вулфрик. Он уже знал ответ, и ему было по-детски стыдно за то, что он задал этот вопрос.

Белгар покачал головой. Больше никто не придет. Расбрукеры получили не меньше. Бейн Белекса сказал, что их вдвое больше; много опытных воинов, которых он никогда раньше не видел. Сейчас их не так много, но это не улучшает ситуацию'.

'Выживет ли Анжест?'

Белгар пожевал губу. 'Я не знаю. Он упрямый ублюдок, но это единственное, что помогло ему продержаться так долго. Он в плохом состоянии'.

Я пойду за остальными, — сказал Вулфрик.

Я буду ждать на площади. Скажи им, чтобы привели своих лошадей. Это все, что им понадобится'. Он кивнул Вульфрику и направился в обратную сторону.

Когда Вулфрик вернулся с другими учениками, на площади стояли три большие повозки с волами. Волы были тяжелыми, приземистыми животными с лохматой темной шерстью, более послушными, нежели красношерстный скот. Вулфрику захотелось блевануть, но он знал, что должен сохранить лицо перед остальными.

Чтобы успокоить желудок, он старался не думать о предстоящем задании. Каждый раз, когда он позволял своим мыслям переключиться на нее, он чувствовал разрыв между рвотой и рыданиями. Он всматривался в даль, наблюдая за тем, как повозки снуют по дороге на север, но не мог отвлечься — оцепенение было лучшим, на что он мог надеяться. Толстый, испуганный мальчик внутри него угрожал взять верх; он хотел отступить от суровой реальности, с которой столкнулся, притвориться, что ничего не произошло, в надежде, что все это пройдет. Опоры, на которых строилась его жизнь, были разрушены, и ему казалось, что он упадет вместе с ними.

Наступила ночь, но они не останавливались. Никто не хотел откладывать выполнение

своей задачи ни на минуту. Они шли молча, торжественность лишила их языков. Уже рассвело, когда они, наконец, прибыли на место битвы. Все они были вооружены, приготовились к беде, но врага не было видно.

Вульфрик никогда раньше не видел поля боя. Он почувствовал, как его желудок скрутило от запаха. Тела лежали там недолго, но воздух уже наполнился зловонием гнили и резни. Он увидел, как Роал побледнел и его вырвало. Вульфрик решил не следовать его примеру. Он надеялся, что, добравшись туда, они найдут кого-нибудь живым, может быть, даже его отца. Разочарование поразило его, как удар в живот: было очевидно, что там никого не осталось в живых. Единственный звук и движение исходили от ворон, которые роились вокруг трупов. Они разлетелись злобной каркающей стаей, когда Вульфрик приблизился к трупам.

Он спрыгнул с коня и побрел вперед, к кровавой бойне: трупы лежали на дороге и вокруг нее. Лошади тоже. Один из старых воинов, приехавших с ними, крикнул ему, чтобы он был осторожен, что-то о том, что белеков привлекает запах смерти, но Вульфрик проигнорировал его. Он должен был найти своего отца.

Вонь от всего этого была всепоглощающей. Это было похоже на то, как если бы он проходил мимо кучи мусора после того, как ему в детстве пустили кровь из носа; воспоминание не недавнее, но все еще прочно запечатлевшееся в его памяти. Кровь, дерьмо и блевотина. Ни героев, ни славных последних сил, просто люди, которых он видел смеющимися и шутящими несколько дней назад, теперь застыли в предсмертных позах; искалеченные, изрезанные, порезанные. Их едва можно было узнать даже тем, кто их любил. Он услышал, как кого-то позади него вырвало.

Похоже, что они встретили силы Расбруккеров на дороге, но затем были атакованы с двух сторон из леса. Повсюду валялось множество трупов расбруккеров — значит, после битвы у них не хватило сил и людей, чтобы вернуть их домой. Их было очень много, гораздо больше, чем леондорфцев. Это, как ни странно, радовало. Если бы тот, кто пришел за ними, прибыл, пока Вульфрик и остальные были там, все было бы интересно. Он не мог придумать, чего бы ему хотелось больше, чем убить Расбруккера. Убить сотню Расбруккеров.

Первым телом, которое он узнал, был отец Адальхайд. Он хорошо знал этого человека, и только знакомство позволило ему разглядеть кровь и раны. Его тело было скрючено, кожа восковая, окровавленная, грязная. Копейщики обычно не дрались, разве что в крайнем случае. То, что он был окружен телами закованных в броню расбрукцев, было его заслугой. Вульфрик задумался, кто сообщит новость Адальхайд. Ему было больно от мысли, что его не будет рядом, чтобы утешить ее, когда она узнает об этом.

Он продолжал пробираться среди тел, чувствуя себя виноватым за то, что не замечал тех, кого узнавал, пока искал своего отца. В конце концов он нашел лицо, ради которого проделал долгий путь. Вокруг него лежала груда тел, а его меч был покрыт засохшей кровью. Это была хорошая смерть для воина, которой гордился бы его отец. В тот момент Вульфрик не мог не подумать, что жизнь труса лучше, чем вообще никакой жизни, и ему стало стыдно. Его отец не хотел бы этого.

Он продолжал смотреть на тело, не в силах заставить себя двигаться. В голове Вульфрика пронеслись все вопросы, которые он хотел задать отцу, вопросы, на которые, как он всегда думал, у него еще будет время. Глаза его отца были широко открыты и стеклянно смотрели на небо. Вульфрик ожидал, что он нахмурится, или улыбнется, или подмигнет. Чего-то, чего угодно, но ничего не было. Он был таким сильным, таким энергичным, таким полным

жизни, а теперь от него осталось только это, скорее статуя, чем человек. Вулфрику показалось, что его грудь сдавило, а глаза наполнились водой. Это было не по-мужски, не по-воински, и ему было стыдно, но он не мог остановиться. Все, что он мог сделать, это продолжать дышать, делая по одному тяжелому вдоху за раз.

Белгар положил руку ему на плечо. У каждого мужчины глаза на мокром месте, когда он видит такое. В этом нет ничего постыдного. Мы приведем его в порядок и доставим домой".

Полагаю, он принес с собой несчастье, — сказал Фарлоф. Казалось, чувство юмора покинуло его после битвы.

Хейн хмыкнул в знак согласия, но Вулфрик промолчал. Он смотрел, как Родульф идет от своего дома к их лавке на площади. Он вернулся всего неделю назад, но за это время деревня пережила самое страшное бедствие в своей истории. Возможно, в том, что сказал Фарлоф, что-то есть. Взгляд Родульфа на мгновение упал на Вулфрика, и Вулфрик понял, что все, что было между ними, далеко не закончено, хотя прошло уже два года с тех пор, как они виделись. Вулфрик сомневался, что это когда-либо будет закончено. Ненависть горела дольше и ярче, чем что-либо другое.

Не похоже, чтобы южане смогли вернуть ему глаз", — сказал Роал. Что он вообще делал на юге? Торговый вариант Пути Джорундира?

Если так, то она должна называться "Тропа Грызунов", — сказал Фарлоф, но попытка юмора была натянутой, в его голосе не было обычного энтузиазма к озорству.

Отправиться по Тропе Джорундира, в приключение воина в далекие земли, было в то время заманчивой идеей. Часть Вулфрика хотела убежать от всего этого в надежде, что на расстоянии все станет неправдой, но это были нелепые мысли испуганного ребенка, и ему было стыдно за них.

Послышался приглушенный смех, но никто не был настроен смеяться, да и шутка была не особенно смешной. Горе накрыло Леондорф, как первый снег, выпавший в дни после битвы. Одним махом весь класс воинов был практически уничтожен. Из тех, кому удалось вернуться домой, половина умерли от ран. Остальные никогда не станут прежними, и никто из них больше не возьмет в руки меч. Гондомар с таким трудом донес весть о случившемся домой, что новый жрец, Беларман, сказал, что вряд ли он когда-нибудь снова сможет ходить. Этельман остался, чтобы помочь лечить раненых, но этот факт мало утешил Вулфрика.

Пока все остальные в деревне смирились с бедой, Вулфрику пришло в голову, что он настолько близок к воину, насколько это возможно в деревне, хотя он и не завершил своего паломничества. Если на деревню нападут, Вулфрик и другие ученики — это все, что могло ей противостоять.

Не имея воинов, способных взять в руки оружие, чтобы защитить деревню, они находились в шатком положении. Даже если бы Расбрук был разбит в битве, как Леондорф, были бы другие деревни, которые с радостью воспользовались бы этим и поглотили часть территории Леондорфа. Им было что терять: лучшие охотничьи угодья, пастбища, скот — все это могло пострадать за зиму. Им нужны были люди, чтобы защитить то, что принадлежит им, и для Вулфрика это означало только одно. Совет скоро отправит некоторых учеников в паломничество, и он вполне мог стать одним из них. Эта мысль взволновала и ужаснула его одновременно. У него должно было быть еще два года на обучение и подготовку, но деревня без воинов — это деревня без ничего.

Этельман сел на койке и размял ноющую спину. С тех пор как раненые вернулись в деревню, ему удавалось поспать не больше пары часов за раз. Даже с учетом присутствия нового священника Белармана, который зарекомендовал себя как отличный целитель, требования к нему были выше, чем все, что он когда-либо испытывал. Как будто было недостаточно недостатка сна, сам акт исцеления сильно нагружал его тело.

Его взгляд остановился на шкатулке с Камнем. Он взывал к нему каждый раз, когда он приближался к нему, обвиняя его в пренебрежении своим долгом, но снова вмешались боги. Он уже собрался уходить, искать способ уничтожить его, но теперь не мог. Он не мог покинуть деревню, когда они переживали столь тяжелые времена. Даже с Беларманом. Но, казалось, всегда можно было найти оправдание. Всегда находилась веская причина, чтобы отложить то, что, как он подозревал, станет величайшим испытанием в его жизни. Почему боги так упорно пытаются запутать его?

Тренировки отменили, оставив Вульфрика размышлять о случившемся. Он бы предпочел отвлечься на то, чтобы ему приказывали и кричали, но делать это было некому. Остатки деревенского совета час за часом сидели взаперти в Большом зале, а командовал ими Белгар. Вульфрик сидел позади него, прислушиваясь к обсуждениям внутри, ожидая услышать что-то, что могло бы его затронуть.

Белгар и несколько пожилых, отставных воинов — вот и все, что осталось от совета. Учитывая кризис, в котором оказалась деревня, многие другие требовали, чтобы их голоса были услышаны. Все были напуганы. В зал были приглашены купцы и ремесленники — впервые для деревни. Чтобы пережить предстоящую зиму, все должны были объединиться. Вульфрик решил, что будет справедливо, если они выскажут свое мнение, учитывая дополнительную работу, которая от них потребуется. Вполне вероятно, что некоторые из их семей будут возведены в ранг воинской дружины, а их дети станут воинами. Было ясно, что для того, чтобы выжить, им придется многое изменить.

За долгие годы, проведенные в Большом зале за подслушиванием, Вульфрик узнал голоса всех членов совета. Однако сейчас он мог различить лишь одного или двух. Белгар вызвал в деревне чувство единства и солидарности, впустив остальных, — единственное позитивное чувство в Леондорфе. Он делал все возможное, чтобы все поверили, что смогут выжить, если будут действовать сообща, но Вульфрик задавался вопросом, не напрасны ли эти усилия. Увидев, как Донато вошел в Большой зал перед началом собрания, Вульфрику было трудно смириться. Будет ли Родульф следующим?

Больше всего Вульфрику было любопытно, что скажет Донато. Он давно обижался на воинов и, без сомнения, был бы рад их уничтожению, если бы не угроза, которую они представляли для его средств к существованию. Он, конечно, был далеко не благодарен за жертву и, вероятно, не знал, что кто-то подозревает, что именно его двуличность дала Расбруккерам повод для нападения. Вульфрик размышлял, стоит ли ему что-то сказать, но не знал достаточно, чтобы начать выдвигать обвинения.

Разговор шел о том, как лучше защитить деревню, а это, по мнению Вульфрика, выходило за рамки компетенции большинства мужчин в зале. Он подался вперед и сильнее

прижался ухом к стене.

Мы не можем сделать из молодых людей воинов, просто назвав их так. Мы не можем посылать их в бой, не совершив паломничества". Голос принадлежал Белгару.

'Почему нет?' Голос Донато? Вульфрик не был уверен.

Раздался громкий вздох. Только те, кто прошел этот путь, смогут обрести благосклонность Джорундира на поле боя. Отсутствие таковой означает смерть и поражение, а значит, с таким же успехом мы могли бы вообще не иметь воинов". Снова голос Белгара, отягощенный разочарованием.

Чушь. В нескольких днях пути на юг почти никто не слышал ни о Джорундире, ни о других богах. Те, кто слышал о них, называют их старыми богами. Никто там не страдает от того, что забыл их на протяжении веков".

Боги могут не иметь силы для южан, но для нас они имеют силу, так или иначе. Если человек верит, что может победить, то часто так и происходит. И любой, кто столкнется с армией мальчишек, не прошедших путь, будет убежден, что он победит. С таким же успехом мы можем убить их сами".

Тогда ладно. Отправьте их в это чертово странствие. Пошлите их всех". Определенно, Донато.

'Никто из них не готов. Если мы отправим их сейчас, половина вернется. Может быть. Возможно, меньше.

'Лучше половина, чем ни одного, ты так не думаешь?'

'Разве ты не думаешь, что мы потеряли достаточно?' сказал Белгар.

'Мы потеряем все, если у нас не будет людей для защиты деревни'.

'Путь слишком труден. Сказать, что половина вернется, это оптимизм". Третий голос, один из старых членов совета.

'Есть другой вариант, — сказал Донато. 'У меня есть друзья на юге...'

'Это не вариант', - сказал Белгар, прервав голос.

Нам нужны вооруженные люди для защиты этой деревни, ее земель и стад", — сказал Донато. Если отправка подмастерьев раньше времени — единственный выход, то мы должны его принять".

Надолго воцарилось молчание.

Хорошо, — сказал Белгар. Мы пошлем их. Они еще не готовы, но мы их пошлем. Но это должно быть скоро, пока погода не ухудшилась. И нам придется отвечать перед богами за каждого, кто не вернется".

Донато был в восторге, когда выходил из Большого зала. До этого дня он никогда не был внутри, а теперь он говорил там, и его слушали. Этот опыт открыл целый мир возможностей. Он остановился и оглянулся на Большой зал. Через мгновение после того, как он вошел внутрь, мысль о роскошной жизни на юге потеряла свою привлекательность. Он увидел, что значит иметь власть над другими людьми, и захотел большего. На юге он был бы богатым аутсайдером, с удобствами, но не допущенным в залы власти. Он понимал, что на него всегда будут смотреть с оттенком презрения, присущим северным дикарям. Это было

неплохое место, и деньги много значат, но здесь, на севере, он понял, что может быть гораздо больше. Богатство, которое он мог заработать, роскошь, которую он мог себе позволить. Настоящая власть, которую он нигде больше не найдет.

Через десяток лет новое поколение воинов будет стремиться занять свои места в деревенском совете, и они оттеснят его на задворки. Чтобы обеспечить себе долговременную власть, он должен был убедиться, что источником безопасности деревни является он, а не воины.

Донат не любил, чтобы на его руках была кровь. Досрочная отправка учеников в паломничество была так близка к этому, но он мог быть спокоен, думая, что они все равно отправятся, и если они достаточно хороши, то выживут. Те, кто не справится, были слабы, и их постигла неудача. На нем не лежало никакой ответственности.

Когда вернется лишь горстка, даже самые высокомерные из старых пердунов на совете согласятся, что у них недостаточно воинов, чтобы защитить то, что им принадлежит. Тогда он мог бы сделать себя спасителем, используя свое богатство и связи на юге. Он привел бы южных солдат в Леондорф. Он убедится, что именно он вел переговоры о сделке и что он сможет сохранить контроль. А затем он возведет себя в ранг великого лорда Северных земель. Он думал, что все потеряно, когда риверы были пойманы и убиты. Его до сих пор бросало в дрожь, когда он вспоминал выражение лица капитана Морлина, когда его оторванная голова свисала с седла Вольфрама. Он был уверен, что ужасные последствия настигнут его, тем более после того, как Вольфрам позвонил в его дверь. Однако, похоже, все сложилось для него как нельзя лучше, если бы он это спланировал.

Вульфрик поспешил рассказать об этом другим ученикам. Это было волнительно и страшно, но это была цель, ради которой они все так старались. Первым делом он направился к дому Хейна пружинистым шагом. Волнение ослепило его, но когда он поднял руку, чтобы постучать в дверь Хейна, его осенило.

Почти половина тех, кто отправлялся в паломничество, погибли. Половина из тех, кто был должным образом подготовлен. Он должен был пройти еще два года подготовки, прежде чем отправиться в это путешествие. Какая у него могла быть надежда, если так много из них потерпели неудачу? Особенно если учесть, что обычно паломничество совершается осенью, когда погода устанавливается. Сейчас была зима, и погода с каждым днем становилась все хуже, превращая трудный путь в смертельно опасный.

По мере того как он размышлял над этой идеей, она все меньше и меньше его возбуждала. Его начало подташнивать. Он повернулся и пошел домой без стука, не сказав никому ни слова о том, что услышал. Он чувствовал отсутствие отца так остро, как никогда за все дни после его смерти. Он так отчаянно хотел поговорить с ним об этом. Он попытался вспомнить, что посоветовал бы ему отец, и понял, что это было бы то же самое, что и всегда. Не обращать внимания на свой страх. Делать все, что в его силах.

Голова Ритшля пульсировала от разочарования. Леондорфы были перебиты по меньшей мере два к одному. Он позаботился о том, чтобы все окрестные деревни знали о случившемся, и все они прислали воинов. И все же леондорфцам удалось отбиться от них. Вернувшиеся воины говорили, что Леондорфу досталось больше всех, что к концу боя у них в живых осталось не больше горстки людей, но положение Расбрука было не намного лучше. После того как остальные вернулись домой, у Расбрука осталось мало сил. Совет сомневался, стоило ли все это того, не слишком ли велики были потери, но Ритшля это не волновало. Ему нужен был только Камень, и он боялся, что у него отняли лучший шанс. Он думал, что сможет свободно копаться в руинах Леондорфа в свое удовольствие. Теперь он вернулся к тому, с чего начал.

Вечером после заседания совета Белгар вышел на ступени Большого зала, чтобы сообщить селянам о принятых решениях. Он выглядел неловко, но Вульфрик не мог не почувствовать заговорщицкого ликования от того, что уже знал, что будет сказано. Утешало и то, что у него была возможность заранее вникнуть в предстоящие новости. После первоначального возбуждения беспокойство о предстоящем ударило по нему как молот, и это была не та реакция, которую он хотел, чтобы видели другие.

Мы решили отправить в паломничество тех учеников, которые чувствуют себя готовыми", — сказал Белгар.

Его голос звучал твердо, но по тому, как его взгляд метался по собравшейся толпе, Вульфрик понял, что его беспокоит реакция. Сначала стояла тишина, потом начался ропот.

'Они мальчишки', - крикнул кто-то. Ты посылаешь их на смерть".

Множество голосов выразили свое согласие.

Белгар поднял руки. Некоторые из учеников находятся на продвинутой стадии обучения, и мы не собираемся принуждать тех, кто явно не готов. Нам нужны воины, получившие помазание. Джорундир никогда не будет благоволять к воинам, которые не завершили свое паломничество. Если мы не отправим их сейчас, то лишь отсрочим неизбежное, когда весной им придется защищать деревню и наши земли".

Вульфрик подумал, что в его словах есть смысл, и было очевидно, что Белгар подготовил ответ. Он знал, что это решение не будет популярным.

Как вы все знаете, урожай был плохим. Но не только у нас был неурожай. Если наш был плохим, то, скорее всего, во всех окрестных деревнях он тоже будет плохим. Как вы думаете, что они будут делать, если им не хватит еды?" Он сделал паузу на мгновение, но никто не заговорил. 'Они пойдут туда, где легче всего достать еду. В деревню, где нет воинов, способных ее защитить. К нам.

Правда в том, что мы можем даже не дожить до весны, прежде чем придут риверы. Они могут быть уже в пути. Я знаю, что это не популярный выбор, и я тоже не в восторге от него, но мы не можем удерживать то, что нам принадлежит, с помощью калек и стариков. Если мы хотим выжить и процветать, нам придется работать вместе, и нам придется делать выбор, который нам не понравится".

Вульфрик думал, что другие ученики встретят это заявление с восторженной бравадой, по крайней мере, поначалу. Однако эта речь стала для всех присутствующих как коллективный пинок под дых. Все они знали суровую правду, которую изложил им Белгар, но услышать ее вслух было разрушительно. Жизнь больше не была приключением. Это была борьба за выживание.

Дonato регулярно ездил на юг, зачастую в кратчайшие сроки, поэтому очередная поездка не привлекала внимания. Его визиты в Эльцбург обычно проходили по определенной формуле: встречи с торговыми партнерами, остановка в одном из лучших

борделей города и несколько превосходных обедов. В этот раз все было по-другому. Донато никогда прежде не бывал во дворце Маркграфа. Для него эта неделя быстро превращалась в неделю первых встреч.

Сидя в прихожей в ожидании встречи с одним из чиновников Маркграфа, он чувствовал нервный трепет. То, что он собирался предложить, некоторые назвали бы изменой. Белгар, получив малейшее представление о том, что задумал Донато, насадил бы его на копье. Он знал, что в конце концов его сочтут спасителем. Впрочем, к тому времени это уже не будет иметь особого значения. Его власть будет абсолютной, и мнение будет мало кого волновать.

Возможно, его встреча была преждевременной, но он хотел заложить основу к тому времени, когда ученики отправятся в свои паломничества. Времени было в обрез. Первый снег выпал рано, значит, зима не за горами, а когда она наступит, будет плохо. Через несколько недель дороги станут практически непроходимыми, и кто знал, каким будет положение дел следующей весной.

Южные солдаты гарантировали бы безопасность деревни, но позволить рурипатцам распространить свое влияние к северу от границ земель было неприемлемо для большинства жителей Нортленда, какими бы глупцами они ни были. Если бы они хотя бы попробовали то, что предлагалось к югу от границы, он знал, что они быстро изменят свое мнение. И без того сотни лет деревни Нортленда сопротивлялись южному влиянию, и это было предметом гордости. Имперцы несколько раз пересекали великую реку, но всегда были отбиты густыми лесами и воинами Нортленда. Эпосы были наполнены рассказами о тех давних сражениях. Донато полагал, что люди придут к этой идее, когда поймут, что альтернативой является смерть.

Рурипатийцы с жадностью смотрели на ресурсы к северу от реки, но по большей части, казалось, довольствовались торговлей. Несколько раз, когда они пытались пересечь реку, их постигала та же участь, что и их имперских предшественников. Донато знал, что его предложение может соблазнить их — плацдарм к северу от реки и доступ ко всем этим неиспользованным ресурсам. Однако ему нужно было быть осторожным. Южане были двуличны, и ему нужно было обставить свое предложение так, чтобы получить все, что он хотел. Барон Леондорфский был неплохим вариантом, или лорд Северных земель. Титулов было много, и Донато не был привередлив, лишь бы это делало его хозяином Леондорфа и его земель и переходило по наследству к его сыну и всем тем, кто придет после него. Он был рад подчиняться южным законам и преклонять колена перед кем придется. У жителей деревни не было другого выбора, кроме как поступить так же. Нет, если они хотят выжить.

Вулфрик огляделся по сторонам, радуясь, что видит такие же нервные лица, как и он сам. Кирх был небольшим, а учитывая, что там собрались все ученики, тесным. Он был зажат между Хейном и Аншелем, и это неудобство еще больше нервировало его. Этельман предпочитал проводить религиозные службы под открытым небом, под взглядом богов, когда позволяла погода. Однако секреты паломничества были доступны лишь тем, кто готовился к нему. В тусклом помещении было столько же нервного напряжения, сколько и людей.

Когда Этельман начал говорить, Вульффрик и остальные замолчали.

В идеальном мире, — сказал он, — мы не стали бы вести этот разговор еще несколько лет. Сегодня ночью вы будете бдеть, а завтра утром попытаетесь поднять меч. Те, кому это удастся, немедленно уйдут. Обычно мы проводим больше времени, обсуждая бдение и то, как вы должны себя вести, но после всего, что произошло, я хочу, чтобы вы отправились домой, наелись до отвала и постарались выспаться. Это самые важные вещи для вас сейчас. Чистота ума, чистота сердца, чистота духа. Это те чувства, с которыми вы должны вести себя до самого утра. Я думаю, они не требуют пояснений. Джорундир смотрит.

Прежде чем вы отправитесь домой, вам предстоит пройти короткую церемонию благословения, но она не займет много времени. Все, пожалуйста, закройте глаза".

Этельман продолжал говорить, но Вульфрик уже не мог понять, что он говорит. Он плотно зажмурил глаза, не желая делать ничего, что могло бы поставить под угрозу процесс. Он вслушивался в слова, Этельман произносил каждое из них медленно и тщательно. Вульфрик начал чувствовать головокружение и тошноту, и его стало беспокоить, что его может стошнить, и он стал выглядеть перед остальными напуганным тем, что его ждет впереди. Ему сразу же вспомнилось, как он дотронулся до странного на вид камня в комнате Этельмана в задней части кирхи. Ему показалось, что комната закружилась вокруг него. Этельман замолчал, и все исчезло так же быстро, как и началось, и Вульфрик почувствовал себя совершенно нормально.

Ты можешь открыть глаза, — сказал Этельман. Увидимся утром".

Вульфрик огляделся. Невозможно было сказать, испытал ли кто-нибудь еще то же, что и он, и он слишком боялся возможных последствий, если заговорит об этом. Он промолчал и вышел вслед за остальными, стараясь выкинуть из головы все тревоги.

Вульфрик выглянул в окно и вздохнул с досадой, что только начало темнеть. Паломничество обычно совершалось осенью, но сейчас была уже глубокая зима. Хороших дней больше не будет, погода будет только неуклонно ухудшаться. Он задумался, насколько сложнее будет путешествие в это время года. В Высоких Землях всегда лежал снег, и всегда было холодно, так что, возможно, все будет не так уж и плохо. Он был благодарен хотя бы за то, что тошнота не повторилась, у него было слишком много дел, чтобы думать об этом.

Ему было интересно, что ждет их на Высоких Землях. Были вещи, которые он мог предсказать, начиная с живых — белеков и волков — и заканчивая неживыми — водопады и холод, но Высокие Земли были отдаленными и мистическими, домом для богов и духов. Что еще может скрываться там? Драугар? Драконы?

Он решил, что сойдет с ума, если проведет там еще несколько часов. В эту ночь у него не было ни малейшего шанса отдохнуть. Он закрыл глаза и попытался думать о вещах, свойственных воинам: храбрости, мужестве, чести. Паломничество должно было стать демонстрацией этих качеств. Они отправились в путь в одиночку. Просить о помощи или требовать ее — значит потерпеть неудачу. Лучше умереть на Высоких Землях, чем искать помощи и позорить Джорундира. Вульфрику это казалось глупым. Сила группы превосходила силу отдельного человека — он подозревал, что все вместе они смогут пережить паломничество, — но отец говорил ему, что цепь сильна лишь настолько,

насколько прочно ее самое слабое звено. Паломничество доказало, что каждое звено прочно, что воин в бою может без тени сомнения рассчитывать на человека, который находится по обе стороны от него.

Ему хотелось, чтобы Адалхаид была с ним. Она была единственной, кто мог утешить его в такие моменты, и это подчеркивало, как ужасно он по ней скучает. Однако это была глупая мысль. Даже если бы она была в деревне, ему не позволили бы провести бдение вместе с ней. От одной мысли о том, чтобы поделиться со Сван своими тревогами или просто найти утешение, у него по позвоночнику пробежала дрожь. Он улегся на кровать и принялся вертеть в воздухе большие пальцы. Казалось, это самый подходящий способ провести бессонную ночь.

Вульфрик сидел на краю кровати, готовый к выходу, к тому времени, как за окном посветлело. Он быстро проверил свои вещи в последний раз, прежде чем застегнуть рюкзак. Он пристегнул к поясу свой меч и оглядел одежду. Все было проверено, перепроверено и еще раз перепроверено. Пора было идти. Его мать все еще спала. Он подумал, не разбудить ли ее, но решил не делать этого — ему не хотелось прощаться. Не имея больше причин медлить, он направился на поляну.

Этельман был один у камня в центре поляны, когда появился Вульфрик. Было странно, что Элдрика и Анжеста не было рядом. Возможно, они наблюдали за происходящим из зала Джорундира. Один за другим прибывали остальные, и никто из них не разговаривал с ним, как обычно. В то утро на поляне не было воинов, только испуганные мальчишки. Все молча наблюдали за Этельманом, затаив дыхание на холодном воздухе, и ждали, когда он позовет их вперед, чтобы попытаться поднять меч. В основном один или два подающих надежды ученика возвращались в деревню после попытки, с тоскливым выражением лица и перспективой еще одного года ученичества. Вульфрику было интересно, скольким Джорундир откажет в этом году — и приложил ли вообще к этому руку Джорундир. Он вспомнил улыбку на лице Этельмана, когда несколько лет назад они с Хейном начали обучение, и Хейн сделал шаг вперед, чтобы попробовать поднять его. В тот день меч не сдвинулся с места. Вульфрик задался вопросом, что было у Хейна в голове, не боялся ли он, что результат может быть таким же?

Этельман благоговейно опустил древний меч на снег. Его сталь была темной с голубым блеском — почти сиянием. Это была божественная сталь, сделанная из руды, найденной на Высоких Землях, а рукоять украшали прозрачные камни, найденные вместе с рудой. Когда на них падал свет, они тоже приобретали голубой оттенок.

Этот меч был выкован в те времена, когда Джорундир еще ходил по этой земле со своим верным волком Ульфиром наготове. Он видел бесчисленные битвы и отправил тысячи воинов в зал Джорундира, но давно уже служит привратником для этого права прохода. Только те, у кого хватит сил души и тела, чтобы поднять его с земли, могут пройти вперед и помериться силами с Джорундиром. Глубоко в Высоких Землях есть камень, не похожий на тот, что сейчас рядом со мной. Ты отправишься туда и положишь на него руку. Как только вы сделаете это и покажете свою преданность идеалам, которые Джорундир установил для

всех мужчин, носящих оружие, вы докажете ему свою преданность. Вы заслужите право называть себя воином — Учеником Джорундира — и будете пользоваться всеми правами и привилегиями, которые это дает.

'Я хотел бы иметь больше времени, чтобы подготовить вас всех, но это время великой нужды, и мы должны рассчитывать на благосклонность Джорундира в предоставлении нам всего необходимого. Он благоволит храбрым, и, отправляясь в это путешествие, вы показываете ему, что вы именно такие и даже больше".

"Как мы найдем камень? воскликнул Хейн.

Вульффрик задавался тем же вопросом, но не решался высказаться.

Если ты сможешь поднять меч, ты узнаешь дорогу. Верь в это. Есть ли еще что-нибудь?

Как мы узнаем, что все сделали правильно?" — спросил Хейн.

Этельман улыбнулся. Вы будете знать. И когда вы вернетесь, я тоже узнаю. Это ваша честь — завершить это путешествие с верностью. Ложь о достижении Скалы — тяжкий грех, который я сразу же замечу. Итак, Аншел, ты первый среди своих сверстников, и тебе принадлежит честь попробовать первым".

Аншел кивнул и шагнул вперед. Подойдя к мечу, он оглядел каждого ученика. Все молчали; единственным звуком был хруст его сапог по снегу. Он протянул вниз правую руку и крепко схватил меч. Вульффрик взглянул на Этельмана, внимание которого было приковано к Аншелю и мечу.

Аншел дернулся и выпрямился. Он покачнулся, потеряв равновесие, и удивился тому, как легко он поднялся. Он поднял его в руке и оглянулся на остальных, на его лице появилась широкая улыбка.

"Он почти ничего не весит", — сказал он.

Следующим был Уррих, тихий, чисто выбритый ученик, чья семья жила в лесу за пределами деревни. Его непревзойденное мастерство владения луком обеспечило ему первенство. Вульффрик видел, как он без промаха подстрелил с неба полдюжины диких птиц подряд. Несколько лет назад даже воины признали его лучшим стрелком в деревне. Со временем его мастерство только росло.

Он тоже легко поднял старый меч. Он кивнул и передал его обратно Этельману, который вернул его на снег, а затем позвал Вульффрика вперед. Вульффрик подошел к мечу. Он чувствовал, что все взгляды устремлены на него. Каким дураком он будет выглядеть, если не сможет его поднять. Он не мог решить, что пугало его больше: мысль о том, что он не сможет его поднять, или что будет потом, если ему это удастся.

Он потянулся вниз и взял его за ручку. Она была ледяной и словно покалывала кожу. Он изо всех сил ухватился за грубую ручку и поднял. Она оторвалась от земли так же легко, как и другие. Он на мгновение задержал древний клинок. Он больше не чувствовал холода, и рукоять не была неправильной формы. Он подумал, не ошибся ли он мгновение назад, просто нервничал. Теперь он чувствовал себя так, словно клинок был создан специально для него. Он посмотрел на Этельмана, тот улыбнулся и кивнул. Вульффрик передал ему его, и тут его охватило осознание того, что через несколько минут он отправится в свое паломничество.

Каждому ученику удалось поднять меч. С этого момента все пошло быстрее, и Вульфрику казалось, что он едва успевает за всеми. Его сердце бешено колотилось, а он старался выглядеть так, будто знает, что делает, и полностью готов к тому, что должно произойти. Они подхватили свои рюкзаки и вышли с поляны.

Все население деревни собралось на площади. Ему было тяжело, когда к нему приковано столько внимания в то время, когда он предпочел бы остаться наедине со своими мыслями, но этот день был таким же важным для других жителей деревни, как и для учеников. Все надежды Леондорфа были связаны с тем, что до наступления весны и прихода бродяг у него будет еще полдюжины воинов. Вульфрик задавался вопросом, что они действительно изменят. Возможно, как источник общей надежды, этого будет достаточно. Вульфрик опасался, что это все, что они могут предложить.

Его мать была в толпе, на ее лице было гордое, но обеспокоенное выражение.

"Увидимся через несколько дней", — сказал Вульфрик, изо всех сил стараясь улыбнуться.

'Береги себя', - сказала Френа.

Я сделаю все, что в моих силах".

Главное, чтобы ты благополучно вернулся домой", — сказала она.

Он кивнул. Больше нечего было сказать.

'Паломники Джорундира, приготовьтесь к отбытию'. Голос Этельмана нарушил их молчание. Вульфрик отошел, чтобы присоединиться к остальным, чувствуя, как сердце тянет его назад, в ту сторону, откуда он пришел.

Во время своего божественного путешествия вы не можете ни принимать, ни просить помощи у людей или зверей. Вы не будете взаимодействовать со своими братьями по паломничеству и помогать им каким-либо образом. Каждый человек должен совершить это путешествие в одиночку. Если вы сделаны из того материала, который нужен Джорундиру, вы вернетесь благополучно. Вы можете отправляться".

Вулфрик шел уже почти час, прежде чем понял, что так и не принял никакого решения о том, в каком направлении ему идти. На первый взгляд, здесь не было ничего особенного. Вершины было трудно не заметить — они внушительно возвышались на восточном горизонте.

У него было непреодолимое чувство, что он точно знает, куда идет, но не может объяснить этот факт, что было странно. Казалось, что он идет от кирхи до своего дома, и этот путь был ему настолько знаком, что не требовал никаких размышлений.

Время от времени он оглядывался по сторонам, чтобы увидеть кого-нибудь из остальных, но как только он входил в лес, то не видел ничего, кроме деревьев. Это не имело большого значения, так как он не мог взаимодействовать ни с кем другим, даже если бы они шли рядом с ним. Когда они доберутся до перевалов в Высоких Землях, их снова соберут вместе. Ему было любопытно посмотреть, кто дойдет до них первым, будут ли его ноги ступать по свежему снегу или по следам, оставленным другими.

Пока он шел, мысли Вулфрика витали в воздухе. Когда первоначальное волнение улеглось, уже мало что оставалось — одна нога впереди другой, не упасть, не налететь на дерево. Мысли Вулфрика, как это неизменно случалось, обратились к потенциальным опасностям путешествия. В одиночестве сломанная лодыжка может оказаться смертельной, а покрытая снегом земля может оказаться коварной. Однако не это беспокоило его больше всего.

Белеки спускались с Высоких Земель в любое время года, но зима была их любимым сезоном. Они были зверями не инстинктивными, а разумными. Им нравился холод. Считалось, что они бродят по земле в одиночку, не наслаждаясь обществом своих собратьев, но одна из самых известных историй Анжеста была о схватке с двумя одновременно — по слухам, он был единственным человеком, когда-либо пережившим встречу с двумя, не говоря уже о том, чтобы убить их обоих. Он пытался напомнить себе, что встретить одного из них — редкость, но сам факт того, что это вообще произошло, вызывал дрожь по позвоночнику. Один из них мог преследовать его в этот самый момент.

Его отец убил белека, и у него была накидка из роскошного меха стального цвета. Вольфрам всегда говорил, что белек, как и человек, наслаждается охотой не меньше, чем убийством. Преследование белека было не столько охотой, сколько соревнованием; обе стороны были готовы к убийству, и чаще всего белек побеждал. Они были порождением кошмаров, и даже Этельман, посвященный в магию богов, говорил о них со смесью страха и уважения.

Некоторые, кто сталкивался с ними, говорили, что белеки тоже посвящены в магию богов, что от них исходит то же потустороннее покалывание кожи, которое излучают жрецы, когда исцеляют или призывают богов для церемоний. Что бы ни было правдой, для Вулфрика это не имело значения. Если он встретит кого-нибудь из них, это будет смертельная схватка.

Темнело, но Вулфрик шел вперед, пока не стало слишком опасно. Он нашел укромное место и после тщательного обдумывания решил разжечь костер. Он мог привлечь белека, но это отпугивало волков, и он чувствовал, что ему пригодится тепло и комфорт, которые он даст — чем в лучшем состоянии он будет находиться, тем быстрее он сможет двигаться. Он

подумал, не разжег ли кто-нибудь еще такой же, и огляделся по сторонам. В гуще леса кто-то мог быть всего в нескольких сотнях шагов от него, но его не было видно; то же самое касалось и его костра. Он собрал немного хвороста и поднес к нему искру, стараясь забыть обо всех неприятных способах умереть в лесу.

На следующее утро Вулфрик проснулся рано, после крепкого сна. Костер уже давно погас, превратившись лишь в теплую кучку пепла, и он дрожал от холода. Он не стал долго задерживаться и лишь немного поел, прежде чем отправиться в путь. Утренняя прогулка по большей части шла в гору, пришлось пересечь две небольшие речки. Лес был густой и не имел никаких признаков того, что его коснулась рука человека, и не было никаких следов других людей.

Идти пришлось гораздо медленнее, чем он ожидал, и он надеялся, что для остальных это будет так же трудно. Меньше всего ему хотелось встретить остальных на пути домой, когда он все еще находился в милях от скалы Джорундира. Выжить в пути — это все, что от них требовалось, но за годы тренировок между ними выросло соперничество, и Вулфрик не хотел быть последним.

На открытых пастбищах вокруг деревни было нетрудно понять, куда ему нужно идти. Высокие земли всегда были видны, возвышаясь над лесами на востоке, — постоянный ориентир, позволяющий сориентироваться. Сейчас, когда он находился в лесу, под пологом деревьев, вершины часто скрывались из виду. Он остановился и оглянулся в ту сторону, откуда пришел. Несмотря на то, что он не знал, где находится, он чувствовал странное желание идти дальше, как будто какая-то неведомая сила тянула его вперед. Он знал, что может ходить по кругу, а сила, влекущая его вперед, была лишь плодом его воображения. За неимением ничего лучшего, он поддался этому.

Если он продолжает идти в гору, значит, он идет в правильном направлении, и именно к этому его побуждала странная сила. Тем не менее, ему не терпелось добраться до линии деревьев и снова выйти на открытое пространство.

Его путь становился все круче, снег все глубже, а воздух все холоднее. Растительность изменилась: широколиственные деревья уступили место соснам с хвоей. Когда стемнело на вторую ночь пути, холод усилился до такой степени, что он не мог сдержать дрожь, но он знал, что это не столько от температуры, сколько от усталости. Пора было остановиться на ночлег.

Проснувшись на следующее утро, Вулфрик замерз и окоченел. Он развел огонь и дрожащими руками быстро подогрел немного бульона. Он выпил его, как только он стал достаточно горячим, чтобы подействовать, и почувствовал, как тепло разливается по его внутренностям. Потягивая, он думал о том, как далеко находится линия деревьев — следующий показатель его продвижения. Как только бульон был допит, он собрал свои вещи и двинулся в путь.

По мере продвижения уклон становился все круче. Через несколько часов его бедра горели, а каждый шаг казался подъемом по лестнице. Он остановился, чтобы перевести дух, и огляделся. Он никого не видел и ничего не слышал, кроме своих быстрых, хриплых вдохов. Воздух казался более разреженным, как будто легкие не могли втянуть достаточно воздуха, чтобы удовлетворить его потребности. Казалось, что он работает гораздо интенсивнее, чем на самом деле. Линия деревьев, несомненно, была уже далеко. Дальше были только скалы, снег и лед, пока он не достигнет скалы Джорундира, если, конечно, доберется до нее.

Только теперь, когда лес поредел настолько, что можно было разглядеть хоть какое-то расстояние, перед ним открылась грандиозность того, что лежало перед ним. Он знал, что это долгий путь, трудное восхождение, но когда Высокие Земли оказались ближе, чем когда-либо, он был ошеломлен. Гора перед ним доминировала над небом. Ему пришлось смотреть почти прямо вверх, чтобы проследить за ней, хотя вершина была скрыта облаками. Он был благодарен, что скала Джорундира находилась в долине, а не на самой вершине.

К одинокому звуку его дыхания присоединился треск ветки позади него. Вулфрик повернулся и оглянулся. Он ничего не мог разглядеть и не был уверен, откуда доносится звук — с лесной опушки или с дерева. Птиц вроде бы не было, но и на земле не было никаких признаков движения. Он продолжал осматривать лес в том направлении, откуда пришел, но все было неподвижно. И снова он слышал только звук собственного дыхания. На снегу не было никаких следов, кроме отпечатков его ног. Он понял, что крепко сжимает рукоять меча, и ослабил хватку. Он должен был оставаться начеку, но паранойя только отвлекала его. Если он хотел выжить в том, что ему предстоит, ему нужно было сосредоточиться, а не прыгать на каждый неожиданный звук.

Он двинулся вперед. Как только он вырвался за линию деревьев, на него обрушился ледяной ветер, от которого его пробрал озноб. Это была первая веха на его пути, и добраться до нее без проблем было счастьем. На просторах снега и скал перед ним было мало ориентиров, и порой было трудно определить угол подъема, из-за чего Вулфрик спотыкался и падал в снег. С каждым разом это отнимало у него все больше сил.

После, казалось, нескольких часов, проведенных в снегу, он увидел вдали на горе черную фигуру. Сначала он принял ее за камень, но не сразу понял, что она не приближается, а значит, движется примерно с той же скоростью, что и Вулфрик. Он никак не мог определить, кто из других учеников это, но это означало, что один из них, по крайней мере, находится дальше в пути, чем Вулфрик.

Вулфрик на мгновение остановился и стал наблюдать за неумолимым продвижением фигуры. Если бы только его собственная решимость идти вперед была такой же сильной. За первое место не полагалось награды, но он знал, что каждый из них питает такое стремление. Ему было интересно, какой путь выбрал другой ученик, что позволило ему добиться такого преимущества.

Одна нога впереди другой, сказал он себе. Это было все, что требовалось. Единственным преимуществом такого холода было то, что его ноги не промокли от тающего снега. Когда он поднял ногу, снег посыпался с кожи брюк, как мелкий порошок. Толстая меховая подкладка согревала ноги и не причиняла боли, которую мог вызвать холод. Этельман рассказал им всем об опасностях, с которыми они могут столкнуться из-за холода, и о том, на что следует обратить внимание, чтобы заранее предупредить о проблеме. В горах погибали не только белеки.

По словам Этельмана, наибольшему риску подвергаются пальцы рук и ног, а также

лицо, если его не прикрыть шарфом. Закутанный в толстые зимние меха, он больше походил на медведя, чем на человека. Он быстро проверил пальцы и ступни. Удовлетворенный тем, что ощущение тепла и комфорта не было мнимым, он снова двинулся вперед.

Дышать становилось все труднее. Как бы сильно он ни задыхался, он не мог удовлетворить свою потребность. Он оставлял клапан на шапке расстегнутым до тех пор, пока нос, щеки и подбородок не стали чесаться и болеть от холода. Только тогда он снова застегнул его.

Этельман говорил, что от того места, где кончаются деревья, до Скалы — один день пути при прочих равных условиях. Он достиг линии деревьев вскоре после рассвета; если повезет, он сможет добраться туда к рассвету следующего дня. Остановки больше не будет, пока он не вернется к деревьям.

Голова Вулфрика пульсировала при каждом движении. Головная боль началась в какой-то момент, усиливаясь до тех пор, пока он не начал думать о чем-то другом. Несмотря на замедление темпа, казалось, что он начал приближаться к человеку впереди него — очевидно, он тоже страдал. Он отдернул клапан от лица и попытался втянуть в легкие как можно больше воздуха. Сколько бы он ни дышал, ему не хватало воздуха. Его лицо было мокрым. Сначала он подумал, что это от холода, но когда он поднял руку, чтобы вернуть клапан на место, рукавица оказалась вся в крови.

Вульфрик стянул рукавицу и прикоснулся пальцами к носу: из него непрерывно текла кровь. Он шмыгнул, пытаясь остановить поток, но все, что он сделал, это наполнил горло и рот металлическим привкусом крови. Кровь продолжала капать, и Вульфрик почувствовал, как его охватывает паника. Неужели это начало того, о чем предупреждал Этельман? Смерть изнутри? Похоже, он ничего не мог с этим поделать, поэтому он вернул заслонку на место, натянул рукавицу и продолжил подниматься по склону горы. Если гора и собиралась убить его, то не раньше, чем он коснется Скалы.

Его голова раскалывалась, а лоскут прилип к лицу от засохшей крови, когда фигура впереди, все ближе и ближе, исчезла. Вульфрик почувствовал, как его и без того перегруженное сердце ускорило. Что с ним случилось? Дно долины было покрыто льдом глубже, чем самое высокое дерево. В нем были трещины, расщелины, которые могли быть скрыты слоем снега. Любой человек или что-либо, упавшее в них, никогда не было бы замечено. Неужели он провалился?

Он шел дальше, и в конце концов наступила ночь, но она была ясной, и луна освещала снежный пейзаж призрачным бледным светом. Вульфрик пробирался сквозь сугробы снега, не зная, то ли разум его обманывает, то ли путь становится все менее крутым. После столь долгого пути в гору это казалось слишком большой надеждой. Потребовалось всего несколько шагов, чтобы подтвердить его подозрения. Когда его нога коснулась земли на том же уровне, что и предыдущая, он едва не рассмеялся вслух. Он достиг долины. Он заметил второго ученика далеко впереди, все еще не более чем темное пятно на ландшафте.

По обе стороны долины возвышались пики, похожие на огромные древние лезвия мечей, ржавчина на которых сменилась снегом и льдом. Равнинная местность облегчала путь, но снег становился все глубже, местами до пояса, и продираться сквозь него не было сил. Он слышал только хруст снега под сапогами и жуткий шум ветра, похожий на далекий крик. Он с трудом втягивал воздух. В долине нельзя было останавливаться на отдых; задерживаться там означало навлекать на себя смерть.

Тонкие облака кружились вокруг долины, словно фантомы, висящие в воздухе. Он почти поверил, что это души павших воинов, вышедшие посмотреть, как новое поколение их братьев приближается к дому Джорундира. Он подумал, не наблюдает ли за ними его отец. В сумерках долина казалась какой-то потусторонней. Может быть, это действительно место, где обитают боги?

Вульфрик понял, что быстро догоняет стоящую перед ним фигуру. Приблизившись, он увидел, что это Хейн, опустившийся на колени. По какой-то причине Вульфрик решил, что это, скорее всего, Аншель, но Хейн был самым сильным и выносливым из них, так что было логично предположить, что он успел добраться до этого места быстрее всех. На его лице

было напряженное, измученное выражение. Это был взгляд поражения. Его глаза встретились с глазами Вулфрика, но он ничего не сказал.

Вулфрику хотелось остановиться, но он знал, что ничего не может сделать. Ему и так было тяжело нести свой собственный груз. Если к нему прибавится еще и груз Хейна, они оба погибнут и будут навеки исключены из Зала Джорундира. Ни давать помощь, ни просить о ней. Это казалось жестоким правилом.

Хейн выплеснул на снег полный рот крови. В лунном свете она казалась черной. Вид ее испугал Вулфрика, напомнив ему о том, как у него самого без видимой причины начала идти кровь из носа. Он снова проверил, но кровь уже не шла. Однако облегчение было мимолетным. Если гора смогла сразить Хейна, то же самое может случиться с любым из них.

Что-то в этой горе убивало их изнутри. Этельман предупреждал их об этом, и Вулфрик подумал, не держит ли она его в своей хватке, что бы это ни было. Он бросил последний взгляд на Хейна. Хейн изо всех сил старался улыбнуться, его губы и подбородок были забрызганы кровью. Он понимал, что выдохся, но Джорундир примет его с радостью. У него не будет места за главным столом, но он будет там, признанный за мужество, необходимое для похода на Высокие Земли, зная, что там его может не ждать ничего, кроме смерти.

Он подумал о той ночи, когда Хейн стоял рядом с ним, когда Хелфрик и остальные задумали очередное избиение. Ничего нельзя было поделаться, но от этого Вулфрику не становилось легче. Он отвернулся и пошел дальше по долине. Пока он шел, он старался не думать о семье Хейна: его матери и младшем брате, который боготворил его.

Рассвет забрезжил, окрасив светом восточные вершины. За ночь Вулфрик больше никого не видел. Он проложил свежий след по снегу и знал, что опережает стаю. Его глаза были сухими и щипало. Каждая его частичка взывала ко сну. Он продолжал осматривать долину в поисках чего-нибудь примечательного. Наконец они что-то нашли.

Сначала он подумал, что ему показалось, но чем больше он всматривался, тем отчетливее оно становилось. Бледно-голубое свечение на фоне темных скал. Вулфрик почувствовал, как по коже пробежали мурашки, когда он уставился на мерцающий свет. Он поспешил к нему. Когда он подошел ближе, то увидел, что свечение окружало какой-то предмет — скалу. Скалу Джорундира.

Он почувствовал, как маниакальное чувство радости пронеслось через него, когда он, спотыкаясь, направился к ней. Всего через несколько мгновений он коснется скалы Джорундира, и его путь война будет завершен. Даже если кровь унесет его к смерти сразу же после прикосновения, он умрет воином и присоединится к своему отцу за столом Джорундира.

Покалывание на коже становилось тем сильнее, чем ближе он подходил к Скале. Ошибиться было невозможно, как ему и говорили. Какая бы древняя магия ни направляла его, она оказалась верной. Это была скала Джорундира. Место, где Джорундир общался с людьми, где он выбирал тех, кого считал достойными звания воина. Говорили, что Джорундир сразит любого, кто посмеет прикоснуться к скале и не будет достоин этой чести. Вулфрик задумался, достаточно ли он сделал. Может быть, достаточно того, что он зашел

так далеко?

После того, как он так долго мечтал о том, как будет выглядеть Скала, какова она на ощупь, как он протянет руку и прикоснется к ней, он обнаружил, что боится ее. Так близко к завершению своей цели, к тому, что когда-то было несбыточной мечтой, он колебался. Этельман говорил, что смерть для тех, в чьих сердцах живет алчность, — самая мучительная из всех, какие только можно себе представить. Их судьба после этой ужасной смерти была еще хуже. Волк Джорундира, Ульфир, будет грызть их кости до скончания веков.

Вульфрик почувствовал, как скрутило его желудок, когда он стоял перед Скалой, и подумал, что его сейчас стошнит. Он поборол это ощущение и попытался сосредоточиться на ней. Как и камень на поляне у деревни, он был покрыт странными знаками. Они были знакомы Вульфрику, но непонятны. Знакомые знаки помогли успокоить нервы, но рука его неудержимо задрожала, когда он протянул руку к камню. Голубой свет заиграл на его поверхности, переливаясь по резьбе, словно она была живой. Когда он приблизил руку, сияние распространилось на него и охватило его ладонь. Его дыхание участилось, когда оно стало подниматься вверх по руке и охватило все тело. Кончиками пальцев он ощутил шершавую поверхность камня. Его зрение приобрело голубой оттенок, а все тело задрожало. Раздался оглушительный грохот и яркая вспышка.

Когда Вульфрик пришел в себя, он сидел на снегу, и холод проникал сквозь меха в его спину. Он находился в нескольких шагах от Камня. Он сидел на месте, голубое свечение мерцало на его поверхности. Неужели это он? Он не умер, а это уже кое-что. Этельман сказал, что достаточно прикоснуться к камню, но Вульфрик был в замешательстве. Должен ли он был отреагировать таким образом? Если здесь Джорундир общался со смертными, то не должно было быть чего-то еще? Какой-то разговор?

Вульфрик сидел и смотрел на Скалу, не обращая внимания на холод. Это было не то, чего он ожидал. Он всегда думал, что Джорундир скажет что-нибудь, подтвердит, что путешествие завершено, что он теперь воин. С небес раздастся великий рокочущий голос, признающий его достижение. Он решил попробовать еще раз. Он встал и протянул руку вперед, пока кончики его пальцев не коснулись свечения. Оно оказало сопротивление. Казалось, что оно не просто светлое, а материальное. На ощупь оно было губчатым и создавало непроницаемый барьер вокруг камня. Так или иначе, казалось, что Камень закончил с ним.

Обратный путь Вулфрика пролегал мимо того места, где он в последний раз видел Хейна. Он все еще стоял на коленях на том же месте. На снегу перед ним было еще больше крови. Он был мертв. Его глаза были открыты, но стеклянны и безжизненны. Вокруг рта Хейна застыла кровь, а его лицо было искажено страданием. Вулфрик смотрел в безжизненные глаза и размышлял, стоит ли ему отнести тело Хейна домой. Он заметил холодное, влажное ощущение на своей собственной верхней губе и понял, что у него снова идет кровь из носа. Его возвращение не было таким уверенным, как он начал думать. Вулфрик продолжал свой путь, размышляя о том, сколько еще старых учеников находится в этой долине, давно погребенных под снегом.

Вскоре он увидел другого ученика, который все еще стоял на ногах и пробирался вверх по долине. Вулфрик изменил свой курс, чтобы держаться подальше, как и другой ученик. Он вспомнил слова Этельмана. Джорундир всегда был начеку.

Несмотря на тяжелые меха, Вулфрик узнал в нем Аншеля. Ему стало интересно, что подумает Аншел, когда встретит тело Хейна. Все они знали, что некоторые из них не вернутся, но увидеть одного из них мертвым было шоком. Сколько их еще будет?

Простое исчезновение было худшим из того, что Вулфрик мог себе представить. По крайней мере, семья Хейна должна была знать, что с ним случилось. Семьям тех, кто ушел в горы и больше их не видел, всегда было тяжелее. Стоило ли путешествие того? Хейн был хорошим бойцом, сильным и быстрым, но гора убила его. Теперь его сила была навсегда потеряна для деревни, в то время, когда каждая рука, способная владеть мечом, ценилась сверх меры. Почему Джорундир был так жесток? Это казалось глупым упущением.

Небо начало темнеть задолго до того, как Вулфрик выбрался из долины, а снег снова приобрел призрачное сияние. Он подумал о том, чтобы попытаться зарыться в снег, чтобы укрыться от ветра и дожидаться рассвета. Какой бы заманчивой ни была перспектива отдыха, на холоде люди засыпали и никогда не просыпались. Опасность, которую представляло начало спуска в темноте, казалась меньшей. Он устал, но мысль о том, чтобы свернуться калачиком в снегу и спать беспробудным сном, придала ему достаточно энергии, чтобы продолжать путь.

Он заметил другого ученика, медленно поднимавшегося в гору. Вулфрик подавил желание помахать рукой и посчитал, что ему повезло, что он уже спускается. Другому ученику предстоял долгий путь. Вулфрик напряг глаза, но ученик был слишком плотно закутан в меха, чтобы разобрать, кто это. Вулфрик ни за что не поменялся бы с ним местами.

Облака сгустились ниже по склону, скрыв мир под собой, словно большое шерстяное одеяло. Воздух стал влажным и холодным, когда он перешел в него. Одна за другой звезды исчезали из виду, пока не осталась только луна. Потом и она исчезла, оставив его в непроглядной тьме.

Идти вниз по склону через смесь льда, снега и камней в почти слепой темноте было

очень опасно. С каждой небольшой оплошностью Вулфрик сомневался в своем решении идти дальше. Может ли остановка быть более опасной, чем то, что он делал?

Изнеможение давило на него, как тонна камня. Он изо всех сил подгонял себя, стремясь достичь точки, где можно было бы остановиться и поспать в сравнительной безопасности. С каждым поспешным, небрежным, усталым шагом его ноги немного скользили, когда снег под ним уступал его весу. Все, о чем он мог думать, — это добраться до укрытия на стволе дерева, свернуться калачиком и заснуть.

Его нога метнулась вперед. Не успел он опомниться, как ветер вырвался из его легких, и он на спине понесся вниз по склону. Он царапал снег руками и пинал ногами, пытаясь затормозить, но это лишь превратило его неконтролируемое скольжение в хаотичное падение.

Он подпрыгнул, кувыркаясь в воздухе, затем снова ударился о снег и продолжил свое падение. Ему удалось перевернуться на спину, его ноги были направлены вниз по склону. Он вцепился руками в снег, чтобы остановить падение. На этот раз он был более осторожен, не желая слишком настойчиво подталкивать себя к новому падению.

Вулфрик постепенно усиливал давление, и ему казалось, что он замедляется. Он вышел из облака и попал в ночь, где можно было различить тени далеких деревьев. Казалось, они приближаются с угрожающей скоростью, но Вулфрику пришлось сдерживать желание прижаться к земле изо всех сил. Он все еще двигался слишком быстро, и если его снова бросит в неуправляемый полет, он может оказаться насаженным на ветку или разбитым о ствол дерева.

Он не мог не думать о том, что, по крайней мере, завершает этот отрезок пути гораздо быстрее, чем в противном случае, за минуты, а не за часы. Как он ни старался, он не мог остановиться. Склон был слишком крутым, а снег слишком скользким. Он заметил несколько небольших кустов, которые выглядели более привлекательной мишенью, чем стволы деревьев, которые их обступали. Он направился к ним, сначала ногами, слегка надавливая руками и пятками. Он сделал глубокий вдох, закрыл глаза, стиснул зубы и закрыл лицо руками.

Следующие несколько секунд прошли в шуршании листьев и треске веток. Он перевернулся на ноги и почувствовал, как ветки и листья когтями впиваются в его руки и открытые части лица, когда он продолжал свой полет через подлесок. Его скорость замедлялась по мере того, как его тело пробивалось сквозь растительность, и в конце концов он остановился, перевернувшись вверх ногами и подвешенный на ветвях. Он не пытался двигаться, пытаясь отдышаться. Его мысли путались, и ему потребовалось мгновение, чтобы понять, в какой стороне находится верх. Затем он начал выбираться из кустов.

Освободившись, Вулфрик принялся снимать ветки и листья со своей одежды. Он заметил, что его меча нет. Он приостановил уборку и оглянулся назад на гору, чтобы найти его, ведь потерять ее было очень дорого. Он разрывался между желанием вернуть его и маловероятностью найти его в снегу. Он мог быть сорван с него в любом месте и отброшен на некоторое расстояние от его пути. Выемка в снегу, оставленная его проходом, была длиннее, чем он предполагал. Даже во мраке было видно, что она тянется по всему склону горы, пока не скрывается в облаках. Чтобы вернуться на вершину, потребовались бы часы, и он мог потратить несколько дней на поиски, но так ничего и не найти.

Еда почти закончилась, он устал до изнеможения, не говоря уже о боли. Во время падения он сильно ударился коленом, и оно уже начало затекать. Если он не займется им в

ближайшее время, оно может распухнуть до такой степени, что он не сможет его согнуть. До возвращения домой оставалось еще около двух дней пути. Невозможность согнуть колено была равносильна смерти. Он бросил последний тоскливый взгляд на склон и повернул обратно к лесу.

Первые несколько шагов Вулфрика были неуверенными. Он проверял свое колено, постепенно увеличивая нагрузку на него, пока не убедился, что оно его выдержит. Травму можно будет вылечить, когда он вернется домой. Ему нужно было только добраться туда. Рассвет дал о себе знать, так что он чувствовал себя комфортно, когда свет становился все ярче и ярче, указывая ему путь.

Без меча он чувствовал себя до ужаса голым. С тех пор как он начал свое ученичество, он редко оставался без него. Его тело настолько привыкло к его весу, что казалось, будто он лишился конечности. Оставался только кинжал на поясе, да и тот был слишком мал, чтобы пригодиться в случае опасности.

С облегчением он снова оказался среди деревьев. Они укрывали от ветра и прятали от всего, что могло попытаться причинить ему вред. Это также означало, что самая трудная часть его пути осталась позади. Он осматривал землю на ходу, опасаясь, что споткнется о скрытый корень и его паломничество закончится так близко к концу — он подозревал, что уже истратил всю свою удачу, — но это было трудно, так как на земле лежал снег.

Он услышал, как где-то позади него хрустнула ветка. Вульффрик остановился и оглянулся, но ничего не увидел. На мгновение он прислушался, но ничего не услышал. Он вспомнил свою нервную реакцию на любой шум и тень, когда проходил в противоположном направлении. После стольких часов, проведенных за линией деревьев, где каждый звук заглушался толстым снежным покрывалом, он привык к тишине.

Вулфрик прошел всего несколько шагов, когда услышал позади треск ветки. Проигнорировать это было не в его силах. Он снова остановился и медленно повернулся, осматривая лес по ходу движения. Может быть, это один из других паломников? Вряд ли кто-то из них мог догнать его, особенно после того, как он скатился со склона горы. Может быть, кто-то шел достаточно медленно, чтобы все еще быть на пути в долину? Нет. Вульффрик присел и достал свой кинжал, снова пожалев, что при падении потерял свой меч.

Он ничего не видел, но оставался на месте, пока не прошло несколько мгновений в тишине. Он двинулся с места только тогда, когда ему стало казаться, что он глупо бросается на тени. Пройдя еще несколько шагов, он услышал хруст — снег и ветки хрустели под ногами о камни. Звук раздался прямо у него за спиной, и что бы его ни вызвало, оно было тяжелым. Он остановился и обернулся. Это была не паранойя.

Я знаю, что ты там, — сказал Вулфрик. 'Покажись'. Общение с другим паломником было против правил, но болезненное ощущение в животе говорило о том, что это не паломник, идущий за ним домой.

Ответа не последовало, и больше не было слышно ни звука. Вулфрик внимательно осмотрел каждое дерево, чтобы увидеть, не нарушает ли что-нибудь линию их стволов. Ничего не было. Он посмотрел вверх. Может быть, что-то есть среди деревьев? Там тоже ничего не было видно. Он медленно повернулся в ту сторону, куда направлялся, и там, где

мгновение назад ничего не было, теперь стоял источник звуков. По коже Вулфрика пробежал озноб, а по позвоночнику — холод. Низкий, грохочущий рык наполнил воздух и отозвался в его груди.

Белек стоял неподвижно, наблюдая за Вулфриком. Сначала он решил, что это статуя, но его огромные темные глаза двигались, изучая его. Вулфрик тяжело сглотнул, пытаясь сдержать шок от того, что перед ним стоит объект ночных кошмаров. То, что оно смогло передвигаться перед ним в полной тишине, было ужасающим. Если оно могло так делать, значит, все звуки, которые оно издавало до этого, были намеренными, и все ради собственного развлечения. Все для того, чтобы разыграть и напугать свою жертву. На серебристой кошачьей морде было выражение интереса и любопытства, что казалось совершенно неуместным для животного. Но, как всегда говорил его отец, белек не был обычным животным.

Он оказался крупнее, чем он ожидал. Такой же большой, как крупный медведь, но более гладкий, как кошка. Очень большая кошка. Два длинных клыка изгибались вниз из верхней части его пасти, как лезвия сабли. Стальной серый мех переливался в бледном свете, кожа натянулась на подтянутых мышцах.

Вулфрик не знал, что делать дальше. С мечом и свежим, отдохнувшим телом его шансы выжить в этой схватке были невелики. С кинжалом, коленом, которое совсем не слушалось, и множеством порезов, царапин и синяков дела выглядели не лучшим образом. Однако он еще не был мертв.

Как новопомазанный воин, не имеющий за плечами великих битв, побед или героических историй, даже перед лицом верной смерти он должен был приложить некоторые усилия, чтобы обеспечить себе место в воинстве Джорундира. Белек, похоже, не торопился; им нравилось играть со своей добычей, о чем Вулфрик теперь знал не понаслышке. Он хотел посмотреть, как тот отреагирует, испугается или не испугается таинственных звуков в лесу. Будет ли он легкой добычей или станет хорошим спортом.

Белек издал низкий горловой звук, который отозвался в груди Вулфрика так сильно, что сначала ему показалось, что он исходит изнутри него самого. Он слегка приподнял голову и долго нюхал воздух. После этого оно широко раскрыло пасть, давая Вулфрику возможность увидеть все зубы. Дразнилка. Оно приглашало Вулфрика сделать первый шаг. Не думая, он сделал шаг назад.

Ему стало стыдно и глупо в один и тот же момент. Он боялся, и теперь он показал это чудовищу. Белек наклонил голову и двинулся в сторону, медленно обходя Вулфрика справа. Он осторожно, не издавая ни малейшего звука, ставил каждую из своих четырех лап, что придавало его движениям потусторонний характер. То, что оно двигалось справа от Вулфрика, не оставило его равнодушным. Знало ли оно, что у него повреждено колено? Если оно наблюдало за ним, то могло. Ему стало интересно, как долго белек преследовал его. С того самого момента, когда он поднимался в гору, когда хрустнула первая ветка? Неужели оно терпеливо ждало его возвращения?

Он повернулся на месте, чтобы стоять лицом к белеку. После первого шага назад Вулфрик твердо решил не давать зверю ни дюйма. Если ему суждено умереть, то он, по крайней мере, сделает это мужественно, держась на ногах. Он все еще медленно двигался вправо. Чего оно ждало?

Давай!" — крикнул он, ударяя себя в грудь, чтобы ясно выразить свой вызов. Выражение лица белека изменилось. Он понял, что имел в виду Вулфрик, но продолжал кружить.

Казалось, белек наслаждался своей маленькой игрой. Он снова закричал, делая демонстративный жест, надеясь отвлечь белека, и сделал шаг вперед. Он никак не отреагировал на его движение. Он решил, что находится достаточно близко, чтобы преодолеть расстояние между ними с помощью выпада. Если белек не проявит инициативу, Вульффрик решил, что это сделает он.

Он бросился вперед, заносая кинжал. Он знал, насколько бесполезным был этот жест, но надеялся, что Джорундир наблюдает за ним и не усомнится в его храбрости. Все остальное не имело значения. Он будет говорить со своим отцом и теми, кто принадлежал к его роду, до самого начала, пока не кончится день. Он подумал об Адалхайд. Он хотел бы увидеть ее еще раз.

Это был дикий удар, и Вульффрик не удивился, когда он промахнулся. Белек отпрыгнул назад и присел. Его выражение забавного любопытства сменилось чем-то гораздо более свирепым, и он зашипел на Вульффрика, обнажив свои оскаленные зубы. Теперь он низко присел, когти сгибались и впивались в снег, угрожая наброситься.

Удар был нанесен так быстро, что Вульффрик не успел понять, что произошло. Удар был нанесен, но он остался жив. Он вскочил на ноги, пытаясь набрать в легкие побольше воздуха. Белек медленно приближался к нему, присев, с оскаленными зубами. Он хотел сказать, что у него есть возможность разрубить его на две части, но решил этого не делать. И все же. Возможно, он мог бы убить его с легкостью, но Вульффрик не стал бы заниматься этим ради кого-то или чего-то. Если животное собирается играть с ним, он причинит ему боль в процессе.

Тварь снова набросилась на него, выставив длинные изогнутые клыки. Вульффрик бросился назад и почувствовал острую боль в колене. К ней присоединилась жгучая боль в груди, словно к его плоти приложили две раскаленные кочерги.

Он упал на спину, все еще дыша, все еще живой. Он попятился назад, прочь от белека. Он наблюдал за ним, но не приближался, терпеливо наблюдая за результатом своего удара. мех Вульффрика был распорот, словно аккуратно разрезан острым ножом. В его плоти было два глубоких пореза. Они кровоточили, но вряд ли могли убить его. Вульффрик с трудом поднялся на ноги.

Он присел и вытянул перед собой кинжал. Зверь подкрадывался все ближе, не давая понять, когда набросится. Даже понимая, насколько он быстр, Вульффрик едва успел среагировать, когда он снова набросился на него. Он нанес дикий удар и почувствовал, как его клинок столкнулся с чем-то, прежде чем его снова подбросило в воздух.

Вульффрик никогда не получал ударов от лошади, но видел, как это происходит с людьми. Он решил, что теперь знает, каково это. Он снова поднялся на ноги, с трудом переводя дыхание. Его рука была мокрой. Он посмотрел на нее. И рукавица, и лезвие были в крови. Потребовалось мгновение, чтобы понять, что это не его кровь. Белек хромал, его правая передняя лапа кровоточила от глубокой раны. Вульффрик знал, что рана была нанесена скорее импульсом удара белека, чем его собственным ударом, что это была удача — но он принял ее.

Белек зарычал на Вульффрика, явно разгневанный раной. Он снова начал кружить, настороженно следя за Вульффриком и кинжалом в его руке. Вульффрик знал, что игры закончились. Когда тварь ударит снова, она будет убивать. Он продолжал поворачиваться, держа белек перед собой. Он смотрел влево и вправо, ища что-нибудь, что могло бы ему помочь. Даже дерево, за которым он мог бы спрятаться, когда белек набросится на него,

позволило бы ему нанести еще одну рану, возможно, даже смертельную.

Вульффрик уже не думал о храброй смерти, а пытался придумать, как ему убить зверя и выжить. Он не знал точно, когда это произошло, но это наполняло его гордостью. Другие люди убивали белеков в тяжелых обстоятельствах, может, и он сможет сделать то же самое? Его руки начали дрожать, и он слышал биение своего сердца, когда кровь пульсировала в его ушах. Он не боялся — опасность была самой сильной эмоцией, которую он испытывал, но по какой-то причине его руки начали дрожать. Это было странно, но на это можно было не обращать внимания.

Он швырнул ветку в белека, но она упала, и зверь не обратил на нее внимания. Тени, отбрасываемые деревьями, становились все более темными и четкими. Вульффрик понял, что солнце уже взошло, и тучи, должно быть, разошлись, пропуская его. Лучи света проникали сквозь редкий полог леса. Он почувствовал его тепло на затылке. Его тень простиралась перед ним, тянулась вперед, пока не оказалась под лапами белека. В его сознании промелькнул образ его собственного безжизненного тела.

Белек двинулся на один из лучей солнечного света. Он вздрогнул и моргнул глазами, ослепленный меняющимся светом. Вульффрик действовал без раздумий. В мгновение ока он оказался на спине белека, обхватив его шею одной рукой. Он был удивлен своим поступком почти так же, как и белек. Он почувствовал, как в него хлынула волна энергии, прогоняя всякую усталость.

Вульффрик крепко обхватил шею белека, а тот извивался и брыкался, пытаясь сбросить его. Из-за того, что белек бился, трудно было сделать что-то еще, кроме как держаться, но Вульффрик знал, что не сможет делать это вечно. Он ударил ножом, но его рука отскочила от шеи белека.

Белек забился сильнее, разъяренный тем, что Вульффрик все еще находится на его спине. Вульффрик обхватил его шею обеими руками и держался изо всех сил. Его лицо было прижато к меху на затылке, и кожа на нем покрылась колючками. Затхлый, дикий запах белека заполнил его ноздри. Время поджимало.

Он высвободил правую руку, отступил назад и нанес удар так быстро, как только мог. У него был только один шанс. На этот раз клинок ударил точно. Казалось, что белек подпрыгнул прямо в воздух. Вульффрик увидел, как из шеи существа брызнула кровь. Он изо всех сил крутанул кинжал. От этого движения он потерял хватку другой руки, и его отбросило со спины белека. Он попытался удержать кинжал, но тот был весь в крови и выскользнул из его пальцев, когда он летел по воздуху.

Вульффрик задыхался, когда воздух выбило из легких в третий раз за столько минут. Он посмотрел на белека. Он отступил к ближайшему дереву, где сосредоточился на том, чтобы вытащить кинжал из своей шеи. Он пытался выбить его лапой, но не мог дотянуться. В конце концов он схватился за рукоятку, но недостаточно крепко, чтобы вытащить ее. Животное ревели в ярости и агонии.

Белек потерял о дерево и сумел выбить лезвие, после чего повернулся к Вульффрику и зарычал на него. Вульффрик огляделся в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать в качестве оружия. На этой высоте лес был все еще из сосен, и в поле зрения не было ни одной ветки приличного размера. Он искал камень, но земля была покрыта снегом, забрызганным красным. Белек начал приближаться к нему. Вульффрик стоял на месте, смущенный тем, что в его крови бурлила ярость, а не страх.

Шерсть на шее белека была покрыта влажной кровью, которая уже начала стекать на

землю с матовых усиков. Зверь снова зарычал на Вулфрика, приближаясь к нему. Вулфрик бросился вправо. Он ожидал почувствовать боль в колене, но ее не было. Он искал повсюду что-нибудь, хоть что-нибудь, что можно было бы использовать в качестве оружия. Он молился Джорундиру о ветке или камне. Конечно, бог не позволил бы Вулфрику завершить паломничество только для того, чтобы через несколько часов прикончить его?

Существо снова зарычало, напряженно. Боль. Страдание. Оно покачнулось, на его мимическом лице отразилась смесь страха и ярости. Оно бросилось на Вулфрика, слишком быстро, чтобы он успел уйти с дороги, но не успело. Вулфрик присел и в замешательстве наблюдал за происходящим, готовый встретить свой конец. Ничего не происходило. Белек не двигался. Он ударил его по лицу подошвой сапога, но тот не отреагировал. Он сделал это еще раз, и еще, но реакции не последовало. Оно было мертво.

Вулфрик громко рассмеялся. Затем его вырвало. Боль в груди усилилась в десять раз, а колено горело. Вся усталость, которую он чувствовал до встречи с белеком, вернулась с новой силой. Он стянул рукавицу и пощупал раны кончиками пальцев. Порезы были уродливыми и оставили после себя страшный шрам. Эта мысль наполнила его огромным чувством гордости. Он посмотрел на труп зверя. Даже в смерти он был великолепен; серебристый блеск его шерсти напоминал доспехи поверженного воина. Он взглянул на свой нож. Не каждый молодой воин получает право носить плащ белека, но теперь Вулфрик его получил. Возможно, Джорундир был не так уж жесток.

Как бы он ни устал, он знал, что делать. С кинжалом в руке он отправился за своим трофеем.

Вулфрик уставился на кровавую сцену, представшую перед ним. Он снял с белека шкуру, удалил клыки и вскрыл его, чтобы показать сердце, но он еще не закончил. Ему рассказали, что нужно делать дальше, но он всегда надеялся, что это было приукрашивание, рассказанное для придания таинственности убийству белека. Вулфрику не хотелось, чтобы кто-то узнал, что он не сделал то, что должен был. Он вырезал сердце и поднял его с трупа. Оно оказалось тяжелее, чем он ожидал, и скользким от крови. Он с трудом удерживал его в руках, и от одной мысли о том, чтобы съесть его, ему хотелось блевать, но это было то, что он должен был сделать. Он глубоко вздохнул, закрыл глаза и вгрызся в сердце белека.

Его рот наполнился вкусом крови, а плоть не поддавалась зубам. Он попытался представить, что это был недожаренный кусок оленины, откусил кусок и начал жевать. Мясо было жестким, и казалось, что его зубам практически ничего не удастся сделать. Как только он достаточно размяк, он проглотил. Это было не так уж плохо. Ему не нужно было никого убеждать, кроме себя, а он и сам был далек от того, чтобы поверить в это. Он не знал, сколько сердца ему нужно съесть, и не хотел затягивать процесс дольше, чем нужно. Он кусал снова и снова, пока на пальцах не осталось ничего, кроме крови.

Он завернул шкуру в сверток, а клыки положил в сумку. Он все еще чувствовал металлический привкус сердца, и ему пришлось бороться с желанием проблеваться. Но все же это было сделано. Сердце соединило дух белека с его собственным навечно, а остальное послужило доказательством того, что он убил зверя. Часть его все еще не могла поверить, что он действительно сделал это. Все происходящее уже казалось сном, если не считать

слишком реальной тяжести шкуры в его руках.

Он хотел как можно лучше использовать дневной свет, но борьба забрала все, что осталось в его усталых руках. Ему было трудно сосредоточиться, и он не успел далеко уйти, как понял, что не может продолжать. Он был уверен, что отдалился от трупа на достаточное расстояние, и ему не придется беспокоиться о приближении животных. Он разжег костер и растянулся рядом с ним, стараясь, чтобы как можно больше тепла попало на его раненое колено.

В пламени было что-то успокаивающее. Он почувствовал, как напряжение, о котором он даже не подозревал, ослабевает, когда тепло огня охватывает его. Он разогнул колено, которое также получало пользу от тепла. А вот рана на груди была совсем другим делом. Кровотечение остановилось, но края раны были горячими на ощупь и имели зловещий вид. Он знал, что дело плохо. Вулфрик с содроганием подумал, где побывали когти белека, прежде чем распороть его грудь — возможно, в кишках несчастного оленя или кабана.

На данный момент все, что он мог сделать, это позволить теплу костра успокоить его ноющее тело и отдохнуть. Столько всего произошло, а он все никак не мог взять в толк. В его детстве многие вечера проходили в мечтах о том, что он сделал за последние несколько дней. Трудно было отделить воображаемые события от того, как это происходило на самом деле. Казалось, что его память перегружена, и он рискует все забыть. Он закрыл глаза, и сон не заставил себя долго ждать.

Когда Вулфрик проснулся, его била неудержимая дрожь. Его кожа была холодной, но он был покрыт капельками пота. Он чувствовал себя слабее, чем когда-либо прежде. Голова пульсировала, даже сильнее, чем когда он был на Высоких Землях по пути к Скале Джорундира.

Он боролся с чувствами и развел огонь. Под золой еще оставалось несколько угольков, которые охотно принялись за хворост и дрова, отложенные Вулфриком накануне. От тепла ему стало легче, но он все равно дрожал. Он откинул края меха и посмотрел на раны, нанесенные клыками белека.

Струпья, которые накануне были темно-красными и черными, теперь приобрели желто-зеленый оттенок — верный признак того, что рана была серьезной, если жар и головная боль еще не говорили ему об этом. Впереди у него было еще много пути. Лихорадка должна была усилиться, прежде чем ему станет лучше. Он твердо решил не умирать здесь, не после всего, чего он достиг.

Он протянул ладони к огню, чтобы в последний раз прикоснуться к его теплу, прежде чем встать и погасить его. Он тяжело поднялся и с гримасой взвалил на плечи свой рюкзак. Кожа на его груди была натянута, и движение мучительно тянуло ее. Он чувствовал, как по животу стекает жидкость — кровь или гной, он не хотел знать, что именно. В животе появилось тошнотворное чувство.

Вульффрик сосредоточился и погрузился в свои мысли, заставляя ноги идти дальше. Это был тот же механизм, который он использовал все те годы, когда Родульф и его друзья превратили его жизнь в ад. Он научил себя отвлекаться от того, что происходит с его телом, и отправлять свой разум в другое место. Пусть он не мог контролировать то, что происходило с его телом, но он всегда мог контролировать то, что происходило с его разумом. Он мог выбирать, что впускать, а что не впускать.

Сейчас его тело подавало ему всевозможные плохие сигналы: слабость, усталость, тошнота, боль. Даже его разум грозил предать его, головокружение и головная боль заставляли его с трудом возводить мысленную стену, за которой он мог бы укрыться. Все, что ему нужно было сделать, это сказать своим ногам, чтобы они продолжали идти. Он повторял себе это снова и снова. Продолжай идти. Не останавливаться. Не останавливаться. Как бы он ни старался, он не мог заглушить боль. Она звучала так громко, что он не мог спрятаться от нее в дальнем уголке своего сознания.

Он должен был попробовать что-то другое. Он судорожно искал в глубинах своего сознания любое воспоминание, любой проблеск счастья, за который он мог бы ухватиться и цепляться за жизнь. Он нашел одно.

Снова было лето, и он был мальчиком. Он сидел под деревом на краю деревни, с которого открывался вид на пастбища и Высокие Земли. Было тепло, и воздух благоухал пастбищными цветами. Листья дерева шелестели под легким ветерком, и Адалхайд была

рядом с ним. Они смотрели, как меняются тени на горных вершинах, как вечернее солнце опускается за ними, не произнося ни слова. Достаточно было просто быть вместе.

Она никогда не могла долго молчать — всегда находилось что-то, что она видела и хотела убедиться, что Вулфрик не пропустил, — но это воспоминание, его любимое воспоминание, было мгновением, застывшим во времени. Этот краткий миг тишины и счастья длился до тех пор, пока он мог удержать его в памяти. Он хранил его, когда ему было совсем плохо, потому что оно всегда вызывало улыбку на его лице и удовлетворение в сердце. Сейчас он молился, чтобы это спасло ему жизнь. Он попытался представить себе разговор, что могла бы сказать Адалхаид в этот прекрасный момент. Он пытался представить себе ее голос, но не мог вспомнить, как он звучит.

Время от времени ему нужно было принимать решения, которые вырывали его из хлипкого убежища, которое он построил. Повернуть налево у ручья, повернуть направо у скалы, проверить, не проглядывает ли солнце сквозь полог леса, чтобы убедиться, что он идет правильно. Временами казалось, что самые простые решения могут ошеломить его. Но потом он снова погружался в свои мысли, хотя с каждым разом путь туда и обратно становился все труднее.

Вулфрик едва заметил, когда стемнело. О том, чтобы остановиться, не могло быть и речи. Если он сядет, то уже никогда не встанет. Где-то впереди, в темноте леса, он услышал смех Адалхаид; счастливый, музыкальный. Он заставил себя идти на звук, зная, что когда он достигнет ее, он будет в безопасности. Ее голос разносился между деревьями, побуждая его идти дальше, зовя его к себе. Он не мог придумать ничего лучше, чем ее теплые объятия, запах ее волос. Пошатываясь, он шел вперед, больше всего на свете желая добраться до нее.

Утешение было первой мыслью Вулфрика, когда он открыл глаза. Он понятия не имел, где находится. Темнота ничем не помогала. Он всматривался в темноту, пока его глаза не начали привыкать. Он начал различать очертания — стул, знакомый стул, стол, тоже знакомый. Он был дома. Как он сюда попал?

Он чувствовал себя усталым, но уже не больным. Его тело было жестким и болезненным, как будто его избили, но лихорадка, похоже, прошла. Возникал вопрос, как долго он там пролежал. Он посмотрел на свою грудь, которая была покрыта свежей повязкой. Он осторожно надавил на нее, но боли почти не было. Все хорошо зажило. Он спустил ноги с кровати и встал. Подошвы его ног болели, когда он надавил на них. Должно быть, он был прикован к постели несколько дней. Дольше? Его колено было жестким, но не болезненным. Различные царапины и ссадины на лице почти зажили. Все указывало на то, что прошло не меньше недели.

Вулфрик попытался вспомнить последнее, что он мог вспомнить, и почувствовал, как его охватывает паника. Что он на самом деле сделал? Что ему привиделось? Воспоминание о том, как он сидел у дерева, было таким же свежим и реальным, как и все остальное. Смех Адалхаид. Он казался таким реальным, но теперь он понял, что это было только в его воображении. Обычно на поляне принято было прикасаться к камню, чтобы показать всем, что паломничество завершено. Вулфрик не помнил, чтобы делал это. Он беспокоился, что ему это не удалось. Неужели они сочтут его неудачником?

Дверь в его комнату открылась, и в проеме показался силуэт.

Он проснулся, — сказал голос. Голос Адальхаид.

Значит, все еще спит. Но это был хороший сон. Вулфрик почувствовал, как паника и беспокойство уходят из его колотящегося сердца. Он лег, и сон снова овладел им

Вулфрик сидел в своей постели, пытаясь отделить сон от реальности. Его голова была ясной, и он чувствовал себя хорошо отдохнувшим. Мать позвала его узнать, как дела. Обнаружив, что он не спит, она приготовила ему завтрак, но настояла, чтобы он оставался в постели. Он мог бы привыкнуть к этому, но это не соответствовало статусу воина. Эта мысль вызвала улыбку на его лице.

В дверь постучали, и Вулфрик с разочарованием увидел, что это не Адальхаид. Он готов был поклясться Джорундиром, что видел ее стоящей в дверях накануне вечером.

Я рад видеть тебя бодрым и здоровым, — сказал Этельман.

Хорошо быть дома, — сказал Вулфрик.

Твой цвет кожи стал лучше. В последний раз, когда я тебя видел, ты был смертельно бледен. Как ты себя чувствуешь?

'Намного лучше, спасибо', - сказал Вулфрик. "Как долго я здесь?"

Почти три недели. У тебя довольно много ран, с которыми ты вернулся домой. Ты был самым тяжелым из тех, кто вернулся. И единственный, кто столкнулся с белеком. Не знаю, считать ли это хорошей или плохой удачей, но, поскольку ты все еще жив, я склоняюсь к первому".

"Сколько человек вернулось домой?"

Восемь, включая тебя. Вальмер, Экард, Берун и Хейн не вернулись".

Я видел Хейна в долине. Он кашлял кровью на снег. Он был мертв, когда я проходил мимо него на обратном пути".

Другие упоминали, что видели его. Печальная потеря, и я не ожидал этого", — сказал Этельман.

Хейн и Уолмер были единственными двумя людьми, с которыми Вулфрика многое связывало. Учитывая их историю, ему было трудно проникнуться симпатией к Уолмеру.

'Восемь из двенадцати — хорошее число, однако', - сказал Этельман. Это больше, чем я обычно ожидал, и вообще чудо. Джорундир был добр к нам. Я был бы доволен, если бы вернулись шестеро". Торжественное выражение лица Этельмана сменилось широкой улыбкой.

Мне нужно знать, — сказал Вулфрик. 'Как я попал сюда?'

Ты шел по деревне в оцепенении, не обращая внимания на все вокруг. Когда ты дошел до камня на поляне, ты прикоснулся к нему и упал. Мы принесли тебя сюда".

Я рад, что мне удалось пройти так далеко", — сказал Вулфрик.

Это было очень непросто, — сказал Этельман. Я никогда не имел дела с такой лихорадкой, как у тебя". Однако деревня рада, что у нее есть восемь новых воинов, которые помогут ей пережить зиму. Тем более, что один из них может претендовать на белека".

Вулфрик улыбнулся. Он лишь мимолетно подумал о белеке. В смятении и других заботах это казалось чем-то далеким, скорее воображаемым, чем сделанным.

'Убить одного из них в одиночку — очень хорошее достижение. Им можно гордиться, и немногие мужчины добиваются этого. Ты бы видел реакцию своей матери, когда мы распаковывали твои вещи. Жаль, что ты не видел реакцию отца. Сейчас Адалхаид и твоя мать работают над твоим плащом. Они хотели подготовить его к тому времени, когда ты проснешься, но я думаю, что он еще не закончен'.

'Адалхаид?' спросил Вулфрик.

Да, она вернулась в деревню вскоре после того, как ты отправился в паломничество'.

Вулфрик с трудом мог в это поверить. "Она вернулась". Он позволил этой мысли на мгновение погрузиться в себя. Есть еще кое-что, — сказал Вулфрик. 'Есть еще кое-что, о чем я должен спросить тебя'.

Этельман поднял бровь. 'Продолжай...'

'Я... я не уверен, касался ли я Камня'.

'Что ты имеешь в виду?'

'Я не уверен, коснулся я его или нет. Я потянулся к нему, но...'

'Ты хочешь сказать, что не можешь вспомнить?' спросил Этельман.

'Вроде того. Я потянулся к нему, и вокруг него появилось свечение, а потом и вокруг меня. Потом я сидел на снегу. Кажется, была яркая вспышка и взрыв, но я не уверен. Я не помню, удалось ли мне дотронуться до камня'.

Этельман улыбнулся. 'Голубое свечение, говоришь?'

Вулфрик кивнул, теперь он был в большей панике, чем раньше. Как бы он ни старался, он не мог вспомнить, что когда-либо прикасался к грубой, резной поверхности Скалы. Я попытался во второй раз, но она была словно покрыта чем-то невидимым и мягким. Я мог надавить на нее, но не мог пробиться сквозь нее'.

'Ты сделал достаточно', - сказал Этельман. 'Более чем достаточно'. Он мгновение изучал Вулфрика, прежде чем заговорить снова. Я слышал о том, что ты описываешь, но никогда не слышал, чтобы это происходило. Я не уверен, что это произойдет в течение очень долгого времени. Уж точно не при моей жизни'.

Вулфрик нахмурил брови. 'Что ты имеешь в виду?'

'Ты был избран Джорундиром. Каждый воин, который остается верен своему кодексу, присоединится к Воинству, когда покинет этот мир, но некоторых Джорундир выбирает не только для этого. То, что он послал белека убедиться, что ты достоин его выбора, подтверждает это. Теперь это имеет гораздо больше смысла'.

'Что это значит?'

Этельман улыбнулся. 'Ты должен выяснить это сам. Возможно, ничего, по крайней мере, не в этой жизни. Его прикосновение приносит с собой дары, то, чем, как он ожидает, ты будешь владеть к тому времени, когда он призовет тебя присоединиться к своему воинству'.

'Дары?'

Этельман пожал плечами. 'Они разные для каждого. Джорундир дарует те навыки, в которых он больше всего нуждается в данный момент. Это то, что ты должен узнать сам'.

Вулфрик улыбнулся, чтобы скрыть свое замешательство. Это было очень много, и часть его души сомневалась, не находится ли он действительно все еще где-то в лесу, прижавшись к дереву и охваченный бредовыми снами лихорадки.

Не будь слишком доволен собой, — сказал Этельман. Говорят, что те, кто благословлен прикосновением Джорундира, обычно призываются к его владыке раньше других'.

'Почему?'

'Это величайшая похвала для человека. Каждый раз, когда ты ступаешь на поле боя, ты привлекаешь воинов, как мотыльков на пламя. Все они хотят сделать себе имя, проявить себя. А твоя голова станет отличным поводом для этого".

Теперь его победа уже не казалась такой приятной. "Как кто-нибудь узнает?

Рано или поздно слухи дойдут. Такие вещи трудно держать в секрете. Однажды ты сделаешь то, что не смог бы сделать ни один обычный человек, не задумываясь об этом. Пойдут слухи, а когда ты сделаешь это еще несколько раз, ты подтвердишь это. Это не то, от чего стоит прятаться, Вулфрик. Это обоюдоострый меч, без сомнения, но когда бог выделяет тебя, ты не должен его игнорировать".

На следующий день Вульффрику разрешили встать с постели. Его мать все еще была против этой идеи, желая, чтобы он провел еще несколько дней, укутавшись в постели, но Этельман твердо настаивал на том, чтобы Вулфрик вышел на свежий воздух и позанимался спортом. Приказ был музыкой для ушей Вулфрика; ему не терпелось поделиться историями с другими, завершившими свое паломничество. Волнительно было думать, что, выйдя на дневной свет, он стал воином, помазанным и избранным Джорундиром. Ему было интересно, испытал ли кто-нибудь еще то же, что и он на Скале. Но прежде всего он хотел увидеть Адалхаид.

Он умылся, оделся и уже собирался выйти, когда услышал шум в передней комнате. Выйдя из своей комнаты, он увидел мать и Адалхаид, деловито складывающих тяжелый темный плащ в льняную упаковку. Прежде чем заговорить, он взглянул на Адалхаид, чтобы убедиться, что она действительно здесь. Она выросла и теперь была выше его матери, ее длинные рыжие волосы волнами ниспадали по спине.

'Что это?' спросил Вулфрик, точно зная, что это такое.

Тебе пока не следует этого видеть", — со смехом ответила Адалхаид.

Она вела себя так, словно никогда не уезжала, хотя, учитывая, как давно она вернулась, у нее было достаточно времени, чтобы освоиться. Вульффрику это показалось странным.

Он пожал плечами. 'Ну, теперь уже слишком поздно'.

Адалхаид взяла в руки меховой плащ. Клыки были отполированы и отделаны серебром для застежки. И она, и его мать сияли от гордости. Вулфрик взял плащ, не зная, что сказать. Это была далеко не та окровавленная шкура, которую он содрал с мертвого белека. Сильный запах существа исчез, что было огромным облегчением. Он не хотел вспоминать запах зверя каждый раз, когда надевал плащ, и не хотел пахнуть так же, как он. Адалхаид и его мать обшили его тонкой тканью винного цвета, и швы были настолько тонкими, что их почти не было видно.

Спасибо, — сказал он, накидывая плащ на плечи. Он много раз видел, как это делал его отец, и значение этого момента не прошло для него бесследно. Не потеряла его и мать, глаза которой наполнились слезами.

Вулфрик не знал, что сказать.

"Я выйду подышать свежим воздухом", — сказал Вулфрик. Я не буду долго гулять.

'Не больше часа', - сказала его мать. Ты еще не полностью выздоровел".

Вулфрик кивнул.

Ты еще слаб, — сказала Адалхаид. Тебе не следует выходить одному.

Его мать нахмурилась на мгновение. 'Она права.'

Сердце Вулфрика подпрыгнуло. Что он скажет ей? Адалхаид взяла его за руку, когда они вышли на улицу. Он понимал, что она следит за тем, чтобы он не потерял равновесие, но чувствовал себя так неловко, как никогда раньше. Они не разговаривали почти три года, а она здесь, как будто ее присутствие — самая обычная вещь на свете.

Сначала они шли молча, Вулфрик не знал, что сказать. Воспоминания о путешествии через лес, где он был уверен, что слышал ее смех и разговоры, заставляли его чувствовать себя неловко.

'Как давно ты дома?' спросил Вулфрик, не в силах больше выносить молчание и не в силах придумать, что еще сказать.

Я вернулась, как только получила известие об отце. Я приехала в тот день, когда вы все отправились в свои паломничества. Я разминулась с тобой всего на несколько часов".

Мне жаль твоего отца. Он умер храбро".

Я бы предпочла, чтобы он вообще не умирал, — сказала она.

Ее акцент был немного другим, как и манера говорить. Это было лишь едва заметное изменение, но его было достаточно, чтобы она казалась чужой в теле друга.

Джорундир примет его", — сказал Вулфрик, не уверенный, что его слова ее утешат.

Он был всего лишь копыеносцем. Я думаю, что зал Джорундира предназначен для воинов".

Он умер с мечом в руке, в окружении павших врагов. Джорундир узнает это".

Она фыркнула, но ничего не ответила, и Вулфрик почувствовал себя глупо, что сказал это. Он подумал, как сильно изменил ее город, подумал, не кажется ли ей теперь деревня отсталой лачугой, а он — невежественным дикарем, как считали все южане, которых он встречал.

Они шли молча. Его плащ притягивал восхищенные взгляды всех, мимо кого они проходили. Белая и серебряная застежка в виде клыка белека резко контрастировала с темным, переливающимся мехом плаща. Вулфрик обнаружил, что не может не выпячивать грудь, когда они с Адальхайд шли к городской площади. Ему пришло в голову, что он — единственный дееспособный мужчина в деревне, имеющий право носить такой плащ. Все остальные истребители белеков были убиты или покалечены по дороге в Расбрук. Когда разум вытаскил это воспоминание из темной глубины, оно было подобно удару в живот. Жизнь в Леондорфе уже никогда не будет прежней, сколько бы раз он ни позволял себе выкинуть этот факт из головы. Когда надвигалась опасность, люди смотрели на него. Он больше не мог быть испуганным ребенком. Он был тем, к кому испуганные дети бежали в поисках безопасности.

Как все произошло так быстро? Люди смотрели на него с тем же уважением, с которым они смотрели на таких, как Бейн Белека и его отец. Это было странно. Он чувствовал себя обманщиком. Он постоянно напоминал себе о том, что он сделал, и думал, сможет ли он когда-нибудь с этим смириться.

Он бросил взгляд в сторону Адальхайд, когда они шли. Он не мог понять, о чем она думает, и боялся заговорить еще сильнее, чем отправиться в паломничество. Он не мог смириться с тем, что она стала считать его не более чем хамоватым жителем Нортленда.

Они добрались до площади, и, хотя он не хотел этого признавать, прогулка оказалась настолько утомительной, насколько Вулфрик рассчитывал. На ступенях Большого зала стояла группа мужчин. Вулфрик узнал их всех, но не знал никого из них по имени — признак перемен, пришедших в деревню. Ни один из них не был воином. Ни одного из них он не ожидал увидеть рядом с Большим залом всего несколько месяцев назад.

Вулфрик почтительно кивнул им. Они не принадлежали к классу воинов, но все они теперь были членами деревенского совета, а это факт, заслуживающий определенного почтения. Учитывая, как мало было трудоспособных воинов, что он завершил свое

паломничество и теперь носил плащ-белек, Вулфрик ожидал, что его приглашение вступить в совет будет не за горами. Все мужчины на ступенях смотрели на Вулфрика, но никто не ответил. Он был воином и имел право на их уважение, но выражения их лиц говорили о другом. Он бросил на них взгляд, но это была проблема для другого дня.

'Когда ты собираешься вернуться на юг?' — спросил Вулфрик.

'Не знаю, вернусь ли я', - сказала Адалхайд. Мать здесь одна, я не хочу ее оставлять. Я закончила свое обучение, так что нет необходимости возвращаться".

Перспектива того, что она останется, наполнила Вулфрика радостью, которая была сдержана чувством дискомфорта. Будет ли все по-прежнему, или время, проведенное в городе, изменило ее до неузнаваемости? Он отчаянно хотел спросить ее, почему она не написала, почему не вернулась в промежуток между семестрами, как обещала, но не знал, как к этому подойти. Он пожевал губу, пытаясь найти слова, но не смог. В голове всплыло лицо Сван, что удвоило его дискомфорт. Почему жизнь должна быть такой сложной?

Я начинаю уставать, — сказал он. Наверное, нам пора возвращаться.

'Определенно жатва?' сказал Белгар.

Пастух кивнул, и Белгар выругался. За ночь было уведено около дюжины голов скота. Похоже, до них наконец дошли слухи, что после битвы с Расбруком они остались практически беззащитными, и даже зимы оказалось недостаточно, чтобы отвести воров от такой легкой добычи. Этот год не был удачным для фермеров, и урожай был скудным. Их пополняли за счет стад, но всегда лучше, если ты можешь прокормить своих людей за счет чужого скота. Судя по тому, что говорили ему проезжавшие мимо купцы, так было во всем регионе. Он знал, что дюжина голов скота — это только начало. Это была плохая примета. Никто не любил пахать зимой. Если бы урожай был достаточным, Леондорф, скорее всего, оставили бы в покое до весны. А так соседи будут обглаживать землю до тех пор, пока ничего не останется, если их не остановить.

Без молока, сыра и мяса, которые давал скот, их собственные посеы не выдержали бы и зимы, и Белгар не раз видел, как стада опустошались бродягами. Он снова поклялся, глядя на пастбище. Будь он проклят, если позволит такому случиться с Леондорфом. Пора было дать понять, что Леондорф будет защищать то, что принадлежит ему, и убьет любого, кто попытается украсть у них.

После обеда Вулфрик размышлял о своем коротком разговоре с Адальхайд и знал, что это не перестанет его беспокоить, пока он не разберется с этим. После ужина он выскользнул из дома, прежде чем мать успела остановить его, и направился напрямик к дому Адальхайд. Их вечерние прогулки в детстве были так хорошо отрететированы, что ему не нужно было ничего говорить, когда он пришел. Как только она увидела, что он стоит у двери, она сняла свой плащ с прищепки на стене и вышла к нему.

Некоторое время они шли молча, пока Вулфрику не пришло в голову сказать что-то такое, что позволило ему полностью избежать вопросов, которые он намеревался затронуть. 'Как тебе город?' — спросил он.

Адальхайд глубоко вздохнула. 'Замечательный, красивый, восхитительный...'

Сердце Вулфрика заныло.

'- разрушающий душу, отвратительный, поверхностный. Здесь есть все, что только можно себе представить, и все это собрано в одну огромную массу зданий и людей'.

Я бы хотел увидеть это однажды", — сказал Вулфрик.

'Я не думаю, что тебе понравится'. Она увидела реакцию Вулфрика. Я ничего такого не имела в виду. Я знаю, как сильно ты любишь открытые пространства, виды, горы. Город может вызывать клаустрофобию; со всех сторон тебя окружают такие высокие здания, что приходится смотреть прямо вверх, чтобы увидеть небо".

Я тоже это люблю", — сказала она. Я и забыла, какое это невероятное место. Как Высокие Земли проникают в твою душу, когда ты смотришь на них".

Вулфрик улыбнулся. Ничто не сравнится с ними. Даже там, наверху, в самом центре, от них захватывает дух".

Я бы хотел увидеть то, что ты видел там".

Это было трудное путешествие, — сказал он.

Я знаю. Я слышала о Хейне. Мне жаль. Я знаю, какими хорошими друзьями вы были".

Вулфрик пожал плечами. Воину не подобало бы выказывать скорбь по поводу потери товарища.

О, я и забыла, какой ты теперь большой и сильный воин", — сказала она.

Они оба рассмеялись, и понемногу расстояние, которое выросло между ними, исчезло.

Мне будет его не хватать, — сказал Вулфрик. Вся деревня будет скучать по нему".

Ты не должен быть таким со мной, ты знаешь. Я горжусь тем, чего ты добился, и знаю, каких трудов и сил это стоило". Она взяла его за руку. Это не значит, что ты должен изменить свою сущность.

Как ты можешь вернуться сюда и быть счастливой, после всего, что ты видела и пережила на юге?

Учиться в нормальной школе было замечательно, и я бы хотела получить шанс поступить в университет. Но юг таков, каков он есть". Она колебалась. "И тебя там нет".

Глаза Вулфрика расширились. Ты никогда не писала мне, — сказал он, его голос был неуверенным. Я думал, что...

'Мне жаль,' сказала она. Я не знала, что делать, когда уезжала. Ты сын Первого Воина, а я всего лишь дочь копьеносца. Я не видела счастливого конца, поэтому ушла — а когда ушла, разорвать связь показалось самым простым выходом для нас обоих. Вот почему я не писала и не приезжала".

'Я никогда не хотел этого', - сказал Вулфрик.

Полагаю, ты скоро обручишься со Сван". Она принужденно улыбнулась. 'Даже женишься, теперь, когда ты завершил паломничество'. Она попыталась вернуть свою руку, но Вулфрик крепко сжал ее.

Сван не имеет для меня значения, и я знаю, что не имею значения для нее. Она была бы так же счастлива с Роалом, Фарлофом или любым другим достойным воином, как и со мной. Ей нужен не человек, а только статус. А она — не тот человек, который нужен мне".

Адалхайд улыбнулась. Он поцеловал ее.

Это чушь!" — сказал мужчина, его голос был невнятным.

Рассказчик поднял бровь. 'Правда? Как это?'

'Ульфир Кровавый спал с дюжиной северных девиц за ночь. Это всем известно. Он бы в мгновение ока переспал с этой белокурой ледяной королевой. И еще с сотней других. Такого мужчину не удержать одной женщиной". Он огляделся, но не нашел поддержки, на которую рассчитывал. Только молчание.

"Любой идиот может уложить в постель дюжину девок за ночь, если только у него лицо как у статуи или кошелек размером с корову", — сказал рассказчик под приглушенный смех и молчание мужчины. 'Только очень особенный тип мужчин может любить одну женщину, исключая всех остальных. Исключить все остальное. Носить память о ней через полмира и обратно, зная, что смерть — это, скорее всего, все, что его ждет". Он сделал паузу, чисто для эффекта. 'Действительно, очень особый тип мужчин'.

Лицо Вульфрика все еще покалывало от поцелуя, когда Френа ввела Белгара в дом. Вульфрик сидел в кресле отца и думал об Адалхаид — и, что тревожило, о том, что его нутро стало мягче, чем когда-либо. Слишком много отдыха и слишком много еды. Опека, которую он получал во время выздоровления, имела свои недостатки. Его легко было исправить, и откладывать это на потом было ни к чему. С тем настроением, в котором он находился, он верил, что может с легкостью добиться чего угодно, ведь он чувствовал себя так, словно выиграл величайший приз из всех существующих.

Ты хорошо выглядишь, мальчик. Как ты себя чувствуешь? сказал Белгар, садясь напротив Вульфрика.

'Намного лучше', - сказал он.

Белгар кивнул. Я рад это слышать. У тебя не будет возможности отдохнуть подольше. Мы потеряли несколько голов скота".

"Много? Вульфрик почувствовал вспышку волнения и страха.

Несколько. Мы должны показать, что у нас есть воины. Продемонстрировать силу, пусть и небольшую. Пусть все знают, что мы позаботимся о том, что принадлежит нам. Что они прольют кровь за это, если попытаются снова. Совет решил послать вас в поход".

Казалось, день будет идти своим чередом. Вульфрик пожалел, что осталось так мало. Когда мы отправляемся?

План такой: выехать завтра утром, доехать до зимних пастбищ и вернуться обратно. Оставь много явных следов, пусть все знают, что здесь есть воины. Я поеду с тобой, как и еще один член совета". Лицо Белгара исказилось, словно он почуял что-то недоброе. 'Теперь, когда у них есть право голоса в управлении делами, они хотят иметь свой собственный набор глаз на все происходящее, так что нам придется нянчиться с одним из них'.

Невозможно было ошибиться, кто такие "они". Вульфрик не мог отделаться от ощущения, что Белгар отчасти был причиной его собственного недовольства, но он

согласился, что альтернативы не было. Они все еще были далеки от безопасности, а помощь требовалась со всех сторон.

'Нелепая идея', - сказал Белгар. Надо оставить его там, пусть сам найдет дорогу домой. Это научит их не вмешиваться в то, что им не подвластно".

'Кто пойдет с нами?'

'Они еще не решили. Теперь, когда люди действительно слушают болтовню, которая вылетает из их уст, они не могут заткнуть их и спорят по любому поводу. Я думаю, они примут решение к завтрашнему утру. Так или иначе, будьте готовы выехать к рассвету. Мы вернемся к ночи, так что тебе не придется собирать вещи".

Белгар оставил Вульфрика обдумывать ситуацию. То, что Белгар сожалел о приглашении новых членов совета в Большой зал, было очевидно, но столь же очевидно было и то, что сейчас с этим ничего нельзя было поделать. Попытка изгнать их привела бы к расколу деревни. Это было единственное, что удерживало ее вместе, что бы ни говорили старшие воины. Вульфрику пришло в голову, что ни о нем, ни о других новых воинах, введенных в совет, не упоминалось. Он задался вопросом, будет ли это когда-нибудь.

Смена означала, что время бездействия закончилось. Хотя они могли стать рутинной, это был его первый настоящий поход, и все в нем было новым. Ему нужно было решить, что взять с собой, и, что еще важнее, купить себе новый меч.

У него был комплект тренировочных доспехов; дешевый, грубо изготовленный металл защищал от ударов тупого тренировочного оружия, но против стрел и клинков с острыми краями его шансы были невелики. После этого нужно было подумать об оружии. В крайнем случае подойдет меч — налетчики не носят полных боевых доспехов, — но копье тоже было хорошей идеей. Все знали, что он неопытен, и он не хотел подчеркивать этот факт ошибками, которых можно было избежать.

Не понадобилось много времени, чтобы навлечь на себя гнев матери из-за шума, который он поднял в своих поисках. Она провела его через весь дом к большому шкафу с тем терпением, которого ей всегда хватало, когда он капризничал в детстве. Внутри стоял манекен, покрытый тяжелой промасленной тканью. Она отдернула ткань, чтобы показать запасной комплект его отца.

Я подогнала его по размеру, когда ты выздоравливал. Кузнец сказал, что его нужно еще немного подправить, но он должен послужить тебе, пока у тебя не будет времени на переделку. Надеюсь, он подойдет".

В скудном свете блестел ее маслянистый блеск, и Вулфрик разглядел на ней рукоять меча своего отца, найденного по дороге в Расбрук. Вулфрик взял мать за руку. Он не мог придумать, что сказать. Если бы не ее предусмотрительность, он ехал бы навстречу опасности в одежде не лучше жестяных пластин, скрепленных шпагатом

На следующее утро новопомазанные воины собрались на городской площади. То, как были экипированы остальные, умерило энтузиазм Вулфрика. Они выглядели пестрой кучкой, в доспехах, собранных из тренировочных комплектов и более подходящих частей, найденных в других местах — скорее всего, в комплектах, принадлежавших их недавно убитым отцам. Это не был славный, сияющий променад тяжелых всадников в пластинчатых доспехах, о котором Вулфрик мечтал в детстве. Его собственный доспех, хоть и старый и наспех подогнанный, затмевал остальных. Одетые в свои лоскутные доспехи, они походили скорее на мальчишек, играющих в войнушку, чем на молодых мужчин, готовящихся занять место защитников своей деревни — что, как понял Вулфрик, было очень близко к истине. Один их вид мало кого напугает. Им придется позаботиться о том, чтобы их поступки сделали это за них.

Жители деревни стояли группами по краям площади, но не было слышно ни возбужденной болтовни, ни криков бравады, которые обычно сопровождали отъезд рати. Это был первый выезд воинов после битвы на дороге в Расбрук, и воспоминания были еще свежи.

Вулфрик видел, как всем остальным не терпелось отправиться в путь, чтобы хоть ненадолго отвлечься от меланхолии, нависшей над деревней. Как и Вулфрик, все они

провели свое детство, наблюдая за скачками воинов, мечтая сделать то же самое, и теперь они наконец-то смогут реализовать свои амбиции. Ничто не могло отнять у них это волнение. Вулфрик подумал о лицах, которые должны были быть там, но не были — больше всего о лице Хейна. Вулфрик и не подозревал, насколько ему было комфортно, когда Хейн был у него за плечом. Его будет не хватать, если они столкнутся с неприятностями.

На площадь выехал человек, который посрамил всех остальных. С ног до головы он был облачен в великолепные боевые доспехи, пластины отполированы до блеска, края украшены золотом. Маска шлема имела форму и гравировку в виде рычащего волка; она была уникальна, и Вулфрик был уверен, что не видел ее раньше. Он мог определить всех воинов деревни по их шлемам.

Всадник откинул маску, открыв под ней изрезанное лицо Белгара. Он был слишком стар, чтобы скакать в доспехах, но и в закрытом шлеме выглядел вполне достойно, что придавало их маленькому отряду дополнительную угрозу. Вулфрик подумал, не стоило ли нанять еще кого-нибудь из старых воинов, чтобы пополнить их ряды, соломенных людей в жестяных костюмах, но их было достаточно мало, а доспехи были слишком тяжелы для старых конечностей. То, что Белгару это удалось, впечатляло, и Вулфрик понял, что недооценивать старого воина всегда было ошибкой. Он лишь надеялся, что все это не было спектаклем, который в самый неподходящий момент трагически оборвется.

Последним членом их строя был назначенец совета. Вулфрику было любопытно посмотреть, кого они выберут. Часть его ожидала, что это будет Родульф, поставленный туда его отцом, влияние которого, казалось, росло с каждым днем. Вулфрик ожидал, что Донато позаботится о том, чтобы его сын пользовался всеми привилегиями воина. Возможно, он даже позаботится о том, чтобы сделать Родульфа таковым, и заплатит кому-нибудь, чтобы тот совершил за него паломничество.

Ставленник совета вышел из Большого зала, выглядя совсем не довольным своим назначением. Его звали Фридрих, и хотя Вулфрик узнал его, он не мог с уверенностью сказать, чем он занимался в деревне. Он не был похож на человека, готового к трудностям любого рода, и Вулфрик подумал, насколько он будет обузой. Его нужно будет опекать, но Вулфрик надеялся, что Белгар, привыкший разбираться в хитросплетениях Большого зала, позаботится об этом.

Те, у кого были родственники или возлюбленные, прощались с ними. Вулфрик изо всех сил старался выглядеть безэмоциональным героем-завоевателем на своем коне, но Аншель превзошел его в этом. Грейфелл отреагировал на присутствие Адалхаид рядом с ним раньше, чем Вулфрик заметил ее.

На этот раз я хотела добраться до тебя первой", — сказала она, протягивая кусок ленты. Вулфрик улыбнулся и взял ее, засунув под свой камзол. Спасибо.

Надеюсь, это принесет тебе удачу, — сказала она. Горе и разрушения твоим врагам, и все такое".

На этот раз он рассмеялся, но краем глаза заметил Сван. Ее лицо, как всегда, было лишено эмоций, но он видел гнев в ее глазах. Когда он вернется, нужно будет поговорить об этом; неловкий разговор, но он знал, что когда она свыкнется с этой мыслью, ей, скорее всего, станет легче.

Когда они выезжали из деревни, раздалось ликование, и Вулфрик не мог не радоваться. Часть его души надеялась, что они не встретят никого враждебного, но это желание заставляло его чувствовать стыд. Настоящий воин хотел бы конфронтации, искал бы ее. Они

должны были воспользоваться тем, что у них есть, и идти дальше. Они должны были показать соседям, что Леондорф умеет защищать то, что принадлежит им, и убьет любого, кто попытается это отнять.

В середине утра они заметили стадо крупного рогатого скота Нортленда и направились к нему. Назначенный советом товарищ нес знамя с сигилом Леондорфа — золотым белеком, скачущим по зеленому полю, чтобы пастухи могли опознать их как друзей. Ему поручили это задание не иначе, как для того, чтобы он почувствовал себя причастным к делу, и его трудно было испортить. Однако Вульфрик наблюдал за ним краем глаза. Было плохой приметой, если знамя касалось земли, и он не верил в то, что Фридрих не уронит его.

С тех пор как Белгар покинул деревню, он понемногу вживался в роль предводителя отряда. Никто из молодых людей не был настолько уверен в себе или самонадеян, чтобы возражать, и Вульфрик был рад возможности учиться у человека с большим опытом.

Они остановились, когда дошли до пастухов, и Фридрих был в восторге от того, что, как ему казалось, завершило его первую вылазку.

Доброе утро, Скегг, — сказал Белгар.

Ведущий пастух ничего не сказал, но кивнул головой в той угрюмой манере, в какой это часто делали пастухи. Они проводили много времени наедине со своими стадами на пастбищах — слишком много, сказали бы некоторые, — и были не самыми общительными. Вульфрик ожидал, что перед тем, как перейти к сути дела, можно будет вести светскую беседу, но с разными людьми нужно обращаться по-разному, и он знал, что этому нужно учиться.

Белгар, однако, знал, как вести себя с пастухом, и не стал терять времени.

'Видел кого-нибудь поблизости?' — спросил он.

'Нет', - ответил Скегг.

'Видел поблизости какие-нибудь следы чужаков?'

Не-а, — сказал Скегг.

По его поведению Вульфрик понял, что Скегг не пытается мешать, просто он не из тех, кто любит болтать.

Белгар огляделся, и Вульфрик понял, что его начинает раздражать грубая манера пастуха. 'Скот пропал?'

Да.

Вульфрик чуть не вздохнул с облегчением от перемены направления.

Шесть голов, — сказал Скегг. Прошлой ночью.

'Но ты ничего не видел?'

'Нет', - сказал Скегг.

Мы осмотрим окрестности. Посмотрим, сможем ли мы найти след".

Скегг кивнул. Спасибо. Дам вам знать, если что-нибудь увижу".

Мы будем двигаться на юго-запад до позднего вечера, а затем вернемся в деревню", — сказал Белгар. Мы будем вести себя шумно и оставим след, по которому может пройти слепой". Он огляделся вокруг и увидел несколько озадаченных выражений. Мы хотим, чтобы все заинтересованные лица знали, что мы были здесь и что мы можем вернуться. Мы хотим отпугнуть самых опасных лиц. Что-либо большее — это работа на другой день".

Белгар всегда казался в деревне дряхлым стариком, но облачение в доспехи и выезд на перегон, казалось, омолодили его. Он говорил авторитетно, так, что никому не приходило в голову усомниться в его словах. В его голосе исчезли колебания, а его старая челюсть казалась более твердой. Тело могло ослабеть, но дух воина никогда не ослабевал.

Они двигались медленнее, и Белгар часто подавал сигналы, чтобы они остановились. Он спустился с коня и проверил следы на снегу, затем покачал головой и снова забрался в седло. Так они ехали до полудня: останавливались, проверяли следы, ехали дальше. Уже скоро Вулфрику стало интересно, к чему вся эта суета вокруг ранчо. Ему было до невозможности скучно, но, по крайней мере, зимний воздух не так сильно беспокоил его, как это было до его паломничества. По сравнению с ним на пастбищах было просто чудесно. Он считал минуты до того момента, когда они смогут повернуть к дому. Фридрик был единственным членом группы, который не выглядел скучающим. Хотя по мере увеличения времени, проведенного в седле, он становился все более неловким, на его лице все еще читался тот же восторг, с которым он начинал день. Вульффрик уже давно перестал следить за ним, опасаясь, что знамя упадет; костяшки пальцев Фридрика побелели на древке знамени, и Вульффрик ожидал, что в конце дня его судорожно сжатые пальцы придется отрывать от него.

По команде Белгара они снова остановились, но он не сошел с коня. 'Достаточно далеко', - сказал он. Если бы мы хотели найти скот, мы бы уже были на тропе. Следы слишком запутаны. Вряд ли в этом районе была не одна группа риверов. По крайней мере, в прежние времена достаточно было направиться в сторону Расбрука". Он вздохнул. 'Мы отправимся домой'.

Вулфрику было интересно, как этот неспешный поход повлияет на мнение советника о воинах. Какой бы отчет он ни сделал своим коллегам, он, несомненно, плохо о них отозвался бы. Это была далеко не та возможность проявить себя, на которую он рассчитывал.

На обратном пути уже не было прежней энергии. Все чувствовали, что дело сделано и осталось только доехать до дома — в этом дне не осталось ни приключений, ни великого дела, которое предстояло совершить. Однако Белгар по-прежнему был напряжен и насторожен. Началась небольшая болтовня, к которой время от времени присоединялся Фридрик — обычно для того, чтобы выразить свое желание побыть дома у очага. Вульффрик не присоединялся, но не мог не замечать напряжения Белгара. Он задавался вопросом, был ли тот так же обеспокоен докладом Фридрика. Вулфрику не нравилось не знать, что происходит, он никогда этого не делал, но ему казалось, что возвращение скота имело второстепенное значение.

Белгар снова поднял руку, останавливая их маленькую группу. Он задержал ее на мгновение и уставился через пастбище на линию деревьев за ним. Он протянул руку вперед, сначала нерешительно, но потом все увереннее. Для старика его глаза были впечатляюще

острыми. Вулфрик посмотрел туда, куда указывал старый воин. Среди деревьев было заметно движение.

Вперед, все, — сказал Белгар. Рысью. Он вынул копье из крепления на седле.

Все остальные сделали то же самое, и Вулфрик заметил, что Фридрик сбросил с лица самодовольное выражение и стал еще бледнее. Знамя, которое он нес, уже не было поднято так высоко.

'Остановитесь там!' крикнул Белгар.

Движение прекратилось, и Вулфрик увидел лица, смотревшие в их сторону из-за деревьев. Мгновение спустя из-за деревьев выехали трое мужчин и направились им навстречу.

'Что вам нужно?' — сказал один из мужчин.

Вы на территории Леондорфа. Я задам вам тот же вопрос, — сказал Белгар.

'Проезжаем'. Не слышал, чтобы леондорфцы беспокоили путников".

Мы не беспокоим. Мы ищем похитителей скота".

'Тогда вам придется продолжать поиски'.

"Что у вас там, на деревьях?

Только остатки моего отряда, — сказал мужчина.

Никакого скота там не спрятано? сказал Белгар, его голос был наполнен иронией.

Слушай сюда, старик. Почему бы тебе не взять этих парней и не поиграть в воинов где-нибудь в другом месте? Все равно уже поздно; лучше бы вам отправиться домой, чтобы сменить им пеленки". Мужчина свистнул. Из-за деревьев выехало еще десять всадников.

Вулфрик почувствовал, как у него сжалось нутро. Белгар переводил взгляд с человека на новые фигуры. Как по команде, из-за деревьев раздалось громкое мычание — характерный клич коров Нортленда.

Белгар поднял бровь.

Говоривший улыбнулся. Ну как? Близится время сна для парней, не так ли?

Вулфрик почувствовал, как внутри него вспыхнул гнев. Он завершил паломничество; такие оскорбления нельзя было оставлять без ответа, если они хотели заслужить хоть какое-то уважение.

Белгар на мгновение уставился на мужчину, а затем развернул свою лошадь. Возвращаемся в деревню", — сказал он.

Вулфрик не мог поверить в то, что услышал, но все остальные повернули, не спрашивая приказа, и Вулфрику ничего не оставалось, как сделать то же самое. Лошадь Фридрика, почувствовав нетерпение своего всадника, сорвалась в галоп, и ее пришлось сдерживать. Люди позади них разразились хохотом. Вулфрик оглянулся через плечо и окинул мужчину таким язвительным взглядом, на какой только был способен. Они посылали сообщение всем своим соседям, что могут грабить по своему усмотрению. О чем думал Белгар?

Вулфрику стало стыдно, как никогда раньше. Как мог Белгар отвернуться от этих насмешек? Неужели он так мало верил в них, что не повел их в бой?

Белгар прискакал рядом с Вулфриком и огляделся. 'Ну что?' — сказал он.

Что? ответил Вулфрик, не в силах сдержать свой гнев.

'Ну, что ты думаешь?'

'Я думаю, что к зиме у нас не останется скота', - сказал Вулфрик.

'И что ты собираешься с этим делать?' сказал Белгар.

'Ты — Первый Воин, — сказал Вулфрик. Это твое решение.

'Нет, не я,' сказал Белгар. Я не был Первым Воином почти двадцать лет. Если бы ты был Первым Воином, что бы ты сделал?

'Что ты имеешь в виду?' сказал Вульфрик.

"Я имею в виду, что мы сейчас достаточно далеко, чтобы можно было их хорошенько атаковать".

Вулфрик улыбнулся. 'Клянусь, повернусь и нападу на них', - сказал он достаточно громко, чтобы остальные услышали. Несколько человек бросили на Вулфрика удивленный взгляд, остальные без вопросов кивнули. Белгар улыбнулся.

"Сейчас же! крикнул Вулфрик. Он развернул свою лошадь. Скотокрады все еще смотрели, как Леондорфы уезжают, поджав хвосты. Он ударил ногой в бок Грейфелла, и конь пустился в галоп, его дух был так же высок, как и у Вулфрика, его гнев и желание сражаться были так же сильны. Все мысли о второсортных доспехах и побитом старом оружии вылетели из головы Вулфрика, и он сосредоточился на человеке, оскорбившем их. Он должен был умереть первым.

Удивленные внезапным поворотом, налетчики замешкались. К тому времени, как их предводитель собрался с духом, Вулфрик и остальные преодолели большую часть расстояния между ними.

Вперед! Вперед!" — крикнул он своим товарищам.

Чужаки превосходили Вульффрика и леондорфцев почти в два раза, но это была их территория, и если бы они ничего не предприняли, то могли бы и не ходить на Высокие Земли. Трое мужчин, выступивших вперед, были отделены от своих товарищей значительным расстоянием. Оказавшись без своих людей и получив обвинение, бродяга проявил свою истинную сущность. Он бросился к линии деревьев, за ним последовали двое его товарищей.

Однако его реакция была недостаточно быстрой. Вульффрик уже несся полным галопом, и Грейфелл в мгновение ока преодолел расстояние между ними.

Вулфрик выровнял копьё и наклонился вперед в седле, как делал тысячу раз на квинтайне на поляне. Удар, нанесенный копьём, оказался гораздо менее сильным, чем он ожидал — менее сильным, чем квинтайн. После первого удара сопротивление быстро ослабло. Налетчик издал вопль и слетел с коня. Копьё закрутилось в руке Вулфрика и было вырвано из его захвата.

Два его спутника были пронзены копьём ближайшими к Вульффрику всадниками; Белгар впервые за несколько десятилетий сразился на поле боя, а Роал зарубил другого. Остальные пронеслись мимо них к остальным налетчикам, которые теперь скакали к ним галопом с копьями наперевес. Единственным, кто не двигался, был Фридрик. Прежде чем двинуться за остальными, Вулфрик бросил взгляд на Фридрика и почувствовал жалость. Если бы один из бродяг добрался до него, он был бы мертв еще до того, как успел бы намочить свои штаны. Судя по выражению его лица, он это знал.

В меньшинстве и без опыта шансы были невелики для любого из них. Вулфрик шел позади остальных. Без копья он был бесполезен на передовой. Колбейн был впереди него. Вульффрик поднял свой меч, готовый расправиться с любым противником. Две линии столкнулись с громовым треском. Колбейн вылетел из седла, а его копьё безобидно взвилось в воздух. На его месте тут же появился бритт, несущийся к Вульффрику на полном скаку, со сломанным обрубок копьё в руке.

Вулфрик бросился на него. Его сабля закричала о металл и соскользнула в сторону. Ривер схватился за свой меч, выронив остатки копья. Вулфрик снова ударил, на этот раз по руке бритта, надеясь помешать ему выхватить меч. Меч Вулфрика нашла соединение в доспехах у локтя и пронзила плоть и кость. Мужчина закричал, когда его рука отвалилась ниже локтя. Его рука все еще держала меч. Вульффрик с нездоровым восхищением наблюдал, как ослабевают хватка и рука падает на землю. Он ударил ривера ножом в горло, чтобы

избавить его от страданий.

Вулфрик почувствовал, что его начинает неудержимо трясти, как будто на него налетел ледяной ветер. Это было так неожиданно и странно, что он не сразу понял, как это выглядит. Остальные подумают, что он испугался. Его зубы начали стучать, и что бы он ни делал, он не мог остановить это.

Драка переросла в беспорядочную суматоху. Вульффрик вступил в бой, но почувствовал головокружение и не мог справиться с дрожью. Ему нужно было что-то сделать, чтобы показать всем, что он не боится. Он оглядел толпу людей и лошадей; трудно было отличить друга от врага. На него нахлынуло странное чувство: казалось, что это не имеет значения, и это пугало его. Он хотел только убивать. Уничтожать. Ему казалось, что он наблюдает за собой со стороны. Его разум контролировал его действия, но ощущения боли и усталости не могли вернуться к нему. Он чувствовал себя непобедимым.

Перед Вульффриком появился человек, на его лице была широкая улыбка. Должно быть, он увидел, что его трясет. Вулфрик зарычал, надеясь заглушить дрожь, и, не раздумывая, ударил. Он чувствовал себя таким сильным. Неостановимым. Он отсек голову и правую руку мужчины от его тела. Мужчины окружили его, пока он осматривал последствия своего удара. Удары сыпались на него со всех сторон. Стук по его броне и шлему был постоянным, но он казался далеким. Он не мог почувствовать ни одного удара.

Он ударил другого человека, который вовремя поднял меч и парировал удар. От удара меч Вульффрика сломался. Он посмотрел на зазубренные остатки своего клинка — должно быть, он был поврежден, когда его отец пользовался им в последний раз. Вулфрик опустил эфес и потянулся, схватив мужчину за край нагрудника. Вулфрик ударил его головой, разбив шлем о лицо бритта. Легкий кожаный шлем не сравнился с лицевой пластиной Вульффрика. Он зарычал от боли, когда Вулфрик ударил его кулаком в перчатке. Он продолжал тянуть его ближе, пока тот не оказался лежащим поперек спины Грейфелла. Вулфрик снова и снова бил кулаком по лицу ривера, и только успел прижать обмякшее тело к земле, как кто-то ударил его сзади.

Шлем Вульффрика зазвенел, как колокол. Мир поплыл перед его глазами. Он силился вспомнить, где он и кто он. Последние несколько минут казались сном, но когда к нему вернулась способность соображать, он понял, что перестал дрожать.

Грейфелл ударил сзади ногой, бросив Вульффрика вперед на шею. Инстинкт выживания заставил его уцепиться одной рукой, а другой он пытался схватиться за кинжал, единственное оставшееся у него оружие. Он получил удар по спине, прежде чем смог обрести равновесие. Доспехи смягчили удар, но ветер выбило из легких. Он вслепую ударил кинжалом позади себя, но попал только в воздух.

Вульффрик подтолкнул Грейфелла вперед, отчаянно пытаясь дать ему время собраться с мыслями. В ушах у него все еще звенело от удара, и все происходило слишком быстро, чтобы он успевал за ним. На земле лежало несколько тел, и столько же лошадей без седоков. Вульффрик заметил бритта сбоку от стаи. Имея при себе только кинжал, Вулфрик понимал, что бросаться назад было бы безрассудством, но они были в меньшинстве, и он не мог позволить себе оставаться в стороне.

Грейфелл без колебаний бросился в бой. Вульффрик бросился на бритта, но это была слабая попытка, и ему повезло, что он зацепил его сбоку за шею. Кровь хлынула из его горла, когда Вулфрик вытащил кинжал. Другой бритт подошел, видя, что его товарищ в беде.

Вулфрик выхватил меч из рук умирающего и повернулся лицом к новой угрозе.

Похоже, он рассчитывал на то, что у Вулфрика нет меча, и атаковал необдуманно. К тому времени, когда он заметил, что Вулфрик выхватил меч, он уже был на исходе. С теми небольшими силами, что у него оставались, Вулфрик парировал и контратаковал. Меч был хорош, а его острие острым. Он с легкостью рассек кожаный доспех бритта и пронзил его внутренности.

Вульффрик оказался рядом с Белгаром. Старый воин ударил своим молотом по лицу бритта, и тот без звука рухнул в седло. Белгар с удовлетворением смотрел на свою кровавую работу, явно довольный победой над человеком, по крайней мере вдвое моложе его. Он не заметил следующего бритта, пока не стало слишком поздно.

Белгар успел вовремя подставить под удар бронированное предплечье, но силы удара хватило, чтобы он с хрустом металла упал на землю. Вульффрик повернулся и погнал своего коня вперед. Ривер наседали, похоже, намереваясь затоптать Белгара до смерти. Грейфелл ударил плечом в лошадь бритта, повалив ее набок. Потеряв равновесие, бритт не спешил переключать внимание на Вулфрика. На нем был стальной нагрудник, и Вулфрик вонзил клинок ему в подмышку и дальше, пока рана не стала смертельной.

Вулфрик вытащил свой клинок. Он слышал, как его кровь пульсирует в ушах, словно бой боевого барабана, и никогда еще не чувствовал себя таким энергичным. Он понял, что его зубы снова стучат. Он огляделся вокруг, желая найти другого противника, но их не было; те, кто остался в живых, убегали за деревья и были слишком далеко, чтобы он мог их преследовать.

В мгновение ока энергия снова исчезла. Усталость, подобной которой Вулфрик еще не знал, обрушилась на него как удар молота. Он сполз в седло, слишком уставший, чтобы даже сидеть прямо. Он не мог понять, почему он так измучен. Может быть, он болен? Может, он все еще ослаблен после паломничества? Его разум был таким же тяжелым, как и тело, и он боролся за ясность своих мыслей. Он вспомнил странную дрожь и отстраненное чувство, когда он сражался. В голове всплыло воспоминание о том, как он разрубил человека пополам, живо и ярко. Ему было все равно, кто друг, а кто враг, было только желание убивать. Что на него нашло? Это был дар Джорундира?

Для всех, кроме Белгара, это был первый настоящий вкус битвы, и реальность ее была далека от того, что представлял себе Вульффрик. Снег был пропитан грязью и забрызган кровью. Это не было великолепно. Он чувствовал себя почти так же плохо, как после паломничества. Горло болело, голова раскалывалась, и он чувствовал боль от дюжины шишек и царапин, которых не помнил, чтобы получал. Он так устал, что думал, что упадет с седла.

Судя по бездыханным лошадям и телам на земле, только двое или трое из бродяг вернутся домой и, надеюсь, не захотят больше приближаться к Леондорфу. Вульффрик быстро подсчитал. Включая Белгара, на лошадях оставалось шесть человек, а седьмой, Фридрих, все еще пытался управлять своим конем на безопасном расстоянии. Значит, трое оставались неучтенными. Он видел, как Колбейн принял на себя копье. Оглянувшись, он увидел недалеко от себя мертвого Аншеля. Удар по его голове потряс Вулфрика меньше. Остекленевшие глаза Аншеля смотрели в небо, из его груди торчало обломанное древко копья. Вулфрик смотрел, не в силах принять это. Сначала Хейн, теперь Аншел. Джорундир забирал лучших из них. Остальные сидели на своих лошадях, оглядываясь по сторонам, но не двигаясь, как будто никто из них не знал, что делать дальше.

Вульфрик снял шлем. Шея болела так сильно, что казалось, будто его голова увеличилась в весе в четыре раза. На задней части шлема была большая вмятина, и он надеялся, что на его затылке нет такой же.

Белгар прихрамывая подошел к нему.

'Ты в порядке, парень?'

Вульфрик попытался кивнуть, но потом раздумал. Хорошо, я думаю", — сказал он, его горло болезненно пересохло.

Белгар кивнул и повернулся в сторону Фридрика. Он издал пронзительный свист, от которого голова Вульфрика разболелась не на шутку, и жестом велел Фридрику подойти. Тот сделал это с явной неохотой.

Иди и посмотри, нет ли там еще скота. Не рассеивай их, если они там", — сказал Белгар.

А что, если с ними еще есть налетчики? сказал Фридрик.

Мы их достаточно напугали, даже ты их отпугнул. Притворись мужчиной, хоть раз в своей чертовой жизни! закричал Белгар. Вновь обретенная бодрость старика все еще проявлялась в его иссушающем взгляде, которым он одарил Фридрика. Наконец советник удалился в сторону леса.

Белгар обернулся к Вульфрику. Похоже, мы потеряли троих.

Вульфрик надеялся, что третий пропавший всадник поднимется из тел на земле, но этого не произошло.

Я видел, как упал Колбейн, — сказал Вульфрик. Аншель там. Я не знаю, кто третий".

'Рорик, я думаю', - сказал Белгар.

Вульфрик попытался торжествующе кивнуть, но его шея слишком болела.

Белгар странно посмотрел на него и через мгновение заговорил. Ты сражался, как одержимый. Давненько я не видел человека, разрубленного надвое". Он улыбнулся и хлопнул Вульфрика по ноге. 'Эти люди были опытными воинами. Вы все сегодня очень хорошо справились".

Вульфрик заставил себя улыбнуться, но трудно было радоваться победе, когда трое его друзей лежали мертвыми. Еще несколько таких набегов, и никого из них не останется. Вульфрик вспомнил свои слова, сказанные перед началом боя. Им нужен был лидер. Он повернулся к остальным.

Фарлоф! Роал! Они повернулись, чтобы посмотреть на него. Если вы не ранены, идите и узнайте, не нужна ли советнику помощь в сборе скота.

Они оба кивнули и выполнили его приказ. Оставшиеся двое смотрели на Вульфрика, ожидая его указаний. Вульфрик глубоко вздохнул, его голова слишком сильно болела, чтобы полностью осознать происходящее. 'Давайте займемся телами', - сказал он. Уложите их на лошадей, чтобы ехать домой. Похитители скота пусть гниют там, где лежат". Каждое решение заставляло его голову стучать сильнее. Он хотел только спать.

Он посмотрел на Белгара, чтобы узнать, что тот думает о решениях Вульфрика, но сказать об этом было невозможно. Если за мгновение до этого в его глазах была сталь, а челюсть твердо держалась, то теперь у Белгара был усталый, ослабленный вид пожилого человека, каким он и был. Это зрелище подавило Вульфрика, но было что-то волнующее в том, что произошло в тот день, что-то в том, что на несколько мгновений Белгар Старый снова стал Белгаром Смелым.

Скот был обнаружен, он с безразличием стоял между деревьями. Фридрик выехал из леса следом за ними с такой широкой улыбкой, что можно было подумать, будто он в одиночку прогнал риверов. Они отогнали скот обратно к пастуху, чье молчаливое выражение лица дало слабый намек на заминку, когда он увидел, что его животных возвращают. То, что при их возвращении погибли три человека, его ничуть не обеспокоило.

Фридрик болтал всю дорогу домой, его восторг от участия в битве и возвращения скота привел к трансформации личности. Вулфрик задумался, как теперь будет звучать его отчет перед вновь созданным советом. Его мысли об этом дне были горько-сладкими. Он отправился в свой первый поход, сражался в своей первой битве, убил своего первого человека. За несколько недель до этого он был мальчишкой. Теперь он был помазанным и кровным воином. Он также потерял товарищей, и это омрачало все остальное. Образ Хейна, глядящего на него с печальной улыбкой, с пузырями крови в уголках рта, сменился образом бледного лица и безжизненных глаз Аншеля, а Колбейн был сброшен с лошади, как тряпичная кукла. Он знал, что никогда не сможет стереть эти образы. Деревня не могла позволить себе такую потерю. Если каждый раз будет происходить то же самое, Вульффрик считал, что к весне он будет мертв.

Он посмотрел на Белгара. Тот не отдал ни одного приказа с тех пор, как они повернули, чтобы атаковать налетчиков. Все выполняли только приказы Вулфрика, и ни разу ни одно его слово не было поставлено под сомнение. Никто из них даже не колебался в том, как поступить по его слову. Это было странное чувство, тяжелое чувство. Бремя.

Мать Рорика была одной из первых, кого увидел Вулфрик, когда они вернулись в деревню. Ее глаза ненадолго остановились на нем, затем перескочили на каждого из остальных всадников и только потом на трех лошадей с телами, перекинутыми через спины. Нортландцам не свойственно проявлять свои эмоции на людях, и Вулфрик видел, как исказилось ее лицо, когда она пыталась сдержать душераздирающий вопль. Все в Леондорфе страдали в предыдущие месяцы; отец Рорика умер вместе с Вульффриком по дороге в Расбрук. Вульффрик боялся, что именно это горе сломит их решимость. Скот казался ему теперь бесполезным. Это была слишком высокая цена за гордость, и Вулфрик не мог представить, что шесть голов скота — это разница между комфортом и голодной смертью.

Члены совета, предупрежденные о суматохе снаружи, появились из Большого зала и встали на ступенях, ведущих к нему. Фридрик протиснулся вперед, словно он был самым важным человеком на свете, и, оказавшись в пределах слышимости, начал что-то возбужденно говорить. Вулфрику было наплевать на то, что он скажет. Все, чего он хотел, — это добраться до дома, опустить голову и натянуть одеяло на голову. Она все еще пульсировала, а в ушах стоял свист, который не ослабевал с тех пор, как его ударили. Он не мог объяснить, почему он так устал, как и то странное ощущение, которое овладело им. Он вспомнил, что Этельман говорил об Избранных Джорундира. Он должен будет обсудить это

с ним, как только представится возможность.

Он смотрел, как Фридрика ведут в Большой зал. Он понял, что рядом с ним находится Белгар.

'Ты должен гордиться', - сказал Белгар.

Я этого не чувствую. Он не стоит шести коров".

А дюжина стоит? Или сотни? Если бы мы не сделали то, что сделали сегодня, мы бы потеряли именно это. Может быть, все, и наши люди умерли бы с голоду. Теперь они знают, что мы можем сражаться за свое, и если они придут искать, мы отправим их домой, накинув на спины их лошадей". Он сделал паузу и посмотрел на Большой зал, его лицо помрачнело.

'Ты собираешься присоединиться к ним?' спросил Вульфрик, кивнув в сторону Большого зала.

'Да. Предполагаю, что мне все еще рады. Не стоило их сюда пускать".

Вульфрик заметил свою мать, рядом с которой стояла Адальхайд. Два самых важных человека в его жизни. Вид их вместе давал ему надежду, что он сможет сохранить их обоих в ней.

Белгар заметил направление его взгляда. Иди, — сказал он, заставив себя улыбнуться. Вульфрик кивнул, соскользнул с седла и пошел к ним навстречу.

Тепло и уют дома мало успокаивали Вульфрика. Он сидел за столом, пока его мать готовила, а его мысли были далеко отсюда. Он не мог забыть, как члены совета собрались у дверей Большого зала, как собственнически, почти враждебно они смотрели на воинов, когда те вернулись на площадь. Ни благодарности, ни поздравлений; ничего, кроме завистливого взгляда.

В то утро Белгар возложил на Вульфрика обязанности первого воина. Он гадал, станет ли он постоянным, но все же не решался сказать об этом матери. Она поставила на стол тарелку с тушеным мясом и села. Вульфрик сразу же принялся за работу; он не осознавал, насколько голоден, пока не почувствовал запах готовящейся пищи.

Я тут подумала, — сказала Френа.

Вульфрик остановился на середине жевания. Эта фраза обычно предшествовала чему-то, что ему не нравилось.

Адальхайд была здесь все время, пока тебя не было. Во время паломничества, когда ты был болен...

Вульфрик опустил ложку на тарелку. Он слишком устал, чтобы вступать в этот спор. Его решение уже давно было принято, и изменить его было невозможно. Как бы он ни любил свою мать и ни уважал ее мнение, никто не мог сказать ему, что делать сейчас.

Она прекрасная девушка, — сказала Френа. Нет ничего прекраснее. Я понимаю это сейчас, и учитывая все, что произошло, все, что изменилось..." Она сделала паузу, чтобы перевести дух. С уходом твоего отца я задумалась о важных вещах. О тех вещах, которые действительно важны. Я так боялась, что потеряю тебя, когда ты отправился в паломничество. И снова, когда ты отправился в поход. Жизнь коротка и трудна, и ты должен

проводить ее с теми, кто тебе дороже всего".

Вулфрик открыл рот, чтобы заговорить, но мать продолжила, прежде чем он успел это сделать.

Утром я поговорю с матерью Сван. Если ты не будешь обручен с ней, она должна узнать об этом как можно скорее".

Привет, Вульффрик, — сказал Этельман. Я рад видеть, что ты выглядишь намного лучше. Что я могу для тебя сделать?

Он устал и надеялся лечь спать, когда молодой воин появился в кирхе. Вежливость всегда казалась такой искусственной, когда ее навязывали.

Есть кое-что, о чем мне нужно с тобой поговорить, — сказал Вулфрик.

Этельман поднял бровь. 'Тогда тебе лучше войти'.

Маленький магический светильник Этельмана, называемый на Юге лампой магов, был единственным, что освещало кирх. Он сел на скамью и стал ждать, пока Вулфрик начнет.

Мы уже говорили, — сказал Вулфрик. Он пожевал губу, прежде чем продолжить. О том, как его выбрал Джорундир".

На этот раз Этельман поднял обе брови. 'Да. Я помню.'

Когда мы сражались с риверами. Я чувствовал себя... странно. Я подумал, может быть, это оно и есть?

'Странно?'

'Дрожь. Зубы стучат. Чувство, будто я наблюдаю за собой со стороны, будто я настолько силен, что могу сделать все, что угодно. Жажда; желание убить все, что передо мной'.

'Как долго длилось это чувство?'

'Пока опасность не миновала. Потом я почувствовал себя обессиленным. Хуже, чем истощение'.

Некоторые из тех, кого выбирает Джорундир, становятся разрушительными воинами. Однако это как проклятие, так и благословение, поскольку они могут представлять опасность для всех вокруг, а не только для своих врагов. В прошлом их называли "берсерк", но я не думаю, что это справедливое имя, и дано оно было теми, кто не понимал его.

'Какая в этом польза?' сказал Вулфрик, его голос был наполнен разочарованием.

'Довольно много, когда твой враг — драугар, и ты окружен сотнями их. В этом мире, окруженном как друзьями, так и врагами, это может быть... проблемой'.

'Что я буду делать? Что если я причиню вред одному из моих друзей?'

То, что ты этого не сделал, — хороший знак. Это значит, что ты сохранил некоторый контроль, а не все берсеркиры были на это способны".

'Мне это не нравится,' сказал Вулфрик. "И я не хочу этого".

Но ты увяз в этом, — сказал Этельман.

Что, если я не смогу сделать этот выбор снова? Что, если жажда овладеет мной, и я не смогу? Как я могу быть Первым Воином, если я представляю такую же опасность для своих друзей, как и для врагов? В его голосе слышалась паника.

Этельман пожал плечами. 'Мне жаль говорить, что у меня нет для тебя ответа. Только

ты можешь исследовать этот дар и, возможно, научиться управлять им". Некоторые научились. Другие изменили способ ведения боя, чтобы не представлять опасности для своих товарищей. Возможно, ты сможешь научиться не поддаваться этому опыту. Но однажды это может спасти тебе и твоим друзьям жизнь. Великую силу нельзя давать без ограничений; она разрушает душу человека, если дается без ограничений. Если Джорундир счел тебя достаточно сильным, чтобы дать тебе этот дар, значит, он считает тебя достаточно сильным, чтобы управлять им. Как и я, когда ты научишься понимать его. На это потребуется время".

Вульфрик кивнул, сомневаясь.

'Скорее всего, он станет сильнее, когда ты полностью вырастешь и станешь мужчиной', - сказал Этельман. Будет разумно начать изучать его сейчас, пока им легче овладеть".

Есть еще кое-что, — сказал Вульфрик, отложив на время одну из своих конкурирующих забот. 'Это касается Адалхаид. И меня. Адалхаид и я".

Этельман улыбнулся.

Я хочу получить место в совете", — сказал Родульф.

Донатото отодвинул в сторону бумаги, которые он просматривал, и бросил на Родульфа пытливый взгляд. Он даже не потрудился постучать, прежде чем войти в кабинет Донатото в задней части их склада на окраине деревни.

Два голоса сильнее одного. Ты бы знал, что у тебя всегда есть сторонник".

"А я бы знал? сказал Донатото. В его сыне было много такого, что вызывало гордость, но его скупость была такой, что даже Донатото иногда был шокирован.

'Ты бы стал', - сказал Родульф, явно не поняв подтекста. Но ты должен включить меня в свои планы. Например, какая выгода в том, чтобы привезти сюда южан? Ты, конечно, понимаешь, что, закрепившись за границей, они уже не откажутся от этого".

Донатото знал, что Родульф начинает уставать от того, что его планы держат в неведении.

'Они могут остаться', - сказал Донатото, с любопытством ожидая, куда заведет его линия рассуждений Родульфа.

Они заберут каждую крупицу власти, которую ты нам принес. Мы вернемся к тому, с чего начали, только с хозяевами другого имени. Единственное отличие — это их презрение ко всем жителям Нортленда, а не только к купеческому сословию".

Донатото откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Амбиции его сына все еще превосходили его умение думать наперед, но он совершенствовался.

Южане ненавидят Северные земли, Родульф. Это дико, опасно, нецивилизованно. Однако им нравится то, что они могут получить здесь. Много богатств, которые можно получить, состояния, которые можно сделать. Это все, что их интересует. Они не захотят жить здесь. Чтобы получить то, что они хотят, не испачкав свои дорогие кожаные сапоги, им нужен кто-то, кто будет заботиться обо всем, чтобы монеты продолжали утекать на юг. Кто-то эффективный. Кто-то, кто понимает и Север, и Юг, и может сделать так, чтобы и те, и другие были довольны. Как ты думаешь, зачем я отправил тебя на все эти стажировки? Уж точно не для того, чтобы держать южных шлюх в деле".

Родульф покраснел на это замечание, но Донатото каждый раз, когда бывал в Эльцбурге, навещал один из лучших борделей, поэтому он не стал настаивать на этом.

'Пусть все будут довольны, пусть деньги текут на юг, и южане позволят нам делать здесь все, что мы хотим. Тогда, если у нас возникнут проблемы, мы сможем послать на юг тысячи воинов, чтобы разобраться с ними, и отправить их обратно, когда закончим".

'А что, если этот человек — не ты?' сказал Родульф.

'Я буду чертовски уверен, что это так'. Дерзость вопроса взбесила его. Кто еще может выполнять эту роль? В деревне были еще один или два купца, чье состояние приближалось к его собственному, но они все еще были на втором месте, и он отодвинул их на задний план в совете. Его голос был самым частым, самым заметным, и его голос чаще всего принимали. Он был единственным человеком для этой работы, и он с укором смотрел на Родульфа за то, что тот предположил обратное.

Родульф почесал повязку на глазу. Донатото устал от его попыток найти недостатки во всем, что он делал. Родульф мог быть умным, но он тоже был умным, и за его плечами были годы опыта. Самонадеянность воинов привела к их собственной гибели, что бы ни подразумевал этот ублюдок Вольфрам, и с тех пор Донатото прекрасно лавировал. Он уже был

фактическим лидером деревни — первым воином, в некотором смысле, хотя его никогда нельзя было так назвать. Эта мысль заставила его улыбнуться про себя. Он мысленно пометил, что ему придется придумать для себя подходящий титул. Он внимательно посмотрел на Родульфа. После прекращения постоянных тренировок он стал стройнее, сбросив ненужные мышцы. Донато знал, что он по-прежнему тайно упражняется с мечом, но теперь пользовался южным клинком — рапирой, которую купил во время своих путешествий. Свои светло-русые волосы он укоротил — еще один признак Юга. В сочетании с обычной одеждой он выглядел скорее южным джентльменом, чем жителем Нортленда. Ему нужно было научиться поддерживать баланс между Севером и Югом, если он хотел исполнить то наследие, которое ему оставили. Все, чего достиг Донато, однажды перейдет к его сыну, и Родульф должен больше ценить этот факт.

'Что, если воины смогут защитить деревню?' сказал Родульф. Они справились с риверами. Что если люди не подумают, что нам нужна помощь с юга?

'Одна небольшая стычка, и трое из них были убиты', - сказал Донато. Как долго, потвоему, они смогут продолжать в том же духе? В этой деревне большие стада, и те немногие воины, что остались, не могут быть везде сразу. Я позабочусь о том, чтобы они были начеку каждую минуту". Капитан Морлин был не единственным человеком, готовым отогнать несколько голов скота за несколько монет. К середине лета все воины перейдут на сторону Джорундира, и южане станут нашей единственной надеждой на выживание".

Родульф кивнул. Совет?

Тенкай. Временами трудно было не гордиться им, даже если трения теперь казались постоянными. Посмотрим. И в следующий раз, когда придешь сюда, стучись".

Вульфрик первым признал бы, что все происходит быстро, но, с другой стороны, ему казалось, что он шел к этому моменту с Адалхаид всю свою жизнь. Теперь, когда мать поддержала его, он не хотел давать ей время передумать. Он надеялся сохранить это дело в тайне — официальная помолвка была лишь частной формальностью на пути к браку, — но в маленькой деревне это было непросто.

Его братья-воины Стенн, Фарлоф, Руал и Уррих, а также Белгар ждали его в кирхе, когда он вошел туда с матерью. Они одарили его знающей улыбкой, но никто ничего не сказал, ожидая прибытия Адалхаид и ее матери. Несмотря на то, что это была всего лишь церемония обещания, проводимая под взглядом богов, Вульфрик чувствовал, как его сердце колотится в предвкушении. Может быть, она передумает? Решит, что его связь со Сван была к лучшему, и снова уедет на юг, никому ничего не сказав? Если он так нервничал во время помолвки, то какова же будет свадьба?

Когда она приехала, он вздохнул с облегчением, а затем на секунду успокоился, увидев, как прекрасно она выглядит. На ней была ее лучшая одежда: нарядная куртка и длинная юбка из изумрудно-зеленой южной ткани, контрастировавшие с ее темно-рыжими волосами и светлой кожей, как изумруды и рубины на снегу. В сравнении с ней Вульфрик чувствовал себя поношенным в своем безвкусном одеянии из грубой шерсти, куртке и плаще из белека.

Он взял ее за руку, и они молча присоединились к Этельману у алтаря. Вульфрик не знал,

что сказать ей, и не хотел портить момент глупыми словами. Он лишился этой возможности, когда Этельман начал.

Я не задержу вас надолго, — сказал он. Здесь собралось больше людей, чем я обычно ожидаю для подобного мероприятия. Адальхайд и Вульфрик, желаете ли вы оба заключить брачный союз?

Да", — сказал Вульфрик, с облегчением услышав, что Адальхайд повторила его слова.

Под взглядом Агнарра, Отца Богов, вы теперь обручены. Вы должны оставаться целомудренными в этом состоянии полубрака, пока не пройдет по крайней мере две новые луны. Если боги не одобряют ваши намерения, они дадут о себе знать за это время. Если нет, то вы получите их благословение на брак в любое время после убывания второй луны и достижения совершеннолетия".

Для Вульфрика это был момент, когда трудно было отличить реальность от воображаемого. Это было почти как то ощущение, которое он испытал во время сражения с риверами. Потребовался крик, чтобы вернуть его к реальности.

'Поцелуй ее, придурок!'

Фарлоф.

Вульфрик слегка покраснел, и они снова поцеловались. Шлепок по спине завершил момент.

'На это будет время позже', - сказал Белгар. Теперь, когда ты стал первым воином, деревня будет ожидать пир по случаю помолвки".

'Первый воин?' сказал Вульфрик.

'Вчера я заставил совет подтвердить это', - сказал он. Не все прошло так, как я хотел, но об этом мы поговорим позже. Тебе и остальным нужно поохотиться, если вы хотите, чтобы мяса хватило на всех".

'Сейчас?' сказал Вульфрик.

Есть ли лучшее время? сказал Белгар. Деревне не помешает праздник, а помолвка Первого воина — самый подходящий повод".

Вульфрик оглянулся на Адальхайд. Мы почти ни слова не сказали друг другу, — сказал он.

Она пожала плечами и улыбнулась. Что нам нужно сказать?

'Ты такая красивая', - сказал он.

Она засмеялась. Что ж, я позволю тебе сказать это. А теперь иди со своими друзьями. Белгар прав, деревне не помешает праздник"

Купец сказал мне, что у них много еды", — сказал Ритшль.

Гандак погладил свою бороду, как он всегда делал, когда пытался казаться задумчивым, но Ритшль был уверен, что его план уже определен. Расбрук был на грани голода. Купец, с которым говорил Ритшль, ничего не сказал о запасах продовольствия в Леондорфе, только сообщил, что у них всего несколько воинов, причем не более чем мальчишек. Лучшей возможности не представится.

Гандак посмотрел на Эммерама.

Даже если мы составим рацион, нам не хватит на всю зиму", — сказал Эммерам.

'И эти наемные мужчины согласятся сражаться за долю добычи?' спросил Гандак.

'Они согласятся', - сказал Тьетмар. Кажется, всем известно, насколько ослаблен Леондорф. Если мы не ударим по ним в ближайшее время, то брать будет нечего. Разведчики видели признаки того, что в более мелких деревнях уже идет угон скота".

'Посылать воинов на битву зимой... Я не знаю, — сказал Гандак.

Снега не было уже больше недели, — сказал Эммерам. Дороги настолько проходимы, насколько мы могли надеяться".

'Все равно, забирать всю еду зимой...' сказал Гандак. Похоже, Джорундир не одобрит такой поступок".

Джорундир благоволит к тем, кто заботится о своих", — сказал Ритшль. Лучше пусть они голодают, чем те, кого ты поклялся защищать".

Раздражало то, что Гандак больше не мог даже посетить тайную нору без заверений, что боги благоволят этому поступку. Битва с Леондорфом далась ему тяжело; он потерял обоих своих сыновей, не говоря уже о большинстве городских воинов. Однако награда все расставит по своим местам. По крайней мере, для Ритшля.

Хорошо, — сказал Гандак, в его голосе прозвучала редкая уверенность. Мы нападём на них. Похоже, время терять не стоит".

Поначалу неохотно, но потом Вулфрик полюбил охоту. От умения выслеживать зверей до смертельной борьбы с ними, он наслаждался захватывающим зрелищем. Он хотел, чтобы пир по случаю его помолвки был обеспечен всем необходимым. Это была еще одна возможность показать всем, на что способен он и остальные. Они выехали из деревни в приподнятом настроении, охотничьи гончие шли впереди, прокладывая себе дорогу по снегу длинным скачущим шагом. Впервые за последнее время возникло ощущение, что туча несчастья над ними разошлась.

Поздним вечером собаки, как их и учили, загнали небольшого кабана. Их вел Спот. Когда Адальхаид ушла, Вулфрик забрал его в свою конуру. Он продолжал расти и быстро стал лидером стаи. Теперь он был размером с небольшого пони и был прекрасным охотничьим псом, какого только можно было пожелать. Спот и двое других с точностью знатоков загоняли кабанов обратно к охотникам на маленькой поляне в глубине леса.

Вульффрик пожалел, что бедную собаку так неудачно назвали. Он всегда считал, что такой прекрасной собаке больше подошло бы имя "Ульфир", а не "Спот".

Каждый из них, за исключением Урриха, убил по кабану, и Вулфрик был уверен, что мяса будет достаточно, чтобы все отправились домой с праздника с полным брюхом и, возможно, с большей уверенностью в своих молодых воинах.

Они оставили лошадей привязанными у деревьев и занялись укладкой убитых животных. Они разложили их по поляне, а Уррих безучастно стоял посреди них.

Я бы не стал слишком беспокоиться об этом, Уррих, — сказал Фарлоф. Не каждый может убить. Напомни мне в следующий раз, и я покажу тебе, как это делается!

'Заткнись, Фарлоф', - сказал Уррих, явно раздраженный тем, что он единственный едет домой без кабана, привязанного к лошади.

Где-то слева от Вулфрика сломалась ветка, и треск эхом разнесся между деревьями. Он посмотрел на гончих, которые тоже слышали треск и, наострив уши, осматривали лес. Он всмотрелся между деревьями в направлении звука, но ничего не увидел. Звук доносился с дальнего края поляны, так что это не могли быть лошади. Он напрягся влево и вправо, чтобы получше заглянуть между деревьями. Остальные не обратили на звук никакого внимания, но он чувствовал, как в животе у него нарастает беспокойство.

Роал, Фарлоф и Стенн разбрелись по поляне: Роал и Фарлоф привязывали к ногам своих животных, а Стенн, уже закончив, с мальчишеским энтузиазмом играл с одной из гончих. Уррих ходил вокруг и пинал снег, дуясь на то, что ему не удалось убить. Это напомнило Вулфрику о том, как молоды они все на самом деле. В лесу снова воцарилась тишина. В дикой местности всегда легко позволить паранойе взять верх над собой, подумал Вулфрик. Так много теней, так много звуков, так много историй для воображения. Он вернулся к своему кабану, когда на поляне мелькнуло серое пятно.

Вульффрик вскочил на ноги и выхватил меч, не успев обдумать увиденное. Там, где стоял Уррих, теперь был только воздух. Собаки заскулили, и все остальные остановились, глядя на это место.

Что случилось? Куда делся Уррих?" — спросил Стенн.

'Белек', - сказал Вулфрик. Это была единственная возможность. Слово вылетело у него изо рта прежде, чем он успел его обдумать, но следы на снегу подтвердили это. Ему было трудно заставить свой голос звучать не более чем сладким шепотом.

Все остальные побледнели, как только он это произнес. Они вскочили на ноги и стали доставать мечи. Собаки ходили кругами, нервные, растерянные. Лошади напряглись на привязи. Грейфелл выглядел так, словно мог повалить дерево.

Вулфрик осмотрел лес, куда, по его мнению, скрылась серая фигура. Он думал, что больше никогда не встретит белека. Одного белека большинство людей никогда не видели, если только не отправлялись на поиски. Случайная встреча с двумя казалась ужасной удачей. Вулфрик вспомнил слова Этельмана во время помолвки. Неужели это боги пытаются помешать браку?

Он посмотрел на собак, которые кружили вокруг него, как жалобно мяукающие щенки. Нортлендская гончая была страшным зверем, и Вулфрик никогда прежде не видел, чтобы они проявляли хотя бы намек на страх. С лохматой серой шерстью и длинной мордой они были сильными, но грациозными, а главное — храбрыми. Одна из них могла с легкостью догнать и убить человека. Их стаи использовались на войне. Видеть, как они себя ведут,

было страшно.

Остальные смотрели на Вульфрика, ища у него поддержки и направления, а он только и делал, что держал себя в руках. На этот раз все было гораздо хуже. В прошлый раз он так устал, что все это было похоже на сон. В этот раз все было слишком реально, и это забрало Урриха.

Только дурак не боится белека — Энджест всегда открыто признавался, что каждый убитый им белек наводил на него ужас. Однако это не мешало ему охотиться на них. Вулфрик пытался успокоить себя мыслью, что он уже сталкивался с таким, один, и выжил. Он носил плащ, чтобы доказать это. На этот раз у него была компания и хороший меч.

Уррих не успел даже вскрикнуть. Он не был маленьким человеком, и скорость и легкость, с которой его унесли, просто шокировали. Вулфрик продолжал осматривать деревья, но ничего не увидел.

Может, он не вернется, — сказал Роал.

Надеяться на это было слишком сложно. Когда белеки встречали людей, они убивали не только ради еды, но и ради развлечения. Он все еще был где-то там, среди деревьев, и наблюдал за ними. Он не уйдет, пока не убьет их всех.

Он убил одного из наших", — сказал Вулфрик. Он почувствовал, что его руки начинают дрожать, и это усилило его беспокойство. Находились ли остальные достаточно далеко от него? Либо он умрет, либо мы". В его голосе звучала сталь, но казалось, что говорит кто-то другой.

Раздалось низкое горловое рычание, и белек вышел из леса, не заботясь о том, что потерял элемент неожиданности. Он прошел по краю поляны, оглядывая четырех человек, трех гончих и лошадей. Его глаза сверкали хищным умом. Он был крупнее всех собак и, похоже, больше того, которого убил Вулфрик.

Гончие отступили за Вульфриком. Никто из остальных охотников не двигался, но они следили за зверем кончиками своих мечей, стараясь как можно лучше подготовиться к его удару. Как бы он ни боялся, Вулфрик чувствовал, как по его коже пробегает дрожь возбуждения. Он почувствовал дрожь, которую, как он опасался, остальные воспримут как признак страха. Его зубы начали стучать.

В его голове мелькнула глупая мысль — слава, которую принесет ему убийство второго белека. Мало кому удавалось убить одного. Те, кто убивал двух, становились легендами. В голове у него звучало имя "Вульфрик Белекс — бич". Возможно, он никогда не увидит другого такого, пока жив. Он не знал, какое безумие заставляет его так думать, но понял, что страх исчез.

Не успел он сообразить, что делает, как Вулфрик уже шел прочь от гончих, держа саблю наперевес. Его переполняла энергия, руки тряслись, а зубы неудержимо стучали. Ему казалось, что он может бежать часами, карабкаться без отдыха, сражаться до тех пор, пока не уничтожит все перед собой, но если он не выпустит всю эту энергию, то лопнет. Этельман сказал, что дар Джорундира однажды может спасти ему жизнь. Настанет ли этот день? Он прорычал вызов.

Белек оскалился и повернул голову в его сторону. Два больших клыка, выходящих изо рта, блестели от крови. мех вокруг пасти был весь в крови. Кровь Урриха. Вулфрик почувствовал, как внутри него разгорается ярость. Он хотел отделить ее от тела. Белек больше не обращал внимания ни на собак, ни на других охотников. Ему нужен был прежде

всего Вульффрик. Он хотел Вульффрика больше всего. Он повернулся к нему мордой, движения его были легкими, а мышцы проступали под блестящей стальной шерстью. Оно зарычало, звук был глубоким и гулким, отдаваясь эхом в его огромной груди. Это было похоже на далекий гром. Все казалось далеким.

Белек бросился на него, его громадное, мускулистое тело двигалось с завораживающей грацией и скоростью. Его серебристый мех переливался в лучах вечернего солнца, когда он бросился на него. Вульффрик смотрел на него так, словно у него было все время в мире. Ему казалось, что так оно и есть, даже когда он бросился спиной на снег и покатился в сторону. Когда белек пронесся мимо него, раздалось громкое рычание. Обернувшись, Вульффрик увидел, как одна из гончих бросилась на белека, рыча со всей яростью, на которую была способна. Белек на мгновение отвлекся, дав Вульффрику время перевернуться на живот и вскочить на ноги. Раздался вопль, и Вульффрик увидел, что возле белека лежит изломанное тело одной из его гончих. Белек не обратил больше внимания на смертельно раненную собаку и повернулся лицом к Вульффрику.

Белек двинулся вперед, его взгляд был прикован к Вульффрику. Он приказал ему идти к нему. Уголкем глаза Вульффрик заметил, как Стенн и Фарлоф застыли на месте, наблюдая за происходящим с болезненным восхищением. Роал, который был в одиночестве, медленно двигался к ним, ища безопасности в количестве. Ждали ли они его команды к атаке?

Далекий голос в его голове говорил, что он должен отдать его, но безумие струилось по его венам. Он хотел заполучить белека себе, и ему надоела его маленькая игра. Он издал рев и напал.

Глаза белека расширились, но его было не напугать простым человеком. Он зарычал в ответ, из его зубов брызнула кровавая слюна. Вульффрик двигался быстро, быстрее, чем ожидал белек, быстрее, чем ожидал сам Вульффрик. Он обрушил меч на голову белека, но тот отпрыгнул в сторону и с шипением бросился на него. Вульффрик сократил расстояние и снова атаковал, отбросив белека назад. Стук его сердца отдавался в ушах, как большой боевой барабан. Вульффрик чувствовал себя непобедимым. Белек казался медлительным, похожим не более чем на кота-переростка. Ужас, который он внушал ему, казался глупым пустяком.

Белек замахнулся на него одной из своих огромных когтистых лап. Вульффрик прыгнул, чтобы увернуться, но не успел. Он почувствовал, как лапа полоснула его, но боли не было. Он прыгнул вперед, занося меч по огромной дуге. Радость взорвалась в нем, когда он почувствовал, как лезвие соединилось с плотью, сухожилиями и костями. Он слышал визг белека, видел его клыки и когти, но не обращал на них внимания и со всей силой рванулся вперед, стремясь попасть в сердце чудовища.

Оно издало громкое шипение. Вульффрик вогнал свой меч в него до самой рукояти. Его плечо прижалось к плечу чудовища, а лицо оказалось рядом с его глазом. Он заглянул в него и увидел ненависть, которая жила внутри. Костяшки его пальцев побелели на рукоятке меча, и он надавил на белека всем своим весом и силой. Он ударил его головой раз и другой, пытаясь пустить в ход свои огромные клыки, но вторая попытка была слабее первой. Вульффрик собрал все силы и изо всех сил надавил ногами. Белек сдался. Он вывернул меч, и тот рухнул.

Вульффрик вытащил меч и отступил назад. Он посмотрел на остальных. Они стояли молча, пораженные. Его глаза были дикими, а на лице появилось маниакальное выражение. Он никогда не чувствовал себя таким живым. Он посмотрел на свои руки, на грудь и понял, что он весь в крови. Это кровь белека, подумал он с удовлетворением. Затем он рухнул.

Этельман знал, что беды Леондорфа могли оправдать его пребывание в деревне лишь до поры до времени, и это время прошло. Празднование помолвки Вульфрика, как он надеялся, ознаменует возвращение деревни к более счастливым временам. Беларман теперь был обустроен, и Этельман был уверен в способностях молодого священника. Он будет хорошо служить народу Леондорфа. Ускользнуть незаметно казалось лучшим планом. Давно пора было это сделать.

Все было упаковано, кроме шкатулки с Камнем. Он сел на койку и устался на нее. На этом камне будут сосредоточены следующие несколько месяцев его жизни. А возможно, и ближайшие несколько лет. Он оберегал его много лет и гордился тем, что ни разу не пытался его использовать. Много раз он поддавался искушению, но не поддался. Все эти годы он оставался верен своей миссии, храня ее в безопасности и скрывая от посторонних глаз. Теперь пришло время вывести его из мира людей. Его бог, Биргисса — покровитель жрецов и целителей — должен был направлять его. Он отыщет святое место, и там она даст ему наставления о том, как обеспечить сохранность Камня после его ухода из мира. Он выполнил свой долг перед ней, теперь настала ее очередь. Он надеялся, что у него хватит сил выполнить это последнее задание. Он молился, чтобы она помогла ему в этом.

Он вздрогнул, когда встал, его старые колени скрипнули в знак протеста. Это было путешествие, которое он должен был совершить много лет назад, но Леондорф стал для него хорошим домом. Единственным настоящим домом, который он когда-либо знал. Его было трудно покинуть, даже сейчас. Оставаясь здесь, он только усложнял себе жизнь.

Снаружи раздался крик, и любопытство Этельмана взяло верх. Он прошел через темный неф и вышел на яркий дневной свет. Он прикрыл глаза и прищурился, чтобы понять, что происходит. Вокруг было много людей. Все они слышали крик, но выглядели озадаченными. Этельман спустился по ступеням и вышел на площадь.

Я слышал крик", — сказал он первому встречному. Что это было?

Женщина пожала плечами. Раздался еще один крик. Затем вопль. Этельман услышал звук скачущих лошадей. На мгновение он понадеялся, что это возвращаются охотники, но знал, что этого не может быть. Недалеко от него стояла группа детей.

"Бегите домой", — сказал Этельман. Убегайте сейчас же. Не мешкайте".

Взрослые тоже прислушались к его словам и поспешили прочь в разных направлениях. Он заметил несколько всадников, приближавшихся к деревенской площади. Не успев сообразить, что делает, он повернулся и бросился бежать.

Этельман уже пережил подобные нападения в других местах. Когда они приходили, единственной целью было выжить. Это не было храбростью и никогда не стало бы основой для эпического сказания, но у женщин и детей, кожевников, кузнецов и торговцев не было ни единого шанса против конных воинов. Все, что они могли сделать, это погибнуть без нужды. Как жрец, Этельман был обязан позаботиться о том, чтобы как можно больше людей остались в живых.

Он увидел группу деревенских жителей, которые стояли, сбившись в испуганную, недоумевающую группу.

'Идите к тому дереву и ждите меня там', - сказал Этельман.

Один из жителей кивнул и повел остальных, слишком напуганных, чтобы действовать

самостоятельно, к дереву. Этельман судорожно огляделся, но большинство людей уже разбежались по пастбищам или попрятались по домам. Уголком глаза он заметил Адальхаид и мать Вулфрика, Френу. Они были слишком далеко от дома, чтобы у них был хоть какой-то шанс вернуться туда.

Сюда, — позвал Этельман. Воздух наполнился криками и хаосом. Адальхаид увидела его. Он яростно махнул рукой и направился к дереву, внимательно следя за ними. Он бросил взгляд в сторону кирхи и подумал о Камне. Рейдеры не могли знать, что это такое. По всей вероятности, кирха будет сожжена, и он найдет его на пепелище. Если очень повезет, его уничтожат, но на это он не очень надеялся.

"Я хочу, чтобы все сели у дерева как можно ближе друг к другу", — сказал он, когда пришел. Адалхаид и Френа стояли всего в нескольких шагах позади него. Он жестом пригласил их присоединиться к остальным.

'Мы что, должны сидеть здесь и ждать, пока нас убьют?' — сказал кто-то.

'Ничего подобного, — сказал Этельман. Вы должны доверять мне. Сидите все спокойно и молчите, как будто от этого зависит ваша жизнь, потому что так оно и есть".

Он повернулся спиной к скоплению людей и сел перед ними, скрестив ноги. Из нескольких мест в деревне поднимались клубы черного дыма. Он посмотрел в сторону кирхи, но не смог определить, горит ли там огонь. Он почувствовал тревогу и пожалел, что у него не хватило ума взять с собой Камень, но было уже поздно. Никто не знал, где он находится. Или что это такое. Он выглядел бесполезным. Не было никакой причины прикасаться к нему.

Он глубоко вздохнул и почувствовал, как его кожу покалывает. Прошли годы с тех пор, как он пытался сделать это. Он очистил свой разум, насколько мог, и потянулся в глубину между мирами, где руки богов касались человеческих жизней. Его тело наполнилось энергией, и воздух вокруг него задрожал, как в жаркий летний день.

Два всадника приблизились, и Этельман услышал, как кто-то позади него испустил панический вздох. Один из всадников оглянулся, нахмутив брови. Его взгляд упал на Этельмана, но казалось, что он смотрит прямо сквозь него. Этельман молился Биргиссе, Джорундиру и любому другому богу, который мог бы его слушать, чтобы люди за его спиной замолчали. Еще мгновение — это все, что ему было нужно. Напряжение угрожало вторгнуться в его разум, и он боролся за то, чтобы сохранить концентрацию. Всадник пристально посмотрел на дерево, затем на землю. Этельман чувствовал, как кровь пульсирует в висках.

Вулфрик очнулся от того, что одна из гончих лизала ему лицо. Он оттолкнул собаку и огляделся. Стенн и Фарлоф стояли над ним. Он быстро собрался с мыслями и сел. Боль давала о себе знать по всей левой руке и плечу, от ряда следов когтей, глубоко вонзившихся в плоть. На груди остались шрамы, но их было недостаточно, чтобы объяснить, почему он потерял сознание.

'Ты в порядке?' сказал Фарлоф.

Вулфрик встал, чувствуя больше смущение, чем что-либо еще. Да. Я в порядке. Это всего лишь царапины. Я не уверен, что случилось. Нам пора возвращаться".

Они оба кивнули, но смотрели на него с любопытством.

Они собрали все, что смогли найти от тела Урриха — немного, но достаточно для похорон его матери. Уррих всегда был тихим. Вульффрику был более знаком звук его тетивы, чем его голос. Теперь он больше никогда не услышит ни того, ни другого. Одним воином для защиты Леондорфа стало меньше, еще одним аргументом в пользу предложения Донато привести южан в деревню.

Псом, который дал Вульффрику несколько секунд, чтобы быстро подняться на ноги, был Спот. Он стоял над изломанным телом гончей, и ему хотелось плакать. Спот был единственным из псов, кто не сбежал, и вот чем заслужила его храбрость. Что он скажет Адальхайд? Что он скажет матери Урриха? Что такого сделал Леондорф, чтобы навлечь на себя гнев богов?

Ритшль вошел в кирху Леондорфа, его сердце колотилось от предвкушения. Как он и приказал, это было единственное здание, которое еще стояло в деревне. В остальных бушевали пожары, наполняя воздух едким черным дымом и тошнотворной вонью горячей плоти. Он осмотрел неф. Здесь было приятнее, чем в кирхе в Расбруке, да и просторнее. Он задумался, где Этельман мог спрятать Камень. Он знал, что он близко. Он чувствовал его. Он звал его. Неф был людным местом. Слишком много людей входило и выходило; его бы там не было. Дверь вела в заднюю часть. Там стояла кровать, на которой лежал полный кожаный саквояж. Ритшль бегло осмотрел его. Похоже, там была только одежда и дорожные принадлежности.

Остальная часть комнаты была обставлена скудной мебелью. Рядом с кроватью стоял небольшой столик, под которым лежал деревянный ящик. Он сел на кровать и вытащил ящик из своего укромного уголка. Его дыхание участилось, когда он положил руки по обе стороны от нее, готовясь поднять крышку. Он уже чувствовал, что находится внутри. Она скрипнула, когда он поднял ее. Слабый свет в комнате блестел на вытравленной металлической поверхности. Увидев это, Ритшль громко рассмеялся и почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Он достал из плаща войлочный мешочек и открыл его. Он потянулся за Камнем, но замешкался. Он вдруг вспомнил, что никогда не прикасался к нему. Этельман хранил его у себя с того момента, как они его обнаружили, ведь он был старшим.

Что бы он почувствовал? Начнет ли он работать, как только он прикоснется к нему? Камень давал носителю прямую связь с силой богов. То, что он мог сделать с помощью этой силы, ограничивалось только его воображением. Любая магия, которую он когда-либо творил, была ничтожной по сравнению с тем, чего он мог достичь с помощью Камня. Он схватил его и опустил в сумку. Его сердце затрепетало. Он посмотрел на свою ладонь и подумал, не изменилась ли кожа на ощупь. На вид она была такой же. Он сделал глубокий вдох. Он должен был быть терпеливым. Он ждал так долго, что теперь не мог позволить себе спешить.

Он вышел на улицу, сжимая в руках войлочную сумку. Двое воинов Расбрука были на

деревенской площади верхом на лошадях.

'У нас есть все, что стоит взять', - сказал один из них.

'Хорошо. Пора домой", — сказал Ритшль.

Всадник кивнул в сторону кирхи.

'Сожги ее', - сказал Ритшль.

Всадник поднял брови.

Джорундир требует, чтобы воин сокрушил своих врагов. Мы ничего не оставим на месте".

Всадник кивнул.

По мере приближения к Леондорфу снег становился все более серым. Сначала Вулфрик не понял, почему, но потом до него дошло, что снег покрыт пеплом. Лишь когда деревня появилась в поле зрения, они увидели несколько клубов дыма, поднимавшихся к небу.

От Леондорфа мало что осталось. Вульффрик вздрогнул, когда его охватило головокружение, его мозг не мог воспринять то, что видели его глаза. Несколько обугленных бревен все еще стояли прямо, как могильные памятники, но это было все. Дома людей, которых он знал, были не более чем черными пятнами на земле. Остались лишь те немногие, что были построены из камня. В стороне от деревни лежала груда тел, частично обгоревших. Роала стошнило, когда он понял, что это такое. Вульффрик задумался, была ли эта куча единственной, или таких куч было больше. Она была слишком мала для целой деревни. Он старался не смотреть на них, не желая знать, кто там лежит, но одно лицо привлекло его внимание: тонкие угловатые черты и кристально-голубые глаза не так уж далеки в смерти от того, какими они были при жизни. Вулфрик молился, чтобы Сван не пострадала. Он чувствовал себя оцепеневшим.

Они сошли с козел и, спотыкаясь, медленно вошли в деревню, оглядываясь вокруг в шоке от разрушений. Прошло несколько минут, прежде чем они увидели живого человека, который сначала хотел бежать, но остановился, узнав их.

'Что случилось?' сказал Вулфрик.

Пришли воины. Они пришли поздно утром. Они забрали нашу еду. Они начали сжигать дома и убивать людей. Они забрали все". Мужчина скрылся в дыму и пепле, прежде чем Вулфрик успел спросить его о чем-либо еще.

Вулфрик почувствовал, как его желудок скрутило от ужаса. Он не спешил, пробираясь через деревню в направлении своего дома и дома Адалхаид. Каждый шаг приближал его к подтверждению того, чего он не хотел знать. Однако, пока он не увидит это своими глазами, он знал, что не сможет принять это.

Как и все дома в деревне, дом Вулфрика был построен из дерева. Теперь это был пепел и обугленная древесина. Дом Адалхаид был таким же. Он боролся, пытаясь отогнать волну отчаяния, которая окружала и давила на него. Оглядевшись вокруг, он почувствовал головокружение. Каменные части Большого зала и кирха все еще стояли. Кузница тоже. Это было все, что осталось от Леондорфа.

Вулфрик в оцепенении шел обратно к площади. Он размышлял о том, какой была деревня за мгновение до нападения. Когда они уезжали, все говорили о празднике обручения. Он уставился на колодец, от которого теперь остался лишь каменный круг. Они сожгли даже винтовой механизм для ведра и небольшую крышу, которая его накрывала. Тщательность, с которой они разрушили город, говорила об их ненависти и о том, как они, вероятно, обращались с жителями. Это мог быть только Расбрук. Может быть, другим удалось спастись?

Он подошел к куче. По мере приближения он различал другие знакомые лица. Не друзья или родственники, но знакомые люди, на их лицах застыл ужас последнего мгновения жизни. Это были обычные люди, не воины. Трудно было понять, какая причина может быть для их убийства.

Вулфрик! Смотри! Там! сказал Стенн.

Вулфрик почувствовал, как его сердце подскочило к горлу. Он начал молиться Джорундиру. К деревне приближались люди. Он прищурился, но они были слишком далеко, чтобы их разглядеть. Он взял Грейфелла, сел на коня и галопом поскакал к ним. Не успел он отъехать далеко, как понял, как они могут отреагировать на вид воина, несущегося к ним, и замедлил шаг. Однако они продолжали приближаться.

Первым, кого он увидел, было лицо Этельмана. С ним было около дюжины человек.

'Адалхаид? Моя мать?' сказал Вульфрик.

Этельман оглянулся на группу. Френа. Адальхаид.

Вульфрик почувствовал облегчение, когда увидел, как они оба отошли от группы.

Он спрыгнул с Грейфелла и бросился к ним, подхватив их на руки.

Вулфрик? Ты весь в крови", — сказала его мать. Ты вернулся вовремя?

Вулфрик покачал головой. Нет. Они ушли. Это произошло... раньше". Он почувствовал волну вины. Может быть, они смогли бы остановить нападение, если бы не ушли на охоту?

Он повернулся к Этельману. 'Расбрук?'

Этельман кивнул. 'Они пришли сегодня утром. Забрали все, что могли унести, убили всех, кого увидели, и сожгли все, что осталось".

'Как вы спаслись?'

'Я собрал всех, кого смог. Я спрятал их.

'Как?' — спросил Вулфрик.

Этельман улыбнулся так, как всегда улыбался, когда Вульфрик был молод и расспрашивал его о работе его магии, но улыбка была натянутой. Вынужденной.

'А они?' Вульфрик жестом указал на груды тел.

На лице Этельмана появилось выражение стыда, и Вульфрику стало стыдно за свои слова.

'Столько, сколько смог', - сказал он, его голос застрял на комке в горле.

Ты оказал мне сегодня большую услугу, Этельман, — сказал он, крепко обнимая Адальхаид. Спасибо. Он знал, что это слабое утешение, так как по покрытому сажей лицу Этельмана текли слезы.

Выжившие приступили к сооружению временного убежища тем же вечером. Было холодно, и уже умерло достаточно людей, не хотелось терять еще больше от холода. Были пожилые, юные и раненые, которые начнут страдать раньше остальных. Пришлось работать быстро.

Из остатков разрушенной деревни было собрано достаточно древесины, чтобы построить хижину с плоской крышей. В ней было темно и сквозняки, но, по крайней мере, в ней можно было пережить первые несколько ночей. Настоящая перестройка должна была подождать до следующего утра.

Уединения там не было, но, по крайней мере, там было мясо, которое они принесли с охоты. Они сразу же принялись за приготовление одной из туш. За вечер прибежали еще несколько человек, Белгар с семьей, Донато и Родульф, но одного кабана хватило, чтобы накормить всех. Всех, кто остался в Леондорфе.

В темноте Вульфрик слышал всхлипывания среди храпа и шепота. Он думал о трупe белека снаружи, о своей славной второй победе, и о том, каким ничтожным казалось теперь это достижение. Он думал об Уррихе, о том, что трагедия его смерти была почти забыта. Теперь не было семьи, которая оплакивала бы его, только его братья-воины.

Фарлоф сел рядом с ним, отвлекая Вульфрика от его мыслей.

'Думаешь, кто-нибудь еще вернется?' сказал Фарлоф.

'Я не знаю', - сказал Вульфрик. Надеюсь, что да".

Фарлоф некоторое время молчал. 'Когда этот белек напал на нас. О чем ты думал?' Его голос был тихим, серьезным, что было необычно для Фарлофа. Обычно он говорил так, словно все его слова были направлены на то, чтобы подразнить или спровоцировать реакцию. Сейчас ничего подобного не было.

Я не знаю, — сказал Вульфрик. Я не могу вспомнить.

Я не трус, — сказал Фарлоф. Но я был в ужасе, когда эта тварь вошла на поляну. Стенн и Роал тоже. Мы бы сразились с ним, но мы боялись. А ты нет. Как?

Я сражался с ним раньше, — сказал Вульфрик.

Но это было еще не все. Ты призвал его к себе. Ты не просто не боялся. Ты хотел, чтобы он пришел к тебе".

Я сказал, что не помню. Он не лгал, но в глубине его сознания клубилось воспоминание, которое, как он знал, станет яснее, если у него будет время сосредоточиться на нем.

Я пытался поднять его тело, когда ты потерял сознание, — сказал Фарлоф. Я не смог сдвинуть его с места. Ты оттолкнул его на несколько шагов назад, когда он был еще жив. Я знаю, что ты сильный, но настолько?

Вульфрик пожал плечами.

Я никогда не видел, чтобы кто-то так дрался. Мы бы присоединились. Помогли бы. Но не похоже, что тебе это было нужно".

Вульфрик не знал, что сказать. Его собственные мысли были настолько путаны, что он смог только снова пожать плечами. 'Всем хватило еды?'

Губы Фарлофа на мгновение сжались, прежде чем он кивнул. 'Да. По крайней мере, об этом уже позаботились. Но эта хижина долго не прослужит".

'Мы начнем восстанавливать ее завтра', - сказал Вульфрик. Никто больше не умрет этой зимой".

Когда Этельман наконец проснулся, в середине следующего дня после нападения, его первая мысль была о Камне. Он отправился в кирху и прошел через пепел, обугленное дерево и обломки. Он направился прямо к тому месту, где когда-то стоял его прикроватный столик и где хранилась шкатулка. Там не было ничего, кроме кучи пепла. Он порывлся в ней пальцами, но кроме нескольких обломков дерева там не было ничего твердого. Он встал и огляделся, прикидывая в уме возможные варианты.

Китовый жир для его ламп, масла для помазания для его церемоний. И того, и другого в кирхе было предостаточно. Более чем достаточно, чтобы огонь горел долго и жарко.

Достаточно горячий, чтобы разрушить Камень? Он вернулся к куче золы и убрал ее, пока не добрался до твердого земляного пола. Следов расплавленного металла не было, но это ничего не значило. Камень был священным предметом, и его разрушение могло означать, что он вернулся к богам. Был ли он наивен, полагая, что он мог полностью исчезнуть из царства людей? Он не знал достаточно, чтобы утверждать то или иное.

Кто мог догадаться взять его? Шкатулка была обычная, Камень — не более чем бесформенный кусок металлической руды, покрытый рунами. Он выглядел не более ценным, чем многие другие религиозные артефакты в кирхе. Не было ничего, что могло бы привлечь к нему внимание. Этельман хотел было присесть на край кровати, но вспомнил, что ее больше нет. Он поднял глаза к небу, но не знал, что ищет. Казалось, любые ответы полностью ускользали от него. Из определенностей была только одна. Он должен был остаться и помочь в восстановлении. Он нашел тело Белармана вместе с другими в этой груди. Убить священника было позорным делом, как и сжечь кирху. Все эти люди убиты без причины. Какое безумие довело их до этого? Он никогда раньше не испытывал ненависти, но в тот момент это было все, что было в нем.

Вульффрик надеялся, что за ночь вернется больше людей, но на следующее утро новых лиц не было, и в течение дня больше никто не появился. Среди пропавших была мать Адальхаид. Накануне вечером они не говорили об этом. После всех побоев и унижений, которым он подвергался на протяжении многих лет, Вулфрик лучше других знал, насколько целебен хороший сон. Он позаботился о том, чтобы у нее было все необходимое, и посоветовал ей как можно быстрее заснуть.

Когда он проснулся, работа уже шла полным ходом, но продвигалась медленно. Все плотники и их ученики были мертвы, как и кузнецы, кожевники и каменщики. Двое дровосеков выжили и провели утро, срубая деревья, которые оставшиеся в живых люди превращали в доски. Работы было так много, и Вулфрику пришлось задуматься, есть ли смысл начинать все сначала. Их было так мало. Не лучше ли им отправиться в одну из других небольших деревень, чтобы узнать, не примут ли их там? Это сделало бы их бродягами и нищими. Они никогда не смогут ходить с гордо поднятой головой. Они попадут в зависимость от того, кто их примет, если таковой найдется. Как бы ужасно это ни было, он предпочел бы смерть. Их единственным спасением было то, что то, что осталось, можно было забрать по своему усмотрению; для этого не нужно было никого убивать.

Донато и еще несколько человек, включая Родульфа, осматривали разрушения, медленно объезжая их с видом превосходства и отстраненности. Вульффрик удивлялся, как у них хватает времени на лошадей, когда столько дел и когда все остальные так заняты. Они не обращали внимания на людей, трудившихся на пепелище, чтобы восстановить свои дома. Закончив осмотр, они вернулись к каменной раковине Большого зала, сошли с лошадей и вошли внутрь. Родульф вошел следом за отцом, как будто это было самым обычным делом на свете.

Белгар целеустремленно направился в Большой зал и присоединился к ним. Вульффрик подошел к нему.

"Мне войти? сказал Вульффрик.

Белгар помрачнел и покачал головой. Я уже говорил об этом, парень. Ты Первый Воин, но не более того. Остальные посчитали, что этот титул лучше использовать только на поле боя".

Глаза Вулфрика расширились в недоумении.

'Не смотри на меня так', - сказал Белгар. Я сделал все, что мог. Они собирались вообще отказаться от титула. Это было все, что я мог сделать, чтобы спасти его и убедиться, что ты его получишь. Я лучше пойду туда".

Он оставил Вулфрика в раздумьях, как отнестись к этой новости. Он полагал, что теперь является членом совета, но его исключение из него наглядно показало, как много изменилось, если не считать дымящихся руин деревни. Однако он не собирался оставаться в неведении, поэтому прошел к месту в задней части зала и сел на выжженные камни так, чтобы его не было видно.

Я думаю, можно с уверенностью сказать, что у нас нет другого выхода, — сказал Донато. Если у нас есть хоть какая-то надежда выжить, нам нужна помощь извне".

Услышать это вслух было для Вулфрика как удар в живот. Он не мог избавиться от ощущения, что если бы он и остальные были там, они могли бы остановить нападение, но он

знал, что это фантазия. Просто в куче трупов было бы больше пяти. Донато был прав, и от того, что он не мог с этим не согласиться, реальность еще больше усугублялась. Со стороны остальных послышалось бормотание, но трудно было сказать, согласны ли они с тем, что сказал Донато, или нет.

'Мы должны планировать то, что нас ждет. В нынешнем положении Расбрук может обращаться с нами как угодно. Пройдут годы, прежде чем у нас будет достаточно воинов, чтобы защитить деревню должным образом. У нас нет крова и почти нет еды'.

Я знаю, что будет дальше", — сказал Белгар, его голос был ровным.

'Ты знаешь, что будет дальше, потому что, несмотря на то, что возраст загуманил твои мозги, в твоей седой голове еще осталась унция здравого смысла', - сказал Донато, его голос был насквозь пропитан самомнением.

'Было время, когда за такие слова тебя бы убили', - сказал Белгар. Возможно, когда-нибудь это снова произойдет. Раньше, чем тебе хотелось бы. Подумай об этом".

Это был бессильный ответ, и Вульфрику стало жаль Белгара. Печально, что он прожил так долго, что человек, не равный ему, мог говорить с ним свысока и не бояться последствий.

Я обязательно это сделаю, — сказал Донато. Мое предложение остается прежним. Мы посылаем делегата в Рурипатию и просим их о защите".

'А зачем им защищать сожженную деревню и несколько сотен человек, которые даже не могут себя прокормить?' сказал Белгар.

Он боролся на каждом дюйме пути, и Вульфрик гордился этим фактом, но нельзя было отрицать, что это была проигранная битва.

Когда-то Леондорф был богат и могущественен. У нас по-прежнему много территории и неиспользованных ресурсов. Мы можем предложить им доступ к тому и другому и дать их людям безопасное убежище на этой стороне реки. Если мы будем действовать быстро, мы даже сможем сохранить некоторые из наших стад. Мы все знаем, как южанам нравятся наши лошади".

'Я уверен, что найдется немало рурипатских лордов, которые захотят присоединить наши земли к своим владениям', - сказал Белгар, его голос был скорее вызывающим, чем боевым. Спор был уже закончен, и ему оставалось лишь констатировать очевидное.

Я не намерен передавать наши земли рурипатскому лорду. Набеги к югу от реки всегда раздражали рурипатийцев. Наши земли граничат с их, и я уверен, что они будут рады иметь нашу территорию в качестве буфера. Мы можем предложить их купцам и старателям безопасное место для расширения их торговых сетей в Северные земли. Они могут захотеть большего, и у нас не будет другого выбора, кроме как дать им это".

Не было ни одного голоса, кроме голоса Белгара, который бы возразил Донато. Не пуская Вульфрика в Большой зал, подальше от Высокого стола, он добился того, что после смерти Белгара класс воинов будет навсегда исключен из правления.

"В ходе своей торговли я завел связи с влиятельными людьми в городах, — сказал Донато. Я могу послать весточку некоторым из них, чтобы узнать, какие есть возможности оказать нам необходимую поддержку. Как я уже сказал, за это придется заплатить. Чтобы показаться им как можно более привлекательными, нам нужно знать, что у нас еще есть и что мы можем получить. На Юге популярны меха, их легко добывать и перевозить. Мы должны рассматривать их как приоритет. И наши лошади тоже".

Среди собравшихся раздался ропот согласия. Вульфрик подумал о разочаровании,

которое, должно быть, испытывал Белгар. Как бы ни изменилась жизнь Вульффрика, для Белгара Леондорф, должно быть, казался чужим местом.

Наконец, Белгар добавил свой голос к звуку. 'Очень хорошо', - сказал он, потерпев поражение. 'Установи контакт с тем, с кем ты имеешь дело. Посмотрим, что можно сделать'.

Наслушавшись вдоволь, Вулфрик отправился на поиски Адальхаид. Пока он шел, он обдумывал то, что только что узнал. Как бы подозрительно ни относились северяне к своим южным соседям, возможно, это было бы к лучшему. Между Леондорфом и южными городами существовала торговля и связь. Вульффрику дали понять, что они не так уж далеки от народов Северных земель. Отец рассказывал ему, что когда-то, давным-давно, они были такими же, но стали частью великой империи, которая направила их по другому пути. Все это было так далеко в прошлом, что истории почти не отличались от тех, что рассказывали, когда Джорундир и его волк Ульфир еще ходили по земле.

Как и торговцы, воины отправлялись на юг, чтобы сражаться, добывать славу в далеких землях. Это называлось идти по Пути Джорундира. Это было своего рода паломничество, опыт и отвага перед неизвестностью. Вульффрик часто мечтал увидеть экзотические места, познакомиться с незнакомыми народами и сразиться в великих битвах. С приходом южан многое изменится, и Вулфрик не мог не задаться вопросом о своей роли в этом деле. Его исключение из совета ясно говорило об одном: время воинов в Леондорфе прошло. В будущем деревню будут защищать солдаты Рюрипата, управлять ею будут купцы и дворяне. Что же делать ему? Он не умел ни торговать, ни учиться. Однако ему нужно было думать не только о себе. А как же Адальхаид? Он не мог взять ее с собой.

Вульффрик нашел Адальхаид, стоящую у останков своего дома вместе с матерью и рыдающую. В сгоревших останках дома она собрала небольшую кучку обугленных костей. Сначала ее отец, теперь ее мать. Вулфрик не знал, что ей сказать.

В Северных землях было принято сжигать тела умерших и только потом хоронить то, что осталось. Для матери Адальхаид это была единственная часть ритуала. Вульффрик почувствовал комок в горле, когда увидел, как расстроена Адальхаид. Он подумал о Расбруке. О пламени. О крови. Возможно, Донато и приложил руку к первой битве, но нападение на деревню было неспровоцированным и необоснованным. Он увидит, как они сгорят за это, если это будет последнее, что он сделает.

Ничего не говоря, он пошел к выжженной земле, которая когда-то была маленьким сараем на заднем дворе его дома. Он ковырялся в золе, пока не нашел лопату, от которой сохранилось достаточно рукоятки, чтобы быть полезной.

Он вернулся к Адальхаид, его смысл был очевиден. Его мать извинилась и вернулась

помочь другим. Адальхаид посмотрела на лопату и кивнула. Она положила кости на кусок ткани, а затем связала их в пучок.

'Ты хочешь положить их куда-нибудь?' — спросил он. Хотя недалеко от деревни было захоронение, многие люди предпочитали хоронить своих близких в местах, которые имели для них значение.

Она снова кивнула. "Да. С моим отцом".

У родителей Адальхаид было любимое место у дерева, как и у Вульфрика с Адальхаид, но на другом конце деревни, с видом на далекое море на западе. Они отправились туда, и Вульфрик работал в тишине, копаясь в голом участке земли, который совсем недавно был потревожен для захоронения останков ее отца. Он старался копать не слишком сильно, опасаясь повредить уже имеющиеся кости, и только затем удалял рыхлую землю.

В конце концов он увидел кусок ткани и остановился. Он отступил назад, давая Адальхаид немного пространства, пока она укладывала свою маму на землю вместе с отцом. Она издала один вскрик, но быстро пришла в себя, и единственным признаком ее расстройств были слезы, стекавшие по ее лицу. Когда она закончила, Вульфрик засыпал землю обратно с такой тщательностью, на какую только был способен.

На следующее утро Донато отправил делегацию на юг. По его словам, им нужно было действовать быстро, если они хотели удержать то немногое, что осталось. В этом Вульфрик считал его правым. Теперь, когда решение было принято, медлить было бессмысленно. Однако циник в нем отказывался верить, что мотивацией Донато было благополучие деревни. Ему было интересно, что Донато рассчитывает получить от всего этого.

Вульфрик смотрел, как делегация уходит, среди них не было ни одного воина. Родульф ехал во главе делегации, такой же надутый и преисполненный собственной значимости, как и тогда, когда он был еще учеником. Вульфрик ожидал, что Белгар будет настаивать на поездке, но, похоже, этого не произошло. Вульфрик понял, что ожидал от старика слишком многого. С каждым днем он выглядел все более хрупким, и Вульфрик опасался, что дни, когда он мог рассчитывать на его совет, сочтены.

Пока не вернулась делегация с любой помощью, которую они могли получить, Вульфрику оставалось только броситься на восстановление, насколько это было в его силах. В этом было больше разочарования. Несмотря на молодость, физическую форму и силу, Вульфрик не имел никаких навыков. Труд и ремесла были ему неизвестны, и он был не более полезен, чем обуза. Те, кто владел кузнечным и плотницким делом, были самыми важными людьми в деревне, но их было немного, и Вульфрик чувствовал себя совершенно бесполезным.

Он был рад сделать все, что от него требовалось, но жители деревни не привыкли приказывать воину. Вульфрик вместе со Стенном, Роалом и Фарлофом стоял в стороне от рабочей бригады, которая занималась рубкой деревьев и подготовкой их к распиловке на доски. Каждый раз, когда кто-нибудь из рабочих проходил мимо, он почтительно кивал им, но ничего не говорил. В конце концов они сами взялись за то, чтобы начать рубить деревья и тащить их в деревню.

Делегаты вернулись в деревню через неделю после нападения с незнакомцами на хвосте. Они были бодры, но выглядели усталыми и не хотели ничего рассказывать жителям деревни. Они сошли перед остовом Большого зала с пышностью людей, считающих, что в их руках судьба всех вокруг, что, как вынужден был признать Вулфрик, было недалеко от истины.

Чтобы укрыть находящиеся внутри от непогоды, был натянут брезент, но его уже трудно было назвать зданием. Они вошли внутрь, и остальным жителям деревни пришлось ждать, чтобы узнать, какие новости они принесли.

Некоторое время люди стояли без дела, но когда стало ясно, что ждать осталось недолго, они постепенно вернулись к работе. В конце концов мужчины вышли из построенного на скорую руку Большого зала. Новые лица сбросили свои дорожные плащи и стояли в контрасте с остальными, их прекрасные, богато раскрашенные одежды выдавали в них чужеземцев. Вулфрик почувствовал надежду. Вряд ли южане стали бы посылать людей на север, если бы не намеревались помочь. Ему не нравилось, что перспектива иностранной помощи вселяла в него надежду.

'Что скажешь?' Фарлоф стоял у плеча Вулфрика. Вулфрик не мог вспомнить, когда в последний раз слышал дразнящий, озорной тон в голосе Фарлофа. Он скучал по нему и гадал, вернется ли он когда-нибудь.

'Твои догадки так же хороши, как и мои', - сказал Вулфрик. Но похоже, что мы получим какую-то помощь. Пока мы можем за нее заплатить".

Интересно, сколько это будет стоить?

'Все', - сказал Вулфрик.

Донато протиснулся сквозь остальных и осмотрел собравшуюся толпу, его взгляд остановился на Вульффрике. "Ты!" — крикнул он, указывая на Вульффрика, чтобы не было сомнений, к кому он обращается.

Вульффрик поднял бровь и обернулся, чтобы посмотреть за спину, но ничего не ответил. Он не собирался признавать неуважительную манеру Донато говорить.

Вулфрик. Ты мне нужен здесь", — сказал Донато.

В его голосе звучало нетерпение, поэтому Вулфрик медленно пошел через площадь, останавливаясь, чтобы перекинуться парой слов с людьми по пути.

'Что тебе нужно, Донато?' сказал Вулфрик, когда в конце концов достиг подножия ступеней, ведущих в Большой зал. Он отказался обращаться к нему как к 'Советнику'.

'Мне нужно, чтобы ты отвел этого человека, Сифруд его зовут, на юг посмотреть на лошадей. Он должен узнать, сколько их у нас осталось и в каком они состоянии".

Вулфрик посмотрел на человека и пожал плечами. Почему бы тебе не взять его? Задница уже слишком хороша для седла? Слова сорвались с его губ прежде, чем он успел их обдумать.

В глазах Донато промелькнул гнев, и Вулфрик улыбнулся. Ему почти хотелось, чтобы Донато набросился на него, ведь Вулфрик видел, как тот обращался со своими слугами в прошлом. Это была бы ошибка, о которой Донато не успел бы пожалеть.

Купец тяжело сплотнул. 'В интересах деревни, чтобы ты сделал то, о чем я прошу. Отведи его на юг посмотреть лошадей. Пожалуйста'.

Вулфрик повернулся и начал идти к мужчине. 'Хорошо.' Он сделал пренебрежительный жест рукой, надеясь, что все эти маленькие знаки презрения суммируются и в конце концов подтолкнут Донато к необдуманному поступку. По мнению Вулфрика, Донато заслуживал смерти гораздо больше, чем те, кто сделал это в Леондорфе.

Уже поздно вечером он вернулся в деревню, осмотрев вместе с Сифрудом лошадей. Тех, что стояли на самых южных пастбищах, не тронули, и Сифруд, похоже, остался доволен увиденным. Вулфрик не ожидал, что вообще что-то найдет, но, очевидно, Расбрукеры были спокойны, забирая то, что осталось, когда им вздумается. Лошадей нужно было быстро продать и перевезти через границу к новым хозяевам, прежде чем расбрукцы решат забрать то, что, несомненно, считали своим.

Во время поездки южанин говорил мало, но, похоже, он знал лошадей. Он собирался забрать всех, кроме нескольких оставшихся, для племенного скота. Вулфрик был удивлен, думая, что южанин захочет забрать всех, но он, похоже, считал, что окружающая среда в такой же степени влияет на качество лошадей, как и их родословная. Тем не менее, потребуются годы, чтобы вернуть их табуны к прежним размерам. Вулфрик испытывал мрачное удовлетворение от того, что хотя они и будут потеряны для Леондорфа, по крайней мере, они смогут купить для них что-нибудь полезное, а Расбрукеры никогда не получат ни одной лошади.

Френа, недовольная отсутствием уединения и пространства в общем убежище, поставила палатку на остатках их дома, которую теперь дополнял прочный деревянный каркас, установленный с тех пор, как Вулфрик взял южанина посмотреть лошадей. Как бы он ни ценил работу, Вулфрик не хотел особого отношения к себе, потому что он был Первым Воином. Были и те, у кого не было даже палатки, чтобы назвать ее своей.

Адальхайд остановилась у нее, но для Вулфрика места не нашлось: он и другие воины разбили лагерь неподалеку от деревни. Сначала он пошел в палатку матери, чтобы проведать их, и с удивлением обнаружил там Белгара, который стоял снаружи с одним из южан.

"Что происходит? сказал Вулфрик. 'Что-то случилось?'

'Не из-за чего волноваться', - сказал Белгар. Это Аэльрик. Ты, наверное, не помнишь его. Он прошел Путь Джорундира, когда ты был еще мальчиком".

Аэльрик сказал: "Все еще не больше, чем мальчик". Рад видеть тебя, парень. Мне было

жаль слышать о твоём отце".

'Я не помню тебя'.

Не удивлен. Я дядя Адалхаид. Ты был не выше колена своего отца, когда я уехал".

Память вернулась к Вулфрику. Аэльрик был копьеносцем, как и отец Адалхаид, который, не имея никакой собственности, выбрал Путь Джорундира. Адалхаид время от времени упоминала о нём; она жила в его доме, пока получала образование на юге. Судя по всему, он процветал и был капитаном дворянской гвардии. Теперь, похоже, он возвращается в трудную минуту. Может быть, найдутся и другие, кто поступит так же? Достаточно, чтобы сказать рурипатийцам, чтобы они засунули свою помощь в кучу мусора?

'Значит, ты вернулся, чтобы помочь?' сказал Вулфрик.

'К сожалению, нет', - ответил Аэльрик. У меня много обязанностей на юге, а я всего лишь один человек. Помощи, которую, я уверен, пришлет лорд Элмарк, будет более чем достаточно, чтобы сохранить деревню в безопасности".

Он говорил не как житель Нортленда. Странно было подумать, что он вырос в деревне. Его лицо было изрезано, а глаза спокойны, как будто он видел так много, что не осталось ничего, что могло бы заставить его врасплох. В этот момент Вулфрик понял, что такой человек, как он, был бы гораздо лучшим выбором для Первого Воина, чем он, он был бы гораздо более способен вернуть власть, которую узурпировал Донато, хотя он никогда не ходил в паломничество. Как он мог убедить его остаться?

'Так вот что происходит? Лорд Элз...', — сказал Вулфрик.

'Элмарк,' сказал Белгар.

'Элмарк,' сказал Вульффрик. 'Он собирается помочь?'

'При условии, что его посланник был доволен лошадьми. Он был доволен лошадьми?' сказал Белгар.

Вулфрик пожал плечами. 'Думаю, да. Похоже, ему понравилось то, что он увидел".

"Что ж, — сказал Белгар, — тогда мы можем ожидать прибытия солдат и повозок с продовольствием в ближайшие несколько дней".

'А лошади — это все, что им нужно?' спросил Вулфрик.

Белгар хмыкнул.

В голове Вулфрика остался один вопрос. 'Что привело тебя домой, Аэльрик?'

'Когда гонцы прибыли в Эльцбург, я попросил разрешения отправиться на север с его эмиссаром'.

'Я сожалею о твоей потере', - сказал Вульффрик. Твоя помощь сейчас была бы огромным подспорьем для деревни. Если я смогу убедить тебя остаться".

Аэльрик покачал головой. 'Я действительно должен вернуться в Эльцбург. Я приехал только для того, чтобы забрать с собой Адалхаид".

Вулфрик нахмурил брови. 'Что ты имеешь в виду?'

'Я забираю ее с собой в Эльцбург'.

'Что? Она останется здесь. Со мной", — сказал Вульффрик.

Белгар покачал головой и взял Вульффрика за руку, отведя его подальше от Аэльрика, где они могли поговорить наедине.

Она теперь сирота, Вульффрик, — сказал Белгар. Ей нужно быть с людьми, которые смогут позаботиться о ней".

Мы обручены, — сказал Вульффрик. Я могу позаботиться о ней. Мы для нее такая же семья, как дядя, живущий через полмира".

Белгар рассмеялся. Мир простирается дальше, чем ты думаешь, Вульффрик. Но это не отменяет того факта, что мы едва можем позаботиться о себе. В любом случае, ты еще недостаточно взрослый, чтобы жениться. Я посоветовался с Этельманом, как только узнал о планах Аэлькика. Двадцать лет — это то, что предписано богами".

Но я достаточно взрослый, чтобы отправиться в паломничество? Чтобы сражаться? Умереть? Я достаточно взрослый", — сказал Вульффрик. Или был бы, если бы это устраивало всех остальных".

'Ну же, Вульффрик. Мы все еще не знаем, что предложат нам южане. Это может быть ничто, или не намного лучше. Донато возьмет все, что они предложат, а у меня нет поддержки, чтобы выступить против него. Мы все можем умереть с голоду через несколько недель. Ты этого хочешь для нее? Расбрукеры могут вернуться до прибытия солдат, чтобы закончить начатое. Ты действительно хочешь, чтобы она подвергалась такой опасности?

"Конечно, нет", — сказал Вульффрик. Он не хотел, чтобы она уезжала. Он хотел жениться на ней, и чтобы они вместе восстанавливали город. Он мог обеспечить ее, уберечь ее. Но теперь он сомневался. Был ли он эгоистом?

'Она может продолжить обучение на юге, — сказал Белгар. Она будет в безопасности и ни в чем не будет нуждаться. Ты можешь предложить ей это?

Вульффрик открыл рот, но снова закрыл его и покачал головой.

'Все уже решено, — сказал Белгар. Она уезжает утром.

Я женюсь на ней. Тогда никто не сможет заставить ее уехать, если она не захочет".

Не будь глупцом, мальчик. Вы оба слишком молоды. Ни один из вас еще не достиг совершеннолетия.

Я воин, — сказал Вульффрик, но почувствовал, что его решимость слабеет. Ты не можешь выбирать, для чего я достаточно взрослый, а для чего нет".

Даже если мы все не умрем с голоду этой зимой, — сказал Белгар, — все будет трудно. Очень тяжело. И весной легче не станет. Этой зимой мы просто выживем. По-настоящему трудная часть наступит весной, когда нам придется отстраиваться и вставать на ноги, независимо от того, будет ли помощь с юга или нет. Такие трудности высасывают жизнь из людей. Ты этого хочешь для нее? Я могу сказать, что если бы мне было где лучше, я бы уехал.'

Вульффрик. Что ты здесь делаешь?

Было уже поздно, и Адалхайд собиралась закрыть свою часть шалаша, который был сколочен над остатками его дома.

'Мне нужно поговорить с тобой', - сказал он.

'О чем?'

Ты говорила со своим дядей?

"Да, конечно".

Значит, ты знаешь? Вульффрик был поражен, что она так спокойно реагирует на все это. Может быть, ей было все равно?

'Знаю что?'

'Что он пришел забрать тебя на юг.'

Адальхайд нахмурила брови. Что значит "пришел забрать меня на юг"?

'Вот почему он здесь. Они сказали мне об этом раньше. Когда он услышал, что твои мать и отец... Ну, он планирует забрать тебя с собой на юг, чтобы ты могла быть с семьей'.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но остановилась. Он ничего мне не сказал. Я не хочу ехать, поэтому я не поеду".

'Белгар сказал, что все уже решено'.

'Ну, это было решено без меня, так что они могут и не решать'. Она скрылась в маленьком шалаше и появилась через мгновение, завернувшись в плащ. Она окинула Вулфрика долгим, пронизывающим взглядом, от которого у него возникло ощущение, что он предаёт ее. Он знал, что так будет лучше, хотя это и было болезненно.

'Я сама разберусь с этим', - сказала она.

Вулфрик смотрел, как она прошла несколько шагов. 'Подожди.'

Адальхайд остановилась и повернулась.

'Я думаю, они правы.' Это было похоже на удар ножом в живот.

'Что?' Она подошла ближе. 'Ты... хочешь, чтобы я уехала?'

'Да. То есть нет. Так будет лучше'.

'Я не могу поверить, что ты говоришь это. Я думала...

'Я тоже сначала был против этого', - сказал Вулфрик. 'Есть шанс, что не все здесь переживут зиму. Даже с помощью южан. Я хочу быть уверен, что ты будешь одной из тех, кому это удастся. На юге есть безопасность. И комфорт. Я должен знать, что у тебя есть и то, и другое'.

'Я буду нужна здесь, — сказала она.

Каждый человек, которого нужно приютить, накормить и защитить, увеличивает нагрузку на деревню. Большинству больше некуда идти, но у тебя есть. Если все наладится с южанами, мы сможем начать восстанавливать деревню с помощью, которую они пришлют весной. А пока мы просто выживаем. Ты можешь провести зиму в университете, о котором ты всегда говоришь. Научись тому, что поможет деревне, и вернешься к нам. Ко мне".

Она ничего не сказала, но Вулфрик видел по ее челюсти, что она не была убеждена.

Ты можешь вернуться весной. Это всего лишь несколько месяцев". Вулфрик чувствовал себя опустошенным, говоря это. Он слишком хорошо помнил, когда она в последний раз уезжала на несколько месяцев.

Адальхайд уехала на следующее утро. Вулфрик наблюдал, как она и ее дядя выехали из Леондорфа в рурипатский город Эльцбург. Одна зима. Она уже говорила об этом раньше, и ее не было три года. Однако на этот раз ее отъезд был делом его рук. Возможно, так было и в прошлый раз. Учитывая, сколько всего произошло за последние несколько месяцев, Вулфрику казалось, что за время ее отсутствия весь мир может перевернуться с ног на голову. Будет ли он вообще жив? В Северных землях перемены происходили быстро и в больших масштабах. Голос в его голове твердил, что он больше никогда ее не увидит. Он изо всех сил старался не обращать на него внимания.

Он стоял и смотрел на дорогу, ведущую на юг. Она то и дело оглядывалась через плечо,

и даже с такого расстояния Вулфрик мог сказать, что она плачет. Он продолжал смотреть, пока она не скрылась из виду, чувствуя, как с каждым мгновением внутри него растет пустота.

Рассказчик замолчал и посмотрел на толпу в поисках реакции. Они молчали, уставившись на него, как младенцы, ожидающие кормления. Бывали времена, когда нужно было дать паузу, а бывали времена, когда нужно было схватить его за шиворот.

'Наш герой теперь выкован во льду, в крови и в пепле — мальчик переступил порог мужественности, но еще не отточен в настоящей битве. Трагедия преследует его как тень, и он вынужден расстаться с женщиной, которую любит со страстью, которую мало кто из нас сможет понять. Наш таинственный предмет, древний Камень Фонтана, наконец-то попал в руки человека, не подходящего для его обладания. Люди с необузданными и безжалостными амбициями находятся на подъеме'.

Рассказчик подумывал остановиться на ночлег. Он не знал, который час, а его голос становился все более хриплым. Конрадин поставил перед ним кружку свежего эля, и Рассказчик выбросил эту мысль из головы. Он улыбнулся и глубоко вздохнул. 'И все же изменение старого порядка только начинается...'

Леондорф пережил ту первую зиму после нападения. Это было трудно, но никто больше не умер", — сказал рассказчик. Следующей весной рурипатийцы прибыли в большом количестве, и постепенно жизнь в Северных землях стала напоминать жизнь на юге. Здания перестраивались южными архитекторами и рабочими. Маркграф отправил на север посла, чтобы следить за соблюдением своих интересов, и Донато упрочил свое положение.

Вскоре после этого на границах Леондорфа было обнаружено серебро, что сделало его очень привлекательным протекторатом для Маркграфа и тех, кто стремился сделать свое состояние. Население увеличилось за счет старателей, охотников за сокровищами и тех, кто зарабатывал на них. Так что жизнь в Леондорфе продолжалась.

Герой нашей истории остался. У него было непреодолимое чувство долга перед жителями своей деревни и неугасающая надежда, что однажды он проснется и обнаружит, что Адалхайд вернулась. Прошло три года, когда мы вновь встретились с нашим героем, и мы видим его разочарованным, недостаточно востребованным и сомневающимся в своем решении остаться в Леондорфе теперь, когда он вне опасности".

Вульффрик вместе с Фарлофом и Стенном отдыхал на крыльце своего дома, осматривая деревню. Она сильно изменилась с приходом южан. Среди северных зданий из дерева, камня и соломы теперь было много кирпичных, оштукатуренных и шиферных, которые возвышались над своими северными собратьями. Группа солдат вернулась в деревню, не имея с собой ни одной телеги с волами, с которой они уехали предыдущим утром. Вульффрик мог бы посмеяться над неудачами и некомпетентностью южан, если бы не тот факт, что их вел Роал, а его нигде не было видно.

Вульффрик сел и пробежал глазами по лицам всех солдат гарнизона. Их тоже было на два человека меньше. На них ему было наплевать, но он беспокоился о Роале. Он встал и подошел к сержанту потрепанного патруля.

'Роал. Где он?' сказал Вульффрик.

Сержант покачал головой. Я потерял двух человек.

'Плевать на них', - сказал Вульффрик. Роал. Что с ним случилось?

'Расбрукеры. Набросились на нас перед мостом на обратном пути. Сначала они убили Роала".

Вульффрик в гневе скривил лицо. За три года, прошедшие после битвы и нападения, Расбрук восстановился с удивительной быстротой. 'Забрали волов? И серебро?

Сержант кивнул.

Удачи в объяснении этого своему боссу", — сказал Вульффрик, повернулся и направился к остальным на крыльце. Остальные смотрели на него в ожидании новостей. Будьте готовы выехать через десять минут. Роал не вернулся с ними".

Стенн и Фарлоф покачали головами со скорбным выражением на лицах. За три года, что они водили солдат гарнизона по лесам, каждый из них столкнулся с десятками

нападений, но Джорундир улыбался им, и ни один из них не получил даже царапины. Это казалось справедливым после стольких ран, которые он уже получил. Теперь, похоже, его благосклонность иссякла.

Вулфрик наблюдал за солдатами, бредущими обратно в свой гарнизон. Ему не нравилось, что они были рурипатийцами, но как люди они были неплохими. Они были неплохими бойцами — Вулфрик тренировался с ними в течение трех лет, проведенных в Леондорфе, — но для лесных боев они не годились. Отчасти поэтому они так и не смогли закрепиться в Северных землях. До того, как их пригласили в Леондорф.

Это был уже третий случай нападения на обоз с волами, возвращавшийся с серебряного рудника, и Вулфрик гадал, хватит ли этого нападения, чтобы вызвать ответную реакцию. Он не знал, действительно ли это были Расбрукеры, совершившие нападение, и ему было все равно. Если это подтолкнет рурипатцев к нападению на Расбрук, Вулфрик будет только за. С момента приезда в деревню рурипатский посол отказывался предпринимать какие-либо агрессивные действия. На юг текло много денег, и нападения обычно вызывали лишь незначительное раздражение. Зачем ворошить осиное гнездо? сказал он. Вулфрик старался не называть его трусом, но временами это требовало значительных усилий.

Шахта находилась на окраине территории Леондорфа, и дорога назад проходила рядом с границей Расбрука — единственным переходом через реку, который могли преодолеть волы. Теперь там был мост, что делало путь быстрее, но не безопаснее. Присутствие рудника гарантировало, что рурипатийцы останутся, и это обеспечивало существование Леондорфа, хотя он мало напоминал деревню, которой когда-то был.

Другие племена ненавидели тот факт, что Леондорф пригласил рурипатийцев в Северные земли, и выражали свое недовольство при каждом удобном случае. Серебряный рудник и его воловьих обозы были главной мишенью. Каждый раз, когда они отправлялись за серебром, один из воинов направлял обозы с волами и солдат гарнизона. Больше им делать было нечего.

Вулфрик заметил Донато, наблюдавшего за их разездом со ступеней перестроенного Большого зала. Он был выше и грандиознее, чем прежде, но остатки каменных стен предыдущей версии были отремонтированы и использованы повторно. Место у задней стены, где Вулфрик в детстве провел столько часов, прислушиваясь, все еще было там, и это оказалось полезным. С приходом южных солдат Вулфрик ожидал, что Донато раз и навсегда расправится с воинами, но этого не произошло. Незнакомые с местностью, южане нуждались в разведчиках и проводниках, и посол настоял на их сохранении. Это поддерживало их значимость, но с каждым днем Вулфрик терял все больше надежды на то, что они вернут себе прежний статус. Первый Воин больше ничего не значил. Никто даже не называл его так. Дети деревни играли в солдатиков, а не в воинов. Половина из них в любом случае были отпрысками новоприбывших.

Вулфрик не сомневался, что как только солдаты гарнизона освоятся в лесах, с ними будет покончено, но этого еще не произошло. После этого? Кто знает? Вулфрик не считал себя фермером. Приключения в дальних землях казались ему самой привлекательной идеей. Он чувствовал, что Путь Джорундира зовет его. В одиночку или с другими — неважно. В Северных землях для него ничего не осталось бы прежним.

Комфорт и изысканность юга, похоже, окончательно покорили и Адалхаид. Она не вернулась в Леондорф весной, как они планировали. Воспоминания о выражении ее лица, когда он сказал ей, что, по его мнению, она должна отправиться на юг, не выходили у него

из головы. Возможно, он отправится на ее поиски. Иногда он задавался вопросом, почему он еще этого не сделал. Страх, что она забыла его? Страх, что она не простила его за то, что он сказал ей уехать?

Он остался в Леондорфе после того, как первый кризис миновал, в надежде отомстить Расбруку. Они были в кровном долгу перед Леондорфом, и он твердо решил, что они должны его отдать. По мере того, как шли месяцы и годы, эта надежда казалась все более тщетной, он все больше расстраивался, что посол так и не отдал приказ о нападении, и уже почти сдался. Но теперь? Когда руда потеряна за месяц? Если что-то и подтолкнет посла к действию, то только это.

Они выехали из деревни и галопом поскакали к мосту — последние три ученика из паломничества, которое, казалось, длилось целую жизнь. Вулфрик впервые, сколько себя помнил, почувствовал себя воином. Это еще больше усилило его негодование по поводу того, что они оказались в подчинении у гарнизона и были оставлены бездельничать в остальное время.

Дорога до моста заняла несколько часов. Дорога была изрыта колеями и грязью от регулярного движения транспорта, который прокладывал ее все глубже в лесную чащу. Продвигаться приходилось медленно, но Вулфрик почти не надеялся найти кого-нибудь живым.

Роал лежал на берегу дороги, утыканный несколькими стрелами. Его меч был обнажен и покрыт засохшей кровью. Это была настолько хорошая смерть, насколько мог надеяться любой воин. Вулфрик почувствовал тревожный укол вины. Они собрали его тело и направились к дому.

Они медленно ехали обратно в деревню, и Роал был привязан к спине лошади. Они хотели, чтобы все видели, что один из сыновей Леондорфа погиб на ее службе, но никто не обратил на это внимания. Рурипатский посол построил для себя дом рядом с казармами гарнизона в южном стиле — из белого оштукатуренного кирпича и красной черепицы. В нем были все известные южные предметы роскоши в огромных количествах — так говорили Вулфрику, поскольку он никогда не видел его изнутри.

Как ни неприятно было видеть падение своего статуса, Вулфрик и воины были не единственными. Донато также видел, что его власть ограничена, хотя он и был лидером совета. Он стал называть себя "мэром", южным титулом. Вулфрик с удовлетворением отметил, что его собственная затея ограничила его быстро растущее влияние. На публике посол был почтителен к Донато, но все знали, кто принимает решения за сценой. Он мог использовать титул посла, но на самом деле он был правителем.

Они отсутствовали уже несколько часов, более чем достаточно, чтобы посол успел обдумать потерю своего последнего груза серебра, и Вулфрику было интересно посмотреть, удастся ли спровоцировать его на ответные действия. После того как Руал был доставлен в кирху, где Этельман подготовит его к похоронам, Вулфрику и остальным оставалось только сидеть на крыльце своего дома, как они делали каждый день.

Вулфрик наблюдал за домом посла за неимением лучшего. У остальных не было

настроения болтать, поэтому они сидели молча. Когда посол появился снаружи, пухлый и преуспевающий, в плаще из дорогих мехов, Вулфрик обратил на него внимание. Он целеустремленно направился к Большому залу в сопровождении двух солдат и вошел, не стучась и не дожидаясь, пока его впустят, как обычно требовалось от тех, кто не входил в совет. То же самое требовалось и от Вулфрика.

Больше всего Вулфрика интересовало его поведение. Лицо посла потемнело от гнева, и Вулфрик молился, чтобы именно это оскорбление подтолкнуло его к действию после трех долгих лет ожидания. Возможно, кровная месть, которую Леондорф должен был им принести, не так уж далека. Вулфрик молча наблюдал с крыльца, зная, что Белгар придет сообщить ему об этом, как только закончатся переговоры и будут отданы приказы.

Белгар вышел из Большого зала прямо к ним. 'Вставайте со своих ленивых задниц!'

Вулфрик и остальные сделали то, что им было велено. Пусть он был стар и все больше дряхлел, но Белгар был единственным членом совета, которого они уважали. Никто из остальных не сталкивался с битвой; никто из них не был ее достоин.

Посол Уршель недоволен потерей своего серебра и хочет научить Расбрюкеров не лезть не в свое дело. Утром ты поведешь его солдат на север к деревне".

Вулфрик почувствовал, как забилося его сердце. Его отец. Родители Адальхаид. Деревня. Нужно было свести так много счетов, что он чувствовал, как его тянут сразу в пяти разных направлениях. Он ждал этого момента три долгих года. Тем не менее, он не собирався, как покорный пес, падать ниц, когда посол щелкнет пальцами.

'Никогда там не был', - сказал Вулфрик. Не уверен, что знаю дорогу".

Белгар бросил на него мерзкий взгляд. Не изображай из себя невежественного жителя Нортленда. Мы хотим этого не меньше, чем они. Отрезав нос в угоду своему лицу, мы ничего не добьемся. Если ты не поведешь их, это сделаю я, а ты можешь оставаться здесь и дуться".

Стенн и Фарлоф захихикали, а Вулфрик бросил на них такой же мерзкий взгляд, как и на Белгара.

Я возьму их, — сказал он. Но потому, что я хочу этого, а не потому, что толстый посол говорит мне это".

'Достаточно хорошо для меня,' сказал Белгар. Будь готов отправиться с первыми лучами солнца.

Одним из мастеров, прибывших на север из Рурипатии, был кузнец. Вульфрик позаботился о том, чтобы первым делом по прибытии он изготовил для него новые доспехи и оружие. На его шлеме был изображен рычащий белек, напоминающий давно умершего Белека Бейна, но гораздо более страшный. При виде этого шлема Вульфрику хотелось, чтобы у любого расбруккера кишки превратились в воду. Это означало для них смерть, и он хотел, чтобы они узнали это. Шлем был самым лучшим из всех, что он когда-либо видел, и он нехотя признал, что южане в некоторых вещах знают толк. Всякий раз, когда он проходил в нем мимо кузницы, кузнец останавливался, чтобы посмотреть на то, что считал своей лучшей работой.

Если шлем был лучшей работой кузнеца, то остальные боевые доспехи Вульфрика не отставали от него. Его доспехи сидели идеально, а длинный однолезвийный клинок со слегка изогнутым краем — его сабля — была подогнана по его вкусу. Она была прекрасно сбалансирована и казалась продолжением его руки. Он был уверен, что лучшего оружия, чем клинок героя, сделанный из стали, которую можно найти только на Высоких Местах, не найти. Оно еще не пролило кровь его врагов, и он почувствовал головокружение при мысли, что скоро это будет исправлено.

Почти весь гарнизон был отправлен. Вид их, собравшихся на площади, был впечатляющим зрелищем. Хотя им не хватало индивидуальности, присущей Орде Нортлендера, в их единообразии было что-то пугающее. Стенн и Фарлоф выехали еще до рассвета, чтобы разведать обстановку, а Вульфрик повел основную массу людей в Расбрук.

Они уже готовились к отъезду, когда прибыли еще трое мужчин, одетых для боя. Родульф и двое мужчин, которых Вульфрик раньше не видел. Они выглядели как закаленные воины, и это заставило Вульфрика дважды подумать, прежде чем поприветствовать Родульфа, как он обычно делал.

"Что вы здесь делаете?" сказал Вульфрик.

'Мы идем с вами', - сказал Родульф. Совет хочет, чтобы присутствовал представитель".

Вульфрику не понравилась эта идея, но он знал, что споры против этого ни к чему не приведут. Надеюсь, твои два друга смогут позаботиться о тебе. У остальных нет времени на няньку". Родульф улыбнулся ему и не выглядел раздраженным, что его разочаровало.

Капитан? Вы и ваши люди готовы?

'Мы готовы.'

Тогда за дело", — сказал Вульфрик и взмахом руки отдал приказ отправляться в путь.

Ритшль сидел на скамье в кирхе и смотрел на Камень с чувством, сродни ненависти. Пламя одинокой свечи трепетало на сквозняке в нефе, но он не обращал внимания на мрак и холод. В его голове бурлил водоворот разочарований, страхов и тоски.

За три года попыток он так и не смог подчинить Камень своей воле. Он потратил половину своей жизни на то, чтобы желать его, искать его. Он звал его, как музыка ветра, но

теперь он отвернулся от него.

"Почему?" — кричал он. Почему ты не слушаешь меня?

Его увещания звучали каждую ночь, и он знал, что жители деревни, проходившие мимо маленькой кирхи, посмеивались про себя, думая, что их старый священник сходит с ума. Ему было все равно. Возможно, так оно и было.

Подождите, — сказала молодая женщина из зала.

Лицо Конрадина потемнело, и рассказчик подумал, что он может перейти к актам насилия, если перерыв будет продолжаться слишком долго.

'Почему это не сработало для него?' — сказала женщина.

Я много думал об этом на протяжении многих лет, — сказал Рассказчик, — и пришел к выводу, что это действительно сработало для него". Видите ли, считается, что Камень исполняет самые заветные желания своего владельца. Долгие годы Ритшль желал заполучить этот камень. В его жизни многое было отнято, а здесь было что-то, что было отнято, но что он мог вернуть. Он исполнил это желание, и как только оно было достигнуто, Ритшль был полон сил. Больше он ничего не хотел так отчаянно, и простого желания было недостаточно".

'А разве Этельман не обладал им?' — спросила молодая женщина.

Лицо Конрадина потемнело еще больше.

Я не думаю, что Этельман действительно обладал этим. В душе и сердце он не хотел его, и Камень, каким бы таинственным образом он ни работал, знал это". Рассказчик бросил взгляд на Конрадина, чье нетерпение было близко к пределу. Теперь, если вы довольны моим объяснением, я продолжу, пока у доброго сержанта не лопнул кровеносный сосуд".

На следующий день они прибыли на окраину Расбрука рано утром, не теряя времени. Вульфрик старательно избегал Родульфа, хотя это было нетрудно, поскольку тот держался рядом с двумя своими спутниками и не смешивался с другими. Вульфрику было любопытно, зачем он поехал с ним. Это было нечто большее, чем просто отчитаться перед советом. Ему было интересно, какое преимущество они надеялись получить, находясь там.

Расбрук выглядел удивительно похожим на Леондорф до прихода южан, что удивило Вульфрика. Это было больше похоже на дом, чем Леондорф сейчас. Было очевидно, что их не ждали: ворота были открыты, но никакого вызова не последовало. Поначалу никто даже не обратил внимания на их появление. В конце концов кто-то остановился и уставился на них, к ним присоединились другие. Вульфрик никогда раньше не нападал на деревню и понял, что не знает, что делать дальше. Должен ли он броситься в атаку, рубя всех, мимо кого пройдет? Он думал, что там их будут ждать воины, но там были обычные люди, идущие по своим делам.

Вперед, парни!" — крикнул капитан.

Рурипатские солдаты пронеслись мимо Вулфрика, который все еще смотрел на деревню и ее жителей. Женщина закричала, и жители разбежались, когда рурипатские всадники въехали в деревню. Вулфрик попытался найти в себе ненависть, но не смог. Это были женщины, дети и старики. Ничем не отличающиеся от тех, кто живет дома. Они ничем не отличались от тех, кого убивали Расбрукеры, но Вулфрик не мог заставить себя сделать то же самое. Убийство простых людей — это не то, чем можно гордиться. Это не то, чем занимаются воины.

Вульффрик двинулся дальше в деревню в поисках настоящего врага, с которым можно было бы сразиться. Он заметил группу вооруженных людей, которые наконец-то отреагировали на нападение. Вулфрик опустил забрало своего шлема и погнал Грейфелла вперед. Рюрипатийцы беспорядочно прорывались в деревню, двигаясь как единое целое. Вульффрик пронесся мимо них и выхватил свою саблю, ревя, как одержимый.

Вульффрик, Стенн и Фарлоф, последние из прежних воинов Леондорфа, врезались в вооруженных Расбрукеров, рубя налево и направо, нетерпеливо ожидая, когда же они рассчитаются с кровным долгом.

Вульффрик рассек одного человека от плеча до грудной кости, а затем почувствовал, что его дергают за ногу. Не успел он среагировать, как упал набок, и мир пронесся мимо глазных отверстий в его забрале. Он ударился о землю с хрустом металла. Голова поплыла, когда он перекатился на живот и поднялся на руки и колени, а затем удар ногой распластал его по земле.

При падении он потерял хватку сабли. Он пошарил в грязи в поисках ее и заметил человека, который ударил его ногой. Вулфрик задохнулся и усмехнулся. Ярость взяла верх над здравым смыслом — человек был обут в мягкие кожаные сапоги, и ему не хватило времени подумать о последствиях пинка человека в пластинчатых доспехах. Он ковылял к Вулфрику, его лицо исказилось от боли.

Вульффрик нацупал свою саблю и вскочил на ноги. Мужчина сделал дикий, несимметричный замах на Вулфрика, от которого тот легко уклонился. В ответ он нанес свой дикий удар, от которого хромой не смог уклониться. Вулфрик вытащил свой клинок из тела мужчины и огляделся в поисках Грейфелла. Он увидел, как лошадь лягнула человека и подбросила его в воздух на двадцать шагов.

Солдаты теснили всех к деревенской площади Расбрука, сдерживая жителей в одном месте. Это была быстрая и жестокая схватка. Кровь Вулфрика бурлила, он жаждал новых сражений, но дар Джорундира еще не принял его в свои объятия. Он огляделся в поисках других воинов. На дороге в деревню лежало несколько трупов, но сопротивление закончилось. Он так долго мечтал о том, чтобы сжечь Расбрук дотла, чтобы десятки ее воинов пали от меча, что почувствовал себя подавленным.

Он подозвал Грейфелла, сел на коня и подъехал к рурипатскому капитану.

'Что ты собираешься с ними делать?' спросил Вулфрик, кивнув в сторону испуганных жителей деревни, окруженных на площади.

'Ничего. Нет смысла пускать поселение под меч. Мертвецы не могут торговать. Они узнают, почему мы это сделали, и если у них есть разум, то они поймут, что больше не будут вести себя плохо". Он повернулся к сержанту. Пусть кто-нибудь из людей соберет всех, кого вы сможете найти, и приведет их сюда. Я хочу, чтобы как можно больше из них услышали это. Не рискуйте".

Сержант ответил без слов. Стенн и Фарлоф присоединились к Вульффрику, ожидая его указаний, но Вульфрик ничего не сказал. Традиционным следующим шагом было мародерство, но Вульфрика интересовала только кровь воинов Расбруккера, а ее, похоже, больше не было.

Двух убийств было недостаточно, чтобы покрыть долг Леондорфа, но вместе с ним, Фарлофом и Стенном они убили полдюжины воинов. Этого будет достаточно. Ему трудно было поверить, что это то самое место, которое причинило столько зла его дому. Как бы он ни ненавидел их, он не мог заставить себя причинить вред людям, собравшимся перед ним.

Солдатам удалось найти еще несколько десятков жителей деревни, и они присоединились к группе на площади. Они смотрели на Вульфрика и остальных с той же ненавистью в глазах, которую он испытывал к ним. Теперь он чувствовал себя странно виноватым.

По приказу его превосходительства посла Уршеля, представителя маркграфа Эльцмарка, сообщаю вам всем, что это нападение предпринято в ответ на посягательства на собственность маркграфа. Чтобы возместить понесенные потери и расходы на эту экспедицию, мне приказано взять одного человека из каждых десяти для продажи на невольничьих рынках в Эльцбурге. Маркграф решил проявить милосердие в этом случае, но не принимайте это за слабость. Еще раз нападете на его владения, и эта деревня будет сравнена с землей, а все ее жители преданы мечу".

Это было не то, чего ожидал Вульфрик.

Отбери те, за которые можно получить наибольшую цену, — сказал капитан своему сержанту. Зафиксируйте их, а затем осмотритесь в поисках серебра. После этого мужчины смогут повеселиться".

Там не осталось ничего, что было бы нужно Вульфрику. Мы возвращаемся в Леондорф, — сказал он капитану.

Мне понадобится твоя помощь с...

'Мы возвращаемся в деревню', - повторил Вульфрик. Он посмотрел на капитана, давая понять, что этот вопрос не подлежит обсуждению.

Капитан на мгновение задержал взгляд, затем кивнул головой. Хорошо. Передайте послу, что мы от вас не отстанем".

Вульфрик никак не отреагировал. Как и все другие указания, которые ему давал рурипатиец с момента их прибытия в Леондорф, он собирался проигнорировать это. Он кивнул Стенну и Фарлофу, после чего повернул Грейфелла в сторону Леондорфа и повел его вперед. Когда они увязались за ним, пожилая женщина посмотрела на Вульфрика и поймала его взгляд.

'Что нам теперь делать? Ты убил моего сына".

Вульфрик посмотрел на нее и пожал плечами.

Родульф и двое его людей догнали пастуха и окружили его.

'Твой стада? Где они?'

Мужчина дрожал, но его рот оставался закрытым.

Скажи мне, и я забуду, что видел тебя", — сказал Родульф. Он опустил острие копья и прижал его ко лбу мужчины. Мужчина заскулил, и Родульф надавил еще сильнее. Кто-то расскажет мне, и твоя смерть будет напрасной". Он еще немного надавил на копье.

'Восточные пастбища'.

Спасибо, — сказал Родульф. Он кивнул остальным, и они поскакали прочь. Это не было актом милосердия, он просто не хотел убивать этого человека. Ему нужно было гнать стадо в сторону Леондорфа, пока их не нашли мародеры. Его отец послал пастухов собрать их и перегнать на юг, где их можно будет продать без необходимости делить выручку. Ему нужно было поторопиться. Рурипатийцы не станут задавать лишних вопросов, но Вульфрик и остальные могут попытаться доставить неприятности.

Родульф знал, что его отец будет в восторге, когда узнает, сколько скота отправится на юг, если только его пастухам удастся собрать их всех. Это придавало ему особенно хорошее настроение, когда он скакал обратно в Расбрук, чтобы посмотреть, какие разрушения были нанесены их традиционному врагу. Он никогда раньше не сжигал деревню дотла и понимал, что такая возможность может больше не представиться.

Когда он ехал обратно, то заметил человека, бегущего из деревни. Сначала он подумал, что это пастух, который открыл местоположение стад, и решил поехать туда, чтобы убить его; это была его первая битва, и он еще никого не убивал. Теперь, когда его задача была выполнена, он мог наслаждаться жизнью. Однако он быстро понял, что это был не тот человек. Но это не имело значения: убийство есть убийство. Родульф поднял копье и пустил коня в галоп.

Мужчина заметил приближение Родульфа и попытался ускорить шаг, но это было бесполезно. Он двигался медленно и неуклюже. У него не было шансов обогнать всадника. Родульф пронесся мимо него, прежде чем понял, что его серые одежды принадлежат священнику. Его это мало волновало.

Родульф собирался ехать дальше, но любопытство взяло верх. Он сошел с коня и подошел к телу, а двое его сопровождающих, наемники с юга, которых называли баннеретами, ждали на некотором расстоянии. Вряд ли у священника было что-то ценное, но он сжимал войлочный мешочек так, словно от этого зависела его жизнь. Родульф наклонился и освободил мертвые пальцы от мешочка. Он высыпал содержимое мешочка в руку и почувствовал разочарование, когда из него выпал комок металлической руды странной формы.

Он отступил назад, чтобы выбросить его, но остановился. Казалось, что он покалывает в руке. Уголком глаза он заметил, что она покрыта гравировкой. Он присмотрелся. Он не мог прочесть, что говорили выгравированные руны, но мог понять, что их начертание было очень тщательным. Для него они ничего не значили. Вероятно, это был какой-то религиозный предмет, что-то малоценное. Он хотел было снова выбросить его, но остановился. Она так хорошо лежала в его руке, как будто была сделана специально для его ладони. Он посмотрел еще раз, улыбнулся и положил его в сумочку.

Донатто ждал возвращения Родульфа, нетерпеливо желая узнать, сколько голов скота ему удалось перегнать на юг. Он увидел, как Вульффрик и двое его дружков вернулись в деревню, и почувствовал разочарование. Отчасти он надеялся, что Вульффрик будет убит в схватке. Трудно было не расстроиться, видя, как высокомерный верзила рысью въезжает в деревню, лениво покачиваясь на лошади. Его попытки оттеснить Вульффрика и других воинов на второй план увенчались успехом, но это мало помогло унять ненависть, которую Донатто испытывал к нему.

Глядя на него, трудно было поверить, что всего несколько лет назад он был маленьким толстым слабаком. Он был закутан в плащ из белека, который всегда носил, накиннутый на широкие плечи, с которых сошла каждая крупинка детского жира. Он явно воображал себя похожим на одного из героев былых времен: строен, как призовой бык, с косами в длинных грязных светлых волосах и густой бородой. Возможно, они тоже были высокомерными шалавами, но, по крайней мере, они уже были мертвы, и Донатто не приходилось смотреть на них каждый день. Донатто представил, как выколлет Вульффрику глаз, но ему стало не по себе. Уничтожать людей с помощью монет было его талантом, а не силой.

Победа требовала праздника, и, как ни пусто было на душе у Вульффрика, победа — это то, что у них было. Новый трактир был единственным местом для этого. Он заменил старую ветхую таверну, сгоревшую во время нападения. Трактирщик погиб вместе со своей таверной, а новым трактиром управлял один из прибывших с юга. Он вел бойкую торговлю, принимая купцов, которые все чаще приезжали на север, и старателей с холмов на востоке, жаждущих потратить свое серебро.

До прихода рурипатийцев деньги в Леондорфе никогда не пользовались особой популярностью. Единственный раз, когда кто-то доставал их, это чтобы купить вещи у южных торговцев, когда они приезжали. Воины получали все необходимое, а взамен им предоставлялась защита и регулярное снабжение свежей дичью из леса. Теперь Великий Зал соизволил бросить им несколько монет, когда они делали то, что им было велено. Посол вручил Вульффрику кошель с монетами, когда тот вернулся с вестями об их успехе в Расбруке. Взять его было унижительно, но им нужны были деньги, чтобы выжить в новом Леондорфе. Кузнец брал монеты только за починку, трактирщик — только за эль.

Вульффрик, Стенн и Фарлоф заняли столик в трактире как свой собственный. Они проводили там столько же времени, сколько и на крыльце Вульффрика. Обычно они держались особняком, но Вульффрик знал, что южане смотрят на них как на диковинку. Никто из них не знал, как вели себя их предки, когда собирались вместе или после победы. Временами Вульффрику казалось, что они — мальчишки, играющие в мужчин. Некому было подсказать им, как себя вести. Они чувствовали себя неловко, навязывая поведение, которое, по их представлениям, было принято у старых воинов. Возможно, они создадут свои собственные традиции, которым будет следовать следующая группа молодых людей,

совершающих паломничество. Если вообще кто-нибудь когда-нибудь отправится в паломничество. Вульфрик уже видел, как оставшиеся в живых мальчишки деревни с восхищением смотрят на солдат, а не на него и остальных, которые дремали на его крыльце, как старые, никому не нужные охотничьи собаки.

Другим важным изменением, которое произошло в новом трактире, стал выбор напитков. Если раньше они пили только медовуху и эль, то теперь южные вина и крепкие спиртные напитки, которые раньше были редкостью, были всегда в наличии. Вульфрик не был слишком пристрастен ни к одному из них, но некоторые, особенно новые члены совета, приняли вино с энтузиазмом. Некоторые бутылки стоили больше, чем целый бочонок эля, на что любители выпить всегда охотно указывали. Когда он его попробовал, оно было достаточно приятным, но за такую цену? Вульфрика поражало, как быстро они приняли южные традиции. Здесь так мало осталось от того, что было раньше. Это укрепило его желание идти по Пути Джорундира. Он будет скучать по матери, когда уедет, но он мог оставить ей достаточно южного серебра, чтобы ей всегда было комфортно, и она могла видеть, как жизнь в Леондорфе повлияла на него. Она ждала его отъезда с таким же нетерпением, как и он сам. Здесь для него ничего не было. Больше нет.

Вскоре после Вульфрика и других людей в трактир вошла группа солдат. Нападение на Расбрук было первым успехом с тех пор, как они пришли на север, и это было приятным изменением по сравнению с сопровождением повозок между деревней и шахтами, в постоянном ожидании следующей засады. Вульфрик не хотел смешиваться с ними. Возможно, им придется сражаться вместе, но это не значит, что они должны общаться вместе. Солдаты собрались в баре, шумные и ликующие, а Вульфрик и остальные тихо сидели за своим столиком в углу. Никто из них не видел в этой победе того, чего они хотели.

Эй, жители Нортленда, выпейте с нами". Призыв прозвучал из бара, от сержанта, который был с ними в Расбруке. Его слова были немного невнятными, что было удивительно, учитывая, как недолго они там пробыли. Вульфрик задался вопросом, что они пили, или просто были слабаками.

Спасибо, — сказал Вульфрик. Он не хотел пить с ними. Они были не самыми плохими людьми, поэтому он не чувствовал необходимости быть грубым. Если бы его позвал один из членов совета, которые часто пытались заискивать перед воинами, что осталось от тех дней, которые, как постепенно понял Вульфрик, никогда не вернуться, его реакция была бы совсем другой.

'Что? Мы достаточно хороши для того, чтобы с нами сражаться, но не для того, чтобы с нами пить?'

Это была не та реакция, на которую рассчитывал Вульфрик. 'Не обижайтесь, сержант. Просто тихо выпиваю с друзьями'.

'Ах, да ладно. У нас сегодня была победа, иди и отпразднуй с нами. Первая радость в этой грязной дыре'.

В глазах Вульфрика промелькнул гнев, и сержант заметил перемену в его лице.

'Не хочу обидеть, просто скучаю по дому, вот и все. Выпивка для парней', — сказал сержант и повернулся к трактирщику.

Это не крысиная нора, и мы не парни. Вам не мешало бы помнить об этом", — сказал Вульфрик.

Как я уже сказал, я не хотел обидеть, — сказал сержант.

'Только потому, что это не было задумано, не значит, что это не было вызвано', - сказал

Вулфрик. Он почувствовал, как напряглись Стенн и Фарлоф.

Сержант повернулся к ним лицом, и его люди собрались позади него. Все остальные звуки в трактире уже давно стихли.

Может быть, вам стоит вспомнить, что мы пришли сюда, чтобы защитить это место, с чем вы, похоже, не в состоянии справиться сами. Уважение идет в обе стороны, друг", — сказал сержант.

'Наверное, вам пора убираться домой и оставить нас на произвол судьбы. Уверен, в большом городе вам не придется беспокоиться об уважении".

"После сегодняшних усилий я бы подумал, что вам, ребята, нужна любая помощь, которую вы можете получить".

'Что, черт возьми, это значит?' прорычал Вулфрик, вставая с места.

"Это значит, что ты и твои приятели сегодня без нас просто спрятались бы".

"Мы бы так и сделали", — сказал Вулфрик, его кожу начало покалывать. Вы проводили большую часть времени, убивая женщин и стариков. Похоже, вы, парни, немного стесняетесь стали".

Сержант шагнул вперед. Если бы от вас была хоть какая-то польза, нас бы здесь вообще не было. Вы много говорите и расхаживаете здесь, словно вы боги. Вы видели, как мы сегодня обошлись с Расбруккерами. Если ты не будешь следить за своим языком, возможно, получишь то же самое. За такого здоровяка, как ты, можно получить хорошую цену на невольничьих рынках".

Сержант был крупным мужчиной. Все рурипатийцы были такими, что стало сюрпризом для Вулфрика. Он всегда считал их маленькими, слабыми и изнеженными. Они были изнежены жизнью в комфорте, как купцы, приезжавшие на север в прошлом. Лицо его выглядело так, словно за долгие годы ему пришлось немало повоевать: несколько шрамов, несколько обломанных зубов и нос, который по меньшей мере однажды был сломан. Вулфрик шагнул вперед и встал лицом к лицу с сержантом, но тот не отступил и даже не вздрогнул.

Их глаза были более или менее на одном уровне, а ноздри Вулфрика наполнились сладковатым запахом эля от дыхания сержанта.

'Что-то из того же самого?' сказал Вулфрик. Он чувствовал, как его сердце колотится от ярости, а руки начали дрожать.

Сержант кивнул. Вулфрику хотелось выпотрошить его там и тогда, но, как он ни был зол, голос разума все же сумел пробиться сквозь него. Его кинжал остался в ножнах. Он оттолкнул сержанта и шагнул вперед, чтобы заполнить пространство. 'Ну, тогда давайте посмотрим'.

Сержант замахнулся на Вулфрика, но тот легко уклонился. Он ударил сержанта по руке, когда он проходил мимо, отчего тот распластался по полу пивной. Его солдаты не нуждались в приглашении и ринулись вперед, как и Стенн с Фарлофом.

Вулфрик почувствовал, как кровь пульсирует у него в висках. Он ударил одного из приближающихся солдат, попав ему точно в подбородок. Солдат отлетел в сторону, врезался в стол и разбросал его и стулья по комнате. Казалось, все происходило в замедленной съемке. Все остальные в трактире, не участвовавшие в драке, бросились к двери. Кто-то ударил стулом по спине Вулфрика. Он разбился о его плечи, но он этого почти не почувствовал.

Стенн и Фарлоф контролировали остальных солдат, но Вулфрик хотел схватить

сержанта и выбить зубы из его большого рта. Он стоял в нескольких шагах от него, держа в руках обломанную ножку стула. Он поднял ее, чтобы замахнуться на Вулфрика. Вулфрик зарычал на него. Он опустил плечо и набросился на сержанта, ударив его в грудь, протаскив его по полу зала и впечатав в барную стойку.

Сержант хрюкнул, когда из его груди вырвался воздух. Вулфрик схватил его за шиворот и оттащил от барной стойки. В его голове бурлил вихрь ярости, когда он смотрел на сержанта. Вулфрик бил его по лицу, снова и снова, пока не почувствовал, что его тело обмякло. Вулфрик повалил его на землю и повернулся. Он заметил другого солдата, схватил его за плечи и ударил головой. Он продолжал бить лбом в лицо солдата, пока тот тоже не упал на землю. Он чувствовал, как кровь стынет в жилах, а кожу покалывает, словно по его телу марширует армия муравьев.

Стенн держал солдата в захвате, а Фарлоф выпроваживал одного за дверь. Оставался один солдат. Он выглядел так, словно был бы где угодно, только не там. Он сделал полшага назад, когда увидел, что Вулфрик идет к нему. Его взгляд метнулся к двери, но Фарлоф преградил ему путь. Он попытался перепрыгнуть через засов, но Вулфрик поймал его в середине прыжка и повалил на землю. Вулфрик зарычал, схватил солдата и ударил его об пол. Солдат захрипел, когда Вулфрик начал избивать его кулаками и локтями.

'Вулфрик!'

Вулфрик продолжал наносить удары.

Вулфрик!

Вулфрик услышал голос, который звал его по имени, но, казалось, он был далеко. Звук был знакомым, но он не сразу узнал его. Между ударами, которые обрушивало на него тело, его отрешенный разум искал ответ. Это был голос Фарлофа. Он остановился и огляделся.

'С него достаточно, Вулфрик. Тебе не нужно его убивать'.

Вулфрик кивнул и оглянулся на солдата. Его лицо превратилось в кровавое месиво, но он еще дышал. Он встал и посмотрел на предыдущего солдата, бесчувственно лежащего на земле, его лицо также было залито кровью. Сержант неподвижно лежал на земле, на половицах под его ртом была лужа крови и зубов.

Вулфрик не помнил, чтобы сражался с кем-то из них. Он чувствовал себя обессиленным. "Нам, наверное, пора уходить", — сказал он.

'Я был вынужден послать в Эльцбург врача, чтобы тот прибыл для оказания помощи пострадавшим', - сказал посол Уршель. 'Ранения оказались более серьезными, чем те, что мы получили во время нападения на Расбрук. Никто из них не сможет выполнять свои обязанности в течение нескольких недель, а сержант Вордан вряд ли когда-нибудь сможет вернуться к своим, по словам вашего лекаря...

'Этельмана', - сказал Донато, надеясь, что это будет полезно.

'Да, Этельман. Он сказал, что травмы больше похожи на те, что бывают после битвы, чем на драку в пивной. Этот воин, Вульфрик. Он зверь, и я хочу, чтобы с ним разобрались. Мы пришли сюда из лучших побуждений, чтобы помочь защитить деревню от внешней агрессии, и вот как нам за это отплатили?

Нет, подумал Донато. Вы получили в награду мешки серебра и лошадей, за которых можно получить королевский выкуп. Он потер виски. Он не хотел бы ничего больше, чем подвесить Вульфрика за яйца, но сейчас было не время и не подходящие обстоятельства. Когда он натравит Вульфрика, он хотел, чтобы это было окончательно и бесповоротно. Посадив его в клетку, он только сделает его еще опаснее. Донато создал хрупкий баланс для достижения своих высших целей, и суровое решение этого вопроса могло нарушить его. Ему показалось, или в последнее время у него все чаще болит голова?

'Я мало что могу сделать', - сказал Донато. Несмотря на все изменения, которые я, и которые мы проводили за последние пару лет, он — Первый Воин, и это все еще имеет большой вес среди жителей деревни. Донато никогда раньше не выступал напрямую против посла Уршеля, и он предпочел бы сохранить этот статус. Слишком многое можно было получить, играя по их правилам. Тем не менее, иногда все было не так просто.

'Мне плевать, кто он такой, — сказал посол Уршель, — и какой у него вес. Я хочу, чтобы с этим разобрались. Жестко".

Донато никогда раньше не слышал, чтобы Уршель ругался, и это его беспокоило. Ему нужно было продемонстрировать южанам, что он может добиться исполнения их воли без каких-либо заминок. Он должен был это сделать, если хотел получить то, что хотел.

Жители деревни восприняли ваше присутствие с гораздо большим энтузиазмом, чем я мог надеяться. Я не хочу угрожать такому положению дел". Это было слабо, но это было лучшее, что он мог придумать.

Посол Уршель нахмурил брови, поэтому Донато быстро продолжил.

В старые времена драки между воинами были обычным делом. Правда, они не приводили к столь... жестоким побоям. Дело в том, что люди не видят в этом ничего необычного. Воины — жестокие люди, и они ожидают, что жестокие люди будут вести себя так время от времени. Особенно после такой победы, как мы одержали над Расбруком".

Лицо посла оставалось безучастным, и Донато мог сказать, что он ничего не добился. Если люди увидят, что их воины наказаны за то, что ваши солдаты проиграли им битву, их мнение о вас изменится. Быстро и кардинально. Это может создать нам обоим множество проблем, и я боюсь, что это может даже прервать поток серебра на юг".

Глаз посла дернулся, и Донато понял, что он наконец-то попал в точку.

'Это может вызвать такую суматоху?'

Донато кивнул. 'Если жители деревни подумают, что солдат побили, а потом побежали

домой рассказывать сказки...'

'Понятно', - сказал посол.

Донатто был уверен, что посол многое приобрел благодаря своей связи с Леондорфом, как в финансовом плане, так и в плане благосклонности за то, что отправил столько богатств своему хозяину, Маркграфу. Он не хотел расстраивать ситуацию больше, чем сам Донатто.

Я полагаю, что мы можем оставить это на время, но это не значит, что я забыл об этом", — сказал посол. Когда ситуация станет более прочной, мы сможем вернуться к этому вопросу".

'Я с нетерпением жду этого'.

Донатто откинулся в своем кресле во главе стола и смотрел, как посол покидает Большой зал, чтобы вернуться в свою роскошную резиденцию на другой стороне площади. Было полезно, что Вулфрик нажил себе врага в лице посла. Еще один шаг к тому, чтобы отплатить Вульффрику за глаз.

Вулфрик знал, что после драки будут неприятности. Оставался только один вопрос — насколько. Ему не нравилась идея бежать от чего-либо, но сейчас, похоже, было самое подходящее время отправиться в давно задуманное им путешествие.

Вульффрик планировал сохранить свой отъезд в тайне до самого последнего момента. Единственное, что его сдерживало, — это мысль о том, что ему придется покинуть деревню. Не нужно было долго раздумывать, чтобы отбросить эту мысль. Он больше не играл никакой роли ни в защите деревни, ни в руководстве ею. Многие даже не заметят его отсутствия, и большинство из них будут рады этому. Все вещи были собраны, и оставалось только попрощаться с теми немногими людьми, по которым он будет скучать. Он понятия не имел, куда направляется, но ему предстояло исследовать очень большой мир, и большая его часть лежала на юге.

Когда он шел к кирхе, чтобы попрощаться с Этельманом, он заметил, как к постоялому двору подъехала и остановилась Эльцбургская карета. Она курсировала туда и обратно между Леондорфом и городом раз в неделю. Когда дверца открылась, из нее вышла молодая женщина с небольшим саквояжем. У нее были темно-рыжие волосы, ниспадавшие каскадом на плечи. На ней было длинное синее платье с белой блузкой и темно-синим лифом, украшенным черной нитью. Он не мог видеть ее лица, но одной ее фигуры было достаточно, чтобы привлечь его внимание. В Леондорфе было мало привлекательных молодых женщин, не считая проституток, которые следовали за солдатами на север.

Она выглядела слишком хорошо одетой. Может быть, возлюбленная южного офицера? Учитывая ее одежду, Вульффрику пришло в голову, что она может быть дочерью посла. Если это так, то Вульффрику захотелось представиться. Последнее оскорбление в адрес посла перед уходом. Прошло так много времени, что он успел обдумать все эти возможности, прежде чем понял, что это Адальхаид.

Вульффрику не нужно было видеть ее лицо. Высокая, стройная, с каскадом рыжих волос, он понял это по тому, как она стояла. Его сердце бешено колотилось, и он не знал, что делать дальше. Единственное, что он знал наверняка, это то, что его план по уходу был

провален. Он почувствовал головокружение и не мог перевести дух. Ему нужно было уйти с площади. Он не был готов к тому, что она увидит его. Он не был готов к разговору с ней.

Она выглядела так же, как он ее помнил, только лучше во всех отношениях. Она выросла в красивую женщину с изяществом и уравновешенностью. В его ушах все еще звучал ее смех, и мысль о ней наполняла его одновременно радостью и отчаянием. Он не знал, что ей сказать. Он не ожидал, что она когда-нибудь вернется. Какой бы она была сейчас? Еще три года в городе должны были изменить ее — она провела там большую часть последнего десятилетия. Что бы она думала о нем теперь, так сильно изменившись, в то время как он остался прежним? Может быть, она замужем?

Не успел он сообразить, что делает, как оказался на Грейфелле и помчался галопом на пастбища. Он не останавливался, пока и он, и лошадь не стали задыхаться. Он соскользнул с седла и позволил Грейфеллу пастись на густой траве. Он сидел и наблюдал за облаками, плывущими по небу и без усилий уносящимися к горам на востоке. Он чувствовал спокойствие вокруг себя, но ни одно из этих чувств не проникало внутрь.

Почему она вернулась спустя столько времени? Он посмотрел на свои ушибы и ссадины на костяшках пальцев и понял, что она не ошиблась бы, посчитав его невежественным дикарем. Ему было невыносимо думать о том, что она видит его таким, но, возможно, это было правдой. Их брачное обещание все еще было в силе, но это не означало, что его нельзя было нарушить. Поэтому ли она вернулась? Чтобы освободиться от него? Глупо было думать, что она не встретила кого-нибудь в городе. Она была красива и умна, и нравится ему это или нет, Вулфрик знал, насколько утонченными могут быть южане. Они могли предложить гораздо больше. После всей этой роскоши, что могло заинтересовать ее в Северных землях? Ему казалось, что его голова сейчас лопнет.

Он побрел обратно к деревне, Грейфелл следовал за ним, пока не добрался до дерева, их дерева, где сел и продолжал смотреть в пустоту.

Вулфрик? Я думал, найду ли я тебя здесь. Некоторые вещи никогда не меняются".

Он резко встал, пораженный неожиданным голосом. Он был здесь уже давно, и солнце опустилось на небо. Оно ослепило его, когда он повернулся, но сквозь прищуренные глаза он увидел Адалхаид. Он попытался что-то сказать, но слова не шли. Его рот открывался и закрывался, но он не мог издать ни звука. Адалхаид рассмеялась.

Я тоже рада тебя видеть. Ты стал... больше. Намного больше".

"Ты тоже", — сказал Вулфрик, наконец-то найдя наконец слова, а затем прикусил язык, когда понял, что это не совсем комплимент для женщины, и уж точно не то, что он предполагал сказать, когда впервые увидел ее снова.

Я так долго ждала нашей встречи. С тех пор, как узнала, что вернусь домой".

Это было долгое время. Я не ожидал, что ты когда-нибудь вернешься", — сказал Вулфрик. Когда ты решила?" Это прозвучало холодно, и он не хотел, чтобы это прозвучало.

Я всегда планировала, просто на все, что я хотела сделать, ушло больше времени".

Он поднял бровь.

'Университет. Чтобы получить диплом, нужно как минимум два года. Как только я

поступила, мне пришлось искать способ заплатить за все это. Я работала репетитором, чтобы заработать достаточно, и это отнимало у меня много времени, так что мне понадобилось почти три года, чтобы закончить университет. Но мне очень нравилась эта работа. Именно поэтому я решила вернуться и открыть здесь школу".

Ты не писала мне...

Ты бы смог прочитать письма, если бы я написала?

Он покраснел, зная, что честный ответ — нет, но подумал, что замечание было несправедливым. Он пожал плечами. 'Ты все равно могла бы их отправить'.

'Мне жаль', - сказала она. Я просто не думала, что меня не будет так долго. Сначала я думала, что всего на год, потом на два, потом на три. Чем дольше это продолжалось, тем труднее было писать. Я знаю, что это не очень хорошее оправдание". Она сделала паузу на мгновение. "Я думала, что ты будешь жить дальше".

Ты будешь скучать по городу?" — спросил он, меняя тему и надеясь сделать разговор более комфортным.

Она наклонила голову. 'Не рад, что я вернулась?'

Она дразнила. Он улыбнулся. На мгновение ему показалось, что годы, разделявшие их, растаяли. Нет, дело не в этом. Я просто подумал, что после жизни в городе Леондорф может показаться... скучным".

Леондорф изменился. Он кажется странным. Здесь так много лиц, которые я ожидала увидеть. Это глупо. Как будто я забыла, что произошло". Она тонко улыбнулась. "Приятно видеть, что в деревне снова все хорошо".

'Итак. Школа? Вулфрик силился найти хоть что-то, о чем можно было бы поговорить. "Почему вы решили открыть ее здесь?'

'Пара вещей. Если дети Леондорфа хотят конкурировать в мире, который открылся перед ними, то чтение, письмо и арифметика будут для них большим подспорьем. На юге много школ, а здесь ни одной. Но это не главная причина".

'Что именно?' сказал Вулфрик.

'Кто-то сказал мне, что на юге нужно учиться тому, что поможет деревне...'

Вулфрик улыбнулся. Она вспомнила. Это дало ему надежду. Наступил момент молчания. Он чувствовал себя неловко рядом с ней и ненавидел это. Он так давно хотел увидеть ее, но теперь, когда она была прямо перед ним, ему хотелось только одного — уйти от нее подальше.

"Ну, — сказала она. Мне нужно идти и распаковывать вещи. Я просто хотела сначала зайти к тебе и поздороваться. Увидимся позже?'

Вулфрик кивнул, разрываясь между желанием, чтобы она оставила его в покое, и желанием заключить ее в свои объятия, чтобы все стало как прежде, до ее отъезда. Он смотрел ей вслед, вспоминая тот день, когда наблюдал за ее отъездом на юг с дядей. Самый важный вопрос между ними остался неупомянутым — их помолвка. Он чувствовал себя трусом из-за того, что не заговорил об этом. Он мог встретить смерть в бою, но не мог встретиться со своими чувствами с женщиной.

В ту ночь Вулфрик пролежал без сна несколько часов, прокручивая в голове каждый момент их короткого разговора. Он простил себе свою неуклюжесть. Он уже был готов покинуть деревню и собирался попрощаться с ней. Ее приезд перевернул его мир с ног на голову, что, казалось, происходило каждый раз, когда он думал, что знает, в каком направлении движется его жизнь.

К его удивлению, она сама позвала его рано утром и предложила прогуляться, попросив его показать ей окрестности и рассказать обо всех изменениях в деревне. Когда она уезжала, здесь было лишь пепелище и наспех построенные лачуги. Он вел светскую беседу, указывая на все новые здания, как будто они не были достаточно очевидными, так сильно отличаясь от нортлендских, но постепенно они вошли в свой прежний ритм. Было уже позднее утро, когда они снова оказались у дерева. Вулфрику тоже стало казаться, что времени не прошло; этот момент можно было принять за любой из сотен. Она на мгновение замолчала, любуясь пейзажем.

Мне не хватало этого вида. В городе нет ничего, что могло бы сравниться с этим", — сказала она.

Она снова замолчала на мгновение, и Вулфрик не хотел испортить его, сказав какую-нибудь глупость.

Ты так и не женился, — сказала она, нарушая молчание. Я убеждала себя, что ты женишься. Я уверена, что любая из девушек в деревне была бы счастлива стать твоей женой".

Возможностей было предостаточно. Как она уже сказала, он был подходящим мужем для любой из молодых женщин деревни, и несколько человек поддержали эту идею. И Стенн, и Фарлоф женились через несколько недель после достижения совершеннолетия. Его мать становилась все нетерпеливее и постоянно пыталась убедить его согласиться на ту или иную свадьбу, но он всегда отказывался, не объясняя причин, кроме, казалось бы, общего недомогания.

В конце концов, к нему пришли слова. 'Никто из них не был тобой'.

Она покраснела и отвела взгляд.

'Ты ждал, что я вернусь?' — сказала она, ее голос был нерешительным и неуверенным, в отличие от ее обычного самоуверенного тона. Когда вопрос был задан так прямо, ответ был очевиден.

'Да.'

Рука Донато дрогнула, когда он взял пергаментный свиток, протянутый ему посланцем.

Благороднейший и светлейший Маркграф отправил необходимые патенты ее королевскому высочеству, принцессе Рурипатии, чтобы она подписала и запечатала их. Копии будут сделаны и отправлены вам, как и грамота о присоединении Леондорфа и прилегающих земель к княжеству Рурипатия, а точнее, к баронству в составе Эльцмарка. Вам, как... старосте деревни, остается только подписать этот документ".

"Мэр — это титул, который, как я полагаю, люди стали использовать", - сказал Донато.

Посол Уршель кивнул. Результат нескольких лет напряженной работы, уговоров и переговоров должен был быть реализован, но они всегда должны были дать понять, кто на самом деле главный, как будто это и так не было очевидно. Он прочитал документ так внимательно, как только мог, учитывая, что его сердце бешено колотилось. Он нахмурился.

Здесь нет упоминания о другой части нашего соглашения. Здесь нет упоминания обо мне лично".

Как только клятва верности будет подписана вами, а патенты скреплены печатью принцессы, Маркграф получит право назначить нового барона. До тех пор, это не в его власти. Все, что утверждает обратное, не стоит бумаги, на которой написано". Посол улыбнулся.

Донато побарабанил пальцами по столу. Он достаточно повидал мир, чтобы понять, когда ему лгут, но в данном случае он не был уверен. Планировал ли посол получить новое баронство Леондорф для себя? Донато так не думал. Этот человек не выказывал никакой любви к этому месту и часто говорил о том, что с нетерпением ждет возвращения домой после завершения процесса аннексии.

Если бы лордом Леондорфа был назначен иностранец, думаю, он встретил бы очень враждебный прием".

Посол рассмеялся. Не волнуйтесь. Я не пытаюсь использовать вас в своих интересах. И Маркграф, и я ценим вашу помощь. Вы сделали все правильно для нас, а мы сделаем все правильно для вас. Даю вам слово, что как только будут подписаны хартии и патенты, вы будете назначены лордом этого баронства. В любом случае, нам будет трудно найти на юге компетентного человека, который согласился бы приехать сюда на постоянной основе. Эта территория очень ценна для Маркграфа. Вы продемонстрировали свою способность делать здесь то, что нужно Маркграфу. Конечно, вы должны будете отправиться в Эльцбург, чтобы присягнуть Маркграфу, прежде чем все будет оформлено официально".

'Это не будет проблемой.'

'Прежде чем мы завершим наши переговоры, есть еще один вопрос'.

Донато почувствовал, что его улыбка померкла, и ему пришлось сосредоточиться, чтобы сохранить ее. Слишком близко, чтобы все это могло сойти на нет. Что бы это ни было, он знал, что ему придется это сделать. 'Другое дело?'

'Да. Что-то особенно близкое сердцу Маркграфа'.

Посол потянулся к тарелке с сухофруктами и сырами, стоявшей на столе перед ними. Все это были экзотические продукты: фрукты привезли из Шандахара, далеко, далеко на юге, а сыр — из Вентера, на другом берегу Среднего моря. Таких предметов роскоши нельзя было найти по крайней мере на сотню миль вокруг, и они никогда бы не попали в этот

отдаленный уголок мира, если бы не предприимчивость Донато. Они могли бы занять место на столе самого Маркграфа, и их цена доказывала это, но Уршель обращался с ними так, словно они были выбраны вручную из ближайшего коровьего дерьма. Он побаловался с маленьким, сморщенным фиолетовым плодом, а затем с презрением бросил его обратно на тарелку. Донато задумался, всегда ли так будет, когда он присягнет Маркграфу.

Это... деликатный вопрос, который Маркграф хотел бы решить как можно более незаметно".

Донато кивнул настолько серьезно и искренне, насколько мог. Деликатные дела, требующие незаметного внимания, по его опыту, могли быть очень выгодны для него.

'Там девушка.'

Всегда есть порок. Деньги, женщины, выпивка или наркотики. Какую гнилую жизнь вели эти южане. А ведь высокородные и могущественные воины Леондорфа считали его вырождением. Если бы они только знали. Он снова кивнул. Это было уродливо, но если это то, что нужно, то он согласится.

Она была воспитательницей двух детей Маркграфа. Отличный учитель и, по общему мнению, прекрасная молодая женщина. Она решила внезапно покинуть Эльцбург, и сын и дочь его светлости безутешны. Он бы очень хотел, чтобы юная леди вернулась ко двору".

Наставник. Его дети. Конечно. Донато подавил ухмылку. Они обставили все так, что это выглядело почти правдоподобно. Он был рад подыграть им, если посол хотел так все обставить. Скорее всего, это будет стоить ему денег, но так тому и быть.

Я рад помочь Маркграфу всем, чем смогу, но, боюсь, в данной ситуации я не вижу, как это сделать".

Позвольте мне объяснить. Девушка. Она родом из этой деревни, и, как мне кажется, вернулась сюда в последние несколько дней. Маркграф очень хочет, чтобы она вернулась в Эльцбург. Я не могу не подчеркнуть это".

'Если она здесь, как вы говорите, то я могу повлиять на ее выбор. Как всегда, удовольствие маркграфа — мое собственное".

'Ее зовут Адалхайд.'

Голова Донато раскалывалась от внезапной головной боли, словно по ней ударили молотом. Ему потребовалась вся его воля, чтобы удержать на лице угодливую улыбку.

Донато подождал, пока посол уйдет, и позволил своей маске сползти. Ему казалось, что его голова сейчас расколется на части. Он был так близок к тому, чтобы стать дворянином, обеспечить будущее процветание своей семьи. Он позаботился о том, чтобы класс воинов больше никогда не расхаживал по деревне так, словно она принадлежит им. Перед его кончиной Леондорф стал бы процветающим городом со всеми роскошествами юга. Когда-нибудь его потомки смогут соперничать с Маркграфом в богатстве и могуществе. Теперь все это было под угрозой из-за какой-то шлюхи.

Адалхайд — единственное имя в деревне, которое могло создать проблему. Он знал, что она вернулась. Они с Вулфриком были словно прикованы друг к другу в течение недели после ее возвращения. В деревне только и было разговоров, что об их скорой свадьбе.

Вульффрик теперь был никем; конечно, быть соержанкой Маркграфа было куда более привлекательной перспективой. Он усмехнулся, когда посол назвал ее воспитательницей. Неужели он думал, что Донато настолько наивен? Ему стало интересно, что бы подумал Вульффрик, узнай он, что его огненноволосая красавица приглянулась Маркграфу. Усмешка на его лице исчезла, когда он понял, что Вульффрик выпотрошит его при первом же упоминании об этом.

Он даже представить себе не мог, какой будет реакция, когда он предложит ей вернуться в Эльцбург и возобновить то, чем она там занималась раньше. То, что Вульффрик сделал с солдатами на постоялом дворе, было бы бледным сравнением с его реакцией на попытку снова разлучить их. Не слишком ли много надежд на то, что после столь долгой разлуки они не найдут друг друга столь приятными?

Он помассировал виски. Почему у него никогда не получается все гладко? Всегда находился какой-то подвох, что-то, что делало его жизнь сложнее, чем нужно. Он почти сделал своего сына воином, а потом у него отняли глаз. Он почти сделал себя дворянином... Нет. Он не может потерять это. Он вложил в это слишком много себя. Он редко сталкивался с проблемой, которую нельзя было решить тем или иным способом, и он был уверен, что эта не отличается от других. Вопрос был только в том, как далеко он готов зайти ради своего решения. Ему было все равно, поедет ли девушка на юг добровольно или нет, но она поедет, а он станет бароном. Он был уверен, что сможет справиться с ней; решение придет к нему достаточно скоро, как это всегда бывало.

Вульффрик был совсем другим. Из заносчивого зануды он превратился в по-настоящему опасного молодого человека. Он уже почувствовал вкус к убийству и, похоже, наслаждался насилием, как показало его поведение в трактире. Если Донато попытается заставить Адалхаид вернуться в Эльцбург, люди погибнут, и он, скорее всего, будет одним из них.

Донато показалось странным, но, возможно, удачным совпадением, когда его охранник привел Адалхаид в зал совета всего через несколько минут после ухода посла. Она была одной из последних, кого он ожидал увидеть. Не будет ли слишком преждевременным начать выяснять ее мысли о возвращении на юг?

Доброе утро", — сказал он, приняв как можно более приветливый вид. Что я могу сделать для вас сегодня?

"Я хочу обсудить создание школы в деревне", — сказала Адалхаид, не дожидаясь приглашения сесть.

Но у нас уже есть школа. Этельман все еще ведет занятия. Насколько я помню, ты была одной из его учениц".

'Школа в кирхе была хороша для того времени, но теперь ее недостаточно'.

Донато начал пренебрежительно поднимать руки, но Адалхаид оборвала его.

Если люди из деревни не умеют читать, писать и считать, мы напрашиваемся на то, чтобы нами воспользовались южане. Если они смогут, они будут процветать. Это хорошо для деревни. Это хорошо для всех. В том числе и для вас".

Это был сложный аргумент, и, застигнутый врасплох, Донато не смог придумать, что ответить. Он не хотел, чтобы она пускала корни или начинала работу над проектом, который

мог бы склонить ее остаться, но он должен был быть тонким в своем возражении.

Если вы решились на эту идею, — сказал он, — я не собираюсь стоять на пути".

Мне понадобятся деньги, чтобы все устроить, — сказал Адалхайд. Поскольку это будет благом для деревни, я надеюсь, что вы сможете выделить деньги из деревенских фондов".

Он хотел улыбнуться этой первой возможности усложнить ей жизнь. 'Это может быть проблемой'.

Адалхайд подняла бровь. У меня сложилось впечатление, что здесь проходит довольно много богатств. Серебро, я полагаю. В Эльцбурге об этом много говорят. Неужели Леондорф не получает от этого никакой выгоды?

'Да, конечно. Мы тратим значительные суммы на восстановление деревни, и нам приходится платить за солдат. Остается совсем немного".

'Это не займет много времени. Все, что мне нужно, это комната, и, возможно, кредит у некоторых ремесленников в деревне.

'Здесь все уже не так работает. Боюсь, монета — король, и без нее тебе будет очень трудно что-либо сделать".

"Где есть желание, там есть и путь, мэр".

Донато сочувственно улыбнулся. К сожалению, по крайней мере, на данный момент, я боюсь, что это не тот случай. Возможно, если вы придете ко мне во время сбора урожая, у меня найдется немного свободных монет, чтобы помочь вам все устроить".

Она улыбнулась и встала. Спасибо, что уделили мне время, — сказала она, прежде чем уйти.

Донато смотрел ей вслед. Годы, проведенные на юге, пошли ей на пользу. Вежливая, обходительная и обладающая острым умом. Однако школа была глупой затеей. Что толку в школе для шахтеров и шлюх?

Родульф понятия не имел, что это за камень и что он делает, но по какой-то причине он доминировал в его мыслях. Он всегда держал его при себе и чувствовал себя подавленным, когда позволял себе разлучиться с ним. В одиночестве он изучал его, но его тайны так и не стали яснее.

В дверь постучали, и появился слуга его отца. Мужчина нервничал. В последний раз, когда он побеспокоил Родульфа, его побили за дерзость. Однако Родульф был не в настроении учить манерам. Он чувствовал себя хорошо. Это был один из тех дней, когда он верил, что все идет своим чередом.

Ваш отец хотел бы видеть вас, — сказал мужчина.

"Я сейчас приду", — сказал Родульф, его глаза все еще были устремлены на странный маленький кусочек металла. Он опустил его в карман и последовал за человеком своего отца в Большой зал. Донато сидел во главе Большого стола, массируя виски. Слуга бесшумно вышел, оставив Родульфа с отцом.

Ты выглядишь раздосадованным, отец, — сказал он.

'Произошло событие, — сказал Донато. Проблема.

'Что теперь?' сказал Родульф. Он постарался скрыть нотки раздражения в своем голосе.

Его отец был мастером торговли и выжимал из сделки все до последнего медяка прибыли, но иногда казалось, что ему не хватает драйва, чтобы сбить препятствия со своего пути. Может, он стал слишком стар?

Посол хочет, чтобы Адалхайд вернулась на юг.

Этого не случится, — сказал Родульф. Она и этот мерзавец Вульфрик должны пожениться".

"Я знаю", — сказал Донато.

Родульф улыбнулся. Наконец-то у него появилось оправдание. Пока Вульфрик жив, этого не случится, — сказал Родульф.

По мере того как Белгар старел, каждая старая рана — даже те, что давно зажили и почти так же давно забыты, — вновь напоминали ему о безрассудстве его молодости. В холодный, сырой день он едва мог двигаться. Он участвовал во многих сражениях, но не мог вспомнить ни одного, в котором бы он так напрягся, как в Большом зале после прихода рурипатийцев. Временами ему казалось, что он разговаривает сам с собой. Будь у него хоть капля здравого смысла, он бы просто закрыл рот, но когда-то, в таком далеком прошлом, что он едва мог его вспомнить, он был Первым воином. Это звание перешло к другому, когда он стал слишком медлителен, чтобы заслужить его, но ответственность и чувство долга не покидали его. Он не мог сидеть сложа руки, не повышая голоса, если ему казалось, что для деревни принимаются неправильные решения, и неважно, насколько это облегчило бы его жизнь. Но разочарование разъедало его, грызло душу, и он боялся, что когда придет его черед присоединиться к Воинству Джорундира, от него ничего не останется.

Как и в бытность свою Первым Воином, Белгар каждый вечер выходил на улицу и прогуливался по Леондорфу, чтобы поговорить с жителями и узнать их мнение о разных вещах. Теперь здесь было так много незнакомых лиц. Когда он спрашивал, что они думают о рурипатийцах, ему хотелось кричать, как безумцу. Никто, казалось, не понимал, что они теряют и что их ждет в будущем. Они видели только роскошь, которую принесли с собой южане, еду и безопасность.

Некоторым утешением было то, что некоторые с гордостью упоминали о том, как Вулфрику удалось выбить дурь из солдат на постоялом дворе. Он улыбнулся, вспомнив об этом, и пожалел, что не был свидетелем этого. Все из-за того, что он отказался посещать трактир из-за его нового владельца. Он помнил время, когда он был бы разочарован тем, что не участвовал в этом. Как быстро пролетели годы.

Ходьба помогала облегчить больные суставы и утомила его настолько, что он смог заснуть, а усталость избавила его от разочарований дня. Было уже поздно, когда он проходил мимо Большого зала, обходя его с задней стороны по пути домой от стойла, где содержались лошади, пригнанные на продажу. Грустно было видеть, как они уходят, но еще грустнее было вспоминать, каким стал Леондорф после нападения Расбрука. Иногда приходится мириться с меньшим злом.

Его взгляд упал на то место, где в детстве он прижимал ухо к стене, чтобы услышать, что происходит внутри. Ему стало интересно, работает ли это до сих пор, учитывая все новые постройки. Любопытство взяло верх, и его суставы скрипнули в знак протеста, когда он наклонился, чтобы приложить ухо к стене. Он услышал голоса. Его удивило, что он испытывает юношеский восторг от подслушивания. Он имел полное право зайти внутрь и послушать, о чем говорят, но он получал слишком большое удовольствие. Тем более что в этот час здесь не должно было вестись никаких дел.

"Я тут подумал над просьбой, которую вы высказали на нашей последней встрече", — сказал голос изнутри.

Это был голос Донато. Белгар узнал бы его где угодно, хотя он и был приглушен стеной. Жирный, смазливый, совершенно неприятный.

Я рад это слышать. Мне очень хочется послать Маркрафу весть о том, что девушка возвращается ко двору. Надеюсь, ситуация в порядке? Это был посол. Он был единственным

ожанином, допущенным в Большой зал.

На мгновение воцарилась тишина, которая даже со стороны показалась Белгару неловкой. Он представил, как Донато ерзает в своем кресле, как он всегда делал, когда на него давили по поводу того, что он предпочел бы избежать обсуждения.

'В некотором роде, да. Однако есть проблема'.

'Проблема? Какого рода? Вряд ли это самая сложная просьба. Определенно, я бы не подумал, что это не под силу человеку ваших устремлений'.

'Она помолвлена с одним из воинов. Я считаю, что именно поэтому она вернулась в первую очередь. Перед тем, как она уехала из деревни в Эльцбург после катастрофы, было дано брачное обещание.

'С кем? Заплати ему, если хочешь. Уверен, мне не нужно напоминать вам, что Маркграф думает о тех, кто не может выполнить его указания'.

'Вы знакомы с ним, так получилось. Вот почему я подумал, что вам будет интересно обсудить некоторые варианты решения этого вопроса и, возможно, оказать помощь.

'Правда? Кто это?'

Вульфрик. Воин, который напал на ваших солдат'.

Белгар прижал ухо к стене сильнее, до боли. Что, черт возьми, они могли задумать?'

'Это интересно, но как бы я ни хотел увидеть его висящим на виселице за шею, я склонен расставлять приоритеты в порядке важности. Девушка, возвращающаяся в Эльцбург, возглавляет этот список. Все остальное — так, к слову'.

'Он пойдет за ней на край земли и убьет любого, кто попытается встать у него на пути', - сказал Донато. 'Она ни за что не вернется в Эльцбург, пока он рядом, и любой, кто попытается заставить ее, закончит жизнь самоубийством. Он не потерпит ни денег, ни земли, ни титулов. За то время, пока ее не было, он даже не взглянул на другую женщину. Об их браке говорит вся деревня'.

'Итак, решение, похоже, связано с его смертью или исчезновением', - сказал посол.

Если вы хотите вернуть ее в Эльцбург, его придется убить, — сказал Донато. Его голос дрогнул.

Белгар представил себе, как он яростно кивает, такой же лизоблюд, как и он сам. Он чувствовал, как ярость бурлит в его нутре. Он должен был сообщить Вульфрику об этом как можно скорее.

'Я улавливаю здесь скрытый мотив?' На мгновение воцарилась тишина, прежде чем посол заговорил снова. 'Это не имеет значения. Я знаю, что он сделал с моими людьми в трактире, и я не намерен оставлять это без ответа. Я не против убить его, если это облегчит нам обоим жизнь. Полагаю, вы уже продумали, как мы это сделаем?'

Мы продумали, — сказал Донато.

Мы? Вульфрик будет убит? Белгар сильнее прижал ухо к стене, но не смог расслышать третьего человека.

Конечно, вы узнали, — сказал посол. Полагаю, в этом будут участвовать мои солдаты?'

'Да.' Третий голос. Белгар ломал голову, пытаясь его узнать. Родульф. Эта одноглазая гадюка всегда должна была быть замешана в чем-то подобном.

'Ну, тогда давайте послушаем.'

Послышался звук стула, скребущего по полу.

'Уже идет подготовка к их свадьбе', - сказал Родульф. Мне сказали, что она запланирована на два дня вперед. Свадьба означает пир, а для пира нужно мясо. Это значит,

что воины собираются отправиться на охоту за ним".

И ты предлагаешь послать за ними моих людей? Чтобы убить Вулфрика? В лесу? Я не думаю, что ваш сын играет с полной колодой карт, мэр. Вулфрик — дикарь. Мои парни дрались в барах с тех пор, как их отучили от сиськи, а он разнимал их так, будто они не отличали удар от поцелуя. Если он смог сделать это с ними в их собственной среде, как вы думаете, что он сделает с ними в своей?

Белгар не мог не улыбнуться. Может, они и не выказывали Вулфрику уважения, но, по крайней мере, они его боялись

Я думал об этом, — сказал Родульф. Мы разделим их, чтобы охота шла быстрее. Отправь с ними несколько своих людей. Скажите, что это их наказание за драку, и мы хотим, чтобы к моменту возвращения они оставили свои разногласия позади. В интересах деревни и все такое. Они откликнутся, если их так попросить. Они могут быть невежественными дикарями, но они отрубят себе руку за деревню, если их об этом попросят. Мы посылаем по одному вашему солдату с каждым из них. Если их будет больше, они могут заподозрить неладное. Мы можем сказать, что солдаты хотят учиться у них. Сыграем на тщеславии этих высокомерных ублюдков".

Итак, вы отделите его от его дружков и приставите к нему одного из моих людей. Я все еще не понимаю, как это улучшает наши шансы", — сказал посол. 'Из того, что мне рассказали, Вулфрик в одиночку отвечал за большую часть ущерба, причиненного трактиру. И это было несколько человек".

Он может уметь сражаться, — сказал Родульф, — но стрела убивает любого человека одинаково. Человек, который идет с Вулфриком, оставляет след, по которому идут несколько лучников. Они ждут, пока Вулфрик и твой солдат не разобьют лагерь на ночь, и утыкают его стрелами, пока он спит".

Наступила долгая пауза. Белгар хотел сразу же броситься к Вулфрику и рассказать ему о том, что услышал, но ему нужно было знать все. Он не мог пока идти.

Итак, он мертв. Что дальше? Мне наплевать на него и на то, что ты, похоже, имеешь с ним личные счеты. Меня интересует девушка. Как вы заставите ее вернуться в Эльцбург? Я бы не хотел, чтобы мне пришлось тащить ее обратно пинками и криками, хотя я это сделаю, если это будет необходимо".

"У нее нет здесь семьи", — сказал Родульф. Единственная семья, которая у нее осталась, находится в Эльцбурге. Если ее здесь ничто не держит, ее не придется долго уговаривать. Осмелюсь предположить, что она уедет по собственной воле".

Внутри воцарилась тишина. Белгар почувствовал, как закипает его кровь. Ему хотелось войти в зал и самому убить всех троих.

'Хорошо,' сказал посол. 'Я хочу, чтобы это было сделано в ближайшее время, что, похоже, в любом случае соответствует расписанию. Мой срок пребывания здесь закончился, слава богам, и я возвращаюсь в город. Я хочу разобраться с этим до того времени. Мы можем взять ее с собой. Если все получится, это очень хорошо отразится на тебе и подтвердит доверие, которое Маркграф проявил к тебе до сих пор. Провалишь дело, и когда он присоединит Леондорф к Эльцмарку, то предпочтет тебе свинью. Я ясно выразился?

'Прекрасно', - сказал Донато. Это сработает, уверяю тебя. Мы с Родульфом все очень тщательно продумали".

Послышался скрежет ножек стула по дереву и звук шагов. Белгар отодвинул голову от стены и потер ухо. Он не мог поверить в то, что слышал. Он ненавидел Донато и Родульфа;

они были парой жирных, трусливых, считающих монеты крыс, но даже Белгар никогда не мог представить, что они могут сговориться и убить кого-то из деревни. Это была новая низость, до которой можно было опуститься. А разговоры об аннексии и облагораживании? Что это было? Впрочем, это может подождать, он должен был предупредить Вулфрика.

'Поздновато для прогулки, дедушка'.

Белгар застыл на месте; это был акцент южанина. Он медленно повернулся, чтобы его опасения подтвердились. Один из людей посла стоял и смотрел на него, держа копье в руке. Инстинкт воина подсказал ему, что сейчас произойдет, но его старое и изношенное тело не смогло уберечь его вовремя.

Донато, Родульф и посол Уршель сидели за столом в Большом зале, когда Белгар пришел в себя, как и тот солдат, который ударил его по голове. Он сидел перед ними, привязанный к стулу.

'Как много ты слышал, старик?' — спросил посол.

'Что? Не очень хорошо слышу. Говорите'.

Посол рассмеялся. 'Да, очень хорошо. Очень умно. Теперь скажи мне, как много ты услышал?'

'Пошел на хуй', - сказал Белгар.

Донато потер лицо. 'Это проклятый бардак'.

'Это не проблема,' сказал Родульф. 'Одна смерть. Две смерти. Нет никакой разницы.'

'Я согласен,' сказал посол. 'Убейте их обоих. Пусть все будет чисто'.

'Люди не убивают друг друга в такой деревне, как Леондорф, — сказал Донато. Это не город, знаете ли.'

'Правда?' сказал посол. Я рад, что вы обратили на это внимание. Иначе я бы не заметил. Я все еще не вижу проблемы'.

'Почему вы думаете, что мы разработали такой сложный план для Вулфрика?' сказал Донато. 'Мы не можем допустить, чтобы что-то выглядело подозрительно. Если они узнают, что я убиваю воинов, жители деревни ополчатся против меня быстрее, чем вы успеете щелкнуть пальцами, и когда они закончат потрошить меня, ваша дверь будет следующей, к которой они придут'.

Возможно, у твоего сына более крепкий желудок для принятия сложных решений, чем у тебя, — сказал Уршель.

'Мы можем представить это как несчастный случай', - сказал Родульф.

Донато поднял брови и улыбнулся.

'Ты чертова шляха-змея', - сказал Белгар. У тебя не хватит смелости убить человека'. Он плюнул в Донато, но плевок не попал.

Донато рассмеялся.

Твой отец тоже, — сказал Белгар. Даже после того, как он застал в постели меня с твоей матерью. У тебя та же желтая полоса, что и у отца'.

На этот раз смеялся посол.

Белгар улыбнулся. Бедная женщина нуждалась в удовольствии, живя с таким хромым

мудаком, как он. Я бы сказал, что он не способен породить такое дерьмо, как ты, и что ты можешь быть моим, если бы не тот факт, что я начал вызывать улыбку на ее лице только после того, как ты выполз на свет. Я бы сказал, что и в тебе этого нет, если бы вон тот одноглазый кусок крысиного дерьма не был так явно твоим мальчиком".

К этому моменту даже солдат уже смеялся. Лицо Донато было ярко-красным и перекошенным от ярости. Родульф не отставал. Донато встал, подошел и ударил Белгара по лицу.

Белгар проглотил полный рот крови и то, что показалось ему зубом, вместо того, чтобы продемонстрировать Донато, что это нанесло какую-либо травму. 'Твоя мать бьет сильнее, чем ты'.

Ты посмотрел на лошадей сегодня вечером, не так ли, Белгар? сказал Донато.

Белгар ничего не сказал.

"Конечно, да. Ты делаешь это каждую ночь, когда их привозят в город. Привычки измученного старика, который прожил дольше, чем следовало бы". Донато повернулся к солдату. Отведите его в загон для лошадей и бросьте его туда. Убедись, что работа сделана раньше. Никаких лезвий. Все должно выглядеть так, будто он упал и был затоптан до смерти".

Солдат кивнул и грубо стащил Белгара со стула.

Донато повернулся к послу. 'Это будет не так уж трудно проглотить. Все знают, что этот сентиментальный старый ублюдок любит смотреть на лошадей. Нет ничего удивительного в том, что он влюбился. Все еще думаешь, что у меня не хватит духу на такие вещи?'

'Отлично,' сказал посол. 'Как хотите, лишь бы это было сделано'.

Донато кивнул и повернулся обратно к Белгару. Что ж, отправляемся с тобой к Джорундиру. Уверен, ты с нетерпением ждешь этого".

Белгар снова плюнул в него, но на этот раз его цель была верной.

Донато проснулся рано и все утро был взволнован, ожидая, что тело Белгара будет обнаружено. Возможно, посол был прав. Может быть, у него не хватило духу на такое дело. Наконец, тревога была поднята. Один из конюхов заметил в стогу что-то, чего там не должно было быть, когда разносил утренний корм для лошадей. Донато отправился туда, как только ему принесли новость, изображая обеспокоенного мэра. Тело было покрыто синяками и избито почти до неузнаваемости. Либо солдаты были очень аккуратны, либо лошади закончили начатое. Потребовалось больше времени, чем он ожидал, чтобы они опознали в нем Белгара.

Подросли остальные воины, и Донато испытал невероятное удовольствие, когда Вульфрик и двое его дружков с благоговением подняли из раскисшей грязи изломанное тело Белгара и понесли его обратно к дому. Его удивило, как легко убить человека, особенно когда это делает кто-то другой. Возможно, ему придется сделать это более регулярной чертой своего правления, хотя власть над жизнью и смертью была одной из прерогатив феодала. Феодал. Барон Леондорф. Лорд Леондорф. Иногда казалось, что солнце светит на него, куда бы он ни пошел. Возможно, у него все-таки хватило на это духу.

Он старался не улыбаться, когда мимо проходили воины, пытаясь придать лицу выражение подобающей торжественности. Он смотрел вслед Вульфрику. Через день-два он последует за Белгаром в Воинство Джорундира, и тогда путь к знатности будет свободен. Он знал, что убить Вульфрика будет более трудной задачей, чем сломленного старика, и что он возлагает большую надежду на южных воинов. Тем не менее, план Родульфа был здравым. Их будет много, а разве трудно выстрелить из лука в спящего человека в упор? Он подумал, не стоит ли приготовить яд для наконечников, чтобы быть уверенным.

В сломанном тюке, который несли воины, послышалось движение. Чутье Донато среагировало раньше, чем его мозг. Его скрутило, и он подумал, что его сейчас вырвет. Он услышал стон, исходящий от сломанного тела. Он хотел верить, что ему это привиделось. Внезапно солнце показалось ему очень далеким. Каким же идиотом был этот солдат, что даже не смог забить старика до смерти? Хотя Белгар был жив, он, похоже, был без сознания. Возможно, он умрет, так и не очнувшись. Не слишком ли много надежд на это?

Черная туча спустилась над приготовлениями к свадьбе, когда по деревне разнеслась весть о ранении Белгара. Он был последним из своего поколения. Последним представителем образа жизни, который, возможно, никогда больше не увидят в Леондорфе. Этельман сказал, что вряд ли он очнется; скорее всего, он погрузится в забвение и займет свое место в воинстве Джорундира.

Белгар хорошо сделал, что продержался столько, сколько продержался. Вульфрик должен был быть благодарен за то, что так долго пользовался его мудростью. Смерть Белгара заставила его чувствовать себя таким же несчастным, как и смерть отца. Трудно было сохранять мужественное выражение лица, но нужно было готовиться к свадьбе и

Мальчик и в лучшие времена был возбужден, но сегодня он выглядел так, будто готов взорваться. Каждый раз, когда появлялось стадо оленей или особенно крупный кабан или белек, Вульфрик первым делом заглядывал в дверь. Он был, пожалуй, единственным в деревне, кто все еще преклонялся перед воинами. Однако новость заинтересовала Вульфрика. Поскольку до его свадьбы оставалась всего пара дней, близость большого стада оленей была благоприятной. Они смогут добыть много мяса и сделать так, чтобы после свадебного торжества все в деревне вернулись домой с сытым брюхом и улыбкой на лице.

'Есть ли здесь олени?' спросил Вульфрик.

Мальчик пожал плечами.

'Ну, я думаю, мне стоит пойти и посмотреть'.

Лицо мальчика засветилось от восторга, когда он понял, что его новость должна быть принята к исполнению. Он последовал за Вульфриком, когда тот шел через деревню, призывая Стенна и Фарлофа приготовить свои вещи и отправиться с ним на охоту.

"Что за суматоха? спросил Донато, выходя из Большого зала.

Недалеко от нас заметили стадо оленей. Мы собираемся на охоту".

'Вряд ли это сюрприз', - сказал Донато. 'Похоже, вы все только и делаете, что охотитесь и объедаете деревню до смерти'.

'Напомни мне, откуда берется мясо', - сказал Вульфрик.

Донато фыркнул. 'Мне нужно поговорить с тобой, прежде чем ты уйдешь'.

'О чем?'

'О том, как ты избил трех солдат Рурипатии, и как ты собираешься исправить ущерб, который ты нанес безопасности деревни', - сказал Донато.

'Это может подождать до моего возвращения'.

Донато быстро подошел к нему, так быстро, что Вульфрик подумал, не ударит ли он его. Он выпятил подбородок и уставился на Донато, но тот остановился и заговорил раздраженным шепотом.

А что, если они решат, что больше не хотят сражаться за нас?

'Расбрук побежден. Они больше не будут нас беспокоить', — сказал Вульфрик. Может, солдатам стоит вернуться домой, если они боятся, что это повторится?

'Ты просто не понимаешь, да? Без рурипатийцев любая другая деревня в Северных землях сильнее нас. Ты забыл, как быстро они набегали на наши стада, когда им представлялась такая возможность? Помнишь, что из этого вышло?'

Вульфрику хотелось сказать что-нибудь умное и, по возможности, оскорбительное, но он понял, что Донато прав. Он, Стенн и Фарлоф могли бы справиться с несколькими людьми каждый, но в Северных землях существовали угрозы, которые были бы для них слишком серьезными. Вульфрик не задумывался о том, что его действия могут поставить под угрозу всю деревню. Он не мог решить, что его злило больше: то, что он был так глуп, или то, что Донато был прав.

'Что мне нужно сделать?'

'Прости, я не расслышал?' сказал Донато.

Вулфрик почувствовал вспышку гнева, но проглотил ее. 'Я спросил, что мне нужно делать?'

Новый капитан рурипатского гарнизона любит охотиться. Он из особого рода дворян с юга, из тех, что заслужили свой титул воинской доблестью. Их называют "баннеретами", так что ты должен хорошо с ним поладить, если дашь ему шанс. Возьми его с собой на эту охоту. Я хочу, чтобы к моменту возвращения ты стал с ним лучшим другом. Я знаю, что ты думаешь обо мне, и все знают, что ты думаешь о рурипатийцах, но они все еще нужны нам и будут нужны до тех пор, пока мы не сможем выставить на поле боя хотя бы сорок воинов".

Пройдет не менее десяти лет, прежде чем это случится. Вулфрик внутренне застонал, но не показал Донато своего недовольства. 'Это охота в честь брачного пира. Я должен делать это только со своими избранными виночерпиями".

На этот раз, я уверен, боги закроют на это глаза. Благо деревни диктует это. Я уже поговорил с Этельманом. Он говорит, что проблем не будет, что в писаниях нет ничего, что требовало бы, чтобы это были только твои виночерпии".

Вулфрик задумался на мгновение и подумал, не стоит ли ему самому проверить Этельмана. Впрочем, это не казалось большой проблемой, и, как сказал Донато, причины были вескими. Он ненавидел, когда этот ублюдок был прав. 'Отлично. Я возьму его.

'Отлично', - сказал Донато, широкая улыбка появилась на его узком лице. Постарайся, чтобы он взял с собой что-нибудь впечатляющее. Это поможет подмазать колесики".

Вулфрик нахмурился. Скажи капитану, чтобы он был готов к выходу на рассвете.

Рурипатский капитан ждал у дома Вулфрика задолго до рассвета следующего утра, его лошадь и охотничье снаряжение были полностью готовы. Вулфрик ожидал увидеть кого-то похожего на предыдущего капитана. Но этот человек был совсем другим. Высокий, широкоплечий и светловолосый, он был одет в меховой плащ, наброшенный поверх одежды, подходящей для охоты.

'Ты здесь недавно?' спросил Вулфрик.

Прибыл три дня назад. Баннерет-капитан Эндрес к вашим услугам". Он щелкнул каблуками и отрывисто кивнул головой.

Вулфрик бросил на него подозрительный взгляд и прошел вперед, чтобы осмотреть его лошадь и снаряжение. Возможно, он и согласился бы взять капитана с собой, но он не собирался нянчиться с человеком, который обмочит свои штаны при первом запахе белека.

Ты увидишь, что все в порядке, — сказал Эндрес.

Вулфрик проигнорировал его и продолжил проверку, ища что-нибудь, в чем он мог бы найти недостатки. Он был разочарован.

'Все выглядит хорошо, — сказал Вулфрик. Может быть, в этой военной подготовке, о которой говорил Донато, что-то есть? Он прищурился в предрассветном полусвете и присмотрелся к Баннерету-капитану Эндресу.

'Этот плащ', - сказал Вулфрик. 'Это...'

Белек. Да. Я вижу, у тебя тоже есть такой.

Ты охотишься на белеков на юге?

'Да. Но только для спорта. Я понимаю, что здесь на них охотятся по необходимости".

'Да, время от времени они могут подходить близко к деревне. Но не часто.

'На юге они не приближаются к городам и поселкам. Чтобы найти их, нужно подняться в леса и горы".

Не могу сказать, что я когда-нибудь отправился бы на их поиски, — сказал Вулфрик.

Капитан Эндрес рассмеялся.

Возможно, в конце концов, это будет не такой уж большой труд. Проверив снаряжение, они отправились в путь.

В течение трех часов они упорно ехали в том направлении, где, по слухам, находилось стадо. Еще час ушел на то, чтобы найти следы оленей, но их было не так много. Конечно, их было не так много, как сообщалось. В этом не было ничего необычного. Люди преувеличивают, и он был уверен, что мальчик переврал размер и качество стада, о котором ему только рассказали. В любом случае, они могли унести с собой только столько мяса. Трех-четыре будет более чем достаточно.

Тропа, хоть и скромная, привела их в лес к югу от деревни. Неподалеку протекала приличных размеров река с крутыми берегами, и Вулфрик надеялся, что им удастся загнать стадо в ловушку. Однако это будет работа на следующий день, уже темнело, и продолжать путь означало рисковать получить глупую травму.

Когда Вулфрик проснулся, было еще темно. Первым ориентиром для него был костер. Он светился ровным светом, значит, он проспал пару часов, не больше. Что-то должно было его разбудить. Он сосредоточился на своих ушах, прислушиваясь, нет ли чего-нибудь необычного, что могло бы заставить его проснуться. Но ничего не было. Обычно он хорошо спал, даже когда находился в лесу.

Его сердце билось быстро. Сначала он подумал, что это просто дурной сон. Этельман говорил ему, что в преддверии свадьбы у мужчин нередко случается ненормальное напряжение. Сначала эта идея показалась ему нелепой, но по мере приближения дня он вынужден был признать, что Этельман был прав. Теперь его беспокоило еще и то, что он вернется без мяса. Это, конечно, было бы плохим началом свадьбы. До сих пор они не видели ни одного оленя.

Он продолжал прислушиваться, лежа так, что тишину нарушало лишь слабое потрескивание костра. Он знал, что это не просто нервное напряжение. Хотя он не видел никакой опасности, его руки неконтролируемо дрожали. Что-то было не так, как должно быть. Было слишком тихо. Даже с костром, отпугивающим диких животных, было много мелких тварей, которые не боялись, наполняя лес звуками. За пределами их маленького круга света костра не было слышно ни звука. Он вспомнил, как впервые отправился на охоту, как его отец отреагировал на те же обстоятельства. Молчаливый лес означает опасность. Как можно тише он достал из-под плаща саблю и вытащил ее из ножен. Прислушиваясь, он старался дышать как можно тише.

Ветка затрещала, и по земле захрустели шаги. Он вскочил на ноги и отступил от костра,

уходя от его света в подлесок. Он бросил в Эндреса камешек, но тот отскочил от его одеяла, и он не шелохнулся.

Вульфрик присел на пятки, осматривая темноту в поисках чего-нибудь. Глаза у него слипались, и он все еще боролся с путаницей прерванного сна. Из темноты просвистел арбалетный болт и с громким стуком ударился о дерево рядом с ним. Он нырнул в куст головой вперед, а затем выглянул наружу. Нападавших не было видно. Он подумал, не позвать ли ему Эндреса, который, похоже, все еще спал. Но это выдало бы его положение, а Вульфрик, каким бы приветливым ни был этот человек, не желал оказаться под арбалетной стрелой ради его блага. Если он был таким опытным воином, каким его выставил Донато, то вполне мог позаботиться о себе сам.

Два арбалетных болта пробили куст, в котором прятался Вульфрик, и каждый прошел достаточно близко, чтобы он почувствовал, как они пролетели мимо. Два болта, выпущенные так близко друг к другу, означали, что нападавших было больше одного, но он все еще имел лишь смутное представление о том, где они находятся. Он не мог сражаться с теми, кого не мог видеть. Эндрес не двигался со своего ложа, что, по мнению Вульфрика, означало, что он уже мертв. Досадно, но лучше пусть ему не повезет, чем Вульфрику.

Задерживаться здесь не было смысла. У них были все преимущества. Он повернулся и побежал, надеясь, что сможет потерять нападавших в темной путанице леса. Он поднял страшный шум, но это было ни к чему: он едва видел, куда бежит. Когда он уже начал думать, что ему удалось уйти, он почувствовал сильный удар в спину. Это повалило его вперед. Он выронил саблю и, спотыкаясь, прошел пару шагов, а затем упал на землю. Он потянулся за спину и нащупал толстый стержень болта, торчащий из спины. Он слышал, как люди бегут за ним, пробираясь через лес и перекрикивая друг друга. Он вскочил на ноги и продолжил бежать.

Он почувствовал еще два удара в спину. Они скорее вызывали онемение, чем боль, после того как шок от первого удара прошел. Ему удалось удержаться на ногах, он бежал вперед так быстро, как только мог, но дышать становилось все труднее. Он смахнул ветки со своего пути, поскольку его бег стал больше похож на спотыкание. Почему эти люди преследовали его? Наверняка риверы держались бы на расстоянии? Как он собирается вернуться домой к свадьбе?

Шум позади него становился все ближе. В дерево рядом с ним вонзился болт, и Вульфрик сбавил темп до медленной ходьбы. Он чувствовал невероятную усталость. В груди было тесно. Было так трудно дышать. Мир казался далеким, пока он продолжал спотыкаться в темноте.

Он даже не заметил обрыв на крутом берегу реки. Он падал, не успев понять, что происходит. Он не понимал, что находится так близко к реке. Это была последняя мысль, которая пронеслась в его голове, прежде чем он погрузился в ледяную воду.

'Значит, все готово?' сказал Донато.

Баннерет-капитан Эндрес кивнул. Он чувствовал себя так, словно находился на собеседовании: напротив него сидели мэр Нортланда и посол Уршель. На лице посла застыла улыбка.

'Я полагаю, вы привезли... доказательства?' сказал Донато.

'Мне сказали, что вам не нужны доказательства ничего, кроме лжи', - сказал Эндрес. Мы бросили тело в реку". Следы вели к берегу реки. Ему некуда было идти, кроме как вниз, и он никак не мог выжить в воде с парой стрел в спине.

'Но он точно мертв?' сказал Донато. 'Ты можешь меня в этом заверить'.

Эндрес снова кивнул. Он не был так уверен, как говорил, но если арбалетные болты не убили Вульфрика, то падение и ледяная вода — точно. Он не любил называть работу выполненной, не видя, как остывает тело, но он был уверен. Тем не менее, ему нужны были деньги, поэтому он убил свинью и сделал так, чтобы лагерь выглядел так, будто крови было пролито гораздо больше, чем на самом деле. Они оставили оружие Вулфрика и несколько обрывков ткани, в том числе кусок меха белека с его собственного плаща. Ему не хотелось отрывать его, но ущерб был невелик и незаметен, а платы, которую он должен был получить, не было.

Они, вероятно, захотят послать поисковый отряд за телом", — сказал Донато. Полагаю, они найдут лагерь, который выглядит так, будто там кто-то умер?

Кто-то так и сделал, — сказал Эндрес. В это время года дикие животные не оставляют мясо надолго. Много волков, медведей. Может быть, даже белек. Никто не удивится, если не найдет на земле ничего, кроме крови. Его мечи все еще лежат там. Ни один уважающий себя воин не оставил бы их, если бы был в состоянии их нести".

'Его друзья наверняка захотят поговорить с тобой', - сказал Донато. Что ты собираешься сказать?

'Они будут рады, но им придется поторопиться. Я планирую вернуться в город с послем Уршелем. Я скажу им, что на нас напал белек. Я так понимаю, он умел их привлекать. Всем рано или поздно везет. Будучи трусливым южанином, я сбежал".

Донато одобрительно поджал губы. 'Это должно сработать. Они ожидали, что он будет стоять на своем и сражаться. Чертов дурак".

'Храбрый человек', - сказал Эндрес. Надо было видеть белека, чтобы понять. Жаль, что он умер так, как умер. Не очень хорошая смерть".

'Похоже, у тебя не было проблем с тем, чтобы облегчить ее', - сказал Донато.

'Нам всем нужно есть', - сказал Эндрес. Кстати говоря. Мои деньги?

Донато взял кожаный мешок и толкнул его через стол. Эндрес открыл его и заглянул внутрь. Он был тяжелым, и в нем лежали маленькие, грубые слитки серебра. Он улыбнулся.

'Учитывая все обстоятельства, я думаю, будет лучше, если ты забудешь о том, что когда-нибудь снова посетишь Леондорф'.

'Я уверен, что смогу сдержать это желание', - сказал Эндрес. 'Приятно иметь с вами дело'.

'Сомнений быть не может, — сказал Донато. Баннерет-капитан Эндрес сказал, что нападение произошло без всякого предупреждения. Оно было быстрым и жестоким, и ему едва удалось спасти свою жизнь".

'Он все же спасся', - заметила Адалхаид. Почему Вульффрик не смог? Он действительно видел, как Вульффрика убили?

Донато переместился в своем кресле. 'Нет, но я послал Стенна и Фарлофа назад, чтобы посмотреть, смогут ли они найти его тело. Я надеялся, что, возможно, он просто ранен или прячется".

'Но это не так.'

Донато покачал головой. Его оружие, несколько обрывков окровавленной одежды, кусок его плаща..." Что бы ни было с остальным, кусок плаща Белека был весомым доказательством. Я не думаю, что могут быть какие-либо сомнения. Мне жаль. Он — большая потеря для деревни".

Адалхаид кивнула, но сохранила самообладание. 'Что, по-вашему, произошло?'

Эндрес сказал, что все произошло так быстро, что все было как в тумане. Он уверен, что это был белек посреди ночи". Вульффрик остался, чтобы встретить его. Эндрес бежал. Не самый смелый поступок, но..." Донато мог прочесть выражение лица Адалхаид. Это была смесь отчаяния и неверия.

'Его тело. Они ничего не нашли?" — сказала она. Ее голос дрогнул, каждое слово произносилось, пока она пыталась сдержать слезы.

Я надеялся избежать этого. Нет простого способа сказать об этом, и я знаю, что тебе будет трудно это услышать, но я чувствую, что ты заслуживаешь правды. Белеки не склонны оставлять много следов от своей добычи". Он постарался сказать это как можно мягче. Он хотел, чтобы она почувствовала, что он на ее стороне, что он беспокоится только о ней. Я говорил с Этельманом. Он заверил меня, что это никак не мешает восхождению Вульффрика на пост Вождя Джорундира. Он уже сделал более чем достаточно, чтобы мы были уверены, что он будет принят своими павшими братьями". Противостоять белеку — очень мужественный поступок. Ты должна гордиться им".

Адалхаид начал тихонько всхлипывать. Похоже, ложь была проглочена. Он задумался, как долго ему следует ждать, прежде чем приступить к следующему вопросу. Он предпочел бы оставить это на несколько недель — хотя бы на несколько дней, чтобы дать возможность горю немного утихнуть и постепенно поселить в ее голове мысль о возвращении на юг в надежде, что она укоренится и станет ее собственной идеей. К сожалению, посол Уршель на это не согласился. Он сказал — в конце недели, значит, в конце недели и будет. Чем быстрее будет улажено дело, тем скорее Донато сможет начать думать о том, где построить свой замок.

Я могу послать весточку твоему дяде, если хочешь. В такие моменты лучше быть с семьей".

Она рассеянно кивнула.

Донато улыбнулся. Все, что ему оставалось сделать, это посадить ее в карету и вернуть в Эльцбург. Сделав это, он выполнил свою часть сделки, и она стала чужой проблемой. Возможно, это будет проще, чем он надеялся.

Вулфрик очнулся, задыхаясь и кашляя от брызг воды на лице. Он лежал на галечном берегу у берега реки, промокший насквозь, замерзший и онемевший. На нем было всего несколько обрывков одежды. Он сел и зарычал от боли. Его спина словно расплавилась. При каждом движении он чувствовал, как кожа и мышцы натягиваются на выпущенные в спину стрелы.

К счастью, его белецкий плащ зацепился за дерево неподалеку от того места, где он лежал. Он с трудом поднялся на ноги и достал его, при этом стрелы в его спине давали о себе знать при каждом движении. Плащ промок, но быстро высох и согрел его. Если раны не убьют его, то холод — точно. Пока он лежал, он понял, что плащ уже спас его. Он проглотил большинство ударов, и ни один из них не проник достаточно далеко, чтобы причинить смертельный вред.

Он натянул на себя плащ и осторожно потянулся к спине, чтобы прощупать раны. Это были арбалетные болты; толстые и острые. Болты мягко и болезненно покачивались, когда он прикасался к ним. Они были не настолько глубоко, чтобы быстро увязнуть. Он задумался, какой вред нанесет их вытаскивание. Стрелы охотников были бы с колючками, и если бы он попытался их вытащить, то устроил бы невообразимый кошмар. Южане были единственными, кто использовал арбалеты, а значит, это были, скорее всего, риверы. Но все равно, похоже, они не могли справиться с плащом Белека. Он не собирался добираться до дома, когда они все еще торчат у него в спине, и если ему суждено умереть, то не от того, что он слишком робок, чтобы попытаться выжить.

Для того чтобы крепко ухватиться, ему пришлось напрягаться и изгибаться до агонии. Первый болт выскочил с тошнотворным звуком, напомнившим ему звук, издаваемый при разделке убитого животного. Второй выскочил без особых усилий, и он стал надеяться на третий. Ощущение было более сильным, и ухватиться за него было практически невозможно. Он резко дернулся, зацепив рукой болт и одним движением выдернув его. Боль пронзила его, как раскаленное копьё, и он снова зарычал — не самый умный поступок, если его все еще преследуют. Пора было двигаться.

Он бросил болты в воду и увидел, как два из них полетели вниз по течению. Третий плавал на поверхности, подбрасываемый бурлящей водой. Это означало, что его острие, вероятно, все еще находится внутри него. Было много вещей, способных убить его гораздо быстрее, чем это, но ему придется попросить Этельмана вытащить его, когда он вернется домой. Он еще раз осмотрел раны на спине. Его плоть все еще была холодной на ощупь, но кровотечение было незначительным, и это не вызывало у него беспокойства.

Он знал, что если быстро не согреется, то, скорее всего, заснет и больше не проснется. Он с трудом выбрался на берег, забрался в подлесок и начал пробираться обратно вверх по реке. Он не был уверен, как далеко он ушел и как долго пролежал на берегу реки, но он знал опереправе вверх по реке от того места, где они разбили лагерь. Если повезет, он сможет вернуться домой к следующему дню.

Пока он шел, он думал о том, что произошло. Ему было жаль Эндреса. Похоже, именно его смерть разбудила Вулфрика, так что в каком-то смысле он был обязан капитану

баннерета своей жизнью. Негоже воину умирать, лишившись возможности быть убитым в бою с мечом в руке. Он остановился и проклял свою наивность.

Скорее всего, стрелял Эндрес. Именно поэтому Донато так настаивал, чтобы Вулфрик взял его с собой. Может, это его наказание за драку в трактире? Должно быть, он оставил след, по которому могли пойти другие, а потом дождался, пока он уснет. Он снова выругался. В этом был смысл, но слишком уж замысловатой казалась схема, если это просто южане мстили за драку. С таким же успехом это могли быть и бандиты. Со всем серебром, проходящим через страну, бандитизм рос. Это была одна из самых нежелательных вещей, пришедших на север вместе с южанами. У них тоже было много бродяг. Вулфрик знал, что это легко объясняет случившееся. Тем не менее, он не мог отделаться от ощущения, что Донато приложил к этому руку.

Надежды Вульфрика вернуться домой на следующий день оказались напрасными. Прошло шесть дней, когда он, полуголодный, вернулся в Леондорф. Раны на спине переходили от онемения к жгучей боли, и он не знал, что предпочесть. Однако время, проведенное в реке, оказалось в какой-то степени спасительным: оно очистило раны на его спине, а значит, они не стали хуже. Когда он вошел в деревню, он был измучен, голоден и невероятно слаб. Все, о чем он мог думать, это о том, чтобы упасть в объятия Адалхаид. Если он смог продержаться так долго, значит, все будет хорошо.

В последний раз, когда он вошел в деревню в тяжелом состоянии, его сразу же узнали. Поскольку в Леондорфе было так много новичков, первые встречные смотрели на него с неприязнью, которую они испытывали к дикарям, живущим в глуши и приходящим в деревню, чтобы обменять меха и драгоценные камни на необходимые им вещи.

Он был весь в грязи, его волосы и борода были в грязи. Они были настолько грязными, что его обычный темно-русый цвет волос потемнел до коричневого. В конце концов, кто-то смог разглядеть сквозь грязь, как он, спотыкаясь, идет по улице к дому, и помог ему пройти остаток пути. Когда он пришел домой, его мать пресекла все реакции на его внешний вид и принесла его прямо в его кровать, где сон овладел им сразу же, как только он положил голову.

Донато все больше времени проводил, стоя на ступеньках перед Большим залом. Ему нравилось смотреть на деревню — свои владения — и наблюдать, как жители — его подданные — занимаются своими делами. Он позволял своим мыслям блуждать, размышляя о том, какие изменения он произведет, когда будет свободен от контроля посла. Через деревенскую площадь хромал грязный, ободранный убогий человек. Донато с отвращением усмехнулся. В городах, которые он посетил на юге, было много нищих, но в своей деревне он их не потерпит. Он уже собирался попросить одного из солдат утащить бродягу из деревни и избить его до крови в назидание, чтобы не возвращался, как вдруг понял, что в этом человеке есть что-то знакомое.

Он отступил назад в Большой зал, пока никто не увидел его реакции. Это был Вульфрик. Осознание этого факта обрушилось на него, как ведро ледяной воды. Он захлопнул за собой дверь и прижался к ней. Его трясло. К черту Эндреса, подумал он. И к черту Уршеля с его бесполезными солдатами. Разве трудно убить человека во сне из арбалета? Донато полагал, что даже ему это под силу, хотя он никогда не стрелял из арбалета. Они разыграли его, как дурака, и оставили его с вонючим грязным дерьмом для уборки.

Донато разрывался между яростью и ужасом. Как много знал Вульфрик? Если Вульфрик решил, что они с Родульфом подстроили его смерть, то все могло пойти только по одному сценарию. Полдюжины солдат не смогли справиться с ним на постоялом дворе — они даже не смогли убить его, пока он спал. Донато глубоко вздохнул и задумался. Вульфрик никак не мог знать, что он имеет к этому отношение. Возможно, он даже не знает, что произошло. Он

выглядел в ужасном состоянии. Расплата за драку в баре была самой очевидной причиной всего этого. Он мог свалить вину за все на это. Без доказательств Вульффрик был бы не более чем убийцей, если бы убил его. Уршель, Эндрес и другие солдаты уже уехали на юг, так что улики будет трудно найти. Пока он будет играть умно, Вульффрик никогда не сможет связать его с этим делом. Он мог подозревать сколько угодно, но без доказательств у него ничего не было. Все было просто. Солдаты хотели отомстить за драку в трактире, и никто не мог сказать ничего другого.

Однако это была лишь одна решенная проблема. Как только Вульффрик узнает, что Адальхаид вернулась в Эльцбург, он отправится за ней, вернет ее и убьет любого, кто встанет на его пути. Маркграф будет разгневан, а Донато потеряет свое баронство. Возможно, Донато и хотел бы думать, что теперь это проблема кого-то другого, но пока его жалованная грамота не доставлена и он не присягнул на верность Маркграфу, он не мог допустить, чтобы что-то помешало ему. Он не сомневался, что посол возложит вину за это на его голову, если Маркграф будет разгневан. Нельзя было допустить, чтобы Вульффрик отправился за ней.

Когда Вульффрик проснулся, он лежал на животе. Кто-то ковырялся в ранах на его спине. Вульффрик напряг шею, чтобы посмотреть, кто это.

Лежи спокойно, парень, — сказал Этельман. Прошло еще несколько толчков и тычков, прежде чем он заговорил снова. 'Все чисто', - сказал он. В ранах было немного ткани, но они были не очень глубокими. А это. Он протянул небольшой кусок металла, чтобы Вульффрик мог его увидеть. Наконечник арбалетного болта.

Ты собираешь неплохую коллекцию шрамов, — сказал Этельман. Твой отец гордился бы тобой. Теперь ты можешь перевернуться".

Вульффрик улыбнулся и перевернулся на спину. "Сколько я спал?"

Два дня, — сказал Этельман. А до этого тебя не было неделю. Судя по всему, этот белецкий плащ спас тебе жизнь. В нем есть несколько дыр, которые придется заштопать, но, полагаю, у тебя есть запасной, чтобы заменить его. Ты знаешь, кто на тебя напал?

"Нет", — сказал Вульффрик. Я их даже не видел.

'То же самое сказал и капитан рурипатийцев'.

'Эндрес выжил?' сказал Вульффрик, переворачиваясь, чтобы посмотреть Этельману прямо в глаза. Это добавило веса его подозрениям.

Да, ему удалось уйти. Сказал, что убежал, когда напали белеки. Впервые слышу, чтобы белек напал с арбалетом, но я слышал и о более странных вещах".

Вульффрик рассмеялся, но быстро подавил смех. Это был не белек. Я не могу не думать, что это был капитан Эндрес".

Когда я увидел раны на твоей спине, я и сам так подумал. Ты не нажил себе друзей той ночью в трактире".

Полагаю, не стоит надеяться, что он все еще в деревне?

Этельман покачал головой. Он уехал через пару дней после возвращения. Стенн и

Фарлоф пошли посмотреть, не найдут ли они твоих следов, но в лагере было так много крови и порванной ткани, что они решили, что ты никак не мог выжить".

Ты можешь позвать Адалхаид? Мне нужно сказать ей, что я сожалею о том, что пропустил свадьбу. Я не пытался избежать этого".

Просто отдохни. Не беспокойся об этом. Неделя в пустыне принесла тебе больше вреда, чем болты. Тебе нужен отдых и хорошая еда".

Он так сильно устал, что это прозвучало как хорошее предложение, которое его тело уже выполняло. Его веки отяжелели.

Еще одна ночь сна принесла огромную пользу. На следующее утро Вулфрик проснулся, чувствуя себя значительно лучше. Мать принесла ему миску бульона, а он сидел в кресле отца и смотрел в маленькое окошко, через которое можно было наблюдать за тем, что происходит в деревне. Как только он поел, он собирался отправиться на поиски Адалхаид. Ему нужно было извиниться за то, что он пропустил их свадьбу, но он отчаянно хотел ее увидеть.

Я должна тебе кое-что сказать, — сказала его мать.

Вульффрик приостановился, держа ложку в воздухе. Он слышал, как капли бульона брызгают обратно в миску. Разговоры, которые начинались подобным образом, никогда не были хорошими.

'Это насчет Адалхаид'. Она тяжело сглотнула.

Вульффрик почувствовал легкое головокружение.

Адальхаид решила вернуться в Эльцбург к тете и дяде после того, как мы узнали, что тебя убили. Когда Стенн и Фарлоф подтвердили, что нет никаких признаков того, что ты выжил, она сказала, что ей нужно уехать подальше от вещей, которые напоминают ей о тебе".

'Это понятно', - сказал Вулфрик. Он был разочарован, но в то же время почувствовал облегчение. Это объясняло, почему она не пришла к нему. Он еще несколько дней не был готов к долгой поездке на юг, но он был бы рад этому занятию. Кто-нибудь дал ей знать, что со мной все в порядке?

Его мать издала стаккато рыданий, что говорило о том, что она сдерживала их так долго, как только могла.

Мне жаль, Вулфрик. Она умерла".

Он уронил миску и ложку, но едва заметил, как горячий бульон пролился на его брюки. Ему казалось, что он не может дышать, что комната кружится вокруг него.

'Как? Что случилось?'

На карету, в которой она ехала, напали. По их мнению, разбойники, но они не могут сказать наверняка, кто это был. Они сказали, что она скорее покончила с собой, чем попала к ним живой". Она сильно всхлипывала. Мне очень жаль, Вулфрик, но ее больше нет.

'Когда?'

Она ушла через несколько дней после того, как мы узнали, что тебя убили. Мы получили известие о том, что с ней случилось прошлой ночью".

'Ее тело,' сказал он, его голос был едва ли больше, чем шепот.

Они отвезли его в Эльцбург. К ее семье...

Его мать продолжала говорить, но он больше ничего не мог слышать.

Вулфрику показалось, что он задыхается. Спотыкаясь, он вышел на улицу и начал идти. Он был в оцепенении, совершенно не в состоянии упорядочить свои мысли.

'Мои соболезнования'.

Вулфрик остановился и оглянулся, чтобы посмотреть, кто говорит. Он не обращал внимания на все и не замечал никого вокруг. Это был Родульф. Вульффрику пришлось добавить удивление к своим путаным мыслям. 'Спасибо.' Он не знал, как еще ответить.

'Ее будет не хватать', - сказал Родульф. Больше всего гарнизону. Как мне сказали, она спешила удовлетворить их... нужды, каждый раз, когда ты поворачивался спиной".

Ярость рассеяла туман замешательства в голове Вулфрика. Родульф, похоже, действительно не выучил свои уроки. Он шагнул вперед и схватил Родульфа за шиворот. Он надавил вперед, опрокинул Родульфа назад на пятки и занес кулак, чтобы начать свое возмездие. Он посмотрел в лицо Родульфа и с удивлением увидел, что там нет страха.

'Уверен, что это хорошая идея?' сказал Родульф. Ты уже не так силен, как раньше. Он улыбнулся.

Вулфрик сильно ударил его. 'Ты думаешь, будет трудно передвигаться без глаз?' Он ударил Родульфа во второй раз. Вулфрик почувствовал, что его зубы стучат от ярости. Он выхватил кинжал из-за пояса.

'Эй! Что там происходит!'

Вульффрик увидел Стенна и Фарлофа, бегущих к нему. Он прижал острие кинжала к щеке Родульфа. На его острие появилась бисеринка крови. Родульф извивался в его хватке.

Вульффрик, не будь дураком! сказал Стенн. 'Отпусти его!'

Стенн и Фарлоф налетели на него, повалив всех на землю, и выбили кинжал из руки Вульффрика. Голова Вульффрика была мокрой, когда он с трудом поднялся на ноги. Он посмотрел на Родульфа, стоявшего над ним.

'Ты должен узнать свое место. Времена изменились. Мы больше не нуждаемся в таких, как ты. От тебя было бы больше пользы, если бы тебя запрягли в плуг. Ты должен помнить об этом".

"Отпусти его", — сказал Фарлоф. От него больше проблем, чем пользы".

Вулфрик знал, что он прав, но когда он смотрел, как Родульф уходит, во рту у него был горький привкус.

Этельман позволил себе последнее оправдание. Он останется в Леондорфе, чтобы позаботиться о Белгаре и увидеть, как тот покинет мир людей и начнет свой путь в Зал Джорундира. Это было самое малое, что он мог сделать для своего старшего друга. Затем он посвятит оставшуюся жизнь тому, чтобы ни один молодой жрец не жил с таким бременем, как Этельман. Он будет искать любые оставшиеся знания о Камнях. Он узнает, как их уничтожить. Он позаботится о том, чтобы эти знания стали частью обучения каждого жреца.

Возможно, в мире больше не осталось Камней, но ноющая болезнь в его нутре

подсказывала ему, что он все еще где-то там, ждет, чтобы попасть в руки тех, кто будет использовать его не по назначению. Возможно, это уже произошло. Он не мог оставить надежду, что она погибла в огне. Если в нем осталось достаточно жизни после того, как он научился их уничтожать и передал это знание дальше со строгим наказом никогда больше не забывать о нем, он отыщет свой Камень и выполнит свой долг.

"То, что ты сын мэра, не означает, что я должен кланяться и подлизываться к тебе", — сказал кожевник. Ты должен заплатить за свои новые сапоги, как и все остальные".

Родульф оскалился, увидев это неповиновение, и подумал о том, чтобы ударить кожевника, но на него смотрели люди, и это дошло бы до его отца. Ему было категорически запрещено делать что-либо, способное вызвать расстройство после насмешек над Вульффриком. "Мы так близки", — сказал он. Возможно, он. Родульфу предстояло пройти еще очень долгий путь, прежде чем он сможет назвать себя бароном.

Он должен был быть уверен, что Адалхайд жива и что невежественный дикарь никогда об этом не узнает. Размышляя об этом, он понял, что эта мысль действительно доставляет ему удовольствие. В ней была поэзия. Тем не менее, это мало помогло решить проблему с сапогами.

Я знаю, что ты здесь новенький, — сказал Родульф, — и, возможно, еще не понял, как все устроено. Ты совершишь ошибку, если не подаришь мне эти прекрасные сапоги".

Глаза кожевника пылали негодованием, но Родульф выдержал его взгляд. Он понял, что его рука лежит на странном камне, который он взял у священника. Он даже не помнил, как положил его в карман. Странно, подумал он. Но держать его в руке было так приятно. Сапоги были из лучшей телячьей кожи, по последней южной моде. Он отчаянно хотел их, но скудное пособие, выданное ему отцом, — плохое отражение ценности работы, которую он выполнял, — было потрачено во время его последнего визита на юг. Ему пришло в голову, что отцу, возможно, пора отойти в сторону, чтобы освободить место для свежей крови. Его отец был полон денег. У него не хватало духу запачкать руки, чтобы получить наибольшую выгоду. Не то что Родульф.

Он вернул свое внимание к кожевнику и сапогам. Он хотел, чтобы кожевник уступил ему, так же сильно, как и сапоги. Возможно, даже больше. Огонь покинул глаза кожевника, и он тяжело сглотнул. Его лицо побледнело. Он протянул сапоги.

'Возьми их, — сказал он. Возьми их и уходи.

Вульффрик открыл дверь, держа одну руку на рукояти своего меча. После своей вспышки на площади с Родульфом и попыток рурипатских солдат убить его он понятия не имел, кто может прийти к нему в дверь, друг это или враг. Единственное, что он знал, так это то, что это не Адалхайд. Это была внучка Белгара.

'Дед проснулся. Он спрашивал о тебе'.

Вульффрик собирался позвать Белгара, когда почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы выйти на улицу, но события распорядились иначе. Она так и осталась стоять на пороге его дома, на ее лице была надежда. Вульффрику понадобилось мгновение, чтобы понять ее смысл, но он нервничал, выходя на улицу. Сейчас Леондорф был для него опасным местом.

Позволь мне взять свой плащ, — сказал он.

Он последовал за ней вниз к дому Белгара. В передней комнате собралось несколько человек, и царила торжественная атмосфера. Там был и Этельман. Похоже, Белгару не суждено было долго продержаться.

'Я понимаю, что говорю это уже несколько дней, — сказал Этельман, — но теперь я в этом уверен. Ему осталось недолго'.

Вульффрик кивнул и пошел в комнату Белгара. Вульффрику было больно видеть, как ослаб Белгар. Последние несколько лет сильно измотали его, истощив остатки сил. В какой-то степени он был рад, что его отец погиб в бою. Он был рад, что ему никогда не придется видеть его таким, исхудавшим и исхудавшим, тенью того героя, которым он был раньше.

Белгар заметил Вульффрика. Его некогда яркие глаза были мутными, но он смотрел на Вульффрика с такой силой, на которую Вульффрик и не думал, что старик способен.

Ты жив, мальчик, — прохрипел он.

Это прозвучало так нелепо, что Вульффрику пришлось сдерживаться, чтобы не рассмеяться.

'Да, Первый Воин. С трудом, но жив'.

Белгар улыбнулся. 'Я думал, что опоздаю. Донато и Родульф. Они постараются убить тебя'.

Вульффрик нахмурил брови. 'Что ты имеешь в виду?'

'Донато заключил сделку с посланцем. Они хотят отправить Адалхаид на юг. Я не знаю почему, но это важно для них. Донато сказал, что для этого тебя придется убить, и посол согласился. Они попытаются убить тебя, мальчик'. Белгар наклонился вперед, взял Вульффрика за запястье и притянул его ближе. Ты должен быть готов к тому, что они попытаются это сделать. Не дай этим ублюдкам убить тебя'.

Вульффрик почувствовал, как его кровь закипает. "Не волнуйся, — сказал он. Я буду готов к встрече с ним".

'Хорошо. Это хорошо', — сказал Белгар. Он испустил легкий вздох и рухнул обратно на кровать, его путешествие к воинству Джорундира наконец-то началось.

Вульффрик вышел из дома старика, прошел мимо матери, которая только что пришла попрощаться, и внучки Белгара, не сказав ни слова. Его рука крепко сжимала рукоять сабли. Он направился прямо в Большой зал. Слова Белгара были всем подтверждением, в котором нуждался Вульффрик.

Не проявляя никакого уважения к зданию, он распахнул дверь и вошел внутрь. Донато был там один, он сидел за Большим столом и перебирал бумаги.

'Что ты здесь делаешь?' — спросил он. 'Ты знаешь, что тебе сюда нельзя входить'. Он встал, чтобы подчеркнуть свое возмущение.

'Что случилось с Адалхаид?' сказал Вулфрик.

Донато глубоко вздохнул и принял более примирительную позу. Я понимаю, что ты скорбишь. Все в деревне скорбят. Ее очень любили, и это ужасная потеря". Его взгляд метнулся к мечу Вулфрика, и он сделал шаг назад. 'Теперь, ты не должен быть здесь. Если ты сейчас же не уйдешь, я позову стражу".

Позови их", — сказал Вулфрик. Он прошел вперед и вытащил стул, на котором обычно сидел его отец. Он провел пальцем по темному резному дереву спинки. Белгар мертв.

'Еще одна трагедия, но это было его время', - сказал Донато.

Возможно. Он рассказал мне кое-что перед смертью. Он сказал мне, что ты организовал отправку Адалхаид в Эльцбург. Что ты хотел, чтобы меня убили".

'Бред старика, который бредит. Ты знаешь, что произошло, так же хорошо, как и я".

'Я бы тоже так подумал, если бы кто-то не пытался убить меня несколько дней назад', - сказал Вулфрик.

Все знают, что в лесах сейчас полно разбойников. Тебе просто не повезло".

'Чушь!' сказал Вулфрик, делая шаг ближе. Он положил на стол небольшой металлический предмет.

'Что это?' сказал Донато.

'Это, — сказал Вулфрик, — наконечник арбалетного болта, который Этельман вытащил из моего плеча'.

"Я рад узнать, что ты выздоравливаешь", — сказал Донато, его голос дрогнул.

Ты знаешь что-нибудь об оружии?

Донато покачал головой.

Конечно, не разбираешься. Ты просто гребаный трус". Вулфрик перевел взгляд на Донато, приманивая его, но реакции не последовало. 'Этот совет интересен'.

'Правда?'

'Да. Он сделан из закаленной стали'.

Донато пожал плечами.

Бандиты не используют такие арбалетные болты. Для грабежа простых людей не нужен дорогой наконечник, способный пробить броню".

'Кто?' спросил Донато, его голос звучал так, словно он не хотел знать ответ.

'Солдаты. Солдаты из Эльцбурга".

'Мы все знали, что что-то подобное может случиться после той взбучки, которую ты устроил тем парням в трактире. Они гордые люди. Ты же не думал, что они просто забудут об этом?'

Ты, кажется, очень хотел, чтобы я взял капитана Эндреса на охоту.

Я сделал это из лучших побуждений, — сказал Донато. По тем самым причинам, которые я тебе назвал. Я понятия не имел...

'Заткни свой лживый рот', - сказал Вулфрик.

Я всегда знал, что ты глупец, но даже я не могу поверить, что ты будешь выдвигать обвинения, основанные на бредовых бреднях умирающего старика. Я позову стражу".

"Я всегда поверю его слову больше, чем твоему".

Донато ничего не сказал.

Зачем ты послал Адалхаид на юг?

Посол хотел, чтобы она вернулась на юг. Я не спрашивал почему. Мне было все равно. Южане сохранили нам жизнь, и мы должны сделать все возможное, чтобы они были счастливы. Она уехала по собственному желанию. Когда мы получили известие о твоей смерти, у нее не было причин...

"Хватит", — сказал Вулфрик. Он чувствовал, как кровь пульсирует в висках. Мысль о том, что она решила покончить с собой, а не подвергнуться бесчестью, грозила разорвать его на части. Его кожу покалывало, а руки тряслись от ярости. Ему потребовался весь его самоконтроль, чтобы закончить то, что он хотел сказать. 'Причина не имеет значения. Важно то, что ты отправил ее на юг, и она умерла из-за этого. Важно то, что ты пытался убить меня. Она была мне обещана. Ее душа не успокоится, пока не будет отомщена. Ее кровный долг — мой, и я добьюсь его исполнения'.

'Стража! Стража! крикнул Донато. Он бросился назад, но добежал до стены, и дальше бежать было некуда. Баронство было бесполезно для него, если он был мертв. Ты не понимаешь. Ты делаешь ошибку...

Сабля Вулфрика в мгновение ока прошла сквозь шею Донато. Так быстро, что Донато не успел понять, что это произошло. Его рот продолжал двигаться, но из него не вырвалось ни звука. Он поднес руки к горлу и упал на пол, кровь хлынула между пальцами.

Вулфрик услышал, как позади него открылась дверь.

'Ты там! Стой!

Вулфрик повернулся лицом к солдатам. Неужели они помогли убить его? Он бросился на них. Они оба подняли копья, но были недостаточно быстры. Вулфрик ударил первого по голове, а второго отшвырнул от двери. Мужчина упал обратно на ступеньки. Вулфрик ударил его в грудь, вращая клинок, и ярость хлынула в его жилы.

Вулфрик глубоко вздохнул и огляделся. Он только что убил Донато и двух солдат. Все произошло так быстро, что казалось, будто это сон. Он посмотрел налево и направо, ища Родульфа, но его нигде не было видно. Тревога была поднята, поэтому времени на его поиски не было. Вулфрик знал, что ему нужно добраться до безопасного места, чтобы подумать, осмыслить все, что произошло. Он налетел на человека, проезжавшего через площадь, и стащил его с лошади. Вскочив в седло, он повернул его на юг и дал шпоры.

Посол хотел, чтобы Адалхайд тоже отправилась на юг. Весь план был создан им. Чтобы кровный долг Адалхайд был погашен, он должен был умереть. Затем наступит очередь Родульфа..

Хотя поначалу он был нетерпелив, рассказчик обнаружил, что надеется, что у него будет достаточно времени, чтобы закончить рассказ до встречи. Хотя думать о том, что он ее закончит, было неправдой. У этой истории не было конца. По крайней мере, пока. Ему было интересно, как они воспримут это, когда он зайдет так далеко. Он должен был придумать что-то на ходу, чтобы они остались довольны. Это можно будет изменить позже, когда у него будет все. Если будет потом.

Тем не менее, через окна трактира проникал легкий голубой свет, а он был слишком стар, чтобы пить и болтать до рассвета, не с такой задачей, которая стояла перед ним. Он осушил последнюю кружку и встал.

До этого вечера, — сказал он. Рассвет уже наступил, и я боюсь, что слишком долго не давал вам спать. Пять колоколов, и мы продолжим".

Он стоял и смотрел, как они выходят из трактира, их усталость наконец-то стала заметна. Он задумался о том, чем закончится его рассказ, и подумал, каким он будет. Достойный конец героической жизни или просто еще одна глава в ней?

Об авторе

Подпишитесь на рассылку Дункана и получите бесплатную копию его повести "Повелитель границы". Посетите его сайт, чтобы получить свой экземпляр:

duncanmhamilton.com

Дункан — автор фантастических романов и рассказов, действие которых происходит в мире, находящемся под влиянием Европы эпохи Возрождения. Он имеет степени магистра в области истории и права и до того, как начать писать, работал барристером. Его особенно интересуют эпохи Средневековья и Возрождения, из которых он черпает вдохновение для своих рассказов. Он не живет в каком-то особенно экзотическом месте, а когда не пишет, с удовольствием катается на велосипеде, лыжах и занимается виндсерфингом.

Его дебютный роман "Рваное знамя (Общество меча, том 1)" занял 8-е место в списке 12 величайших фэнтези-книг года по версии BuzzFeed в 2013 году.

Вы можете связаться с Дунканом по следующим адресам:

[DuncanMHamilton](https://www.facebook.com/DuncanMHamilton)

[DuncanMHamilton](https://www.facebook.com/DuncanMHamilton)

duncanmhamilton.com

duncan@duncanmhamilton.com

Also by Duncan M. Hamilton

The Society of the Sword Trilogy

[The Tattered Banner](#)

[The Huntsman's Amulet](#)

[The Telastrian Song](#)

[The First Blade of Ostia](#)

Novellas and Short Stories

[The Swordsman of Tanosa](#)

[The Frontier Lord](#)